

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
И МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2005 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
Сподина В. И. (Ханты-Мансийск)

Земеститель главного редактора –
Косинцева Е. В. (Ханты-Мансийск)

Ответственный секретарь –
Попова С. А. (Ханты-Мансийск)

Айпин Е. Д. (Ханты-Мансийск)
Андреева Л. А. (Ханты-Мансийск)
Бурыкин А. А. (Санкт-Петербург)
Визель Т. Г. (Москва)
Козырева Т. В. (Ханты-Мансийск)
Корчин В. И. (Ханты-Мансийск)
Кошкарева Н. Б. (Новосибирск)
Куриков В. М. (Ханты-Мансийск)
Лобова В. А. (Ханты-Мансийск)
Молданова Т. А. (Ханты-Мансийск)
Надь К. (Венгрия)
Савин А. Э. (Ханты-Мансийск)
Семенов А. Н. (Ханты-Мансийск)
Скрибник Е. К. (Германия)
Соловар В. Н. (Ханты-Мансийск)
Ромбандеева Е. И. (Ханты-Мансийск)
Харамзин Т. Г. (Ханты-Мансийск)

ISSN 2220-4156

© Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры,
2011

© Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок, 2011

© ООО «Доминус», издание, 2011

Редколлегия журнала может не разделять точку
зрения авторов публикаций. Ответственность за
содержание статей несут авторы публикаций

Адрес редакционной коллегии
628011, Ханты-Мансийск, ул. Мира 14 А,
каб. 311.
Тел/факс 8 (3467) 33-54-35
E-mail: ouipir@mail.ru

ВЕСТНИК УГРОВЕДЕНИЯ

Филология
Педагогика и психология
Философия, социология, политология
История, этнография, археология
История науки

**№ 4 (7)
2011**

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Богутская И. Н.</i> Отражение личности пишущего через призму репортажа	5
<i>Водясова Л. П.</i> Формирование языковой цельности текста в современных мордовских языках	9
<i>Косинцева Е. В., Сязи В. Л.</i> Образ Влюбленного в прозе Е. Д. Айпина (на материале книги «Река-в-Январе»)	15
<i>Кудряшова А. А.</i> Способы создания образа семьи в автобиографической прозе М. Е. Салтыкова-Щедрина	28
<i>Лельхова Ф. М.</i> Типы словосочетаний хантыйского языка	34
<i>Семенов А. Н.</i> Концепт «голос» в лирике Дмитрия Мизгулина	39
<i>Семенова В. В.</i> Концепт средств массовой информации в лирике Н. А. Некрасова	46
<i>Соловар В. Н.</i> Возраст в семантическом пространстве образа человека как компонент языковой картины мира хантов (на материале казымского диалекта)	56
<i>Шиянова А. А.</i> К вопросу о морфологической структуре парных слов в шурышкарском диалекте хантыйского языка (на примере наречия, имени числительного, местоимения)	61

ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ

<i>Айварова Н. Г.</i> К вопросу языкового развития детей коренных малочисленных народов Севера	67
<i>Железнова А. К.</i> Исследование развития функций памяти и внимания у детей из социально незащищенных семей	73
<i>Лобова В. А.</i> Особенности аффективной сферы у лиц с факторами риска хронических неинфекционных заболеваний в северном регионе	79
<i>Чистякова О. А.</i> Проблемы организации педагогического образования национальных кадров на Урале в 20-е годы XX века	85

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Козырева Т. В.</i> Особенности русского религиозного мировоззрения	93
<i>Ткачук Н. В.</i> Социальные проблемы коренных малочисленных народов Севера (на примере Советского района ХМАО – Югры)	99
<i>Хакназаров С. Х.</i> Компенсационные выплаты в аспекте социологических исследований: на примере Сургутского района ХМАО – Югры	106
<i>Харамзин Т. Г., Харамзин В. Т.</i> Теоретические аспекты изучения традиционного природопользования обских угров: социологический аспект	113

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

<i>Ершов М. Ф.</i> Образы фронта при колонизации Северной Америки и Сибири	125
<i>Кашилатова Л. В.</i> Этнические особенности локальной группы среднеобских ханты	136
<i>Попова С. А.</i> К семантике лексемы ус 'город' в мансийском языке: этнографический аспект	144
<i>Сподина В. И.</i> Проницаемость миров как отражение процесса космогенеза обско-угорских и самодийских народов	149

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Корчина Т. Я., Кушникова Г. И., Корчина И. В., Сорокун И. В., Козлова Л. А., Кузьменко А. П., Ямбарцев В. А.</i> Роль антиоксидантов в функциональном питании	163
<i>Попова М. А., Вологжанина Н. А.</i> Суточный профиль артериального давления у юношей призывного возраста в ХМАО – Югре	169

РЕЦЕНЗИИ

<i>Бурыкин А. А.</i> Рецензия на книгу Ивановой В. С. «Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XXI века)»	177
<i>Бурыкин А. А.</i> Рецензия на книгу Шараевой Т. И. «Обряды жизненного цикла калмыков (XIX в. – нач. XX в.)»	179
<i>Бурыкин А. А.</i> Рецензия на книгу «Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.»	181

НАШИ АВТОРЫ	185
ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ МАТЕРИАЛОВ	192

Научно-теоретический
и методический журнал

“ВЕСТНИК УГРОВЕДЕНИЯ”
№ 4 (7), 2011

ФИЛОЛОГИЯ

Богутская И. Н.

Колледж русской культуры им. Знаменского, Сургут

Отражение личности пишущего через призму репортажа

Reflexion of the person of the reporting writing through a prism

УДК 373; 81-25

Аннотация. В работе рассматривается образовательный дискурс, отражающий личность пишущего в форме репортажа. Сам репортаж представляет собой разновидность сочинения как обучающегося дискурса, выраженного в письменной форме. Репортаж – сообщение о событиях дня, происходящих в данный момент, где очевидцем является сам автор. Репортаж как жанр посвящается актуальным проблемам и отличается интенсивностью, оперативностью подачи информации, компактностью изложения материала. В школьном образовательном дискурсе раскрывается личность учащегося через его письмо.

Summary. In work the educational discourse reflecting the person writing in the form of the reporting is considered. The reporting represents a composition version as the trained discourse expressed in writing. The reporting – the message on the events of day occurring at present where the eyewitness is the author. The reporting as a genre is devoted to actual problems and differs intensity, efficiency of giving of the information compactness of a statement of a material. In a school educational discourse the person of the pupil through his letter reveals.

Ключевые слова: языковая личность, репортаж, когниция, вектор оценок людей, адресат, адресант, дискурс, компактность изложения, глаголы движения, глаголы состояния.

Keywords: the Language person, the reporting, cognize, a vector of estimations of people, the addressee, the sender, a discourse, compactness of a statement, verbs of motion, condition verbs.

В настоящее время в лингвистике успешно развивается когнитивно-дискурсивная парадигма знаний. Когнитивный процесс осуществляется с помощью языка и реализуется во время построения дискурса. При этом, как отмечают Л. В. Черепанова и Е. В. Король, «когниция представляет собой процесс познания мира, а дискурс и коммуникация – процесс передачи результатов этого познавательного процесса или размышлений о его сути и его содержании другим людям» [1, 9]. Это, конечно, имеет вектор направленности к сфере знаний, мнений, оценок людей, обобщения их опыта, его объективации и отражения в языковых формах. Более того, по мнению Т. А. ван Дейка, внесшего огромный вклад в описание и исследование дискурса, «... дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста [2, 168]. Именно в этой связи имеет смысл говорить о школьном образовательном дискурсе. Репортаж представляет разновидность сочинения как дискурса обучающегося, представленного в письменной форме.

Репортаж вообще является тем жанром, без которого трудно представить документально-художественную публицистику. Его появление относится к началу XX века, что, вероятно, связано с развитием газетного дела. Это «сообщение о событиях дня или происходящем в данный момент событии, публикуемое в периодической печати, передаваемое по радио и телевидению, автором которого является очевидец происходящего или происшедшего» [3, 662–663]. В связи с этим, репортаж как жанр имеет свои особенности. Созданный на злобу дня, посвященный актуальным проблемам современности, он отличается интенсивностью и оперативностью подачи информации, компактностью изложения материала.

Следует отметить, что обучение репортажу также имеет место в школьной практике. Целью данной статьи является раскрытие личности учащегося, пишущего репортаж. В связи с этим представляется корректным рассмотреть несколько сочинений-репортажей как дискурсов обучающихся, задача которых состояла в создании репортажа по картинкам и данно-

му началу: *Воскресенье, Три часа дня. Все ребята из нашего дома собрались на спортивной площадке, сейчас начнется интереснейший матч. Зрители волнуются...*

Далее следуют продолжения, представленные различными авторами:

а) *Вдруг футболист Иванов Коля и сильно ударяет по мячу. Вратарь приготовился отразить атаку. Но что это? Удар был такой, что в сторону ворот полетел и ботинок юного футболиста. Вратарь потянулся за мячом, но увы! Поймал ... башимак!*

Какая игра?! Мяч – в воротах, ботинок – у вратаря, а главный нападающий удивленно почесывает голову. Зрители бурно аплодируют: «Молодец, вратарь!» (Маша).

б) *Играют две команды. Самые сильные. Матч начался. И игроки не заставили долго ждать. Нападающий «Орлов» вырвался. Он разогнался. Удар! О нет, у игрока слетел бутс. Прыжок вратаря. И-и-и ...*

– ГО-О-О-Л!

Вратарь поймал бутс, а не мяч. Игрок «Орлов» чешет голову и смотрит на ногу. Так «Орлы» выиграли 1:0 (Денис).

в) *Вот наступает напряженный момент. Саша бежит с мячом. Делает удар, но вместе с мячом улетел и ботинок. Но мяч он забил, а Коля вместо мяча поймал его ботинок. Все зрители расхохотались (Настя).*

г) *Вот начинается пенальти. Нападающий собирается ударить по мячу. Вратарь в это время готовится поймать мяч.*

Нападающий бьет по мячу, но во время удара у него отлетает ботинок! Вратарь пытается поймать мяч, но нет! Он ловит ботинок! А мяч забил в ворота...

Вот болельщики в восторге от такого неожиданного гола! Вратарь глядит на ботинок и смеется, потому что это неожиданный гол (Максим).

д) *И вдруг в самом начале игры назначается пенальти. Футболист разбегается и бьет по мячу. Но вдруг у него развязался шнурок, и он ударил по мячу. И ботинок тоже полетел в ворота. И вратарь поймал не мяч, а ботинок. А мяч залетел в ворота. Вот такой невнимательный вратарь! (Коля).*

е) *Кто же забьет первым? Вот Козлов взял мяч. Он бежит к воротам, обходит одного, второго, третьего. Овечкин стоит на воротах, и он, по-видимому, настроен серьезно. Козлов пинает мяч, но вместе с мячом у него отлетает и ботинок. Овечкин подпрыгивает, но ловит не мяч, а ботинок. А мяч устремляется прямо в ворота. Зрители все смеются, потому что такие голы встречаются очень редко (Юля).*

Таким образом, представлены материалы нескольких творческих работ учащихся с общим началом и продолжением, созданными участниками дискурса. Каждый индивидуально раскрывает тему сочинения. В основном, исходя из данных графических изображений в учебнике и единого вступления как вспомогательного материала, своеобразной «точки отсчета» для пишущего, это удастся сделать достаточно удачно; живо и интересно донести до сознания адресата информацию о происходящем на футбольном поле, более того, обнаружить тот нонсенс, который имеет место на рисунках. При этом нельзя не согласиться с тем, что данный репортаж, как и любой другой дискурс, – это особый мир пишущего как индивидуума: здесь «свой» грамматика, лексикон, правила словоупотребления и синтаксиса, правила синтаксических замен, этикет. В соответствии с представлением о дискурсе англосаксонских лингвистов, правомерно утверждать, что «дискурс» – это не только «данность текста», но и некая стоящая за этой данностью система» [1, 10]. Более того, по справедливому утверждению Ю. С. Степанова, «само явление дискурса, есть возможность и есть доказательство тезиса «Язык есть дом духа» и, в известной мере, тезиса «Язык есть дом бытия» [4, 28].

Действительно, каждому из пишущих по-своему видится ситуация, на что указывают даже заголовки, используемые в репортаже, т. е. придуманные самими авторами: «Гол забит», «Футбол», «Пенальти», «Матч», «Вот так улов!». Обращаясь к работам, мы понимаем, что одному из адресантов представляется «рядовая» ситуация, имеющая место на стадионе в свободный от занятий воскресный день, другим – волнующий момент из игры двух борющихся за победу команд, третьим – самый напряженный момент забивания пенальти, в

результате чего произошла нелепость. Также по-разному пишущие воспринимают ситуацию поведения нападающего, вратаря и болельщиков, ср.: ... *главный нападающий удивленно почесывает голову. Зрители бурно аплодируют: «Молодец, вратарь!»; Коля вместо мяча поймал его ботинок. Все зрители расхохотались; Вот болельщики в восторге от такого неожиданного гола! Вратарь глядит на ботинок и смеется, потому что это неожиданный гол; И вратарь поймал не мяч, а ботинок. А мяч залетел в ворота. Вот такой невнимательный вратарь!»; Зрители все смеются, потому что такие голы встречаются очень редко.* Здесь, вероятно, имеет место отношения пишущего к данному явлению, его знания о футболе, накопленный опыт в игре, умения быть наблюдателем подобного зрелища.

По нашему мнению, личность пишущего репортаж, вероятно, находит отражение в использовании соответствующей лексики, имеющей выражение в выборе, прежде всего, глаголов, обозначающих движение и состояние героев: *ударяет, полетел, потянулся, аплодируют, не заставили ждать, разогнался, вырвался, слетел, наступает (удар), бежит, улетел, расхохотались, поймал, смеются* и т. д.; наречий: *сильно, бурно, вдруг, прямо, очень редко*; немногочисленных прилагательных: *главный* нападающий, *напряженный* момент, *неожиданный* гол, *невнимательный* вратарь; служебных частей речи и междометий, без которых работы представлялись бы менее интересными и искренними: *но, а, и, вот, же, потому что, увы, и-и-и.*

В репортаже также немаловажную роль играют синтаксис и пунктуация. Так, на данных примерах заметно использование риторического вопроса: *Какая игра?!*; восклицательных по интонации и вопросительных по цели высказывания предложений: *Удар! Вратарь пытается поймать мяч, но нет! Кто же забьет первым?* и др., неполноты предложений: *Мяч – в воротах, ботинок – у вратаря, а главный нападающий удивленно почесывает голову. Он бежит к воротам, обходит одного, второго, третьего*; незаконченности мысли в предложении: *А мяч забили в ворота...*; осложненности предложений вводным словом, однородными членами: *Вратарь глядит на ботинок и смеется...; И вратарь поймал не мяч, а ботинок. Овечкин стоит на воротах, и он, по-видимому, настроен серьезно и др.*

Данные языковые особенности, большинство которых указывают на динамизм событий, способствуют пониманию того, что адресату представлен в большей мере дискурс-репортаж, а не описание пейзажа или интерьера или повествование о том, как автор сочинения провел каникулы. В то же время особенности лексикона и синтаксиса дают возможность глубже понять состояние чувственно-эмоциональной сферы пишущего.

Таким образом, исследование лингвистических и экстралингвистических факторов, имеющих отражение в репортаже учащихся как школьном образовательном дискурсе, в определенной мере позволяет заглянуть в мир личности пишущего, понять ее душевные и духовные качества, что впоследствии немаловажно учитывать в процессе общения с обучающимся.

Литература

1. Черепанова Л. В., Король Е. В. Дискурс как язык, представленный в виде особой социальной данности // Языковое общение и его единицы в лингвистических и лингводидактических исследованиях : межвуз. сб. науч. ст., посвященный 10-летию основания Сургутского государственного университета / отв. ред. В. М. Глушак. Сургут : Изд-во СурГУ, 2003. С. 9–16.
2. Дейк Т. А. ванн. Критический анализ дискурса / пер. с англ. // Перевод и лингвистика текста (Translation and Text Linguistics) : сб. ст. М. : Совместное изд. ВЦП и кафедры рус. яз. Маастрихтского ин-та переводчиков, 1994. С. 164–217.
3. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л. М. Баш, А. В. Боброва и др. Изд. 6-е, стереотип. М. : ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД, ИКТЦ ЛАДА, РИПОЛ КЛАССИК, 2005. С. 662–663.
4. Степанов Ю. С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века : сб. ст. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 7–34.

References

1. Cherepanova L.V., Korol', E. V. Diskurs kak jazyk, predstavlenyj v vide osoboj social'noj dannosti // Jazykovoe obwenie i ego edinicy v lingvisticheskikh i lingvodidakticheskikh issledovanijah: Mezhevuz. sb. nauch. st., posvjawennyj 10-letiju osnovanija Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta / otv. red. V. M. Glushak. Surgut : Izd-vo SurGU, 2003. S. 9–16.
2. Dejk T. A. vann. Kriticheskij analiz diskursa / per. s angl. // Perevod i lingvistika teksta (Translation and Text Linguistics) : sb. st. M. : Sovmestnoe izd. VCP i kafedry rus.jaz. Maastritskogo in-ta perevodchikov, 1994. S. 164–217.
3. Sovremennij slovar' inostrannyh slov: tolkovanie, slovoupotreblenie, slovoobrazovanie, jetimologija / L. M. Bash, A. V. Bobrova i dr. Izd. 6-e, stereotip. M. : CITADEL"-TREJD, IKTC LADA, RIPOL KLASSIK, 2005. S. 662–663.
4. Stepanov Ju. S. Izmenchivij «obraz jazyka» v nauke XX veka // Jazyk i nauka konca HH veka : sb. st. M. : Ros. gos. gumanit. un-t, 1995. S. 7–34.

Водясова Л. П.

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт
им. М. Е. Евсевьева», Саранск

**Формирование языковой цельности текста
в современных мордовских языках¹**

**The formation of the linguistic integrity of the text
in modern mordovian languages**

УДК 811.511.152'367

Аннотация. В статье раскрывается специфика языковой цельности как одного из основных способов реализации связности текста в мордовских языках, выявляются способы, на основании которых происходит его формирование.

Summary. Article disclosed specifics of linguistic integrity as one of the main ways to implement cohesion of the text in the Mordovian languages, identifies ways in which occurs the formation.

Ключевые слова: текст, связность, языковая цельность, способы формирования цельности.

Keywords: text, cohesion, linguistic integrity, ways of shaping integrity.

В настоящее время общепризнанным в российской и зарубежной лингвистике является выход за пределы отдельного предложения и сосредоточение внимания на анализе текстовых единиц и текста как целого речевого произведения. Этот аспект исследования актуален и поддерживается потребностями различных областей современной науки как собственно лингвистики, так и прикладных отраслей языкознания, а также педагогики, литературоведения, логики. И это совершенно справедливо, так как именно текст выполняет особую (по сравнению с другими единицами языка), только ему присущую функцию: обеспечение коммуникации в процессе жизнедеятельности людей.

На сегодняшний день текст имеет свыше трехсот определений, каждое из которых связано с различными аспектами его анализа, целями и задачами изучения. Наряду с этим, учеными признается, что тексту невозможно однозначно предписать структурный статус. Его описание нуждается в системном, вместе с тем инвариантном определении. Поэтому, на наш взгляд, совершенно справедливым является мнение Г. А. Ушакова о том, что «при определении понятия «текст» следует исходить из признаков, присущих всем текстам», так как «несмотря на своеобразие и индивидуальность любого хорошо составленного текста, в его организации есть нечто структурно общее, отражающее некоторые закономерности» [19, 21]. Однако в современной научной литературе, «как ни разнообразна картина лингвистических штудий, посвященных проблеме текста, по одному вопросу наблюдается в ней абсолютное единство: не возникает сомнений в том, что текст не мыслим вне связности» [12, 50], ибо «назначение сообщения состоит в том, чтобы через установление связей между явлениями <...> передать коммуникантам свое знание предмета с той мотивацией, которая нацелена на побуждение собеседника к определенным действиям» [11, 65].

Поскольку основной функцией текста является передача и хранение информации (содержательно-фактуальной или содержательно-концептуальной), связность подразумевается, прежде всего, смысловая. Она проявляется в единстве темы и осуществляется с помощью таких средств, как склонение, лицо, время, наклонение, типы предложений по целеустановке высказывания, синтаксический параллелизм, порядок слов, неполнота (эллипсис) предложе-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ и Правительства Республики Мордовия («Лексические и грамматические средства создания связности текста в мордовских языках»), проект № 11-14-13006а/В.

ний и т. д. Повторяемость ключевых слов, тождество референции, ситуативные связи – все это обеспечивает единство темы. Характер и тип связности не одинаковы в текстах разной коммуникативной заданности (например, текстах-информациях, сводах правил, научных текстах, художественных и публицистических текстах и т. д.). Сложнее и богаче они представлены в текстах художественных произведений, в которых функция сообщения синтезируется с функцией эстетического воздействия на читателя. А это требует от писателя внимательного и вдумчивого отношения к отбору языковых средств, чтобы преобразовать их в образно-эмоциональные и выразить свою прагматическую установку.

Одним из основных способов реализации связности текста является языковая цельность. Она предполагает внутреннюю законченность, смысловое единство текста.

Предлагаемая читателю информация раскрывается в соответствии с авторским замыслом, который определяется ситуацией общения, характером коммуникативной задачи. Этим замыслом обусловлены и отбор фактов, явлений при передаче сообщения, и последовательность их изложения, и приемы оценки, комментирования, обобщения высказанного и т. п.

Формирование цельности текста осуществляется за счет единообразия использованных в нем языковых средств разных уровней и категорий. В мордовских (мокшанском, эрзянском) языках к основным вариантам относятся следующие случаи:

1. Синтаксическое единство. В единицах синтаксиса в наибольшей степени проявляется процесс отражения внеязыкового содержания. И это объяснимо, так как именно «синтаксис непосредственно соотносится с процессом мышления и с процессом коммуникации: единицы других уровней участвуют в формировании мысли и коммуникативном ее выражении только через синтаксис» [9]. Смысл возникает в результате связи конкретных значений, содержащихся, по крайней мере, в двух предложениях, следующих одно за другим в процессе изложения мысли. Они образуют «наименьшую коммуникативную единицу, законченную со стороны содержания и интонации и характеризующую грамматической и смысловой структурой» [13, 30]. Так, в текстах: м. *Чильф и гайф маряви одс строяф школать перьфканга. Тоса учителькс работай монь ялгазе Ковалев Гришкась. Тейнза тяни шабатне марьгихть Григорий Парфенович* [7, 102] «Шум и гам слышится вокруг вновь отстроенной школы. Там учителем работает мой друг Ковалев Гришка. Его теперь дети зовут Григорий Парфенович»; э. *Иваж – покш цера. Телень перть венстявсь кенкшенть сэрсьэ, курохсто карми совсеке кудыкелев, прянь комавтозь. Кезэрень пингева истятнэнь урьвакстнесть. Саильть экиезэстевень теиця, шумбра, паро тейтерь. Ды нейгак оно Поза Микита урьвакстызе веженсь цераanzo кемнилее иесэ* [1, 125] «Иваж (Иван) – большой парень. За зиму вытянулся ростом с дверь, скоро будет заходить в сени, нагнув голову. В прежние годы (букв.: в древние века) таких женили. Брали за них работающих, здоровых, хороших девушек. Да и теперь вон Поза Микита (букв.: Никита Квас) женил младшего сына в четырнадцать лет» – цельность достигается за счет использования простых по структуре предложений. Мысль, облаченная в синтаксически простую, немногословную форму таких конструкций, приобретает сжатость и весомость. В следующем тексте на эрзянском языке – фрагменте из стихотворения А. Арапова: *Вармась арсеам ракасы. / Сы майсема апак тердть. / Мекс а аштеван таркасом? / Мекс а удан мон веньперть? / Мекс тей-тов якан кудованть? / Кие мон ды мезекс мон?* [2, 73] «Ветер мысли [мои] обсмеет. / Приходит незванное страдание. / Почему мне не сидится на месте? / Почему не сплю всю ночь? / Почему взад-вперед хожу по дому? / Кто я и для чего я?» – цельность обеспечивается за счет использования повторяющихся риторических вопросов, которые служат для повышения накала произведения. Благодаря особой экспрессивности, переходящей в восклицания, они выражают различные сильные эмоции – возмущение, негодование, горечь и т. п.

У многих авторов имеются свои синтаксические привязанности. Это не значит, что они не используются другими. Однако эти конструкции, как кажется тому или иному автору, близки ему по внутреннему складу, психологическому настрою, творческим замыслам. Так, например, номинативные предложения употребляются многими писателями, но в произведениях одного из основоположников эрзя-мордовской литературы Петра Кириллова их насчи-

тывается десятки. Встречаются целые единицы текста, полностью состоящие из однотипных номинативных предложений, например, такое: *Сексень ков валдов чокине. Велень улыця. Севонень кардот. Чочкот кардотнень ежова. Келей нусманя кальть кардотнень вельксэ* [10, 19]. «Осенний лунный вечер. Деревенская улица. Глиняные дворы. Бревна близ дворов. Широкие печальные ивы над дворами». Мокшанский писатель Анатолий Тяпаев отдает предпочтение простым, коротким структурам, любит использовать неполные предложения с опущенным подлежащим или односоставные глагольные. В качестве примера приведем небольшой фрагмент из его повести: *Тядязе кулось, а алязень Салазгорьста кучезь роботама Зубунь райисполкому. Путозь финансовой отделонь вятиск. Кой-мъзяра пингта меле етафтозь Торбеевань району. Путозь исполкомонь оцюнякс. А тоста меки Зубовав. Касфтозь. Шять, афкукс тонадсь аф аныцек ярмаконь лувондама, а сядонга оцю тевонь вяторма* [18, 31] «Мама [моя] умерла, а отца из Салазгоря послали работать в Зубовский райисполком. Поставили начальником финансового отдела. Через некоторое время перевели в Торбеевский район. Поставили во главе исполкома. А оттуда снова в Зубово. Повысили. Наверное, на самом деле научился не только деньги считать, но и более крупные дела делать».

2. Категориально-грамматическое единство. Г. А. Золотова указывает: «Смысловое значение предложения <...> предполагает выбор слов соответствующей категориальной семантики, что, в свою очередь, обуславливает и их взаимные роли, и способы их грамматического оформления» [8, 170]. Части речи выступают как структурно-синтаксические компоненты предложения, играющие ту или иную роль в передаче его смыслового значения: м. *Прохор ангорязе пряни, но ашезь абонда. Пувордазе алашанц и седть эзда аф ичкозе панезе мацяти* [18, 27] «Прохор почесал голову, но не растерялся. Повернул лошадь и недалеко от моста погнал [ее] вброд»; э. *Максим ертовсь ведентень. Кедьсэнзэ эрязасто ахолезь ды пильгесэнзэ чавозь, капиазевсь ваицянтень. Ды кенерсь <...>* [5, 69] «Максим бросился в воду. Быстро взмахивая руками и ударяя ногами, заторопился к утопающему. И успел <...>». Оба текста состоят из простых по структуре предложений. Все глагольные сказуемые в них выражены формами прошедшего времени. Ряд глаголов с таким значением всегда передает последовательно совершающиеся действия. Действия относятся к одному субъекту, поэтому входят в отношения однородности между собой. Текст синонимичен простому предложению, осложненному однородными сказуемыми.

3. Лексико-семантическое единство. Лексико-семантическое единство предполагает использование слов, относящихся к одному семантическому полю. Так, например, в тексте на мокшанском языке: *Войнада мелевок Келазьбулонь эряйхне исть лоткафтов Шкайти веромдамда. Синь сембе сяка озонкинести эсь кудосост, кстиндафнезь идьнон, венцяфнесть салава, заборендафнесть, якасть прицетсь, тернесть священникть кулоф ломаньцон калмамсна* [17, 127]. «И после войны жители Келазьбуло не перестали верить в Бога. Они молились у себя дома, крестили детей, венчались тайком, соборовались, ходили к причастию, приглашали священников хоронить умерших» – все глаголы относятся к тематической группе сакрально-богослужебной лексики (часть из них – *Шкайти веромдамда* «верить в Бога», *якасть прицетсь* «ходили к причастию» и *тернесть священникть* «приглашали священников» – в составе словосочетаний). В тексте на эрзянском языке: *Васня Пичай понгсь кувака кудыкелев. Ве енов каявсь, омбоцев – алов валгома кустемась а муеви. Валаня кияксонть ланга чиёмстэ, пильгензэ нолаштсь, ды сон прась. Окойники, эрявиксэсь редявсь. Кува – кундамотнень ланга киякстозь, кува – чиезь, вадовокс каявсь алов. Халатонь кондямо оршамопелень петне мельганзо лыйнесть селмокс. Колмошка этажст истя ливтясь* [16, 6]. «Вначале Пичай попал в длинный коридор. В одну сторону бросился, в другую – лестница, ведущая вниз, никак не находится. Пробегая по гладкому полу, поскользнулся и упал. Наконец, нужное появилось. Где – катясь по перилам, где – бегом, ястребом кинулся вниз. Концы похжей на халат одежды развевались за ним словно крылья. Этажа три так летел» – все глаголы (кроме глагола *редявсь* «появилось, стало заметным») относятся к одному семантическому полю – к глаголам движения.

4. Лексико-грамматическое единство. Анализ лексических и грамматических категорий показывает, что разные разряды слов по-разному реализуются в процессе оформления содержания, так как даже в пределах каждой из основных частей речи можно выделить подклассы слов, не одинаково выражающих ее общее категориальное значение. Кроме того, многие значения единиц языка вообще могут быть раскрыты только благодаря их связи с другими единицами (контекстуально). Все это создает сложную и разнообразную структуру, которая, по мысли И. В. Арнольд, основана «на взаимодействии элементов текста между собой и со структурой целого» [3, 45]. Она выражается в закреплённости за словом определенного значения, которое, расширяясь в контексте, наполняется дополнительным содержанием (ингерентная и адгерентная коннотация); может быть результатом последовательного повторения одного слова, его формы или синонимов (концептуальная коннотация); может выражаться в нелокализованности, разлитости по всему тексту, когда дополнительным эмоционально-экспрессивным значением обладают не конкретные лексические единицы, а весь текст (текстообразующая коннотация). Так, например, Г. И. Батков определил, что эрзянский глагол *сермадомс* в составе словосочетания или предложения может иметь такие значения: *писать, вышивать, изложить, выступить в печати, написать, записать* [4, 60–61]. Наши наблюдения показали, что в тексте его семантика расширяется, у него появляются новые значения – *вступить: Пурнавсь велес пакшань отряд. Ней Маря тозоньгак эзь пеле прянзо сермадстомо* [20, 85]. «Организовался в деревне детский отряд. Теперь Маря (Мария) и туда не побоялась вступить (букв.: записаться); <...> *Комсомолокс арсян сермадстомо* <...> [15, 21]. «<...> В комсомол думаю вступить (букв.: записаться) <...>»; *поставить на довольствие: – Продуктат эзь максне тетъ? – Мон евтынъ. – Ванька! Сермадт ялгантенъ киши* [20, 59]. «– Продукты тебе не выдавали? – Я сказал. – Ванька! Поставь товарища на довольствие (букв.: напиши товарищу хлеба)».

Однако значения, заключенные в тексте, не всегда передаются только вербальными средствами. Для этого существуют и средства невербальные. Это может быть порядок слов, соположение частей, для акцентирования значений – средства выделения (курсив, подчеркивание, разрядка и др.). Пунктуационные знаки, фонетико-графические средства языка также могут оказывать действие на читателя. В рамках более сложных компонентов таких невербализованных значений может оказаться значительно больше. Например, в диалогическом тексте вопросительные и восклицательные знаки могут замещать целые реплики. При помощи знаков препинания также изображаются паузы, заминки в речи, осуществляется резкий интонационный перелом. Тембр, интенсивность, паралингвистическое сопровождение речи очень часто изображается описательно с использованием, например, глаголов звучания: м. *ювадемс*, э. *рангомс* «кричать», м. *пешкодомс*, э. *пижнемс* «орать», м. *пеедемс*, э. *пейдемс* «смеяться», глаголов молчания: м. *каштордомс*, э. *каштмодемс* «молчать», м., э. *тошкамс* «шептать», глаголов движения: м., э. *модемс* «идти», м. *тумс*, э. *туемс* «уйти», м. *ласькомс*, э. *чиемс* «бежать», м. *мърдамс*, э. *велявтомс* «вернуться», «возвратиться» и др. Однако такое словесное изображение мимики, жестов необязательно, так как вопрос, удивление, можно передать знаками препинания (вопросительный и восклицательный знаки, многоточие). Для передачи значений в тексте служат и различные фигуры умолчания, тоже относящиеся к невербализованным средствам. С другой стороны, в тексте может быть осуществлена вербализация «немых» языков (языков жестов, мимики). Этому, в частности, служат разнообразные авторские описания соответствующих жестов и мимики в произведениях прозаических или, в большей степени, ремарки в драматургических произведениях:

Нуянза (*венсти Алешконень пель*). *Эзик стувто, кода эрзятне кишинть печксить?* «Нуянза (протягивает Алешко нож). Не забыл, как эрзяне хлеб режут?

Алешко. *Мезенть лиянтъ, а тень уш а стувтсак. Авам мештензэ ваксс яла киши кувине путыль. Вана сестэ соваськак киши чинесь судозон. Ды те шкас кодак а лиси тосто. (Никсесы керязь кочомонтъ, венстясы Нечайнень.) Васень печтесъ – азоронтень. Омбоцесъ (кери лия печть) – азоравантень. Колмоцесъ, бути мертядо, – эстенъ. А уш вана те – тонеть, лездыцянок ды сыречинь ванстыцянок <...> Бути, нама, се видьс пачкодтяно (Венстясы*

печтень Радайнень) [6, 44]. «Что другое, а уж это не забудешь. Мать к груди все прикладывала корочку хлеба. Вот тогда и проник запах хлеба в [мой] нос. И до сих пор никак не выйдет оттуда. (Нюхает отрезанный ломоть, передает [его] Нечаю.) Первый ломоть – хозяину. Второй (режет другой ломоть) – хозяйке. Третий, если позволите, – [себе] самому. А уж вот этот – тебе, помощнику и старости [нашей] охраннику <...> Если, конечно, до этого доберемся (Протягивает ломоть Радаю)».

Так называемые «немые» языки являются полноценным средством коммуникации в реальной жизни. Однако они широко представлены в вербализованном виде и в тексте – художественном, публицистическом. При восприятии текстового описания жестов необходимо учитывать их значимость в рамках данной языковой общности. Кроме того, читатель и создатель текста могут быть разделены во времени, это также может спровоцировать неадекватность восприятия. Недоразумения могут возникнуть и при чтении текста иностранным читателем, так как «немые» языки разных народов могут существенно различаться. Например, кивок в знак согласия в странах арабского мира воспринимается как проявление невоспитанности, если относится к незнакомому человеку или старшему по возрасту, тот же кивок в знак согласия болгарами воспринимается как отрицательный жест и т. д.

Можно назвать и такой способ передачи значений в тексте, как вторжение в единообразно организованное пространство элементов других текстов, «текстов в тексте». Это могут быть прямые включения – эпиграфы, цитаты, ссылки. Могут быть пересказы-вставки иных сюжетов, обращения к легендам, «чужим» рассказам и др.

Таким образом, языковая цельность, служащая специфическим способом реализации связности текста, позволяет обеспечивать связь между его частями, подготовиться к последующей информации, возвратиться адресата к предыдущему, напомнить ему о сказанном ранее.

Литература

1. Абрамов К. Г. Эрзянь цера: роман. Книга 1. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1971. 330 с. Мордов.-эрзя яз.
2. Арапов А. Вармась арсеам ракасы : стих // Сятко. 2009. № 11. С. 73.
3. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М., 2005. 266 с.
4. Батков Г. И. Контекст как средство расширения значения слова // Материалы 2-ой Всерос. научн. конф. финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия» (филологические науки), 2–5 февраля 2000 г. Саранск, 2000. С. 60–61.
5. Брыжинский М. Круиз : приключениянь-фантастикань повесть // Сятко. 2009. № 2. С. 57–62. Мордов.-эрзя яз.
6. Брыжинский В. Каргонь Кинь ломанть: драматической евтамоса сага. Васенце евтамось. Эрять-аштесть дигат-локсейть // Сятко. 2011. № 5. С. 40–57. Мордов.-эрзя яз.
7. Виард В. Кафта пильгса сохатай : повесть // Мокша. 2010. № 10. С. 76–102. Мордов.-мокша яз.
8. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. 368 с.
9. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. Изд. 3. М., 2009. 352 с.
10. Кириллов П. С. Кочказь произведеният. Саранск, 1958. 232 с. Мордов.-эрзя яз.
11. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. изд. 2-е, стереотип. М., 2007. 176 с.
12. Кожевникова К. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М., 1979. С. 49–67.
13. Леонтьев А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М., 1979. С. 30–37.
14. Пленкин Н. А. Обучение школьников правилам построения текста // Русский язык в школе. 1977. № 4. С. 50–58.
15. Раптанов Т. А. Кочказь произведеният. Саранск, 1948. 272 с. Мордов.-эрзя яз.
16. Тикшайкин А. Пичай: фантастикань повесть // Сятко. 1996. № 12. С. 4–21. Мордов.-эрзя яз.
17. Трemasкин А. Озонды ломань: азкс // Мокша 2010. № 4. С. 127–129. Мордов.-мокша яз.
18. Тяпаев А. Тяштю менельть ала: повесть // Мокша. 2010. № 10. С. 17–37. Мордов.-мокша яз.
19. Ушаков Г. А. Научные основы методики развития связной речи учащихся при изучении морфологии удмуртского языка : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991. 439 с.
20. Чесноков Ф. М. Од эрямонь увт: евтнемат ды пьесат. Саранск, 1974. 331 с. Мордов.-эрзя яз.

References

1. Abramov K. G. Jerzjan' cera: roman. Kniga 1. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1971. 330 s. Mordov.-jerzja jaz.
2. Arapov A. Varmas' arsemam rakasy : stih. // Sjatko. 2009. № 11. S. 73.
3. Arnol'd I. V. Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka. M., 2005. 266 s.
4. Batkov G. I. Kontekst kak sredstvo rasshirenija znachenija slova // Materialy 2-oj Vseros. nauchn. konf. finno-ugrovedov «Finno-ugristika na poroge III tysjacheletija» (filo-logicheskie nauki), 2–5 fevralja 2000 g. Saransk, 2000. S. 60–61.
5. Bryzhinskij M. Kruiz: prikljuchenijan'-fantastikan' povest' // Sjatko. 2009. № 2. S. 57–62. Mordov.-jerzja jaz.
6. Bryzhinskij V. Kargon' Kin' lomant': dramaticheskoy evtamoso saga. Vasence evta-mos'. Jerjast'-ashtest' digat-loksejt' // Sjatko. 2011. № 5. S. 40–57. Mordov.-jerzja jaz.
7. Viard V. Kafta pil'gsa sohataj : povest' // Moksha. 2010. № 10. S. 76–102. Mordov.-moksha jaz.
8. Zolotova G. A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa. M., 1982. 368 s.
9. Zolotova G. A. Ocherk funkcional'nogo sintaksisa russkogo jazyka. Izd. 3. M., 2009. 352 s.
10. Kirillov P. S. Kochkaz' proizvedenijat. Saransk, 1958. 232 s. Mordov.-jerzja jaz.
11. Kolshanskij G. V. Kommunikativnaja funkcija i struktura jazyka. Izd. 2-e, stereo-tip. M., 2007. 176 s.
12. Kozhevnikova K. Ob aspektah svjaznosti v tekste kak celom // Sintaksis teksta. M, 1979. S. 49–67.
13. Leont'ev A. A. Vyskazyvanie kak predmet lingvistiki, psiholingvistiki i teorii kommunikacii // Sintaksis teksta. M., 1979. S. 30–37.
14. Plenkin N. A. Obuchenie shkol'nikov pravilam postroenija teksta // Russkij jazyk v shkole. 1977. № 4. S. 50–58.
15. Raptanov T. A. Kochkaz' proizvedenijat. Saransk, 1948. 272 s. Mordov.-jerzja jaz.
16. Tikshajkin A. Pichaj: fantastikan' povest' // Sjatko. 1996. № 12. S. 4–21. Mordov.-jerzja jaz.
17. Tremaskin A. Ozondy loman': azks // Moksha 2010. № 4. S. 127–129. Mordov.-moksha jaz.
18. Tjapaev A. Tjashtju menel't ala: povest' // Moksha. 2010. № 10. S. 17–37. Mordov.-moksha jaz.
19. Ushakov G. A. Nauchnye osnovy metodiki razvitija svjaznoj rechi uchawihjsja pri izu-chenii morfologii udmurtskogo jazyka : dis. ... d-ra. filol. nauk. M., 1991. 439 s.
20. Chesnokov F. M. Od jerjamon' uvt: evtnemat dy p'esat. Saransk, 1974. 331 s. Mordov.-jerzja jaz.

Косинцева Е. В., Сязи В. Л.

ФГБОУ ВПО «Югорский государственный университет», Ханты-Мансийск

Учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

«Музей природы и человека», Ханты-Мансийск

**Образ Влюбленного в прозе Е. Д. Айпина
(на материале книги «Река-в-Январе»)**

**The image of love in prose E. D. Ajpin
(on a material of the book «River-in-January»)**

УДК 821.51

Аннотация. Лирический образ в хантыйской прозе – явление столь нетипичное, что непременно обращает на себя внимание исследователей. Е. Д. Айпин в книге «Река-в-Январе» обратился к вечной теме любви, создав лирический образ в гендерном его различии, а анализ творчества в целом позволил выявить отличительные особенности художественного воплощения лирического образа через сопоставление Влюбленного и Возлюбленного, Возлюбленной и Влюбленной. Каждый из этих образов представляет интерес, поскольку открывает новый этап развития хантыйской прозы – лирической – в совокупности с авторскими поисками в области жанра (осенняя грусть, осенняя печаль, элегия) и концептуальности осмысления лирических тем в хантыйской литературе. Однако в данной статье речь пойдет только об одном из них – образе Влюбленного.

Summary. The lyrical image in Khanty prose – the phenomenon is so atypical that drew the attention of the last book E. D. Ajpin «River-to-January». The writer, referring to the eternal theme of love, created the image of a gender difference, and the analysis of creativity in general, revealed a distinctive lyrical way of artistic expression through a comparison of a beloved man and a man in love, of a beloved and woman and love. Each of these images is of interest because it opens a new stage of development of Khanty prose – lyrical, in conjunction with the author's search for the genre (autumn melancholy, autumnal sadness, Elegy) and conceptual understanding of the lyrical themes in Khanty literature. However, this article focuses only on one of them – the image of a man in love.

Ключевые слова: Е. Д. Айпин, образ, Влюбленный, хантыйская литература.

Keywords: E. D. Ajpin, image, the Enamoured, khanty literature.

В 2007 году вышла в свет книга Е. Д. Айпина «Река-в-Январе». Главная тема всех произведений, включенных автором в книгу, – любовь. Анн-Виктуар Шарен в предисловии к книге Е. Д. Айпина подчеркивает: «<...> изначальная, но не окончательная реальность сборника рассказов Еремея Айпина – этих интимных поэтических баллад, сонетов в прозе о непостижимой любви мужчины и женщины, о смелых чувствах Его к Ней, Ее к Нему, о счастье сбывшейся мечты, сжимающем горло, и о случившемся горе, испепеляющем душу. Небольшие по форме, но переполненные тайными откровениями и огнем эмоций, рассказы Айпина представляются незванными гостями, беспощадно врываются в чужие, арестованные судьбой души читателей, напоминая им о том, что важное, ценное не свершилось, не получилось, не произошло, возможно, утеряны и окончательный ответ на самый главный вопрос жизни не найден» [1, 5].

При реализации темы любви в последней книге рассказов автор обратился к образу лирического героя, который с гендерной точки зрения можно разграничить на лирический женский образ (Возлюбленная и Влюбленная) и лирический мужской образ (Влюбленный и Возлюбленный). Каждый из этих образов представляет интерес, поскольку открывает новый этап развития хантыйской прозы – лирической, в совокупности с авторскими поисками в области жанра и концептуальности осмысления вечных тем в литературе, в частности, хантыйской. Однако остановимся только на одном из них – образе Влюбленного.

В литературе сложилась традиция воплощения образа Влюбленного в художественном тексте. «Образ Влюбленного – возник еще в период Средневековья. Дама сердца была для рыцаря неземным созданием, воплощением божества. Любовь рыцаря была чувством идеально-возвышенным и утончённым. В рыцарской любви к женщине торжествовал подход с точки зрения самых высоких идеалов, которые к тому времени выработало человечество» [2].

В книге «Река-в-Январе» Айпин не впервые обращается к образу Влюбленного. Встречаем его и в повести «В ожидании первого снега» (1976), и в романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» (1977–1987). В повести образ Влюбленного отразился в Микуле. Его внутреннее переживания, тайная влюбленность в Надю: «Странная девушка. Стоишь рядом с ней, и каждый раз голова идет кругом, словно от одуряющего запаха цветущей черемухи, таёжных цветов и трав, то будто ослепило тебя оранжевым светом утренней зари, то оглушила тебя лесная песня. Хорошо рядом с ней, но и страшно: что делать ему, Микулю, когда её не будет рядом?» [3, 90], раскрыли и внутренний мир героя. Во сне он произносит имя возлюбленной, поднимая завесу над тайной чувств к русской девушке: «В последний раз домой приехал, слышу, во сне бормочет, женское имя все говорит. Раньше не бывало такого... Видать не только черная вода сынка-то приворожила... Видать взяла его сердце какая-то женщина нефтяная или железная... В селении нет девушек с таким именем» [3, 106]. Возлюбленная является герою во сне: «В Степановой избушке она снилась ему то в августовском лесу под соснами, то на мостках, вызывающе красивая, с родинками раствора на веселом лице, то на «седьмом небе» вышки в развевающейся на ветру красной косынке. <...> Тоскливо сжалось сердце – Микуль проснулся и до утра не мог сомкнуть глаз. Она тянула его на буровую. Без этой девушки жизнь казалась пустой и бессмысленной» [3, 102]. Здесь же впервые автор раскрыл и таинство первого свидания влюбленного, его ощущение родства с возлюбленной: «Микуль слушал тишину. Ничто не нарушало ее: даже тихое дыхание девушки – настолько оно было легким. Ему показалось, что он один, ее нет рядом. И все это только сон. Микуль поспешно подвинулся к ней, плечом ощутил кору старого дерева и лишь потом – на расстоянии – тепло ее руки, но чувство отрешенности от всего мира не проходило. Он все-таки один под мудрой сосной, Надя же часть его, она – это он. И ничто в мире больше не существует. И никого, и ничего до них не было. <...> Медленно возвращались звезды. Сосны загадочно шептались меж собой. Было светло и легко, как бывает легко и светло только после первого поцелуя» [3, 90-91]. Е. С. Роговер и С. Н. Нестерова в монографии «Творчество Еремея Айпина», говоря о повести «В ожидании первого снега», отмечают: «Присущ писателю и тонкий лиризм, который проявился в эскизно набросанной истории отношений Микуля и Нади и пунктирно намеченной линии душевной привязанности тёти Веры и Алексея Ивановича. Воспроизводя эти интимные связи своих персонажей, Айпин проявляет большую сдержанность и деликатность, нигде не опускаясь до откровенной эротики» [4, 34].

В романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» образ Влюбленного виден в Демьяне. Эпизод путешествия на лодке с Мариной – яркое и единственное проявление чувств героя в произведении. Не случайно творение чувств в герое рождает сравнение девушки с богиней: «Ни один в сиру еще не сотворил живого человека. Образ живого человека. Ни один. Ни разу. Ни в какие века. Творили только богинь и богов. Разве Она Богиня? Богиня? Моя Богиня?! И я сотворил Её образ. Взятся за творение Её земного образа. Сердце начало творить... <...> Она человек, а не Богиня. Она земная, живет не в небесах. Но все же... может быть, Она выше богини? Она сильнее богини? Неужели Она сильнее и выше?! Может быть, все может быть...» [5, 252]. Юрий Попов и Наталья Цымбалистенко в статье «Сага о народе ханты» говорят: «Существенное место в романе занимает история путешествия Демьяна по реке с «девушкой-доктором» Мариной – может быть, самое яркое воспоминание героя о его прошлом. Рассказ о знакомстве, взаимной симпатии и близости молодых людей подан с предельной степенью чистоты и целомудренности. <...> Любовь, природа, искусство – вещи для Е. Д. Айпина неразрывные, поэтому и линии женского тела ассоциируются у его героя с линией горизонта, следом падающей звезды, «изгибом печального месяца на ущербе», извивом Агана-реки... Зрительный ряд метафоричен, руки Демьяна «могут видеть лучше, чем глаза: в

нем останутся ее линии во всей первозданной чистоте и неповторимости, во всем совершенстве. Он сам поразится памяти сердца и памяти рук. И эти линии останутся в нем до самого последнего мгновения его жизни на земле. Вся 26-я глава посвящена кульминации отношений Демьяна и Марины, в которой автор сумел метафорически описать пароксизм любовного чувства. Опять-таки с точки зрения современной российской раскрепощенности это описание может показаться в чем-то слишком романтическим и патетическим <...> [6, 67].

Образ Влюбленного в прозе Айпина собирательный. Наблюдается и явная трансформация образа, переосмысление его писателем на раннем этапе творчества, и на современном. Так, стоит отметить, что Влюбленный у Айпина в поздних рассказах имеет имя собственное: Джереми в рассказе «Река-в-Январе, или Рио-де-Жанейро» (1997-2000), Иван Андреевич в рассказе «В полете в бездну» (1998). Чаще автор использует несобственные наименования, употребляя вместо имени героя личные местоимения: «Я» в рассказах «Осень в Твоем городе» (1993), «Моя княжна» (1993), «В окопах, или явление Екатерины Великой» (2005), «В мир вечного покоя» (2001), реже – «Он», например, в рассказе «Парижанка» (2006).

Образ Влюбленного в прозе не конкретен, не свойственна ему и портретность. О внешности героя ничего не известно. Нет и отличительных деталей, которые выделяли бы его среди прочих.

Все герои Айпина, в которых отразились типичные черты образа Влюбленного, имеют разные профессии: например, военный в рассказе «В окопах, или явление Екатерины Великой», исследователь в рассказе «В мире вечного покоя», журналист – «Река-в-Январе, или Рио-де-Жанейро». Возможно, избегая конкретики, Айпин подчеркнул, что любовь не имеет границ ни социальных, ни профессиональных, ни возрастных, ни территориальных.

Лирический герой в ранних произведениях более романтичен, образован, эрудирован. Он цитирует пушкинские строки: «...ходила маленькая ножка, вился локон золотой...» [1, 16], выступает знатоком классической музыки: «ты играла мне классику» [1, 131] и живописи.

Образ Влюбленного строится на эмоционально-чувственном восприятии. При отсутствии портрета, писатель детально раскрывает внутренний, эмоциональный мир героя: «И всегда с упоением слушал твой голос, похожий на неповторимую и никем не записанную музыку. <...> То ловил музыку твоего голоса, то смысл слов, то совсем отключался и думал только о нас с тобой. О том, как хорошо, что ты есть. Какое это счастье, что ты есть! И я могу слушать тебя. И я могу приехать к тебе. И могу увидеть тебя. И могу прикоснуться к тебе. И могу поцеловать тебя и задохнуться на мгновение от пьянящего вкуса твоих губ. И могу сгорать в испепеляющем жаре твоего тела. Какое это счастье!...» [1, 133]. Передавая эмоциональное состояние героя, автор использует повторы, в данном случае это шестикратный повтор глагола «могу», присутствует здесь и повторяющееся утверждение, определяющее категорию счастья лирического героя: «...какое счастье, что ты есть». О роли повторов в прозе Айпина О. Рычкова пишет в статье «Уносимые ветром»: «Постоянно встречающиеся в рассказах повторы слов и словосочетаний сродни заклинаниям, призванным заглушить боль утраты, вернуть или хотя бы чуть-чуть задержать ускользающее время. Да, это иллюзия, самообман, и никому не под силу сделать прошлое настоящим, а тем более – будущим. Только, пожалуй, любви – акварельному мазку на холсте вечности. Любви, которая водит слабой человеческой рукой, чтобы «написать эти строки о Тебе, чтобы люди знали, что они жили на земле в Твое Чарующее Время...»

Проходили Осень.

Проходили Зимы.

Проходили Лета.

Прошли годы.

Но годы ничего не стерли во мне, ничего не приглушили. Как ни странно, время оказалось бессильным пред моим чувством к Тебе. <...> У любви свой календарь» [7, 54].

Влюбленный способен тонко чувствовать, переживать: «Так заканчивалась Твоя последняя поездка со мной. И чем ближе подступал конец осени, тем тоскливее становилось мне. Кончались мои земные дни. Ведь я умирал вместе с осенью...» [1, 30]. Времена года имеют тесную связь с чувствами лирического героя в прозе писателя. Так, в рассказе «Река-

в-Январе, или Рио-де-Жанейро» знакомство героев происходит в марте. Весенний месяц, казалось бы удачное время для начала романа. Но автор позднее оговаривается: «Мы прожили еще один день марта. В Южном полушарии все наоборот – это летний месяц» [1, 108]. Судьба «командировочного» романа становится понятной. После лета, обязательно настанет осень, как в природе, так и в душе героя. И от влюбленности останутся лишь воспоминания. В ранних рассказах «Осень в твоём городе», «Моя княжна» отношения между героями начинаются и завершаются осенью, во время засыпания природы. Осень ассоциируется с расставанием, умиротворением и тоской. Так же и чувства героя, умирают от неразделенной либо запретной любви: «И я старался не думать о близкой разлуке. О неминуемой разлуке.

Но время разлуки пришло.

Время разлуки...

...Ты собиралась выйти замуж на исходе осени...» [1, 28].

В рассказе «Осень в Твоем городе» автор противопоставил чувства героя и состояние природы. Особую роль играет здесь и цветопись: «Я был счастлив. И казалось мне, этим ощущением счастья было заполнено все вокруг нас. И падающие снега, и холодные воды. И черное железо мостов, и тусклый гранит набережных, и строгая бронза памятников, и ягельно-зеленоватая медь церквей и храмов, и бурно-песчаные стены домов. И сумрачное небо, и мокрая земля» [1, 12]. Данное противопоставление встречается крайне редко в произведениях писателя. Любовь не спрашивает разрешения войти, автор показал читателю новое ощущение счастья героя через тепло-жар: «На улице пронизывающий ветер с моря бил в наши спины. Падающий снег сразу же превращался в мокрую слякоть под ногами. Прохожие, съехившись, спешили по своим делам. Зябко, сыро. Но мне рядом с Тобой было тепло. Никто еще в этом мире не излучал такое тепло» [1, 14]. Состояние влюбленности, в котором пребывает герой, помогает по-новому ощутить действительность. В рассказе «В мир вечного покоя» наступление зимы, первый снег свидетельствуют о новой стадии отношений между героями. Первый снег дает возможность героям начать новые отношения, написать свою историю любви с чистого листа: «А мне было жарко. И жар, как вода в реке, струясь, уходил в дремлющий под снегом сосняк, в небо, в свежесвыпавший снег. Но от этого ощущения счастья у меня не убывало» [1, 127].

В героях ранних рассказов писателя присутствует явная этническая обусловленность. Естественный герой чувствует изменения природы, соотносит их со своим внутренним миром. Он тяжело переживает изменения, произошедшие по вине цивилизации, чувствует целостное единство природы и человека, поэтому воспринимает природу как живое существо, способное чувствовать боль, плакать, стонать и радоваться. Как и человек, она способна выслушать и дать мудрый совет. Так, в повести «В ожидании первого снега» Микуль слышит стон сосны: «Сначала он слышал только сердитый рокот буровой, затем в рокот влился едва различимый стон убитой сосны. Чем больше Микуль напрягал слух, тем явственнее становился стон. Теперь сюда влился глухой многоголосый плач всех убитых и покалеченных деревьев, старых и молодых. Тут Микуль почувствовал, как сосновые иглы калеными стрелами впились в сердце...» [3, 29].

Герои ранних произведений автора немногословны: «Что-то я много болтаю, – подумал Микуль. – Обидел человека – это плохое начало» [3, 21], «Теперь я только смотрел на Тебя и молчал. Молчал часами, днями, неделями» [1, 29]; неторопливы: «Микуль никогда не делал поспешных выводов, этому учили и дед и отец. Эта одна из главных заповедей настоящего охотника» [3, 31], «Жил Демьян и не просто промышлял зверя и птицу, ловил рыбу, собирал ягоду и кедровый орех, а все это для родственников делал, которые в малых селениях, в поселке, в городе и в других добрых странах живут. Поэтому все, за что он ни брался, он делал не спеша, основательно, с думой о будущем. Он чувствовал, что его жизнь очень нужна другим людям. Без него неполной будет жизнь всех людей, живущих на земле. Поэтому и жить надо по-родственному, понимать надо друг друга» [5, 27].

В раннем творчестве Айпина герои совестливы, как и полагается быть настоящему охотнику-ханты: «Ночью Микуля вдруг озарило: «Может, я плохо захлопнул крышку элеватора, поэтому свечи убежали в отверстие земли – скважину? Уханова считают виноватым

потому, как бурильщик, отвечает за все. И он все торопил, торопил – разве в этом его вина? Что же делать? Если их не вытащить – надо, говорят, начинать новую скважину. Почти две тысячи белок! А может и дороже <...> Может, как раз подбирались к нефти, и тут... Сколько, однако, сил потратили, сколько потной воды ушло! И все, может быть, из-за одного человека – крышку проклятую плохо закрыл! Тогда, выходит, я виноват...» [3, 75].

В ранних произведениях автор сопоставляет природу и чувства Влюбленного: «Только вода в реке вилась черной струей. Вода струилась, серебристо и чисто звенела, словно напевала мне тихую песню о тебе» [1, 127], «Слышал только Твой чудный голос. Вспоминал только Твои слова. Улавливал запах только Твоих волос. Удивительно четко отпечатались на камне мостовых Твои следы. Я находил и всматривался в них необъяснимым внутренним зрением» [1, 16], «Так заканчивалась Твоя последняя поездка со мной. И чем ближе подступал конец осени, тем тоскливее становилось мне. Кончались мои земные дни. Ведь я умирал вместе с осенью...» [1, 30].

В более поздних произведениях автора этническая доминанта не проступает столь ярко. Так, в рассказе «Река-в-Январе, или Рио-де-Жанейро» герой неохотно описывает землю, на которой он родился: «Снега и льды, – сказал я. – Больше ничего. Лето, правда, короткое, но такое же жаркое, как в Рио. А мой дом представить себе очень просто. Надо сесть на пляже лицом к океану. Там у меня такой же белый-белый песок, как и здесь на пляже. Вместо Атлантики – синяя река. А за спиной вместо городских высоток – сосны, зеленый-зеленый бор. И в этих соснах на крутояре, – мой дом» [1, 105]. В этом же рассказе герой обращается к воспоминанию о медвежьей семье, которая наведлась в гости однажды летом. Но именно в этом рассказе не присутствует уже явной связи между героем и природой. Складывается впечатление, что герой Айпина стал «цивилизованным», а точнее «глухим» к изменениям природы. Душа и сердце героя утратили способность тонко чувствовать и воспринимать любовь.

В ранних рассказах автор говорит и о душе героя, подчеркивая его тонкую внутреннюю организацию. Интересно, что душой героя становится его возлюбленная: «Ты стала моим словом. Ты стала моим слухом. Ты была моими глазами. И наконец, Ты стала моей душой. А отрывать от себя душу было невыносимо больно и тоскливо...» [1, 28]. Именно душа соотносится у писателя с теплом, которое испытывает влюбленный: «Ты излучала тепло, и я улавливал это тепло, начиная с колена. И чем выше, тем теплее, тем горячее Ты становилась, постепенно превращаясь в испепеляющий огонь. И я горел в этом сладостном огне...» [1, 14]. Стоит отметить и трансформацию тепла/огня, которая выражает внутреннее состояние героя. В ранних рассказах герой чувствует тепло и свет, исходящее от возлюбленной. Это определяет степень влюбленности героя: «На самом деле мне нравилось ловить свет Твоих очей. Ибо Твои глаза излучали, подобно белой ночи, живительный свет. Ровный и мягкий. Свет, исцеляющий тело и душу. Свет, согревающий меня. Я чувствовал, как тепло плавно охватывало меня...» [1, 24], тепло постепенно усиливается: «Ты излучала тепло, и я улавливал это тепло начиная с колена. И чем выше, тем теплее, тем горячее Ты становилась, постепенно переходя в испепеляющий огонь» [1, 14]. Тепло (жар), которое ощущает герой, соотносимо с категорией счастья: «Странно, почему в наивысший миг счастья я не сгорел?! Почему я не превратился в пепел?!» [1, 15]. Тепло, описываемое героем, охватывает не только его тело, но и душу: «Ты могла спалить жаром своей души и своего тела. <...> Ты без слов мне сказала, что ты вся, каждой частичкой своей принадлежишь мне. И поэтому душа моя горела. Душа моя полыхала. Мне было жарко» [1, 127]. Испепеляющий огонь ассоциируется и с потерей любимой: «Я потерял дар речи. Оцепенел. И долго сидел в этом оцепенении. Все мое нутро охватил огонь. И огонь нещадно сжигал меня» [1, 136]. Трансформация тепла/огня не наблюдается в поздних рассказах. Огонь указывает лишь на плотское влечение героя, без высоких чувств к возлюбленной: «Я всем телом ощутил, как она остро-жгучей огненной струей входит в меня» [1, 118]. Огонь символичен в прозе писателя. Его символика восходит к религиозным верованиям: «Огонь – это символ семейного благополучия и мира; он очищает и защищает, отвращает зло. Будучи красного цвета, он уподобляется человеческой крови; жар огня схож с теплом человеческого тела» [8], «В огне таится божественная сила, которая оживляет и вдохновляет человеческое

сердце и воспламеняет душу» [9]. Еще Гераклит определил – душа по своей сути есть огненная субстанция, всё лучшее в ней связано с огнём, тогда как худшее – пороки, чувственность – с водой («душам смерть – воде рождение») [8]. У Айпина мы видим присутствие огня в моменты влюбленности героя. Тепло, переходящее в испепеляющий огонь, не только обжигает тело героя, но и душу. Огонь в произведениях Айпина символизирует влюбленность, рождение новых чувств, открытость к новой жизни человека во время истинной любви. В рассказах «В мир вечного покоя», «В окопах, или явление Екатерины Великой» после смерти возлюбленной влюбленного съедает, сжигает огонь потери: «Я ничего не чувствовал, кроме огня, сжигающего меня изнутри. Не было ни тела, ни мыслей. Ничего. Только испепеляющий огонь. Огонь съедал меня» [1, 176]. Огонь в поздних произведениях писателя – это крик души героя, сам герой немногословен, он переживает всё происходящее в душе, поэтому автор вводит стихию огня для передачи его внутренних эмоций. Так, стихийно, в герое вспыхивает огонь любви и испепеляюще сжигает огонь потерь.

Для выражения чувств героя автор обращается к цветописи. В ранних рассказах, когда герой влюблен и страдает от неразделенных чувств, автор отдает предпочтение неярким краскам даже в изображении пейзажа. Например, в рассказе «Моя княжна»: «На дне реки и её берегах светились круглые камни – гольши, а через неё вытянулся неширокий мост, покрытый белой известковой пылью» [1, 21], «<...> вершины гор с ельником, и белый ягель, и воду горной речки, и наш дом» [1, 21], «Дорога, уходя вдаль, связывала оба берега с белобокими валунами <...>» [1, 21], «Только горные реки отсвечивали суровым свинцом» [1, 23]. Семантику белого цвета в культуре ханты писатель объяснил в своем романе «Божья Матерь в кровавых снегах»: «<...> В белых одеяниях ходят только боги. Белый цвет – это цвет жизни у остяков. А белого не так мало и не так много вокруг. Белый снег. Это божественный снег. Сам Верховный Отец присылает с Неба белый снег. Стало быть, снег божественный. <...> Белая зима сменяется зеленым летом. Но взамен белому снегу приходит белая ночь. Наступает царство белого солнца. Солнце приносит белый день <...>».

Когда наконец угасает белая ночь и приходит прохлада бесснежного преддизимья, в доме поселяется огонь чувала, освещающий белым светом людей, чтобы они бесследно не растворились в черной осенней мгле. Потом вступает в свои права белоснежная зима. А ее заменяет ласковая весна с серебристо-белым настом, матово-белой коркой льда и талыми водами. И земля начинает принимать пополнение. Оленихи приносят оленят. Изредка – белых.

Рождение белого оленя всегда было радостным событием. Наверное, белые олени тоже от Бога. И обычно их вручали Верховному Отцу или его сыновьям и дочерям. <...> Бывало, белые олени проживали долгую жизнь. А потом, исполнив священный обряд, вручали души белых оленей их Верховному Хозяину, а белошерстные шубы животных водружали на самой верхушке высокой сосны святого места. Если возникала необходимость, то белыми тканями заменяли белошерстные, а из них создавали белые одежды. И они еще долго оберегали от всяких невзгод человека, который ходил в таком одеянии» [10, 145–146].

Оттенки белого, присутствующие в рассказе, свидетельствуют о холодности возлюбленной к герою, о безответности чувств. В пейзажных зарисовках писатель дополнил белый цвет разноцветной палитрой красок: «У природы, как у гениального художника, нет ничего лишнего. В зелень ельников и сосняков вплетались золотистый огонь карликовых березок и нежная светлость оленьего ягеля на склонах гор» [1, 22]. Смена цветовой гаммы в произведениях подчеркивает переход героев в другое эмоциональное состояние. Переход героя в состояние влюбленности прослеживается в ранних рассказах Айпина «Моя княжна», «Осень в Твоем городе». Присутствие белого цвета и его оттенков доказывает одухотворенность героя, влюбленность и трепет души: «Потом я вышел на улицу. И поразился тому, что увидел. Все вокруг было белым-бело. Выпал первый снег. Вчерашний ветер ночью стих. И в ушах стояла звенящая тишина. Казалось, весь мир надолго замер и прислушивался к тишине. Слушали тишину молодые сосны в снегу, дома в снегу, земля в снегу и низкое осеннее небо. Наша шлюпка тоже была в снегу. Берега тоже белые, в снегу. Только вода в реке вилась черной струей. Вода струилась, серебристо и чисто звенела, словно напевала мне тихую песню

о тебе» [1, 127]. Белый цвет – это чистый лист, предназначенный для написания истории любви в рассказах писателя.

Портретное описание возлюбленной автор передал также пастельной цветовой гаммой, возможно, это связано с отсутствием у нее ответных чувств: «<...> Ты откинула голову на высокую спинку кресла, повернула лицо к правому плечу и устало опустила ресницы. На черном фоне кожаного кресла излучали тихий свет твоё белое-белое, как снег, лицо и долгая прядь русских волос» [1, 26]. В поздних рассказах отношение автора к цветописью меняется. Так, в произведении «Река-в-Январе, или Рио-де-Жанейро» писатель использует яркие цвета при описании пейзажа: «Синий океан. Голубое небо. Золотое солнце» [1, 101], дополняя повествование описанием Селесте – главной героини: «Она была во всём светлом. И казалась совсем прозрачной. Сквозь неё как будто просвечивали воды Атлантики, накатывающие на песчаный пляж. И, возможно, посветлело от ее светлых одеяний. Вся она светлая. Светлый короткий костюм в редкую синюю крапинку. Светлые волосы. Белое лицо» [1, 99]. Автор создал образ женщины-иллюзии, герой влюбляется в мечту, именуя её в последующем «тайна». Подтверждает это и первая строка рассказа «В мир вечного покоя»: «Ушла в мир вечно-го покоя моя первая тайна...» [1, 125]. В рассказе «Осень в Твоем городе» автор скрывает не только имя возлюбленной «Твоё божественное имя живет во мне, и я это имя не доверю никому» [1, 17], но и название города, в котором живет героиня: «Помнишь ли, как назывался тот кинотеатр? Я помню. Но мне не хочется, чтобы кто-то узнал Твой город. Он принадлежит только Тебе – и никому больше. И кинотеатр тоже принадлежит только Тебе и мне» [1, 13]. Образ Возлюбленной в рассказах Айпина неземной, воздушный, прозрачный, загадочный: «И увидел ее. Девушку, тонкую, как тростиночка. Она была вся в светлом. И казалась совсем прозрачной» [1, 99]. Герой пытается разгадать тайну возлюбленной: «В Твоих глазах и движениях было много таинственного и непонятного. Порою мне казалось, что я знаю Тебя лучше, чем Ты сама. И мне хотелось рассказать Тебе, кто Ты есть. Но потом приходило ощущение, что я ничего не знаю о Тебе» [1, 22]. Интересно, что образ женщины иллюзорный в произведениях, где влюблен сам герой. В более поздних рассказах мы увидим трансформация женского образа. От образа-загадки он перевоплотится в образ земной женщины.

Часто в произведениях хантыйского прозаика развитие событий связано с цикличностью суток: днем мысли героя чисты, а ближе к вечеру усиливается демоническое начало. Утром герой описывает Селесте: «Сегодня она вся спортивная. Одета в светлые джинсы и в светлую рубашку с короткими рукавами. <...> Она стояла у стены, скрестив руки на груди и, словно собираясь взлететь, легко покачиваясь на пружинящих подошвах белых кроссовок» [1, 114], вечером одежда и настроение меняются, утреннее восхищение сменяется на телесное влечение: «Селесте <...> появилась только к концу приема. Вся вечерняя. С высокой прической. В вечернем темно-красном платье. Узком, облегающем талию и длинном до пят. Этот наряд делал её еще более стройной и строго-неприступной. Правда, боковой разрез тянулся почти до пояса. Но он лишь тогда раскрывался, когда она делала большой шаг» [1, 103]. Красный цвет в рассказе символичен. Издревле красный цвет связывается с агрессивностью и с сексуальными желаниями [11]. Красный цвет в вечернее время вносит в рассказ интимность отношений. Селесте спровоцировала героя ярким цветом платья, продемонстрировав при этом свою независимость и свободу, и в то же время свое стройное тело. В героине можно проследить проявление: ангела и дьявола. Утром она непорочный ангел, а вечером дьяволица-искусительница. Сам автор заметил в возлюбленной черты присущие ангелу и дьяволу: «Прислушиваясь к голосу океана, Селесте в коротком светлом халатике задумчиво застыла у волнореза. Вся она таинственно-ночная. На ней сходились, причудливо переплетаясь, демонически играя, схлестнувшись в непримиримой вечной борьбе, индиго-темная тьма океана и отблески света с прибрежной авеню» [1, 117]. В герое черты демонизма прослеживаются параллельно с героиней, под покровом ночи героя охватывает желание телесной близости с Селесте, не смущает влюбленных безмолвное присутствие статуи белого Христа и скал – Троицы.

Образу возлюбленной часто присуща и магическая сила: «Я думал о Тебе. В Тебе была магическая сила духа. Завораживающая магическая сила в движениях и мыслях» [1, 27], «И в

магии имени Твоего большую роль сыграла Твоя родословная, Твои предки, чем что-либо другое» [1, 26]. Эта магическая сила притягивала Влюбленного, о магии героини, упоминается в двух рассказах писателя «В мир вечного покоя» и «Моя княжна». «Таинственная» и «магическая» – эпитеты, характеризующие влечение героя к возлюбленной. И это прослеживается не только в ранних рассказах писателя, но и в поздних произведениях: «Несомненно, в ней было что-то такое, необъяснимое, мистическое, мифическое, колдовское» [1, 187]. В поздних рассказах будет прослеживаться совершенно другая тенденция в изображении героини: Влюбленная женщина сменит Возлюбленную.²

Автор также использует звукопись в своих рассказах для передачи чувств героя: «Легкий шелест пальмовых листьев... глухие ровные вздохи океана» [1, 101] – свидетельствуют о рождении романа на берегу Атлантического океана в рассказе «Река-в-январе, или Рио-де-Жанейро». Звуки в произведениях Айпина имеют естественное происхождение. Природная мелодия – свидетельство внутреннего состояния героя: «Вода струилась, серебристо и чисто звенела, словно напевала мне песню о тебе» [1, 127]. Создавая мелодику текста, Айпин использует мягкую, спокойную и ненавязчивую звукопись: «У наших ног тихо струилась вода. Где-то в темноте плескались утки. Со стороны дома доносился приглушенный гомон толпы. Мы помолчали» [1, 104]. Присутствуют в произведениях звуки, которые создают и сами герои: «Ты играла мне классику» [1, 131].

Во всех произведениях автора так или иначе присутствует стихия воды: океан в рассказе «Река-в-январе, или Рио-де-Жанейро», река в рассказах «В мир вечного покоя», «Осень в Твоем городе», море «Осень в Твоем городе», горные реки в рассказе «Моя княжна». Особое место в рассказе «Река-в-Январе, или Рио-де-Жанейро» автор отводит океану. Звуки воды сопровождают героев и становятся невольными свидетелями вспыхнувшего романа: «Океан басовито вздыхал. Казалось, он что-то пытался нам сказать. Но мы его не понимали. И он это чувствовал и, сердясь, обиженно рокотал каждым девятым валом» [1, 117]. Рокот океана символизирует предстоящую близость героев, привлекая своим звуком внимание, океан предостерегает героя от легкомысленности желаний и необузданности поступков. После ночного купания Джереми и Селесте звуки океана становятся мягкими и приятными: «Наконец мы оказались на берегу. В своем природном естестве мы лежали на мягком сыпучем песке, а набегаящие волны теплом согревали наши ноги. Как теплым пуховым одеянием накрыла нас низко нависшая небесная тьма южной ночи. А океан все нашептывал и нашептывал какие-то прекрасные и упоительные слова. И пред этой вечностью небесного и океано-земного мы сами ощутили себя вечными и непреходящими» [1, 119]. Обращаясь к символике океана, а точнее воды, видим: в христианской традиции вода фигурирует в обряде крещения, которое символизирует очищение, обновление и освящение, в качестве источника жизни, эти воззрения совпадают с языческой символикой воды. Погружение в воду означает возврат к предначальному состоянию, подразумевающему смерть и уничтожение, но также возрождение и восстановление, поскольку он укрепляет жизненную силу [8]. Купание героя в океане свидетельствует о его желании очиститься от скверны, наполнявшей его жизнь. Свидетелями очищения становятся статуя Христа и скалы – Троица: «Мы повернули направо и двинулись к концу пляжа, к скалам. Там, словно языческие изваяния-боги, в океане, совсем близко к берегу, возвышались три скалы. Самая высокая – в середине. И две чуть поменьше – по бокам. Троица. Мы остановились напротив них. Сначала отыскивали на горе белого Христа» [1, 117]. Пространство океана, замкнутое тремя скалами, образующим таким образом бухту, символизирует купель. Присутствие библейских символов должно было способствовать духовному очищению героя. Но ночное очищение не приносит герою облегчения, душа его не становится лучше. Джереми не становится возвышенным, ему не чуждо плотское влечение к женщине. Поступки героя в рассказе «Река-в-Январе, или Рио-де-Жанейро» остаются столь же легкомысленными и необдуманно, герой руководствуется желаниями: «Селесте спустилась в холл и своей легкой походкой, почти не касаясь пола, направилась ко мне.

²Подробнее об этом см. Косинцева Е.В. Женские образы в хантыйской литературе. – Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010.

Остановилась передо мной. И мы молча посмотрели друг на друга. Мне показалось, что гудящий отель на мгновение притих. Во всяком случае, наш «малый круг» с интересом и любопытством устремил на нас свой взор. Я молча взял Селесте за плечи, притянул к себе, поцеловал и, взяв сумку, вышел из отеля» [1, 121].

Герой Айпина одинок, он находится в поиске. Любовь приходит к нему неожиданно. Герой любит свою подругу до последнего вздоха и питает надежду на встречу, пусть даже и в ином мире: «<...> я тешу себя мыслью, что в Нижнем мире <...> в той жизни я проведу с Тобой еще один день в Твоем осеннем городе и еще раз испытаю короткий миг наивысшего счастья» [1, 18]. Влюбленный способен искренне любить, страдать, он проходит испытания жизни – теряет возлюбленную, поддается пристрастиям к спиртным напиткам, пытается заглушить душевную боль. Влюбленный после расставания с возлюбленной страдает, ждет встречи с любимой: «Стоял, ждал, когда Ты явишься ко мне. Я был уверен, что Ты придешь. Я всё ждал и ждал Тебя» [1, 16], «Я приезжал к тебе как на праздник» [1, 133]. Образ, созданный Айпиным, крайне противоречив.

Стремление любить и быть любимым определяет жизнь героя. На протяжении всей книги «Река-в-Январе» прослеживается смена чувств лирического героя. Он восхищается Возлюбленной, наслаждается тем, что чувствует её тепло: «Я сидел и спиной улавливал тепло Твоего живота и твоих грудей. И в себя вбирал Твое тепло» [1, 14], созерцает нежное создание: «Ты блистала классической красотой» [1, 127], слушает её голос: «Я всегда с упоением слушал твой голос, похожий на неповторимую и никем еще не записанную музыку» [1, 133]. Герой сравнивает возлюбленную с музыкой: «В чертах твоего лица, в цвете волос, в жестах, в манере речи, в походке, в мироощущении много было от очаровательных муз девятнадцатого века, от эпохи Пушкина. <...> Ты была, конечно, лучше. С тобой им, конечно, не сравниться» [1, 127], с птицей: «Когда я снова глянул в её сторону, оправа с черными стеклами уже поднята на лоб, а сама она с высоко поднятой головой, словно птица перед взлетом <...>» [1, 99], с княжной: «На черном фоне кожаного кресла излучали тихий свет твоё белое-белое, как снег, лицо и долгая прядь русых волос. Я, увидев это, не то подумал, не то сказал почти беззвучно: «Моя княжна!...» [1, 26]. Героя привлекает в возлюбленной грациозность: «Магия имени – одно, но моё внимание привлекало и другое. То, с какой грацией Ты держалась на приемах. Как Ты вела беседу. Как входила в зал. Как танцевала. Как садилась за стол и притрагивалась к приборам. Словом, влекло все то, что никаким образованием не получить. Это должно быть в крови. Возможно, в прошлом веке Твои прабабушки с такой же грацией выходили на бал...» [1, 27]. Герой трепетен: «И всё, к чему Ты прикасалась, становилось лучше, прекраснее...» [1, 13], чувства героя чисты и светлы: «<...> я любил тебя больше всех на этом свете. Больше, сильнее, веселее и добрее, чем все остальные, кто встречался на твоём пути» [1, 138].

Лирический герой Айпина любит, а затем, как правило, страдает. И причиной этому становится расставание. Например, в рассказе «Осень в Твоем городе» причиной страдания стала запретная любовь: «Ты собиралась выйти замуж в конце осени» [1, 21], в рассказе «Моя Княжна» несвобода возлюбленной – причина мучений героя: «<...> ты выглядела совсем юной девушкой, но уже была не свободна» [1, 125]; в рассказе «В мир вечного покоя» причина в отсутствии взаимных чувств; в рассказах «Осень в Твоем городе», «Моя княжна» влюбленный страдает от своей робости. Рассказ «Моя княжна» написан в виде личного дневника, фраза «Ты собиралась выйти замуж в конце осени» 6 раз встречается в небольшом по объёму тексте. Герой начинает рассказ главной для него фразой, а затем повествует о событиях связанных со временем, проведенным вместе с возлюбленной. Обращаясь к фразе: «<...> ты собиралась выйти замуж», герой как бы просыпается ото сна – состояния влюбленности, и ставит себя перед фактом – неизбежного расставания. Герой так и не признался возлюбленной в своих чувствах, его влюбленность осталась только на бумаге. В рассказе «Осень в Твоем городе» герой открывает свои чувства возлюбленной только на бумаге: «Но я знаю, что никто не смог и не сможет полюбить Тебя так, как я любил и люблю Тебя» [1, 18].

В страданиях героя виноват и сам влюбленный, поскольку потерял способность любить или не осознает, что к нему пришло настоящее чувство: «И сейчас вдруг озарило меня: ответ упал будто с темной небесной высоты. Просто я любил тебя больше всех на этом свете» [1, 138]. Автор представляет своего героя безалаберным, суетным, поверхностным, не способным серьезно воспринимать любовь, например, в рассказе «Река-в-Январе, или Рио-де-Жанейро». В поздних рассказах Влюбленный у Айпина – натура увлекающаяся, он легко строит отношения с женщинами, но при этом совершенно не думает о совместном будущем: «Шли, дни, месяцы, годы. Но я не особенно торопил время. Размышлял о том, что еще вся жизнь впереди» [1, 125].

В рассказах Айпина Ангелу противостоит Демон. Демон же воплощается в образе Возлюбленного. Он влюбляется в героиню, часто влюбляет ее в себя, например, в рассказах «Река-в-Январе, или Рио-де-Жанейро», «В мир вечного покоя»; соблазняет её, а затем расстаётся. После очередного завоевания, герой легко переживает разрыв, не задумываясь о дальнейших отношениях: «Мы попрощались. И я молча дожидался, когда она положит трубку» [1, 122].

В рассказе «Осень в Твоем городе» мы встречаем размышление, единственное во всей книге, о совместной жизни героев: «Ты теперь от меня далеко-далеко, недостижимо далеко. И я часто думаю, что было бы, если бы все сложилось по-иному и мы бы остались вместе?! Что было бы?! Что?! Как прошли бы мы вместе по жизненной тропе?!» [1, 17]. В этом же рассказе герой не верит в будущность отношений: «Я был невыразимо счастлив. И думал, что буду вечно счастлив рядом с Тобой. Хотя и предчувствовал, что слишком большое и неожиданное счастье не может быть вечным и непоколебимым. Наоборот, оно очень хрупкое и ранимое» [1, 15]. Лелеемая в душе героя мечта-воспоминание теряет реальные временные границы, расширяется и обретает надежду сбыться в другом, совершенно ином мире [11, 42]. Герой рассуждает о встрече с возлюбленной в Нижнем мире, так, например, в рассказе «Осень в Твоем городе»: «Теперь я тешу себя одной мыслью, что в Нижнем мире, как уверяла меня моя языческая бабушка, каждый человек, и я в том числе, проживает еще раз одну жизнь, но только в обратном направлении. И сейчас я живу надеждою, что в той жизни я проведу с Тобой еще один день в Твоем городе и еще раз испытаю короткий миг наивысшего счастья.

Ради этого стоило пройти по этой жизни...» [1, 18]. Аналогично состояние героя в рассказе «В мир вечного покоя»: «И теперь шел в морозном дыму и ждал, ждал с нетерпением своей кончины, своей смерти. И когда бы она ни пришла, какой бы она неожиданной ни была – я приму её с радостью. Так моя земная жизнь уравнилась с потусторонней жизнью. Теперь я живу ожиданием той, другой жизни. И свою кончину восприму с тихим ликованием – ведь там, в мире вечного покоя, ты ждешь меня» [1, 138], и в рассказе «В окопах, или явление Екатерины Великой»: «Смотрю на них, вспоминаю свою фронтовую подругу. Которая из них на неё похожа?! В ком она снова вернулась на нашу землю?! Вернулась ли? Может, на веки в том мире осталась, ждет меня. Ждет меня, неразумного, не сумевшего погибнуть вслед за ней на той проклятой войне» [1, 178].

Герой порой эгоистичен и не считается с желаниями, просьбами возлюбленной. Например, в рассказе «Лебединая песня»: «Дима настолько увлекся охотой, что совершенно позабыл про Марину и едва разыскал её. Больше она с ним не ходила» [1, 144]. Герой не пытается желаний выполнить просьбу возлюбленной взять её на озеро, посмотреть лебедей. Только после слов деда Архипа Дима соглашается взять Марину с собой на озеро.

Но в то же время лирический герой Айпина полностью полагается на возлюбленную: «Тебе виднее, и ты всегда оказывалась права» [1, 129]. Зачастую лирический герой подчиняется воле возлюбленной: «Не надо приезжать, я плохо выгляжу» [1, 135]. Герой часто смиряется с решением возлюбленной: «...меня беспокоила твоя дальнейшая судьба. На это ты мне сказала своим музыкальным голосом:

– Не волнуйся. Я знаю, что делать...» [1, 131].

Удивительно то, что знакомство лирического героя с возлюбленной во всех произведениях происходит вдали от дома, во время поездок, командировок, изначально предопределяя

непродолжительность отношений и неизбежное расставание («Река-в-Январе, или Рио-де-Жанейро», «Моя княжна», «Осень в Твоем городе»). Эта традиция прослеживается и в романе Е. Д. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари». В рассказе «Осень в твоём городе» знакомство героев происходит в городе, название которого не уточняется: «Но мне не хочется, чтобы кто-то узнал Твой город» [1, 13]. В рассказе «Моя княжна» действие происходит в Лапландии, а в рассказе «Река-в-Январе, или Рио-де-Жанейро» романтические отношения рождаются под южным солнцем Бразилии.

Во всех рассказах Е. Д. Айпина отношения между героями длятся разные временные отрезки, от нескольких дней до десятков лет. В рассказе «Осень в твоём городе» встреча героев продолжается всего два дня. В рассказе «В окопах, или Явление Екатерины Великой» от встречи героев до смерти возлюбленной проходит несколько недель, но между героями этого военного рассказа близких отношений так и не завязалось. Герой любил Екатерину Великую, но так и не признался ей в этом, так как она была объектом обожания многих. Герой ждал встречи со своей фронтовой подругой полвека после ее ухода в Мир иной.

Однако герой способен и на длительные отношения, но вновь на расстоянии, например, в рассказе «В мир вечного покоя»: «И тихо радовались каждой встрече, дарованной судьбой. Шли дни, месяцы, годы. Но я не особенно торопил время. Размышляя о том, что еще вся жизнь впереди» [1, 125], в этом же рассказе межличностные отношения героев переходят в невербальное общение – сначала были письма: «И опять начался эпистолярный период нашей жизни. Я писал тебе почти каждый день. Писал днем. Писал вечером. Писал ночами. <...> Я посылал тебе тысячи и тысячи прекрасных слов» [1, 132], затем телефонные звонки: «Я звонил тебе на работу, домой, в науку...» [1, 133].

Во многих рассказах имя возлюбленной отсутствует. Чаше встречается местоимение Ты и производные лично-притяжательные местоимения. В рассказах «Осень в твоём городе», «Моя княжна» автор пишет местоимения с заглавной буквы: «Я ревновал Тебя к Твоему городу» [1, 12], «Я вспоминал Тебя» [1, 29]. Имя у героини появляется в рассказах «Река-в-Январе, или Рио-де-Жанейро» – Селесте, «Парижанка» – Вирджиния, «Лебединая песня» – Марина, «Ночь маэстро» – Энн.

Именно своеобразие, индивидуальность позволяют женщинам любить героев, созданных Айпиным. Интересно то, что женский образ представлен чувственным и нежным. Героиня, как правило, любит лирического героя, испытывает глубокие искренние чувства, но в большинстве рассказов Айпина возлюбленные героя – замужние женщины либо обреченные.

Женский образ в рассказ Айпина также собирательный, героини автора спокойны, уравновешенны. Женщины самостоятельно принимают решения, а герой только соглашается с возлюбленной: «В следующем году пойду в отпуск. В словах ничего особенного, как бы все обыденно. Но музыкальная фраза выразительно предупредила меня, что речь пойдет о чем-то очень важном. Я молча слушал. <...> Я молча встал, подошел к тебе и окунул руки в льющиеся чистым родником твои медно-лиственничные волосы, затем опустил, как в журчащий ручей, свое лицо и нашел губами твою макушку. Молча стоял и впитывал в себя лесной запах твоих волос. Это означало одно:

– Воз-мож-но...

Потом многое я узнавал о малыше по телефону» [1, 134].

Героини Айпина независимы. Герой сам стремится увидеться с возлюбленной: «Я писал тебе почти каждый день. Ты мне отвечала. Конечно, не ежедневно. У тебя забот больше, чем у меня. А в конце зимы не выдержал – приехал к тебе» [1, 128]. Женщины в произведениях автора самостоятельны и самодостаточны, может, поэтому лирический герой Айпина, напротив, мягок и робок. Героини рассказов имеют различные профессии: исследователь – «В мир вечного покоя», обозреватель – «Река-в-январе, или Рио-де-Жанейро», переводчик – «Моя княжна», радистка – «В окопах, или явление Екатерины Великой». Героиня реализует себя более в профессии, нежели в семейной жизни. В рассказах «Река-в-Январе, или Рио-де-Жанейро», «В окопах, или явление Екатерины Великой», «Осень в Твоем городе» героини не замужем. Более того, в рассказе «В окопах, или явление Екатерины Великой» девушка пре-

данно служит родине, времени для личной жизни у неё нет. В рассказе «Река-в-Январе, или Рио-де-Жанейро» Селесте – обозреватель журнала, поглощена работой. Чувства, вспыхнувшие между влюбленными на берегу океана, не пугают героиню. Более того, спустя год у Селесте рождается двойня. Любовь женщины к герою в рассказах Айпина трансформируется в материнскую любовь. Даже после рождения детей герой не думает о совместной жизни с возлюбленной, он оставляет всё как есть: живет на расстоянии от любимой женщины и своего ребенка. Рождением детей завершаются и взаимоотношения героя с возлюбленной в рассказах «В мир вечного покоя» и «Река-в-Январе, или Рио-де-Жанейро».

Мы можем видеть детали портрета возлюбленной: «<...> ниспадающие на плечи черные волосы, чистый лоб и трепетно-чуткие ресницы» [1, 131], «Я увидел твоё чистое и белое, как снег, лицо. Увидел твой строгий и изящный профиль. Увидел твои трепетные ресницы» [1, 29]. Каждый раз, представляя читателю свои рассказы, автор дает ему возможность представить героя самостоятельно.

Жизнь каждой из героинь протекает спокойно и кажется, что написан сценарий для каждой из них. Героиня всегда знает, что делать в любой ситуации: «Тебе виднее, и ты всегда оказывалась права» [1, 129].

В рассказах Е. Д. Айпина прослеживаются переживания лишь Влюбленного, о чувствах возлюбленной не говорится ни слова.

Анализируя образ Влюбленного в контексте творчества Е. Д. Айпина и на примере книги «Река-в-январе», мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, созданный автором лирический образ представлен в каждом рассказе разноплановым, нет портретного описания, упоминаний о семье героя также не встречаем в текстах. Во-вторых, наблюдается трансформация лирического образа в зависимости от творческого периода автора. На раннем этапе творчества писатель создает образ чувственный, искренний, с тонкой душевной организацией. Герой способен любить, страдать от неразделенной любви, он тешит себя надеждой на встречу с возлюбленной лишь в Нижнем мире. В позднем творчестве Влюбленный живет чувствами, не задумываясь зачастую о будущем. Образ Влюбленного в жизни героини не вполне устойчив, любовная связь, произошедшая между героями, – это вспышка чувств, эмоций, переживаний для героя. Влюбленный порой относится к возлюбленной, как к увлечению, спустя время он забывает бурный роман, ожидая нового приключения. Главная традиция, которая объединяет все произведения автора, – Влюбленный ни в одном из рассказов не признается возлюбленной в своих чувствах. В-третьих, автор описывает события, чувства, возникшие вдали от дома, в командировках. Героини рассказов «В мире вечного покоя», «Осень в твоём городе», «Моя княжна» женщины из разных стран, разных социальных слоев. Безусловно, и образ Возлюбленной разный, героини также переживают трепетные чувства к лирическому герою, любят.

Сам автор, размышляя о любви через образ лирического героя, пришел к заключению в одном из рассказов: «В любви нужно доверять женщине. Особенно если это любящая женщина» [1, 129].

В-пятых, в произведениях Айпина наблюдается полярность образов Влюбленного и Возлюбленного. Сам автор, создавая образы, руководствовался определенными принципами, за счет чего и виден четкий контраст в создании образов. Образ Влюбленного присутствует преимущественно в раннем творчестве Е. Д. Айпина. Образ Влюбленного более романтичен. Встреча с женщиной в необычных обстоятельствах накладывает определенный отпечаток на мировосприятие героя. В рассказах автор употребляет лишь местоимение – «Я». На раннем этапе творчества мы видим героя одухотворенного, трепетного, герой восхищается грациозностью и аристократичностью возлюбленной. Образ Влюбленного построен на эмоционально-чувственном восприятии. Влюбленный ощущает тепло, исходящее от возлюбленной, – это тепло любви. Цветопись, звукопись в произведениях Айпина сдержанные, и прежде всего это звуки и запахи, цвета природы; через природу автор передает чувства лирического героя. Здесь же мы видим и яркую этническую обусловленность образа, герой и природа – это одно целое, неотъемлемые части друг друга. Природа становится свидетелем развития отно-

шений между героями. Развитие действий в рассказах, в которых присутствует Влюбленный, происходит на лоне природы, символизируя открытость и искренность чувств.

Время суток также играет определенную роль в произведениях автора: утром помыслы героев чисты, но с наступлением вечера желания меняются. Наблюдается трансформация от ангела к демону как в героине, так и в герое. Эта традиция просматривается как раз в поздних рассказах Айпина: купание Селесте и Джереми в ночном океане, прощание Вирджини и писателя, встреча студентки Ирины и Ивана Андреевича. В ранних рассказах автора встречи героев преимущественно происходят в дневное время, это свидетельство чистоты и искренности чувств.

Отличие образов проявляется и в определении пространства, в котором происходит встреча с женщиной. При создании образа Влюбленного автор пользовался открытым пространством природы: парк, пляж, улицы города, берега реки: «<...> мы с ней со ступенек дома спустились к речке и сели в кресла» [1, 104], «После завтрака мы обычно уезжали в горы» [1, 22], «В твоём же сосновом парке, когда мы прогуливались в очередной мой приезд <...>» [1, 132]. Открытость пространства символизирует влюбленность героя, его чувства не помещаются в замкнутом пространстве. Молчаливость и робость героя автор выразил безграничным пространством природы. В более поздних рассказах, где герой является Возлюбленным, пространство напротив ограничено.

Характерной особенностью Влюбленного можно назвать молчаливость, его скрытность в проявлении чувств. Герой любит тайно, ни в одном из произведений он не признался женщине в своих чувствах, не раскрыл свою душу. Герой робок и трепетен с возлюбленной. Автор выразил чувства героя на бумаге, не прибегнув к откровениям. Может быть, поэтому в поздних рассказах ведущую роль в отношениях берет на себя созданный автором образ женщины.

Литература

1. Айпин Е. Д. Река-в-Январе : сборник рассказов. СПб. : МИРАЛЛ, 2007. 208 с.
2. www.websib.ru/fio/works/083/group3/damy.htm [электронный ресурс].
3. Айпин Е. Д. В ожидании первого снега : повести. М. : Сов. Россия, 1990. 160 с.
4. Роговер Е. С., Нестерова С. Н. Творчество Еремея Айпина. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. 140 с.
5. Айпин Е. Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари. М. : Мол. гвардия, 1990. 334 с.
6. Попов Ю., Цымбалистенко Н. Сага о народе ханты // Хантыйская литература : сборник / сост. В. Огрызко. – М. : Литературная Россия, 2002. С. 58–71.
7. Рычкова Ольга. Уносимые ветром // Мир Севера. М., 2008. № 6. С. 53–54.
8. <http://sigils.ru/symbols/ogon.html> [электронный ресурс].
9. www.symbolsworld.narod.ru/Ogon.html [электронный ресурс].
10. Айпин Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. М. : ПАКРУС, 2002. 304 с.
11. <http://psyfactor.org/color.htm> [электронный ресурс].
12. Кунык Т. Отстоять красоту земли своей // Мир Севера. М., 2008. № 6. С. 42.

References

1. Ajpin E. D. Reka-v-Januare : sbornik rasskazov. SPb. : MIRALL, 2007. 208 s.
2. www.websib.ru/fio/works/083/group3/damy.htm [jelektronnyjresurs].
3. Ajpin E. D. V ozhidaniiipervogosnega : povesti. M. : Sov. Rossija, 1990.160 s.
4. Rogover E. S., Nesterova S. N. TvorchestvoEremejaAjpina. Hanty-Mansijsk: Poligrafist, 2007. 140 s.
5. Ajpin E. D. Hanty, iliZvezdaUtrennejZari. M. : Mol. gvardija, 1990. 334 s.
6. Popov Ju., Cymbalistenko N. Saga o narodehanty // Hantyskajaliteratura: Sbornik / sost. V. Ogryzko. M.: LiteraturnajaRossija, 2002. S. 58–71.
7. Rychkova Ol'ga. Unosimyevetrom // Mir Severa. M., 2008. № 6. S. 53– 54.
8. <http://sigils.ru/symbols/ogon.html> [jelektronnyjresurs].
9. www.symbolsworld.narod.ru/Ogon.html [jelektronnyjresurs].
10. Ajpin E.D. Bozh'ja Mater' v krovavyhsnegah. M. : PAKRUS, 2002. 304 s.
11. <http://psyfactor.org/color.htm> [jelektronnyjresurs].
12. Kynyk T. Otstojat' krasotuzemlisvoej // Mir Severa. M., 2008. № 6. S. 42.

Кудряшова А. А.

ГОУ ВПО МГПУ, Москва

Способы создания образа семьи в автобиографической прозе

М. Е. Салтыкова-Щедрина

The family image and the ways of its creating in autobiographical prose

by Saltykov-Shchedrin

УДК 82-3

Аннотация. Статья раскрывает особенность художественного метода автобиографической прозы М. Е. Салтыкова-Щедрина. Приемы создания семейно-родовой традиции в четкой композиции системы образов, универсальные образы Дома, Природы, мотив Богообщения включаются в социальный контекст эпохи. Традиционная для жанра автобиографической прозы поэтизация устойчивых сюжетных элементов травестируется, сатирически обыгрывается и реализуется в рамках реалистического гротеска. Описание становится доминантой художественного метода автора-повествователя.

Summary. The article focuses on the artistic features of Saltykov-Shchedrin autobiographical prose. A family is seen within social framework. The traditional lyrical pathos of the genre is invented by means of satire, travesty and the realistic grotesque.

Ключевые слова: автобиографическая проза, образ семьи, система образов, сюжетообразующий мотив, портрет, пейзаж, сатира, гротеск.

Keywords: autobiographical prose, image of family, system of images, plotcreating motive, portrait, view, satire, grotesque.

В теории жанра автобиографической прозы «Пошехонская старина» (1887 г.) занимает особое место. Идеальное начало в древнегреческих и римских автобиографиях, по мнению М. Бахтина, определяло нормативно-педагогический характер. Изображение семьи в «Пошехонской старине» (1887 г.) реализует не традиционную для автобиографической прозы бережно хранимую память предков, рода, истории (например, Л. Н. Толстой, С. Т. Аксаков, Н. С. Лесков, А. И. Герцен). Особенность художественного метода Салтыкова-Щедрина заключается в эмоциональной стороне художественного произведения, его «воодушевления» (В. Белинский), или пафоса (Г. Н. Пospelов). По мнению теоретика, «...недостаточно *настроить (курсив автора)* читателя на тот или иной лад. Необходимо *направить* его чувства. Это достигается путем возбуждения или сочувствия, или, обратно, ненависти и презрения к совершающемуся» [1, 73].

Принято считать, что уже «Губернские очерки» (1856 г.) стилистически предвосхищают «Пошехонскую старину», когда Щедрин видит высокую миссию писателя-сатирика в том, чтобы «проводить в царство теней все отживающее», быть «будителем общественного сознания» [2].

Осмеивание пороков в теории жанра автобиографической прозы встречается в «сатирико-ироническом изображении», «пародировании публично-героических форм» (М. Бахтин). У Салтыкова-Щедрина такая точка зрения определяет создание художественного образа семьи, становится идейно-содержательным моментом творчества, в котором художественные приемы и принципы сатиры будут развиваться в русле реалистического гротеска [3]. Особенность гротеска (от фр. grotesque, ит. grottesco – причудливый от grotto – грот) [4] в «Пошехонской старине» будет отличаться от гоголевской традиции в «Истории одного города». Автобиографический материал определит яркость приемов гротеска в демонстративном нарушении принципов построения семейных отношений, являясь той аномалией, которая противоречит естественным семейно-родовым отношениям: «Вообще говоря, несмотря на многочисленность родни, представление о *действительно* родственных отношениях было совершенно чуждо (курсив наш – А. К.) моему детству» [5, 203].

Что рождает такую художественную реальность в создании образа семьи? Мотив не оправдавшегося расчета как сюжетообразующий инициирует гротесковое разворачивание художественного образа семейства Затрапезных. Своеобразным лирическим зачином становится история взаимоотношений родителей, когда сорокалетний дворянин берет в жены пятнадцатилетнюю купеческую дочь «в чаянии получить за нею богатое приданное». Расчет не оправдался «по купеческому обыкновению, его обманули» [5, 37]. Бытовой конфликт внутрисемейной распри четко выявляет ценностные приоритеты и организует композицию системы образов.

Возвышенное и прозаическое, ученость отца и практическая хватка матери в оценке автора-повествователя десакрализуется, выявляя приоритет матери в семейно-родовой иерархии и формируя детско-родительские отношения: безотчетный страх перед матерью и полное безучастие к отцу, «который не только кому-нибудь из нас, но даже себе никакой защиты дать не мог» [5, 55].

Обличительная сатира автора-повествователя создает образ матери через ключевые качества ее натуры: «демон стяжания», «упорное скопидомство» и «алчность будущего». Одним из стилистических приемов в пародировании образа матери является стилизация ее речи. Ее фраза, которая «раздавалась во всех углах с утра до вечера, оживляла все сердца, давала тон и содержание всему обиходу» [5, 50], звучит своеобразным символом веры в устах Анны Павловны: «Ты думаешь, как состояния-то наживаются?» Такой прием можно рассматривать как «создание типичных и ярких фигур и характерных для них речевых костюмов», который формирует принципы обличительно сатирического языка, свою систему эзоповских средств выражения [6, 478]. С другой стороны, по мнению современного теоретика, такая языковая манера может рассматриваться в рамках особой формы сказа, когда «не собственно прямая речь» есть попытка обострить ситуацию, «диалогизировать» ее еще резче. Но не внешне, а изнутри текста, на уровне внутренней формы. «Не собственно прямая речь — это речь *между автором и героем*: автором как скрытым субъектом и героем как субъектом-объектом речи. На этой резкой диалектике рождается извечный художественный эффект «взаимодействия», столкновения сил, дающих некое целое» [7, 81].

Следующим стилистическим приемом в характеристике системы образов становится портрет. Своеобразие портрета как формы искусства заключается в «особых стилистических свойствах интерпретации изобразительными средствами человеческой личности. Самосознание себя как личности, как неповторимой индивидуальности, вот основа мировоззрения, которая создает портретный стиль в искусстве» [8, 170]. Сатира и гротеск определяют специфику портретов Салтыкова-Щедрина, которые сближаются с карикатурой [9, 338]. Наиболее ярко ироническое утрирование получает описание образа деда Павла Борисовича: «Голова у него большая; лицо широкое, обрюзглое, испещренное красными пятнами; нижняя губа отвисла, борода обрита, под подбородком висит другой подбородок, большой, морщинистый, вроде мешка. Одет он неизменно в один и тот же <...> халат, который скорее можно назвать капотом» [5, 197]. Гоголевская аллюзия в характерной детали становится определяющей в оценке изображаемого объекта автором (то есть внука к деду): «благодаря этому капоту, его издали можно скорее принять за бабу, нежели за мужчину» [5, 197]. Образ деда выполняет особую функцию в системе образов, являясь центром композиции и драматизируя сюжетную коллизию: «Предполагаемый дедушкин капитал составлял центр тяжести, к которому тяготело все потомство, не исключая и нас, внуков» [5, 207]. По характеристике внука воспоминания о дедушке были «однообразные и малосодержательные, как и сама его жизнь» [5, 227]. Дедушкино долголетие объясняется «исправным физическим питанием и умственной и нравственной невозмутимостью». Максимальная экспрессивность выражена в оценке внуком-повествователем автобиографического факта приобретения дедом потомственного дворянства за значительное пожертвование в пользу армии в 1812 году. Поступок мотивируется исключительно ситуацией привилегий и нетерпимого отношения деда к собственному купеческому происхождению.

Необходимо отметить яркий контраст аксаковского (дед на пороге дома встречает восход солнца, дед в поле и т. д.) и щедринского пафоса отношения к образам дедов, которые в

структуре семейно-родовой традиции организуют семантическую оппозицию почет-расчет. По мнению многих специалистов, при определенной близости художественного метода Гоголя и Аксакова, у последнего отсутствует гоголевский «гумор» и сатирический метод типизации в художественном видении мира. Аксаков не обличает, не смеется над слабостями своих героев, не преувеличивает, не заостряет.

Традиционные для автобиографической прозы родительские портреты, особенно портреты мать-сын с особым лирическим наполнением, которые так ярко воплощаются у С. Т. Аксакова, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, отсутствуют у Салтыкова-Щедрина. Такая художественная особенность стиля может рассматриваться как фигура умолчания, эллипсис – немотивированный пропуск логических звеньев [10, 98]. Данный прием становится яркой иллюстрацией и символически раскрывает идейный уровень повествования. Если рассматривать аномалию как определяющую черту реалистического гротеска, то отсутствие материнского начала в изображении матери подтверждает такое положение. Образ «читающей» матери представлен исключительно ролью хозяйки поместья: мать, пересчитывающая кассу, убеждаясь, «что вся сумма налицо» [5, 74]; мать, считающая, во сколько ей обойдется образование сына: «Высчитавши, что платежи эти составят <...> круглую сумму в пять тысяч четыреста рублей, она гневно щелкнула счетами и даже с негодованием отодвинула их от себя. Держи карман! – крикнула она: – и без того семь балбесов на шее сидят, каждый год за них слишком четыре тысячи рубликов вынь да положи, а тут еще осьмой явится!» [5, 91]. Стилизация речи, семантически нагруженные жесты, звукообразы усиливают психологическую характеристику матери, «ее душевное состояние» (Д. Николаев).

Художественное пространство продолжает четкое разделение системы образов отца и матери через семантические оппозиции земное/Божественное, возвышенное/прозаическое, однако ценностное наполнение отсутствует. Так мать с заботами о доме и хозяйстве, отец в особом замкнутом пространстве «заперся в кабинете и возится с просвирами». Обратим внимание на коннотацию автора: «Он совершает проскомидию, как настоящий иерей...» [5, 70]. Однако снижение семантики ярко заостряется уже следующим предложением: «Но это не мешает ему от времени до времени просматривать в окна» [5, 70]. Цель пристального нарочитого слежения: «не прошел ли кто по двору и чего-нибудь не пронес ли» [5, 70].

Мотив Богообщения в создании образа семьи травестируется и продолжает мотив расчета, формального отношения к Богу и вере: «Колени пригибались, лбы стукались об пол, но сердца оставались немые» [5, 65]. Автор не скрывает своего обличительного отношения, представляя отцовскую веру, не как глубинное переживание, радость любовного единения с Богом, преодоления одиночества, путь от нестроения к гармонии, а статичное, неизменяемое сухое знание, не делающее никого счастливым. Особую семантику несут глаголы *ratio* в сокровенном переживании: «слывет набожным человеком, заправляет всеми церковными службами, *знает*, когда нужно класть земные поклоны и *умиляться сердцем* (курсив наш – А. К.)» [5, 71]. Желание матери уехать «в Хотьков, богу молиться!» [5, 77] также травестируется и пародируется.

В композиции системы образов мотив разделения продолжается в детях: их делят на любимых и балбесов с постылыми. Такое отношение, по свидетельству автора, «не остановилось на рубеже детства, но прошло впоследствии, через всю жизнь и отразилось в очень существенных несправедливостях» [5, 53]. Биографический факт раздела имений семейства Салтыковых в 1859 г. особым образом выявил отношение автора к брату Дмитрию и матери, первый становится символом и прототипом Иудушки, вторая Арины Головлевых.

Особым нервом в повествовании становятся собственные взаимоотношения с матерью, которые также продолжают гротескное разворачивание повествования. Их взаимоотношения свидетельствуют об отсутствии каких бы то ни было отношений: «я прожил детство как-то незаметно, и не любил попадаться на глаза, так что когда матушка случайно встречала меня, то и она словно недоумевала, каким образом я очутился у ней на дороге» [5, 88]. Именно поэтому ласковое слово чужих так впечатляет и «живо действует»: и повитухи Ульяны Ивановны, и подкармливание дворовых девушек, и похвала учителя о. Василия «Башка». Необ-

ходимо отметить, что в традиции жанра автобиографической прозы при ее документальности всегда остается место вымыслу в рамках поставленной художественной задачи (например, «Детство» Л. Н. Толстого).

Особой коннотацией становится единственное упоминание о равнодушии как нарушении семейной традиции, когда маленький герой демонстрирует успехи в учебе: «За обедом матушка давала мне лакомые куски, отец погладил по голове» [5, 90], тетеньки-сестрицы одарили такими подарками, которые преподносились только в именины. Детские впечатления этого дня также несут семантику исключительности: «Весь этот день я был радостен и горд. Не сидел по обыкновению, притаившись в углу, а бегал по комнатам и громко выкрикивал: «мря, нря, цря, чря!» [5, 90] Снижение семантики выражается эпитетом, который эмоционально окрашивает оценку автора-повествователя: «Матушка видела мою ретивость и радовалась. В голове ее зрела *коварная* (курсив наш – А. К) мысль, что <...> *я один* (курсив автора) из всех детей почти ничего не буду стоить подготовкою, даже сделала ее нежною» [5, 94].

Рассмотрим особенности пейзажа в создании художественного образа семьи. В теории изобразительных искусств пейзаж «является изобразительным истолкованием природы». Присутствие Бога открывается в пейзажах, исполненных величия, красоты и мира, барочный пейзаж, полный смятения и драматизма, менее всего отражает идею «мира миру» [11]. Природа «Пошехонской старины» представляет собой следующий пейзаж: «Равнина, покрытая хвойным лесом и болотами, – таков был общий вид нашего захолустья. <...> Леса *горели, гнили* на корню, <...> болота *заражали* окрестность миазмами, дороги *не просыхали*, <...> (курсив наш А. К.) *речонки брели среди топких болот* <...>, а по местам и совсем пропадая под густой пеленой водяной заросли» [5, 41].

Особое значение приобретает семантическое единство рода и приРОДы. Фамилия За-трапезные связана с будничным, домашним, повседневным, такое же значение, еще более гиперболизированное, реализуется и в описании топоса: «местность, в которой я родился и в которой протекло мое детство, даже в захолустной пошехонской стороне, считалось захолустьем» [5, 39].

Говоря о живописной манере Салтыкова-Щедрина, необходимо отметить особую скупость цвета «серое захолустье», доминантой становится не форма, а содержательный идейный замысел художника. Такая стилистическая манера сближает автора с передвижниками. Однако пародирование, травестирование, сатира в бытовой детализации говорит о близости полотнам Федотова. Наиболее яркая иллюстрация представлена бытовой зарисовкой одного дня (глава так и называется «День в помещицкой усадьбе»), где детализированное описание пространства одного дня позволяет автору достигать эпической широты повествования. Например, развернутый диалог хозяйки и повара, в которой сатира и гротеск обыгрываются и драматургически, и драматически: на совет повара подать на обед телятину – «уж запашок пошел», Анна Павловна «облизывает указательный палец и показывает повару шиш. – Натко!» [5, 68]. Особую роль выполняет художественная деталь в описании внешнего вида барыни и повара, которая снижает драматизацию конфликта и выводит его на уровень будничной повседневности: «в дверях показывается заспанная фигура барыни, нечесаной, немытой, в засаленной блузе» [5, 67]. Ожидающий ее старик-повар «в рваной куртке и засаленном переднике» [5, 67]. Кольцевая композиция на уровне звукообраза выполняет такую же функцию: для начала дня хватает двух-трех пощечин, в конце слышится «треск» [5, 82]. Образ грозной хозяйки поместья Малиновец также гротескно обыгрывается в заострении статики и динамики: до ее прихода атмосфера в девичьей сонная и вялая, «медленно двигаются коклюшки», ведутся праздные разговоры. Появление матери кардинально меняет атмосферу: «девичий гомон мгновенно стихает; головы наклоняются <...>, иглы проворно мелькают, коклюшки стучат» [5, 67].

Мотив затрапезности через свое накопление выходит на эпическую широту и становится коннотацией повседневности, типичности вместе с описанием умывания барыни «прокислым» мылом, разговором о беглом солдате, отправкой «кобыл» и «подлянок» на малину.

В жанре автобиографической прозы, особенно в создании образа семьи, окружающая среда, природа местности, образ Дома становятся устойчивыми сюжетными элементами (сравним

ценностное наполнение у С. Аксакова или Л. Толстого). Мотив родового гнезда в художественном методе Салтыкова-Щедрина депозитизируется и отличается заостренным антиэстетизмом [12, 40]. Пространство усадьбы, «в которой я родился и почти безвыездно (курсив наш – А. К.) прожил до десятилетнего возраста» четко очерчено: впереди «крохотный полисадник», сбоку «небольшой пруд, который служил скотским водоемом и поражал своей неопрятностью и вонью» [5, 42], сзади «незатейливый огород». Мотив тесноты получает ключевое значение через повтор глагола «*ютились*», который особым образом характеризует образ Дома. Внешнее описание является аллюзией гроба: «одного типа: одноэтажные, продолговатые на манер длинных комодов. <...> В шести-семи комнатах такого четырехугольника <...> *ютилась* (курсив наш – А. К.) дворянская семья...» [5, 41]. Далее автор замечает «в нашем доме достаточно было комнат, больших светлых и с обильным содержанием воздуха, но это были комнаты парадные, дети же постоянно *теснились* (курсив наш – А. К.)...» [5, 49]. Изменение пространства повествования – переезд героев в Москву – не меняет мотива.

Необходимо отметить, что сюжетообразующий характер мотива тесноты, сближаясь с автобиографическим методом С. Т. Аксакова, получает совсем иное развитие. Мотив инициирует развертывание сюжета «Семейной хроники»: «Тесно стало моему дедушке жить в Симбирской губернии...», с дальнейшим повествованием о переселении деда из Симбирского родового гнезда в Уфимскую губернию, со всеми трудностями освоения новой земли и обустройства нового хозяйства.

Теснота в оценке автора «Пошехонской старины» имеет иную коннотацию, камерное пространство семьи, выходя на уровень эпической типизации, возводится в степень жизненной реальности: «большинство не умело устроиться», а также становится констатацией места детей в семейно-родовой традиции: «Ни елки, ни праздничных подарков, ничего такого, что предназначалось бы специально для детей, не полагалось. Дети в нашем семействе были не в авантаже» [5, 467].

Создание образа семьи включается в художественную картину мира, где ключевым становится крепостное право, которое для Салтыкова-Щедрина приобретает степень абсолюта в персонификации зла. Социальный фон становится в повествовании определяющим фактором в оценке окружающей действительности. Он более важен, чем природа и первичное пространство семьи. Начало первой главы задает время повествования: «детство и молодые годы мои были свидетелями самого разгара крепостного права» [5, 38]. Для жанра автобиографической прозы характерно особая внимательность к времени, которое может определяться как церковный или природный календарь (С. Т. Аксаков), дневниковая фактографичность (Л. Н. Толстой). Общественно-историческое может быть представлено временем царствования, либо реформами, десятилетиями (А. И. Герцен). Салтыков-Щедрин изначально выбирает призму, определяющую все повествование – «разгар крепостного права». Образ семьи становится минимизированной социальной реальностью, где дети отождествляются с крепостными подневольными и бесправными. Подобную точку зрения и ее объяснение дает А. И. Герцен в «Былое и думы». Оценка взрослого автора-повествователя утверждает художественное воплощение как реальность, в которой жил и формировался будущий художник: «Что описываемое мною похоже на ад – об этом я не спорю, но в то же время утверждаю, что этот ад не вымыслен мной. Это «пошехонская старина» – и ничего больше» [5, 53].

Таким образом, традиционный в теории жанра автобиографической прозы пафос лиризма, эмоциональной возвышенности, поэтизации образа Семьи как первичного пространства в формировании личности ребенка у Салтыкова-Щедрина отсутствует.

По мнению современного теоретика литературы, интенсивные проблемы прозаической формы связаны с «остротой сюжета, т. е. повествовательным началом, и вообще с напряжением композиции, именно интенсивно сочетающей в себе начала повествования и описания (изображения)» [7, 78]. Описание как стилистическая доминанта в художественном методе Салтыкова-Щедрина «приобретает самостоятельную роль, создавая требуемое автору «настроение», то есть, вызывая в читателях те чувства, какие необходимы автору для правильного восприятия его произведения» [1, 74]. Целостность внутренней формы складывается из

описания, в котором гротеск в своем накоплении от количественного к качественному, гиперболизации и заострении до абсурда создает художественное пространство мартиролога.

Литература

1. Томашевский Б. В. Поэтика. М. : СС, 1996. 73 с.
2. Подробнее об этом см. К. И. Тюнькин, М. Е. Салтыков-Щедрин в жизни и творчестве. М., Русское слово, 2001. 96 с.
3. Николаев Д. Сатира Щедрина и реалистический гротеск. М. : Художественная литература, 1977. С. 75–76
4. Гротеск вид условной фантастической образности, демонстративно нарушающий принципы правдоподобия <...> Начиная с 18 в. гротеск строится в основном на нарушении принятой системы воспроизведения действительности <...> когда в фантастических формах внешности и поведения персонажей буквально воплощаются качества, вызывающие ироническое отношение». Подробнее об этом см. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 188.
5. Здесь и далее цит.: по Н. Щедрин (М. Е. Салтыков) Полное Собр. соч. Т. XVII. – Ленинград, издательство «Художественная литература», 1934. Первая цифра – порядковый номер, вторая – указание страницы.
6. Ефимов А. И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., Изд-во Московского Университета, 1953.
7. Гусев Вл. Искусство прозы. Статьи о главном. М., 1999
8. Тарабукин Н. М. Портрет, как проблема стиля. Искусство портрета : сб. статей под. ред. Габричевского. М., 1928. С. 159–192
9. Карикатура (ит. *carikatura* – перегрузка) – категория комического, преувеличенно-насмешливое изображение чего-либо: внешних свойств, черт характера, манеры говорить; ироническое утрирование. Подробнее об этом см. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.
10. Подробнее об этом см.: Минералов Ю. И. Теория художественной словесности. М., 1997.
11. Подробнее об этом см. Тарабукин Н. М. Смысл иконы. Философия Иконы. Философия пейзажа. М., 2001(nesusvet.narod.ru)
12. Подробнее об этом см.: Павлова И. Б. Тема семьи и рода у Салтыкова-Щедрина в литературном контексте эпохи. М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 1999.

References

1. Tomashevskij B. V. Pojetika. M. : SS, 1996. 73 s.
2. Podrobnее ob jetom sm. K. I. Tjun'kin, M. E. Saltykov-Shedrin v zhizni i tvorchestve. – M., Russkoe slovo, 2001. 96 s.
3. Nikolaev D. Satira Wedrina i realisticheskij grotesk. M. : Hudozhestvennaja literatura, 1977. S. 75–76
4. Grotesk vid uslovnoj fantasticheskoy obraznosti, demonstrativno narushajuwij principy pravdopodobija <...> Nachinaja s 18 v. grotesk stroitsja v osnovnom na narushenii prinjatoj sistemy vosproizvedenija dejstvitel'nosti <...> kogda v fantasticheskikh formah vneshnosti i povedenija personazhej bukval'no voplowajutsja kachestva, vyzyvajuwie ironicheskoe otnoshenie». Podrobnее ob jetom sm. Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij. M., 2001. S. 188.
5. Zdes' i dalee cit.: po N. Shedrin (M. E. Saltykov) Polnoe Sobr. soch. T. XVII. Leningrad, izdatel'stvo «Hudozhestvennaja literatura», 1934. Pervaja cifra – porjadkovyj nomer, vtoraja – ukazanie stranicy.
6. Efimov A. I. Jazyk satiry Saltykova-Wedrina. M., Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 1953.
7. Gusev Vl. Iskusstvo prozy. Stat'i o glavnom. M., 1999
8. Tarabukin N. M. Portret, kak problema stilja. Iskusstvo portreta.
9. Sb-k statej pod.red. Gabrichevskogo. M., 1928. S. 159–192
10. Karikatura (it. *sarikatura* – peregruzka) – kategorija komicheskogo, preuvelichenno-nasmeshlivoe izobrazhenie chego-libo: vneshnih svojstv, chert haraktera, manery govorit'; ironicheskoe utirovanie. Podrobnее ob jetom sm. Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij. – M., 2001.
11. Podrobnее ob jetom sm.: Mineralov Ju. I. Teorija hudozhestvennoj slovesnosti. M., 1997.
12. Podrobnее ob jetom sm. Tarabukin N. M. Smysl ikony. Filosofija Ikony. Filosofija pejzazha. M., 2001 (nesusvet.narod.ru)
13. Podrobnее ob jetom sm.: Pavlova I. B. Tema sem'i i roda u Saltykova-Wedrina v literaturnom kontekste jepohi. M., IMLI RAN, «Nasledie», 1999.

Лельхова Ф. М.

*БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
Ханты-Мансийск*

Типы словосочетаний хантыйского языка

Types of word combinations of Khanty language

УДК 81'367.4 (=511.142); 81'37 (=511.142)

Аннотация. В данной статье рассматривается классификация словосочетаний хантыйского языка по составу, лексико-семантической самостоятельности компонентов. По структуре выделяем простые и сложные словосочетания. По степени спаянности компонентов различаем членимые (синтаксически свободные) и нечленимые (синтаксически несвободные) словосочетания. Языковой материал представлен на шурышкарском диалекте хантыйского языка.

Summary. The article deals with the classification of the word combinations of Khanty language by composition, lexical-semantic autonomy of the components. According to the structure we distinguish simple and complex word combinations. By the degree of components' cohesion we distinguish divided (syntactically free) and not divided (syntactically not free) word combinations.

Ключевые слова: Типы словосочетаний, простые, сложные, лексико-семантическая самостоятельность компонентов, свободные, несвободные.

Keywords: Types of the word combinations, simple, complex, lexical-semantic autonomy of the components, free, not free.

Рассматривая словосочетания хантыйского языка, мы опираемся на теоретическое учение В. В. Виноградова о словосочетании. Основу его учения составляют следующие положения: словосочетание образуют знаменательные слова, находящиеся между собой в подчинительной связи и выражающие определенные синтаксические отношения; как и слово, словосочетание служит средством номинации, но лишено интонации сообщения и модально-временного плана; в систему коммуникативных средств языка словосочетание входит только в составе предложения [1, 266]. Обоснованное В. В. Виноградовым понимание словосочетания получило развитие в работах его учеников и многочисленных последователей. В определении Н. Ю. Шведовой речь идет о словосочетании как единице языка: «Словосочетание – это существующая в языке независимо от предложения некоммуникативная синтаксическая единица, образующаяся соединением двух или более знаменательных слов на основе подчинительной связи и служащая для расчлененного обозначения сложного явления действительности» [2; 3].

Словосочетание образуется по модели сочетаемости распространяемого (главного) слова. Словосочетание необходимо отличать от сходных с ним образований: фразеологических единиц, предикативных сочетаний, служащих грамматической основой двусоставного предложения, рядов однородных членов предложения, а также сочетаний знаменательного слова со служебным. Данные сочетания не являются словосочетаниями, например: *Кўр нўл тайэм щикем потса* 'Кончики пальцев ноги сильно замерзли'; *Йош тайдам потсайэт* 'Кончики пальцев замерзли'; *сам манты хөрпи* 'сильно испугаться (букв.: сердцу уйти)'; *йох мандэт* 'народ уезжает'; *сыстамал ийнк* 'чистый березовый сок'; *сам йинк сурн* 'со слезами'.

Словосочетания классифицируются по нескольким параметрам: по составу, грамматически господствующему слову и лексико-семантической самостоятельности компонентов. В данной статье мы рассмотрим типы словосочетаний по степени спаянности компонентов, по структуре (составу).

Классификация словосочетаний по степени спаянности компонентов

Степень самостоятельности лексического значения компонентов словосочетания, их слияния, а также сочетательные возможности могут быть различными в разных словосочетаниях. По степени спаянности компонентов мы выделяем: 1) свободные (членимые); 2) несвободные (цельные, нечленимые, неделимые, неразложимые).

Свободные (членимые) словосочетания. Каждое слово в составе свободного словосочетания является структурно и семантически достаточным для функционирования в роли самостоятельного члена предложения. Слова сохраняют свои самостоятельные лексические значения, свободно сочетаются друг с другом в потоке речи. Синтаксические связи между компонентами являются живыми и продуктивными: *меләк хәтәл* ‘теплый день’; *каврам шай* ‘горячий чай’; *холпа йәһты* ‘съездить проверить сети’; *хүд сахат луттыя* ‘купить за рыбу’; *шеңк пәдә* ‘очень высоко’; *хәтәл сыс рупәтты* ‘в течение дня работать’; *рома удтыя* ‘спокойно вести себя’ и др.

Свободные словосочетания могут быть, как правило, лексически неограниченными, то есть могут принимать любое лексическое наполнение словами соответствующей категории: *сора мәнты* ‘ехать быстро’; *унта мәнты* ‘ехать в лес’; *вош мәнтсәл* ‘селение проехали’; *ухәдән мәнты* ‘ехать на нарте’; *рупатайа мәнты* ‘идти на работу’; *духсәл пидән мәнәс* ‘уехал с другом’; *йәдәп хот* ‘новый дом’; *пәд хотәт* ‘высокие дома’; *павәрт хота* ‘в бревенчатый дом’; *йәдәп доңц* ‘только выпавший снег’; *нөви доңцән ләп туса* ‘белым снегом занесло’; *доңц хөца кәл* ‘на снегу виден’ и др. Словосочетания данного типа называются синтаксически свободными.

Несвободными (нечленимыми) словосочетания называются, если семантическая недостаточность стержневого компонента восполняется зависимой частью: *лүй оләң* ‘палец’; *кәт хулуйә* ‘две елочки’; *шовар эви* ‘зайчиха’; *хот пеләк* ‘половина чума’; *сөд тәхты* ‘щепотка соли’; *күй тәл* ‘горсть ладони’; *хот тәл* ‘полон дом’; *щи арат вер* ‘столько дел’; *ар йәтпи хот* ‘многоэтажный дом’; *нөх питты* ‘одержать победу’; *пәдты әнт мосәл* ‘не надо бояться’; *и йүйиән* ‘один за другим’; *пиц тайты* ‘иметь возможность=смочь’; *дапәт төманәң хот* ‘дом на семи замках’; *Лүңән сосыйә шәншәл па кәт пелкәл вүркам* ‘Летом у горностаея спина и бока (букв.: две стороны=ее) рыжеватые’; *Йәтән унты һәшман пүт арат ши велдән* ‘До вечера ловив удочкой, с котел добудешь’.

Нечленимые словосочетания выполняют синтаксическую роль одного члена предложения. Главное слово не имеет достаточной для члена предложения семантической полноты, лексически ослаблено. Основная роль главного компонента – структурная: в зависимости от того, в какой форме стоит главный компонент, определяется, каким членом предложения является данное словосочетание в целом. Основное лексическое значение выражает зависимое слово. Не все ученые признают такие соединения слов словосочетаниями. Различаются синтаксически несвободные и фразеологически несвободные (фразеологически связанные) словосочетания.

Классификация несвободных словосочетаний

Синтаксически несвободные словосочетания

Синтаксически несвободными называются такие словосочетания, которые всегда, в любом контексте, являются одним членом предложения. Мы выделяем следующие группы словосочетаний:

1) *с количественным значением (количественно-именные)*: *И пүй әнт ләсәм* ‘Ни одного куска не съел’; *Худәм пөрмас пәтән усәт* ‘Три вещи с собой взяли’; *Кәт-худәм сухәм шушмәсәм* ‘Два-три шага прошел’; *И кәт һаврәм тайләңән* ‘Один-два ребенка есть у них’; *Вет үләм кирләм* ‘Запрягу пять оленей=моих’; *Иләм кила саккар тәва* ‘Привези килограмм сахара’; *Кәтләм ветра төләх әкәтсәв* ‘Ведро два грибов набрали’; *Йәңкем кар пөшәх лутсәм* ‘Десяток яиц купила’; *Кимет пицмайәм хәншләм* ‘Второе письмо пишу’; *ар пеләк йох* ‘большинство мужчин’; *шимәл үдә* ‘мало оленей’; *ар сөх* ‘много вещей’; *йәңкем эви* ‘около десяти

девушек'; *курәшка тәл мисс йиңк* 'кружка молока полная'; *метра арат шайшкан* 'метр ткани'; *хул тащ* 'ельник'; *мисс тащ* 'стадо коров'; *лов тащ* 'стадо лошадей'; *вой пак* 'стая птиц'; *һащам пай* 'навозная куча'; *төрән пай* 'копна сена';

2) со значением *совместности*: *Дын эви сакһән мәнһән* 'Он с дочерью уехал'; *Йай сакһән-һи сакһән куртәдән улдәһән* 'Брат с сестрой в деревне живут'; *Йайһәләл сакһән мәнәс* 'С братьями ушел'; *Ай икиләңки щәщәл ими пилән улдәһән* 'Мальчик с бабушкой живет'; *Аһтәл пәһәл пилән йәһәтмәл* 'Мать с сыном приехали'; *Мин ләһән аһцәм пилән һаһман йәһләмән* 'Летом мы с младшим братом ходим удить';

3) составные формы сказуемых с фазовыми, модальными, оценочными и эмотивными вспомогательными компонентами: *Мәнһи верәм ул* 'Мне необходимо уехать'; *Йәһһи щирәм аһтәм* 'Нет возможности мне съездить'; *Пәһәртһи кашәм аһтәм* 'Не желаю говорить'.

Синтаксически несвободные словосочетания, как и свободные, построены по определенной структурной схеме, имеют такое же грамматическое значение, их компоненты связаны посредством подчинительной связи. Однако, в отличие от свободных словосочетаний, они характеризуются лексической связанностью и нечленимостью при функционировании в составе конкретного предложения. Например: *Лаңки пәләт ики йуһән уйәтсәлдү* 'Встретил по дороге мужчину ростом с белку'. В составе словосочетания *лаңкипәләти* главное слово *ики*, будучи семантически значимым, не обладает достаточной для члена предложения семантической полнотой без зависимого компонента *лаңки пәләт*. Словосочетание *лаңки пәләт* несвободно, выполняет единую определительную функцию, является нечленимым в составе этой конструкции (нельзя сказать: *пәләти*). Особенностью несвободных словосочетаний является то, что главное слово в них выполняет роль структурного компонента члена предложения, а зависимое слово несет основную смысловую нагрузку. Например: *Ләһәтһи тәһйә лыпәт* 'Вокруг множество цветов'. В этом примере словосочетание является несвободным, нечленимым, выступает в роли одного члена предложения, хотя в другом контексте является свободным словосочетанием. Ср.: *Ләһәтһи тәһйә аһә лыпәт* 'Вокруг множество красивых цветов'. Следовательно, синтаксическая несвободность словосочетаний позиционно обусловлена, зависима от функционирования их в составе конкретных предложений.

Фразеологически несвободные словосочетания

Среди несвободных словосочетаний выделяются такие, которые хотя и построены на основе живых синтаксических связей, однако по значению приближаются к слову. Такие словосочетания называются фразеологически связанными. Во фразеологически несвободных словосочетаниях сохраняются лексическая несамостоятельность, связанность и нечленимость компонентов при любом контексте: *сәма питһи* 'родиться'; *пәһәх пәһи* 'родить (о животных) (букв.: положить детеныша)'; *пәһәс пәһи* 'запомнить'; *пәһәсән тәһи* 'помнить'; *сәмәл мәнәс* 'испугался'; *сәмәл щи пәһәләл* 'сердце вот разорвется от страха (букв.: лопнет)' и др. Однако назвать их словосочетаниями в строгом смысле слова нельзя. Это фразеологические обороты, которые не создаются всякий раз в процессе речи, а воспроизводятся как готовые языковые единицы. Они имеют общую со словосочетаниями структурную схему, но не имеют общего с ними грамматического значения. Как и несвободные словосочетания, фразеологические обороты выполняют в предложении функцию одного члена предложения; тип члена предложения определяется по генетически стержневому слову, например: *пәһәс тәһи* 'думать, предполагать (букв.: мысль иметь)'; *пәһәх пәһи* 'кланяться, поклоняться (букв.: голову класть)' – составное именное сказуемое. Они являются предметом изучения фразеологии, а не синтаксиса. В синтаксисе они могут изучаться лишь как компоненты структуры простого предложения.

Семантически несвободные словосочетания

Главное слово семантически опустошено и без зависимого слова не исчерпывает смысла. Цельность таких словосочетаний определяется только в контексте. Те же самые слова в

других контекстах могут образовывать свободные словосочетания, например: *даварт сўрта хойты* ‘в тяжелые обстоятельства попасть’; *ат кўтәп* ‘полночь’; *дўң кўтәп хәтәл* ‘день середины лета’; *кел олаң* ‘конец веревки’; *кайши ропәхән* ‘из-за болезни’; *дўң пөра* ‘летняя пора’; *рөсәң өхшамәң нә* ‘женщина в платке с кистями’; *вөсты сәмпн эви* ‘девочка с голубыми глазами’ и т. д.

Классификация словосочетаний по количеству компонентов и их организации

В основе деления лежит два признака: 1) разновидность и количество подчинительных связей; 2) количество главных слов.

Простым называется словосочетание, состоящее, как правило, из двух знаменательных слов (главного и зависимого), между которыми устанавливается один вид синтаксической связи: *каврәм пўт* ‘горячий котел’; *аниши йўх* ‘куст шиповника’; *йәртәң хәтәл* ‘дождливый день’; *йўх сайа лойсәм* ‘встал за дерево’; *сора киты* ‘стремительно мчатся’; *такан хөрәтмәл* ‘громко лаял’; *ўтды мәнты* ‘пойти от берега к суше’. Простое словосочетание может быть и недвусловным, если распространение главного слова производится путем цельного синтаксического или фразеологического сочетания, а также посредством аналитической грамматической формы: *вой лови кар* ‘скелет зверя’; *хус тәдә йўвәм һаврәм* ‘парень, которому исполнилось двадцать лет’; (ср. *хус тәдпн пөх*) ‘юноша восемнадцати лет (ср. восемнадцатилетний юноша)’; *нөви ұптә һэви* ‘девочка со светлыми волосами (ср. светловолосая девочка)’; *аниши венши бпәм* ‘сестра=моя с цветом лица, похожим на шиповник’. Такие словосочетания семантически являются простыми, а в синтаксическом отношении примыкают к сложным.

Простые многокомпонентные – это словосочетания, построенные на основе одного способа связи, независимо от количества знаменательных слов или слов в составе одного компонента:

1) один из компонентов представляет собой сочинительное сочетание: *йәм лаңки амл лўк педа вўрәл әнтәм, лаңки велты пөрайән* ‘Собака, хорошо охотящаяся на белку (букв.: хорошая беличья собака), не обращает внимания на глухаря, во время охоты на белку’;

2) один или оба компонента выражены неделимым словосочетанием: *ай вой уңх* ‘нора мышки’; *ан тәл понты* ‘чашку полную положить’; *нә һаврәм йәрнас* ‘платье девочки’; *нийәдйәң кем тәдә йўвәм ики* ‘старик лет восьмидесяти’; *уна йўвәм ими* ‘пожилая (букв.: старшей ставшая) женщина’; *мөдт атәм йәсәң* ‘что-нибудь обидное’ *йастәты ўтицийәс* ‘хотел сказать’;

3) один из компонентов является аналитической формой слова: *мет каркам пөх* ‘самый ловкий мальчик’; *мөр тўмпн ром* ‘слишком скромный’; *хәдзәт ат щўтицийәл* ‘завтра пусть отдыхает’; *хөр ванттыә омәссәт* ‘сели смотреть фотографии’.

Сложные словосочетания состоят из трех и более компонентов, между которыми два и более двух видов синтаксических отношений. Сложное словосочетание образуется путем распространения простого: *вўрты йәрнас* ‘красное платье’ – *хәнишийән йөнтәм вўрты йәрнас* ‘узорами расшитое красное платье’; *куртән тыләщ ұлты* ‘прожить месяц в деревне’ – *тыләщ ұлты* ‘прожить месяц’; *куртән ұлты* ‘прожить в деревне’; *дўң хәтләт Асән* ‘летние дни на Оби’; *сора хотәл элты ким этәс* ‘быстро вышел из дома’.

Выводы. В зависимости от признака, который положен в основу классификации, выделяются различные типы словосочетаний. По степени спаянности компонентов: 1) словосочетания синтаксически свободные (членимые), то есть такие, которые легко разлагаются на составляющие их части: *пайды лот* ‘ровное место’; *йушәң шйшкан* ‘материал в полоску’; *ов пўншты* ‘открыть дверь’; 2) словосочетания синтаксически несвободные (нечленимые), то есть такие, которые образуют неразложимое синтаксическое единство (в предложении выступают в роли единого члена предложения): *худәм ху* ‘трое мужчин’; *хор дөв* ‘конь (букв.: бык, конь)’; *кәтләм кила* ‘килограмма два’; *ар вой* ‘много зверей’. По структуре мы рассматриваем в хантыйском языке *простые* (*сўс вот* ‘осенний ветер’, *хәниши эвәтты* ‘узор вырезать’); *простые многокомпонентные* (*пнты сәмпн эви* ‘черноглазая девушка’, *пирәщ киньца*

пирэц ‘очень старый’) и *сложные* (*йўх элты верэм йăдэп хур* ‘из дерева сделанное новое корыто’) словосочетания.

Литература

1. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц : учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. Ч. 2: Морфология. Синтаксис / В. В. Бабайцева, Н. А. Николина, Л. Д. Чеснокова и др.; под ред. Е. И. Дибровой. М. : Издательский центр «Академия», 2001. 704 с.
2. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М. : Просвещение, 1966. 156 с.

References

1. Sovremennyy russkiy jazyk: Teorija. Analiz jazykovykh edinic : ucheb. dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij: V 2 ch. Ch. 2: Morfologija. Sintaksis / V. V. Babajceva, N. A. Nikolina, L. D. Chesnokova i dr.; pod red. E. I. Dibrovoj. M. : Izdatel'skij centr «Akademija», 2001. 704 s.
2. Shvedova N. Ju. Aktivnye processy v sovremennom russkom sintaksise (slovosochetanie). M. : Prosviewenie, 1966. 156 s.

Семенов А. Н.

*Автономное учреждение ХМАО – Югры «Институт развития образования»,
Ханты-Мансийск*

Концепт «голос» в лирике Дмитрия Мизгулина

Concept voice in Lyrics of Dmitriy Mizgulin

УДК 82-14(571.122-25);612.78

Аннотация. В статье рассматривается понятие голоса, анализируется связь между художественным сознанием и сознанием воспринимающим. Исследуется голос как показатель философии жизни художника.

Summary. The article deals with voice concept as indication of artist's philosophy of life. Connection of artistic feeling and conceiving awareness is analyzed.

Ключевые слова: голос, сознание, объект, пространство и время, философия жизни, поэтическое сознание.

Keywords: voice, awareness, object, space and time, philosophy of life, poetic feeling.

Физиологически голос – это совокупность разнообразных по высоте, силе и тембру звуков, возникающих у человека и многих видов животных в результате колебаний эластичных голосовых связок. С этой точки зрения голос можно определять как фонетическое письмо.

Эстетический взгляд, который можно понимать как философский, не ограничивается пониманием голоса только как фонетического письма. В эстетическом видении этот термин приобрел свою философскую размерность. Основной составляющей этого видения является, если не отождествление голоса и самого художественного сознания, то, как минимум, понимание того, что это сознание реализуется в голосе художника. Другими словами, голос выступает в качестве посредника между художественным сознанием и сознанием воспринимающим. Происходит это благодаря тому, что голос художника слова совмещает в себе элементы сознания и элементы языка.

Присутствие или отсутствие голоса может пониматься как присутствие или отсутствие объекта (соловей в художественном сознании перестает быть соловьем, когда у него нет голоса). Может пониматься и как наличие или отсутствие способности к поэтическому воспроизведению мира («Пою, да разве я пою: мой голос огрубел в бою», Д. Бедный), и как вполне определенный способ этого воспроизведения («Во весь голос...», В. Маяковский или «Есть в голосе моем звучание металла...», Н. Майоров). Поэтому наличие или отсутствие голоса становится, в конечном итоге, показателем того, есть ли сам художник как таковой, как носитель художественного сознания.

Голос как проявление, как выражение поэтического сознания выступает в качестве главного показателя философии жизни художника. Это есть философия жизни не только потому, что смерть в ее средоточии исключает звучание голоса, как самого субъекта, так и для субъекта, но и потому, что исток смысла вообще всегда определяется как акт звучания (не только в фонетическом понимании) живого голоса творца. Суть содержания концепта – голос поэтому не столько в звуковой субстанции или в физическом голосе, но в самой реализации речи в окружающем мире. И в этом смысле голос, если не тождественен, то родственен логосу, он выступает в качестве главного представителя логоса в окружающем пространстве и текущем времени.

Голос художника «превращает тело мира в плоть, создает из корпуса плоть, духовную телесность» (Э. Гуссерль). Для Максимилиана Волошина: «Лирика – это и есть голос. Лирика – это и есть внутренняя статуя души, изникающая в то же мгновение, когда она создается». Он утверждал, что мы знаем голос поэта «отнюдь не по описаниям его, а по стихам», ибо «смысл лирики – это голос поэта, а не то, что он говорит» [3, 1, 543].

Голос не только самого художника слова, но и голоса окружающего его мира – это духовная плоть сознания.

Первую разновидность (голос поэта) можно определить как голос-субъект, а вторую (голоса мира) как голос-объект. Иными словами, в содержание концепта голос входит не только наличие собственного, индивидуального поэтического голоса, но и способность слушать голоса окружающего мира. В первом случае принципиально важна способность поэта к осознанию того, каким голосом он обладает: «Мой дар убог, и голос мой негромок...» и «Незвучный голос мой...» (Е. Баратынский) или «Есть в голосе моем звучание металла...» (Н. Майоров) и «Во весь голос» (В. Маяковский). А во втором – способность слушать и слышать голоса вне себя: «Мне тайный голос рек...» (Е. Баратынский) или «Мне голос был...», (А. Ахматова). И в конечном итоге, наличие своего голоса у поэта, а также возможности и выразительности его проявления напрямую зависят от его способности слушать и слышать голоса окружающего мира.

Дмитрий Мизгулин обладает и своим поэтическим голосом, к которому он постоянно прислушивается, боясь сбиться с верного тона, боясь сфальшивить, и способностью слушать и слышать голоса не только в пространстве, но и во времени, не только голоса земли, но и голоса неба. От этой способности в лирическом пространстве Дмитрия Мизгулина зависит качество собственного голоса, она выступает в качестве важнейшего условия его наличия. Голос поэта проявляется, заявляет о себе только при условии готовности и способности поэта или его лирического героя слышать голоса окружающего мира, не только видеть его, «как храм», наблюдать, как исчезает «предрасветный мрак» и «светится лиственный изумруд», но и замечать предрасветное отсутствие голосов в природе:

<...> Еще не слышны птичьи голоса.

Вот озеро, в котором небеса

Отобразились. Я склонюсь к воде

И не увижу своего лица... [2, 84].

Даже мучительные мысли о будущем оставляют лирического героя, когда он имеет возможность слышать и слышит голоса окружающего его мира, мира природы:

<...> На счастье или на беду

Господь послал такую участь.

Лесной дорогою иду,

О будущем уже не мучась.

Чуть слышны птичьи голоса,

Листвы таинственной движенье,

И отразили небеса

Сирени белое кипенье... [2, 23–24].

Ощущение мира, как находящегося накануне «вселенской катастрофы», и даже предположение, что «этот день последний» приходят к лирическому герою, в первую очередь, на том основании, что не слышны голоса природы:

<...> Молчит осенняя река,

Назавтра мертвой стать готова.

Умолкли птичьи голоса,

И тишина гнетущей стала,

Молчат глухие небеса,

С утра нахмурившись устало.

Молчат деревья, камыши,

Молчит село. Молчит дорога.

Но зреют в глубине души

Слова, которые от Бога. [3, 204].

Мир, в котором «молчит осенняя река», «молчат глухие небеса», «молчат деревья, камыши», «молчит село», «молчит дорога», в котором «умолкли птичьи голоса», – это мир, потерявший голос, а значит утративший гармонию. «Молчание природы» вызывает реакцию в

поэтическом сознании, и эта реакция есть попытка восстановления гармонии, которое возможно за счет внутреннего мира самого поэта. А значит, за счет того голоса, которым он обладает, за счет того, что «зреют в глубине души Слова, которые от Бога». Так возникает поэтическое переосмысление великих слов Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово...» Вернуть голоса в мир, значит, отложить «вселенскую катастрофу», отсрочить приход «последнего дня», но для этого годится не любое слово, а только одухотворенное божественным слово поэта, способное принести в этот мир его голос.

Для лирического героя Дмитрия Мизгулина характерно не только умение слышать голоса окружающего мира, но стремление не потерять эту способность. Его размышления в стихотворении «Дорога через кладбище» (1989) о том, что у современного человека, увлеченного идеей дороги, которая «забирает последние силы», чувства стали «и глуше и тише», эта увлеченность изменила душу человека, научила его жить так, «чтоб душа не томила в тревоге». Особое опасение вызывает возможность потерять в этой дороге способность слышать голоса окружающего мира и один из самых дорогих среди них:

<...> Чтоб я голоса мамы не слышал
Из-за этой проклятой дороги. [3, 102].

«Проклятая дорога» как знак, как концепт, содержание которого уже проанализировано в отдельной главе, выступает в качестве того явления, которое мешает вслушиваться в голоса окружающего мира, в самые дорогие из них. Однако принципиально важно, что лирический герой, как спешащий человек, помнит об опасности потерять способность слышать дорогие голоса в этом мире («голос мамы» лишь один из них), и тем самым разрушить собственную душевную гармонию. Эти опасения лирического героя продиктованы в том числе и тем, что способность слышать голоса окружающего мира является одной из гарантий гармоничного существования человека в этом мире, условием постепенного приближения «к порогу счастья своего»:

<...> Я открываю тихо двери,
О разрешение не спросив,
А за дверями, как и прежде,
Друзей услышу голоса,
И корабли моей надежды
Поднимут снова паруса,
И чайки кружатся в тумане,
Который тает, словно дым,
И я не верю, что обманут
Воображением своим... [4, 147].

Пространство, которое для себя лирический герой Дмитрия Мизгулина считает гармоничным, тоже обладает способностью слышать и помнить дорогие голоса. Так, люди могут забыть, «в какие именно года» в доме на Невском жил Тютчев, но зато об этом помнят камни дома, помнят и его взгляд, и его голос, и главное в том, что лирический герой осведомлен об этой памяти, а, значит, он тоже помнит этот голос поэта:

<...> Не знаю, кто тут виноват.
Да только разве важно это?
Здесь каждый камень помнит взгляд
И голос русского поэта.

Настанет срок – и в сердце каждом,
Покуда Русь еще жива,
Верь, отзовутся не однажды
Его великие слова... [3, 51].
«Дом, где жил Тютчев» 1984

Сохраняемый в памяти камня голос является для лирического героя гарантией того, что этот голос («его великие слова») обязательно отзовется в душах читателей России.

Для сохранения собственного голоса необходимо, чтобы он постоянно звучал в этом мире, проявлялся как свидетельство присутствия в нем конкретного индивида, как показатель его индивидуальности. Человек, который, никогда не проявлял «внешних признаков волнения», голос которого не звучал в этом мире, оказывается бессилен перед опасностью, если не потерять этот голос совсем, то, как минимум, лишиться его силы:

<...> Но однажды не сдержался,
Бледен стал, как будто мел,
Стукнул по столу, взорвался,
Проклял пошлый свой удел.

Но напрасны все старанья,
Ни на ком не дрогнул волос,
Потому что от молчанья
Потерял он громкий голос. [3, 25].

Кстати, одной из причин того, что «тает род людской во мгле телеэкрана» (подробнее об этом будет сказано в главе, посвященной концепту средства массовой информации), является то, что этот род безмолвен, что потерял свой голос.

Однако наличие и даже обилие голосов в окружающем мире еще не является свидетельством или гарантией того, что в нем господствует гармония. Разноголосие может делать неслышимым голос индивидуальный, особенно, если и сам этот голос теряет свои качества:

В разноголосии племен
Наш голос — глуше, тише.
Боюсь, уже не будет он
Потомками услышан <...>
«В разноголосии племен...», [3, 57].

Трагизм положения, когда голос становится постепенно «глуше, тише», а в будущем он вообще не будет услышан, усиливается тем, что речь идет не о голосе одного отдельно взятого человека, а целого народа.

Во мраке скорбный путь верша,
Не узнаем друг друга,
И воля, разум и душа —
Как лебедь, рак и щука.

Молись в преддверии конца,
Чтобы явилась милость —
Чтоб по велению Творца
Всё вновь соединилось. [3, 223–224].

Способность лирического героя слышать голоса окружающего мира (к примеру, голоса друзей в стихотворении «Ни на кого не обижаясь...», 1979) препятствует проникновению в его художественное сознание обид на этот мир, не дает возникнуть и утвердиться чувству презрения к явлениям этого мира, даже когда они того достойны. Эта способность приближает лирического героя «к порогу счастья своего» и главное дает осознание правоты поэтического воображения, в котором «корабли моей надежды» снова поднимают паруса, и снова «чайки кружатся в тумане». Воображение поэта (и это является определяющим!) наполняет его сознание уверенностью: «как и прежде / Друзей услышу голоса».

Одно из существенных наполнений концепта голос как объекта связано для лирического героя Дмитрия Мизгулина со способностью слышать голос истории. Последнее дает ему возможность выразительно воспринимать не только современность города «в тумане чахо-

точных тусклых ночей», с его проспектами, которые «стали уже», и улицами, которые «стали тесней», но и слышать в задумчивом пении ветра такое будущее великому городу, что лирический герой начинает сожалеть о том, что обладает такой способностью: слышать голос истории:

<...> Но пугает в ночи чей-то хищный и грозный оскал,
И змеей проскользает холодное, горькое: «Поздно...»
И еще – этот бронзовый ангел с тяжелым крестом
Осеньет перстом купола, проржавевшие крыши...
И задумчиво ветер поет... Что же будет потом?...
Я-то знаю о чем, но уж лучше бы это не слышать. [3, 98–99].

Само же окружающее пространство, в первую очередь социальное чаще всего демонстрирует неспособность слышать голос поэта. Их отношения видятся лирическому герою как отношения волка и луны, когда вторая никак не реагирует на голос первого:

Пишу, пишу – а толку?
Заклятье над страной.
Дается легче волку
Общение с луной.
Какая тишь в округе,
Струится лунный свет,
И недруги, и друзья
Давно сошли на «нет».
Шумят морские воды,
Пространства сумрак сжат,
И тени пароходов
У пристаней дрожат <...> [5, 43].

В воссоздаваемом пространстве («в округе») господствует тишь, а голос поэта, помимо которого шумят еще только морские воды, ассоциируется исключительно с воем, которого никто не слышит. Словно бы мысль А. С. Пушкина, высказанная им в письме к П. А. Вяземскому в апреле 1821 года, доведена до крайней степени трагизма: «...век наш не век поэтов — жалеть, кажется, нечего — а всё-таки жаль. Круг поэтов делается час от часу теснее — скоро мы будем принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи друг другу на ухо. — И то хорошо» [6, 10]. Голоса поэтов, по Пушкину, в его эпохе в скором времени будут слышны только самим поэтам, а в лирическом пространстве Дмитрия Мизгулина нет даже поэтов, которые способны слышать друг друга. Поэтому способность поэта слышать и передавать голоса окружающего, слышать, «как в стынущем поле / Полночи птица кричит» оказывается не востребовавшей в безумствующем и «суетном мире». Поэт со своим слухом и со своим голосом оказывается лишним «в этом веселии», и поэтому он молчит. Для современного мира более привычными стали голоса других поэтов, заполонивших этими голосами все окружающее пространство. Другое дело, что такое «сладкоголосье» лишь на время, а главное спасти от ночи и тьмы «по всей России» оно не может:

Сладкоголосые витии
Со свистом сгинут. И темна
Наступит ночь по всей России,
И оглушит нас тишина... [7, 123].

В этих словах — твердая убежденность поэта в том, что «сладкоголосье» обязательно закончится свистом, как полной профанацией поэтического начала. С другой стороны, такое «сладкоголосье» выступает в данном контексте как одна из причин того, что «темна / Наступит ночь по всей России». Еще одним результатом того, что мир не хочет слышать своего

поэта, является то, что его обязательно «закружат чужие слова», и такой мир будет перемолот в прах:

Ведь скоро глухие метели
Закружат чужие слова,
И скоро нас в прах перемелют
Эпохи иной жернова.

Молчу я. И нет мне ответа.
И сердце устало стучит,
И утренняя сигарета
Во рту непривычно горчит. [3, 157].

В процитированной выше строфе, несмотря на то, что молчанию предшествует отсутствие ответа, первое является результатом второго: именно отсутствие ответа в окружающем пространстве замыкает голос поэта во внутреннем мире, приводит к тому, что у него «не вяжутся слова молитвы». Однако отрадным для поэта является уже то, что такое отсутствие ответа пока не лишило его самого слуха, а потому он еще может слышать то, как скользит по крыше звезда. Сложнее, без помощи свыше оказывается услышать себя, свой собственный голос:

Но слышу – я еще не глух, –
Как тень звезды скользит по крыше.
Господь, верни мне скорбный слух,
Чтоб сам себя я смог услышать [7, 126].

Голос поэта, таким образом, напрямую зависит от божественной воли, он является ее производным. Это тем более важно, если сама способность к творчеству понимается как умение слышать голоса окружающего мира, чутя их и понимать, что эти голоса – дар свыше:

Стихи не пишутся, а слышатся,
Еще не рождены слова,
А лишь едва-едва колышется
Под ветром юная листва.

Стихи не пишутся, а чуются, –
Когда еще не грянул гром,
Лишь только облака кучкуются
В нагом пространстве голубом.

Стихи как будто свыше дарятся
И растворяются в крови,
Когда душа и сердце маются
Немым предчувствием любви [7, 127].

Поэт, обладающий способностью слышать голоса окружающего мира, слышит стихи еще до того, как рождены слова, слышит их в том, как «колышется / Под ветром юная листва». Он чует стихи в ожидании готового грянуть грома, когда еще только кучкующиеся облака свидетельствуют о его приближении. Но главное все-таки заключается в том, что голоса мира, в которых живет поэзия – это подарок свыше. Только такой божественный подарок может растворяться в крови, только он способен заставить маяться душу и сердце «немым предчувствием любви».

Литература

1. Волошин М. Лики творчества. Л. : Наука, 1988. 854 с.
2. Мизгулин Д. О чем тревожилась душа : стихотворения. Очерк. – СПб. : РИК «Культура», 2003. 159 с.
3. Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. М. : Худож. лит., 2006. 356 с.
4. Мизгулин Д. А. География души : избранные стихотворения. М. : худож. лит., 2005. 180 с.
5. Мизгулин Д. А. Как будто жизнь еще не начиналась : стихотворения 2003–2009 гг. СПб. : АС-СПИН. 130 с.
6. Пушкин А. С. Письма. В 3 т. (под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского). Т. 1. 1815–1825. – Государственное издательство, М. ; Л., 1926. 537 с.
7. Мизгулин Д. А. Ненастный день. Томск : ГалаПресс, 2011. 152 с.

References

1. Voloshin M. Liki tvorchestva. L. : Nauka, 1988. 854 s.
2. Mizgulin D. O chem trevozhilas' dusha. Stihotvorenija. Ocherk. SPb. : RIK «Kul'tura», 2003. 159 s.
3. Mizgulin D. A. Izbrannye sochinenija. M. : Hudozh. lit., 2006. 356 s .
4. Mizgulin D. A. Geografija dushi: Izbrannye stihotvorenija. M. : Hudozh. lit., 2005. 180 s..
5. Mizgulin D. A. Kak budto zhizn' ewe ne nachinalas': stihotvorenija 2003–2009 gg. SPb. : ASSPIN. 130 s.
6. Pushkin A. S. Pis'ma. V 3 t. (pod red. i s primech. B. L. Modzalevskogo). T 1. 1815–1825. – Gosudarstvennoe izdatel'stvo, M. ; L., 1926. 537 s.
7. Mizgulin D. A. Nenastnyj den'. Tomsk : GalaPress, 2011. 152 s.

Семенова В. В.

ФГБОУ ВПО «Югорский государственный университет», Ханты-Мансийск

Концепт средств массовой информации в лирике Н. А. Некрасова

Mass Media Concept in Lyric Poetry N. A. Nekrasov

УДК 82–1;070

Аннотация. В статье исследуется концептуальное видение средств массовой информации в творчестве Некрасова. Подробно анализируются с этой точки зрения стихотворения разных циклов.

Summary. The article deals with research of mass media conceptual view in Nekrasov's works. Poems of different poetry cycles were analyzed in detail.

Ключевые слова: периодическая печать, цензор, закон о печати, цензура, лирический герой, журналист.

Keywords: periodical press, censor, mass media law, lyrical character, pressman.

Концептуальное видение средств массовой информации в творчестве Н. А. Некрасова во многом определяется тем, что он сам как автор и издатель, как редактор был активным участником процессов, в них происходивших. Этим объясняется то, что практически за каждым явлением, событием, тенденцией, ставшими предметом его поэтических наблюдений, стоят реальные факты жизни современной периодической печати.

На этом, к примеру, основаны стихотворения цикла «Песни о свободном слове». Этот цикл дает развернутую картину того, что представляла собой, в видении поэта Некрасова, периодическая печать, словно увиденная изнутри – рассылным редакцией, наборщиком, фельетонистом, а также представляет реакцию читающей публики на то, что предлагает ей пресса. Появление этого цикла связано с принятием нового закона о печати от 6 апреля 1863 года, по которому периодические издания освобождались от предварительной цензуры под денежный залог. На самом деле предварительная цензура периодических изданий заменялась карательной. По представлению Главного Управления печати после трех предостережений издание останавливали, а издателей и авторов могли привлечь к суду.

Уже в мае 1866 года были закрыты журналы «Современник» и «Русское Слово». Предупреждения выдавались даже газетам и журналам либерального и реакционного, проправительственного толка.

Стихи, составившие цикл, написаны в форме песен, которые поют поэт газетный рассылный, наборщик, поэт, литераторы, фельетонист, читающая публика.

Уже в стихотворении «Рассылный» (1865) заглавный герой рассказывает о том, как изменилась жизнь его и его знакомого, такого же редакционного рассылного «дедушки» Миная, после введения нового закона о печати.

<...> Век свой мы лезли из кожи,
Чтобы в цензуру поспеть;

Цензор в спокойствии нашем
Равную роль играл, –
Раньше, бывало, мы ляжем,
Если статью подписал;

Если ж сказал: «Запрещаю!»
Вновь я садился писать,
Вновь приходилось Минаю
Бегать к нему, поджидать [4, 2, 155].

Новый закон о печати изменил жизнь рассыльных, отпала необходимость бегать, сбивая подметки, к цензорам по поводу каждого номера, а то и отдельной публикации. На вопрос своего приятеля о том, не к цензору ли «на Васильевский остров» идет он, герой стихотворения гордо отвечает:

<...> «Баста ходить по цензуре!

Осlobонилась печать,

Авторы наши в натуре

Стали статейки пуцать.

Каждый теперича кроток,

Ну да и нам-то расчет:

На восемь гривен подметок

Меньше износится в год!...» [4, 2, 155]

Изменилась жизнь и наборщиков, чей «гимн суровый» звучит в стихотворении «Наборщики» (1865). В этом гимне есть жалобы на трудности работы «у пыльного станка», на то, что «тошней труда не сыщешь», а потому здоровье наборщика очень быстро становится «хлипким». Однако и наборщики рады тому, что «свобода слова негaданно пришла», и дела теперь пойдут по-другому. Раньше, если приносили «тетрадь оригиналу», то она работы в наборе было «до отвалу», что никак не было гарантией того, что статья получится большая:

<...> Тетрадь толстенька в стане,

В неделю не набрать.

Но не гордись заране,

Премудрая тетрадь!

Не похудей в цензуре!

Ужо мы наберем,

Оттиснем в корректуре

И к цензору пошлем.

Вот он тебя читает,

Надев свои очки;

Отечески марает –

Словечко, полстроки! [4, 2, 156]

Наборщики по-отечески желают «премудрой тетради» не похудеть «в цензуре», потому что по своему опыту знают, что после пера цензора у статьи бывало «живого нет местечка», поэтому набор рассыпали и освободившиеся литеры бросали, «как в ямы мертвецов»:

<...> По кассам! Вновь в порядке

Лежат одна к одной.

Потерян ключ к загадке,

Что выражал их строй! [4, 2, 156]

Загадкой останется то, что выражали эти литеры, когда были частью общего строя статьи, ее настоящий, до цензурного вмешательства вид навсегда останется тайной. Статья в ее первоначальном виде уподобляется здесь тому плоду, который унес «вихрь случайный». Определить изначальную авторскую мысль уже нельзя. На этом, о чем наборщики знают по своему опыту, превратности судьбы того материала, который еще совсем недавно был «тетрадь толстенька», не заканчиваются:

<...> Уж в новой корректуре

Статья невелика,

Глядишь – опять в цензуре

Посгладят ей бока.

Вот, наконец, и сверстка!
 Но что с тобой, тетрадь?
 Ты менее наперстка
 Являешься в печать! [4, 2, 156]

После того, как материал повторно побывал у цензора, он, бывший когда-то целой тетрадью, может явиться в печать размером уже «менее наперстка». Таковы горькие размышления наборщиков о том, какой была судьба журналистов, редакторов и их материалов в условиях предварительной цензуры. Есть в этих размышлениях и другое, принципиально важное. Наборщики – народ грамотный и во многом разбирающийся, не случайно, они «бывают философы порой»:

<...> Не всё же набирают
 Они сумбур пустой.

Встречаются статейки,
 Встречаются умы –
 Полезные идейки
 Усваиваем мы... [4, 2, 157–158]

Несмотря на некоторую иронию, которая слышится в использовании уменьшительных форм, наборщики умеют ценить грамотные статьи, которые содержат полезное и свидетельствуют об уме их авторов. Однако наборщикам хотелось бы, чтобы и их труд когда-то заинтересовал тех, чьи труды им приходится набирать, чтобы они заинтересовались тем, как работают те, кто воплощает на газетном листе мысли журналистских умов:

<...> Но не равны заботы.
 Чтоб время наверстать,
 Мы слепнем от работы...
 Хотите ли писать?

Мы вам дадим сюжеты:
 Войдите-ка в полночь
 В наборную газеты -
 Кромешный ад точь-в-точь!

Наборщик безответный
 Красив, как трубочист...
 Кто выдумал газетный
 Бесчеловечный лист? [4, 2, 158–159]

Место, где непосредственно создается (набирается) газета, видится самим создателям как «ад кромешный», о котором журналисты и репортеры предпочитают не писать, а нем есть свои, достойные опубликования сюжеты. Концепт газета наполняется значение *бесчеловечности* по отношению к тем, кто ее создает, к тем, условия труда которых «сложней, чем в рудниках», кто «вечно на ногах» и слепнет «от пыли и свинца». Но даже они, эти безымянные авторы «гимна наборщиков», который услышал поэт, не могут не радоваться пришедшей свободе. Об этом поют и они, и хор:

«<...> Но вот свобода слова
 Негаданно пришла,
 Не так уж бестолково
 Авось пойдут дела!» [4, 2, 159]
 Х о р
 Поклон тебе, свобода!
 Тра-ла, ла-ла, ла-ла!
 С рабочего народа
 Ты тяготу сняла!.. [4, 2, 159]

Открывшемуся простору возразовался и поэт из одноименного стихотворения, который хорошо помнит, что прежде

<...> жизнь была так коротка
Для песен этой лиры, –
От типографского станка
До цензурской квартиры! [4, 2, 159]

Рады новому закону литераторы, один из которых считает, что «Теперь пойдут иные речи!» Второй уверен в том, что «Теперь нас ждут простор и слава!» Но есть среди них и тот, кто оказался самым мудрым:

А третий посмотрел лукаво
И головою покачал!¹ [4, 2, 160]

Стихотворение «Фельетонная букашка» (1865) – это не только рассказ о том, как отреагировал фельетонист на новый закон, но и выразительный образ последнего, который тем более примечателен, что стихотворение написано опять-таки от первого лица. Через этот образ передаются и черты современной периодической печати. Фельетонист сам называет себя «букашкой», которая ищет «посильного труда». По собственным наблюдениям, он, «как ходячая бумажка», сильно «поистрепался» за годы работы в печати:

<...> Но лишь давайте мне сюжеты,
Увидите – хорош мой слог.
Сначала я писал куплеты,
Состряпал несколько эклог,

Но скоро я стихи оставил,
Поняв, что лучший на земле
Тот род, который так прославил
Булгарин в «Северной пчеле» [4, 2, 160].

Современный фельетонист готов «хорошим слогом» писать на любую тему, его жизнь – это постоянный поиск сюжетов, за которыми он обращается к читателю. Фельетонистом его сделал Булгарин: издаваемая им «Северная пчела» одной из первых ввела раздел «Фельетоны». Необходимо только заметить, что фельетоны самого Булгарина и издаваемой им газеты отличались крайней беспринципностью и переменчивостью оценок. Герой некрасовского стихотворения признается, что умеет писать «в великосветском, модном тоне», что свидетельствует о том спросе, который есть у читающей публики на этот тон. Кроме того, из признаний фельетониста можно узнать, его интересуют черты жизни «здешней и московской», словно бы другой России и не существует вовсе, что свидетельствует о вполне определенной тенденции в российской периодической печати 60-х годов XIX века.

«Знаком вам господин Пановский? – спрашивает фельетонист. – Мы с ним похожи по перу». И такое признание свидетельствует о вполне определенной направленности творчества героя стихотворения. Н. М. Пановский – известный московский журналист, сотрудник «Московских ведомостей» и других изданий, позиция которого отличалась крайним консерватизмом и реакционностью. Поэтому нет ничего удивительного и в другом признании:

Умел писать я при цензуре,
Так мудрено ль теперь писать? [4, 2, 161]

Эти слова фельетониста свидетельствуют о его убежденности в том, что цензуры больше нет, она осталась только в воспоминаниях:

<...> Ох! было время – вспомнить больно!
Дрожишь, бывало, за статью.

Мою любимую идейку,
Что в Петербурге климат плох,

¹ В данном случае Некрасов почти дословно цитирует Лермонтова: Чеченец посмотрел лукаво / И головою покачал...

И ту не в каждую статейку
Вставлял я без боязни мог.

Однажды написал я сдуру,
Что видел на мосту дыру,
Переполошил всю цензуру,
Таскали даже ко двору. [4, 2, 161]

В представлении читателя современной прессы, последняя не может вести себя по-человечески, но при этом обладает способностью все знать и все слышать. Она научилась защищаться не только в судебном порядке, но и физически. Свободная пресса делает современность бурной и тревожной, расшатывает устои, насаждает атеизм:

<...> Все пошатнулось... О, где ты,
Время без бурь и тревог?..
В Бога не верят газеты,
И отрицают поэты
Пользу железных дорог! [4, 2, 165]

Последняя строка процитированного отрывка – это намек на стихотворение «Железная дорога», за публикацию которого в «Современнике» Н. А. Некрасов, как редактор журнала, получил второе предупреждение.

У читающей публики «дыбом становится волос» от того, «чем наводнилась печать». Новый закон привел к тому, что даже умеренные в прошлом издания стали позволять себе слишком много:

<...> Даже умеренный «Голос»
Начал не в меру кричать;
Ни одного элемента
Не пропустил, не задев,
Он положеньем Ташкента
Разволновался, как лев;
Бдит он над Западным краем,
Он о России болит,
С ожесточеньем и лаем
Он обо всем говорит!
Он изнывает в тревогах,
Точно ли вышел запрет:
Чтоб на железных дорогах
Не продавали газет? [4, 2, 165]

Умеренно-либеральная газета «Голос», издававшаяся А. А. Краевским, получила предупреждение за публикацию некоторых статей. В них обсуждались перспективы принятия Узбекистана в состав России («По поводу принятия Ташкента под покровительство России»), проблемы освоения русскими западных районов («Какие сословия могут более способствовать к водворению русского элемента в Западном крае»), и также само положение русских в России вообще («Русские в России»).

Чуть позже (1872) М. Е. Салтыков-Щедрин назовет либеральную газету А. К. Краевского «Голос» «Истинным Пенкоснимателем» за умение вести пространные беседы с читателем на темы, которые нельзя назвать актуальными, волнующими современников, а в самом обсуждении не углубляться и не выходить за пределы разрешенного.

Проблема продавать или не продавать на железных дорогах газеты приводит читающую публику к такому умозаключению:

<...> Что – на дорогах железных!
Остановить бы везде.
Меньше бы трат бесполезных!
И без того мы в нужде.

Жизнь ежедневно дороже... [4, 2, 166]

Концепт газета, таким образом, наполняется значением *бесполезности*, она выступает в качестве одной из причин того, что многие в России живут «в нужде». Чуть ниже желание запретить продажу газет «везде» выглядит уже едва ли не как их полное запрещение, тем более, что большой беды от этого не будет:

<...> Право, конец бы таковский,
И не велика печаль!
Только газеты московской
Было б, признаться, нам жаль,
Впрочем... как пристально взвесить,
Так и ее – что жалеть!
Уж начала куролесить,
Может совсем ошалеть [4, 2, 166].

Под «газетой московской» Н. А. Некрасов подразумевал «Московские Ведомости» М. Н. Каткова. По мнению власти, даже это консервативное и близкое правительству издание в свете нового закона начинало «куролесить», в публикациях появились статьи, направленные против действий министров, хотя эта оппозиция была неизменно консервативной. Чтобы газета совсем не «ошалела», ей в марте 1866 года было вынесено первое предупреждение, однако стихотворение Некрасова датировано декабрем 1865, что свидетельствует о том, как поэт смог предугадать будущее периодического издания, решавшего воспользоваться теми возможностями, которые открывал новый закон о печати.

Вполне естественно, что читающая публика сравнивает нынешние времена, когда «все пошатнулось», с тем, как было прежде, когда печать твердо знала, кого она может избрать своей жертвой и кого не смеет касаться:

Прежде лишь мелкий чиновник
Был твоей жертвой, печать,
Если ж военный полковник –
Стой! ни полслова! молчать!
Но от чиновников быстро
Дело дошло до тузов,
Даже коснулся министра
Неустршимый Катков.
Тронута там у него же
Много забористых тем... [4, 2, 166]

В стихотворении «Газетная»³ (1865) само место, предназначенное для чтения периодической печати, первоначально ассоциируется со свежим воздухом, светом, потому что лирический герой добирается к нему «через дым, разъедающий очи», минуя «омут кромешный» и «царство теней» светского общества.

<...> Добрались мы походкой поспешной
До газетной...
Здесь воздух свежей;
Пол с ковром, с абажурами свечи,
Стол с газетами, с книгами шкаф.
Неуместны здесь громкие речи,
А еще неприличнее храп... [4, 2, 124]

Речь вроде бы идет об интерьере газетной комнаты, ее атмосфере, однако эта характеристика распространяется и на сами газеты, чтение которых несовместимо с шумом, а тем более с храпом. Ощущение гармонии и умиротворенности исчезает в тот момент, когда лирический герой размышляет о том, какой видит себя российская периодическая печать, как она себя позиционирует:

³ Газетная – название одной из комнат Английского клуба, предназначенная для чтения газет и журналов.

<...> Не без гордости русская пресса
 Именуется себя иногда
 Путеводной звездой прогресса,
 И не даром она так горда:
 Говорят – о, Гомер и Овидий! –
 До того расходилась печать,
 Что явилась потребность субсидий.
 Эк хватила куда! исполать! [4, 2, 124–125]

Российскую печать, которая «не без гордости» именovala себя «путеводной звездой прогресса», никак не смущал тот факт, что в 60-х годах некоторые газеты и журналы Санкт-Петербурга и Москвы получали правительственные субсидии на издание. Такие субсидии нельзя было расценивать иначе, как подкуп печати, которая до такой степени «расходилась» и за это ей, «звезде прогресса» – хвала и слава («исполать!»). Лирический герой с иронией сожалеет о том, что «таксы нет на гражданские слезы», но и без соответствующей оплаты они и так «льются рекой».

С иронией лирический герой размышляет о том, чем наполнены страницы современной периодической печати:

<...> Образцы изумительной прозы
 Замечаются в прессе родной:
 Тот добился успеху во многом
 И удачно врагов обуздал,
 Кто идею свободы с поджогом,
 С грабежом и убийством мешал;
 Тот прославился другом народа
 И мечтает, что пользу принес,
 Кто на тему «вино и свобода»
 На народ напечатал донос. [4, 2, 125]

За «идею свободы с поджогом» стоят вполне реальные события весны 1862 года, когда в Санкт-Петербурге произошло несколько больших пожаров.

Упомянутый «донос на народ» также имеет вполне реальную основу. В начале 60 годов в российской печати появились статьи, которые не просто обвиняли народ в повальном пьянстве и лени, но и трактовали их как результат реформы 1861 года, отменившей крепостное право. Последнее является одной из причин того, что газетно-журнальным рассказам о бедственном положении народа российская читающая публика предпочитает французские романы, она любит их за отсутствие «мрака и стона». Эта публика считает, что и так знает «наши немощи», поэтому не хочет отравлять свой утренний чай думами о них.

Сравнивая читателей газет двух столиц, лирический герой замечает, что «москвич идеальней», а потому в Москве «газетная вечно полна»:

<...> В Петербурге любители чтенья
 Пробегают один «Инвалид»;
 В дни, когда высочайшим приказом
 Назначается много наград,
 Десять рук к нему тянется разом.
 Да порой наш журнальный собрат
 Дерзновенную штуку отколет,
 Тронет личность, известную нам,
 О! тогда целый клуб соизволит
 Прикоснуться к презренным листам... [4, 2, 126]

В видении лирического героя стихотворения, читатели северной столицы предпочитают только газету «Русский Инвалид», издававшуюся Военным министерством. Предпочитают, видимо, за то, что она печатала сообщения о наградах и служебных назначениях: столичному жителю всегда интересно было знать («Десять рук к нему тянется разом»), кто ка-

кую награду получил, какие новые назначения по службе есть у друзей и соперников, знакомых и просто известных людей. Интерес к этой газете только возрастал, если кто-то из журналистов отваживался на «дерзновенную штуку» – трогал «личность, известную всем». Тогда начинались «шепот, говор», рассуждения о качестве газетной публикации, тогда разгорались «суровые толки про гласность». Все это свидетельствует о том, что даже приверженность к одной избранной газете никак не могла охладить интереса читающей публики к проблемам гласности в современной периодической печати.

При всей значимости размышлений лирического героя стихотворения «Газетная» о том, каким содержанием наполнена пресса, а также о том, как к этому содержанию относится читающая публика, главным в нем является образ цензора, пусть и бывшего. Читатель еще не знает, о ком пойдет речь, а образ уже не вызывает симпатий:

<...> Среди праздных местечек,
Под огромным газетным листом,
Видишь, тощий сидит человечек
С озабоченным, бледным лицом,
Весь исполнен тревогою страстной,
По движениям похож на лису,
Стар и глух; и в руках его красный
Карандаш и очки на носу. [4, 2, 128]

Этот «человечек» (не человек!) в «оны годы» служил «цензуре», поэтому, даже не будучи сегодня не при должности, сберег привычку к красному карандашу, без которого читать прессу не может:

<...> Все, что прежде черкал в корректуре,
Отмечать: выправляет он слог,
С мысли автора краски стирает.
Вот он тихо промолвил: «Шалишь!»
Глаз его под очками играет,
Как у кошки, заметившей мышь;
Карандаш за привычное дело
Принялся... [4, 2, 128]

Выразительный образ цензора – тощего человечка, «с озабоченным, бледным лицом», исполненного тревогою страстной, «по движениям» похожего на лису, старого и глухого, дополняется новыми красками. Он привык выправлять слог и стирать краски «с мысли автора», то есть делать ее невыразительной, бесцветной. Отношение цензора к авторской мысли приравнивается при этом к тому, как относится кошка к мыши.

Бывший цензор признается, что «ужасается», читая современные журналы, ум его при этом цепенеет, ведь в этих журналах, «что ни строчка – скандалы, скандалы». Цензора возмущает, к примеру, то, что обличен его «собственный кум» – «моралист-проповедник». По привычке, он хотел бы заткнуть рот этим журнальным обличителям, давая им вполне эмоционально выраженную и четкую характеристику, а заодно и тому, что сегодня, без него, журналы пустили на свои страницы:

<...> Цыц!.. Умолкни, журнальная тварь!..
Он действительный статский советник,
Этот чин даровал ему царь!
Мало им, что они Маколея
И Гизота в печать провели,
Кровопийцу Прудона, злодея
Тьера выше небес вознесли,
К государственной росписи смеют
Прикасаются нечистой рукой [4, 2, 128–129].

«Цензурная логика» проста: человек, которому чин действительного статского советника даровал сам царь, не может быть проходимцем, а потому писать об этом нельзя

(«Цыц!»). Показательно, что цензора возмущает появление на журнальных страницах имени английского политического деятеля, публициста и историка Т. Маколея, французского политического деятеля и историка Ф. Гизота, теоретика анархизма П. Прюдона называет «кровопийцей», которого также незаслуженно «в печать провели». Все дело в том, что называемые цензором историки, публицисты, общественные деятели не отличались особой революционностью взглядов, их сочинения свободно и довольно широко переводились и издавались в России в 60-е годы.

Современные газетно-журнальные авторы особенно возмущают цензора «мрачного семилетия» тем, что смеют прикасаться «к государственной росписи... нечистой рукой». В словах бывшего цензора звучит гордость, когда он признается:

О чинах, о свободе, о взятках

Я словечка в печать не пускал. [4, 2, 129]

Слова же том, что «при новых порядках» он оказался не нужен, проникнуты глубоким сожалением, но герой не дерзает роптать на начальство, специфика прежней службы сделала свое дело: «*Не умею*⁴ – и этим горжусь».

Зато научился вникать в свое дело настолько, что умел подбирать ключ к любому сочинению, ловить автора «на каждом словечке», заставлять его вертеться, «как муха на свечке», дрожать перед всеильным цензором, чтобы в итоге:

<...> И уйдет тихомолком домой.

Рад-радехонек, если тетрадку

Я, похерив, ему возвращу,

А то, если б пустить по порядку...

Но всего говорить не хочу! [4, II, 129]

«Пустить по порядку» – это норма старого закона о печати, согласно которой, «вредную» рукопись не следовало возвращать автору, а по установленному порядку передать в Третье (жандармское) отделение. Еще одна примечательная деталь, характеризующая положение российской прессы до принятия закона 1863 года.

Сам себе бывший цензор видится земледельцем, который вырывал «сорные травы из гряд».

Не меньшую гордость за себя вызывают воспоминания героя о том, какие идеи и мысли, благодаря его участию, стали достоянием периодической печати. В первую очередь, те, которые были «дельны и строги»:

<...> Я вам мысль, что «большие налоги

Любит русский народ», пропустил,

Я статью отстоял в комитете,

Что реформы раненько вводить,

Что крестьяне – опасные дети,

Что их грамоте рано учить! [4, II, 129–130]

В 60-е годы XIX века в России активно обсуждался вопрос о необходимости образования для крестьянства, его уровнях и направленности. Значительная часть дворянства при этом абсолютно отрицала необходимость даже элементарной грамоты для крестьян, считая это даже опасным для государства. Цензор, естественно, оказался на их стороне.

Кстати, стихотворение «Газетная» стало одним из произведений Н. А. Некрасова, за публикацию которых в 8 и 9 номерах за 1865 год журналу «Современник» было вынесено первое предостережение, хотя в самом тексте предостережения оно и не было названо. Цензурное ведомство не захотело признаваться в том, что одной из причин этого предостережения стала такая откровенная сатира, даже издёвка над тем, что такое цензура и кто ею занимается.

В таких обстоятельствах, в условиях действия таких законов о печати предстает в лирике Н. А. Некрасова концепт средства массовой информации.

⁴ Курсив Н. А. Некрасова. – С. В.

Литература

1. Аскольдов А. С. Русская словесность: Филологический концептуализм: Антология. М., 1997. 280 с.
2. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. 320 с.
3. Некрасов Н. А. Собр. соч. в 4 т. М. : Правда, 1979.
4. Семенов А. Н., Семенова В. В. Концепт средства массовой информации в структуре художественного текста. Ч. 1 (Зарубежная литература). СПб. : ЛФ «Дорога жизни», 2011. 367 с.

References

1. Askol'dov A. S. Russkaja slovesnost': Filologicheskij konceptualizm: Antologija. M., 1997. 280 s.
2. Kubrjakova E. S. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. M., 1997. 320 s.
3. Nekrasov N. A. Sobr. soch. v 4 t. M. : Pravda, 1979.
4. Semenov A. N., Semenova V. V. Koncept sredstva massovoj informacii v strukture hudozhestvennogo teksta. Ch. 1 (Zarubezhnaja literatura). SPb. : LF «Doroga zhizni», 2011. 367 s.

Соловар В. Н.

БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
Ханты-Мансийск**Возраст в семантическом пространстве образа человека как компонент языковой картины мира хантов (на материале казымского диалекта)****The age in a semantic space of human image in a language world picture of Khanty (on the material of Kazym dialect)**

УДК 81' 37=511.142; 159.9;39

Аннотация. Переживание человеком пространственно-временных измерений его жизни зависит от исторических, культурных и социальных условий его существования, специфики конкретного этапа развития общества, от духовного и эмоционального склада. Параметр возраст пересекается с категорией времени в понятии время жизни. Возраст человека является объектом оценки как в аспекте внешнего облика, так и в аспекте внутренних, духовных, умственных качеств человека.

Summary. Human emotional experience of space-time measurements of its life depends on historical, cultural and social conditions of its existence, the specificity of the concrete stage of the society development, the spiritual and emotional make-up. Parameter of the age intersects with the category of time in the conception of lifetime. The human age is the object of the assessment both in aspect of appearance and in aspect of internal, spiritual, mental human qualities.

Ключевые слова: возраст, детство, зрелость, старость, качества человека, категория времени.

Keywords: Age, childhood, maturity, old age, the qualities of human, the category of time.

Осознав себя как временное, невечное существо, подверженное изменениям, человек пришел к пониманию необходимости различения отрезков собственной жизни. Параметр возраст позволяет человеку ориентироваться в отпущенном ему количестве лет, фиксировать время своей жизни. Количество прожитых человеком дней, месяцев, лет, количество пережитых за это время событий, объем практического и чувственного опыта позволяет ему переходить на качественно новые этапы развития, существовать в различных возрастных ипостасях.

В первую очередь о возрасте дает информацию внешний облик человека, например: *Нар хунэп ай ики* лер йиңэл дыйпийн керэбьэлэ 'Маленький мальчик с голым животом в коробе валяется'; *Щи неңэн нөттэлэ ма луваттем* 'Эта женщина такого же возраста, как я'; *Майта сорам вени* 'Какое высохшее лицо' (о старом человеке); *Икэлэ вэйңэлэ кәншэс па хишем каврэлман* ким ши мәнэс 'Муж нашел кисы, и пыля (букв.: плесень растрясая) вышел на улицу'; *Ай пухэлэ* лер йиңэллэнкэлэ нух пуншэлэ 'Младший сын короб, сплетенный из корней, открыл'; *Айа вантэсэлэ* 'Моложавая' (букв.: смотрится к молодому).

Образная составляющая концепта возраст отражает связь данного параметра с древнейшими, архетипическими представлениями о мире и месте человека в нем. Возраст представлен словами, обозначающими семейные отношения, возрастную градацию между членами семьи (бабушка, мать, бабушка, отец, дядя, младшие братья и сестры, братик, сестренка, дочка и др.), связь с предками, например: *Наврэмдэв шенкдэсэт*, *Хилнеңэн* йухтэс 'Внучка=твоя приехала'; *Па ши пирэщ икэн муйа шабьащия* алщэлэм 'Почему этого пожилого мужчину я называю дедушкой' *Вўни акэн щиты верэнтэс* 'Даже дядя-нельма так не делал'; *Акийэ йўхтийэ лавэлэ* ар вөнтэ 'Много лесов, ждущих, со старыми могучими деревьями (букв.: дядя-деревья)'.

При определении возраста человека, как отмечает Н. Н. Прокопьева, используются различные коды – социальный код, животный, растительный [2, 175–176]. Вслед за автором мы отмечаем в хантыйском языке наличие подобных характеристик, так, например, возраст ука-

зывает на социальную роль человека: *Ими төтө дуват* 'Возраст, когда приводят жену'; *Па хота мәнты нөпөт* 'Возраст, когда уходят в другой дом'; *Атэдт хайцам нө* 'Вдова (букв.: одна оставшаяся женщина)'; животный код – *Хөйа-войа* йис 'Стал зрелым (букв.: мужчиной-животным стал)'; *Лүв хулна ай хор* иты хөхэбьэл 'Он все еще как молодой бык бегаёт'; *Йа муй, ши шишамлэңки*. Хута льоль 'Ну что этот медвежонок. Куда ему (то есть ему не по силам)'; *Сорэм шицки* 'Высохшая птичка'; *Лүйэм шицки* 'Гнилая птичка', *Лүйэм шойэт* 'Гнилой хвост', последние три примера передают неодобрительное отношение к поведению пожилого мужчины; растительный код – *лүйэм тулэх, сот ол нохэр йүх*. Мы выделяем также в хантыйском языке предметный код, например: *Пирэц көравньэк* 'Старый короб, сплетенный из корней'; *Лүйэм аңкэл* 'Гнилой пень' (о пожилом человеке).

Таким образом, важнейшие составляющие картины мира возраста хантов представлены периодом женитьбы или выходом замуж. Периоды развития хантыйского человека символизируют слова, указывающие на развитие животных и птиц, например: животное, детеныш, медвежонок, бык, олениха, птичка, а также слова, называющие части тела, растения, предметы: короб, пень, пояс, слопцы (орудие охоты), пуповина, кедр, гриб, дерево.

Высказывания о возрасте связаны с соотношением возрастных характеристик объекта с закрепленными в хантыйской ментальности нормативными представлениями о внешнем виде, поведении, способностях человека в том или ином возрасте, на базе чего выносится оценочное суждение, например: *Ай пух, ванты, митрайэн, хөйа ки йил, хө йүвтэм картаң нол илпийа питты кем хө ал антөм* 'Маленький мальчик, видишь ли, способный, когда станет мужчиной, никогда не попадет по стрелу, пущенную другим' (о возрасте мужчины старше 30 лет); *Дувааттад-кәришаттад сот ол енмэм нохэр йүх дуват* 'Размером-высотой он такого же размера, как столетний кедр'; *Ими пеләка мәнәм эви* 'Девочка, перешедшая на женскую половину жилища'; *Пухийем енма. Вөнта йаңхты кұрыян, кұрыян енма. Вөнта йаңхты йошийән, йошийән енма* 'Раста сынок=мой. Пусть растут твои ножки, которые в лес ходят. Пусть растут твои ручки, которые в лес ходят'; *Шихэр пайты ай пух* 'Мальчик, родившийся у пожилых супругов (букв.: маленький мальчик скрипучего дна)'; *Йэкөр икэн нувты тац* 'Стадо годовалых оленей Егора' (так неодобрительно оценивается поведение мужчины и девушки, родившей в 14-15 лет).

Наиболее актуальным для сознания говорящих является трехчленное деление возрастного континуума: *ай* детство, *вөн* зрелость, *пирэц* старость, например: *Ай тедн ма тата волььэсэм* 'С детства я здесь бывал'; *Щиты хув вөсөт, ван вөсөт, имэлтыйән ин ай икилэңкэл ваңкийдты* *питэс, шөшийдты* *питэс* 'Так долго жили, коротко жили, наконец мальчишка стал ползать, ходить стал'; *Вөн кәтнәдэв ши ийлнән* 'Старшие наши (букв.: большие двое) идут'; *Пирэцән йухатты питсайгэм* 'Я стареть стал' (букв.: старостью приходим стал).

Ядром лексико-семантического поля «возраст» являются лексемы *нөпөт* 'возраст, век', *ол* 'возраст, год', *тад* 'зима, возраст', *дуват* 'приблизительный возраст', *нуви* 'свет, период', *тылэц* 'месяц'.

В центре поля находится ЛСГ слов с гиперсемой «указание на отдельный возрастной этап, определенную ступень развития», в качестве базовых можно выделить лексемы: *ай пурра, һаврема вөдты майр* 'детство', *енәмты йох, ворәмты йох* 'молодость', *вөна йүвәм йох* 'зрелость', *пирэц* 'старость, старый', они являются нейтральными по стилистической и эмоционально-экспрессивной окраске. Однако лексемы *ай* и *вөн* не позволяют резко разграничить периоды детства и юности, зрелости и старости, так как эти слова многозначны; значение слова может быть понято только из контекста.

В смысловом блоке «лицо, находящееся в детском и отроческом возрасте» мы выделяем базовые единицы – *һаврәм* 'ребенок', *эви* 'девочка', *пух* 'мальчик, подросток'; в смысловом блоке «лицо, находящееся в зрелом возрасте» мы выделяем базовые единицы – *ики, ими, нө, хө*; в блоке «лицо, находящееся в пожилом возрасте» мы выделяем базовую единицу – *пирэц*.

В языке отражается древнейшая, архетипическая оппозиция старого и нового, которая применительно к периодам человеческой жизни проявляется в противопоставление *молодости* и *старости* как этап физиологического развития и законченной зрелости: *И ат ходәм ай*

икэл 'Новорожденный' (букв.: одну ночь ночевавший мальчик); *Пуихийэ*, омса 'Дите=мое, садись'; *И ол кема йүвам хө ньврэм пәсан хонән лэвман-йаньщман омәсэл* 'Мальчик, примерно годовалого возраста, около стола сидит-ест'; *Щащаци нөпәта* йүвам кәтңән 'Двое, достигшие возраста бабушки'.

Лексико-семантическое поле «возраст» представлено в хантыйском языке пространственными параметрами, так понятие молодежь осмысливается, как *йэдды вөдты* йох (букв.: вдаль (вперед) живущие люди); старость же характеризуется, как движение вниз: *Мүн илды энәмты* питсәв 'Мы состарились (букв.: вниз расти стали)'.

Продолжительность жизни в древности определялась не по годам, а по росту и силе человека: старость, то есть зрелость, достижение известного роста, дуально противоположна молодости, юности, то есть незрелости, свежести, хрупкости костей, например: *Күрәд күра йис, йошәд йоша йис* 'Повзрослел' (букв.: нога ногой стала, рука рукой стала); *дүвәд ньорах* 'Кость=его хрупкая'; *Вөн хуйат* 'Взрослый (букв.: большой)'.

Положительную оценку получает взрослый, зрелый человек, человек, имеющий силу, крепкий, большой; первый, например: *Одән икилө* пухәд нумәсән вө 'Первый мужчина живет умом сына'; *Йис хө йүвтам ньол вүс нөпәт долъ* 'Отверстие стрелы, пущенной древним человеком, век не исчезнет'; *Адән хө пеләка* йувмемән 'Когда я стал зрелым (букв.: в сторону мужчины утра)'; *Вөнашәж йувам ики* 'Мужчина зрелого возраста'. Отклонения от этой некой условной нормы (быть взрослым) в сторону маленький и молодой, а также отклонения в сторону старости оцениваются отрицательно, например: *Антпем лакнәм йүйийән* ар хорләнқән, э, тум хәщсәт. *Худна кәсән* вөдмем. 'После того, как состарился я (букв.: пояс=мой ослаб), сколько оленей поймал. Еще я сильный=оказывается'; *Пүкән ов фразеол.* 'Пуповина' (бес-толковый, несообразительный, имеет плохую память (о старом человеке); *Дыйәм сәсәңән* 'Гнилые слопцы' (о пожилых людях, муже и жене); *Ньврәма йис* 'Стал ребенком (о старом человеке)'.

Возрастная шкала в хантыйском языке находит отражение в мире природы: старость – вечер, закат, зима – север; утро – молодость, например: *Йеңки щорс пәда мәнты кема йис* 'Старый (букв.: достиг возраста, когда уходят к ледяному морю); *Йеңка вантты йеңк имәңән-икеңән, долъца вантты долъц имәңән-икеңән* 'Старые муж с женой (букв.: на лед глядящие ледяные, на снег глядящие, снежные)'; *Йәтн хө пеләка* йүвмәдн щи верәт уша версәдә 'Когда он стал старым, узнал об этом' (букв.: в сторону вечера перешел); *Аңкәд хәдәм тәд* ай эвийа йис 'Мать превратилась в трехлетнюю (букв.: три зимы) девочку'; *Вәтийаң тәда* йис 'Когда ему исполнилось 50 зим'; *Йәтн хөңд пелкема* щи питсәм 'Я стал старым (букв.: перешел в сторону вечерней зари)'.

Первичное значение фразеологизма рождает вторичное – возрастное, что обусловлено связью категории возраста и времени, возможностью использования одних и тех же лексем для номинации периодов как объективного, природного времени, так и субъективного, человеческого времени жизни.

Параметр *возраст* интерпретируется как один из основных в формировании отношения к человеку, мнений о его способностях, желаниях, действиях людей на том или ином жизненном этапе, а также стереотипным представлениям о возрасте. Стереотипы, нашедшие отражение в языке и речи, накладывают ограничения на употребление некоторых конструкций, лексических единиц и обуславливают определенные коммуникативно-нормативные обязательства участников общения, это требует употребления данных единиц только внутри семьи, так как они связаны с указанием на физиологические изменения человека; поэтому часто они функционируют, как фразеологические единицы, например: *Икийа йис фразеол.* 'Стала мужчиной' (о женщине в зрелом возрасте); *Күрәд мөрийтс, Хом ләнщаци* и др.

Основными когнитивными категориями, определяющими содержание концепта возраст в хантыйской языковой картине мира, являются категории времени, развития, градуальности. Возраст предстает как осязаемое и осознаваемое воплощение процесса развития индивида, измерение его движения во времени, осуществляемого поэтапно в соответствии с членением возрастного континуума. Представим некоторые этапы развития человека. Так детство представлено следующими периодами: *Ньврәм сәм сайн вөдты йит* 'Период внутриутробного

развития ребенка'; *Топ сема питам Һаврем* 'Новорожденный'; *Есам шепты Һаврем* 'Грудной ребенок', *Онтпән Һаврем* 'Ребенок периода люльки'; *Пеңкды Һаврем* 'Возраст, когда у ребенка еще не выросли зубы (букв.: беззубый ребенок)'; *Шөшидэты дуват Һаврем* 'Ребенок в таком возрасте, когда начинают ходить'; *Хөхэьэты дуват кем Һаврем* 'Ребенок в таком возрасте, когда начинают бегать', например: *Майтырн, хөхэьэты дуват кем пухлэнки*, ай пухлэнки шивалэс 'Оказывается, он увидел маленького мальчика, мальчик приблизительно такого возраста, когда начинают бегать'; *Пеңкды Һаврем*, муйа венш вантты вух хонэна төлэн 'Беззубый ребенок, зачем к зеркалу подносишь его'; *Щиты ванкийдты дуваттыя Һаврема йис* 'Так он вырос и стал ползать (букв.: ползать возраста стал)'; ср. с возрастными периодами, представленными в сургутском диалекте: *пәңкдәх неврем* 'Возраст, когда у ребенка нет зубов'; *Йоҳ сәмәтәтә ким неврем* 'Возраст узнавания людей'; *ванкидтә ким неврем* 'приблизительно возраст ползания (букв.: ползать приблизительно ребенок)'; *сөччә ким неврем* 'Возраст, когда ребенок начинает ходить' (букв.: приблизительно ходить ребенок); *көвилтә ким неврем* 'Возраст, когда ребенок начинает бегать'; *йәвдән-һөлдән ким неврем* 'Возраст лука и стрел'; *йынтпи-сувми ким неврем* 'Возраст иголки с ниткой'; *Чәңкләм ким неврем* 'Возраст взросления ребенка' (информация А. С. Сопочиной). Подобное представление о периодах роста и взросления ребенка имеются у многих народов Севера, так, например, в эвенском языке мы встречаем следующее описание возрастных стадий: «уже ходить начал», «из лука в птичек стрелять начал», «игрушечный аркан-мавут бросать начал», мальчик «уже охотиться начал» [1, 74]; ср. подобные возрастные характеристики развития человека на примере хантыйского, мансийского и ненецкого языков приведены в работе В. И. Сподиной [6, 76–80]; перечисленные возрастные периоды ребенка указывают на физическое развитие ребенка в определенный период жизни и социальные нормы этноса.

Лексико-семантическое поле *возраст* представлено разными частями речи, например, именами существительными: *ай, пирәш, нә, пух, хө Һаврем, имәнән-икәнән*, именами прилагательными: *икән-Һавремән, айдат*; глаголами и глагольными формами: *толәмты* 'дряхлеть умственно', *енәмты* 'расти', *шеңкләм-вормәм* 'созревший-взрослеющий', *енәмты-ворәмты* 'расти-созревать' и различными словосочетаниями.

Образно-коннотативные значения концепта возраст в хантыйской языковой картине мира типизированы на основе метафор, восходящих к архетипам сознания: «человек – животное», «человек – предмет», являющихся отдельными гранями единой всеобъемлющей метафоры «человек – мир», возникшей на основе наивных представлений о близости этих двух феноменов.

Своеобразие концепта возраст проявляется в богатом аксиологическом содержании: возраст человека является объектом оценки как в аспекте внешнего облика, так и в аспекте внутренних, духовных, умственных качеств человека. Представление о возрасте обязательно включает нормативный аспект, поскольку в высказываниях со смысловым компонентом «возраст» обычно соотнесены характеристик некоего объекта с закрепленными в хантыйской ментальности нормативными представлениями о способностях, функциях, присущих человеку на определенной жизненной стадии, что и позволяет высказать оценочное суждение.

Семантическое пространство «возраст» очерчивается в лексической системе хантыйского языка лексико-семантическим полем «возраст», которое представляет собой межчастеречное образование и характеризуется многообразными парадигматическими, синтагматическими, ассоциативно-derivационными связями. Элементы и группировки лексико-семантического поля широко отображают как реалистическое, так и мифопоэтическое, в том числе оценочное, ассоциативно-образное, национально-культурное содержание концепта возраст. Концепт возраст, являясь микро моделью культуры, участвует в формировании представления о целостном образе человека, позволяя выделить в системе его языковой реконструкции ипостась «человек развивающийся»; она реализуется в подмножестве возрастных языковых образов, которые последовательно сменяют друг друга. Значимыми для объяснения сущности параметра возраст в хантыйском языковом сознании мы считаем оппозиции «внутренний – внешний», «молодой – старый», «мужской – женский», «индивидуальный – социальный».

Итак, когнитивно-семантическая модель концепта возраст строится на основе категорий градуальности, оппозитивности, нормативности, оценочности, образности, стереотипизированности, репрезентирующих устойчивые, структурированные коллективным сознанием значения и смыслы единиц языка.

Литература

1. Бурыкин А. А. Традиционный календарь, счет сезонов и возраста у эвенов // *Время и календарь в традиционной культуре*. СПб., 1999. С. 71–78.
2. Прокопьева Н. Н. Время и возраст человека в традиционной картине мира восточных славян // *Время и календарь в традиционной культуре*. СПб., 1999. С. 175–177.
3. Литвиненко Ю. Ю. Концепт возраст в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006.
4. Любина И. М. Аксиология концепта "возраст" в русской, британской и американской лингвокультурах : автореф. дис... канд. филол. наук. Краснодар, 2006.
5. Соловар В. Н., Тарлина Н. Лексика, связанная с обрядами деторождения (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // *Казымские чтения: материалы научно-практической конференции*. Ханты-Мансийск, 2010. С. 155–178.
6. Сподина В. И. Номенклатура родства как универсальный социокультурный феномен обских угров и самодийцев. Ханты-Мансийск, 2010. 113 с.

References

1. Burykin A. A. Tradicionnyj kalendar', schet sezonov i vozrasta u jevenov // *Vremja i kalendar' v tradicionnoj kul'ture*. SPb., 1999. S. 71–78.
2. Prokop'eva N. N. Vremja i vozrast cheloveka v tradicionnoj kartine mira vostochnyh slavjan // *Vremja i kalendar' v tradicionnoj kul'ture*. SPb., 1999. S. 175–177.
3. Litvinenko Ju. Ju. Koncept vozrast v semanticheskom prostranstve obraza cheloveka v russkoj jazykovoj kartine mira : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: Omsk, 2006.
4. Ljubina I. M. Aksiologija koncepta "vozrast" v russkoj, britanskoj i amerikanskoj lingvokul'turah : avtoref. dis... k. filol. nauk. Krasnodar, 2006.
5. Solovar V. N., Tarlina N. Leksika, svjazannaja s obrjadami detorozhdenija (na materiale kazymskogo dialekta hantyjskogo jazyka) // *Kazymskie chtenija: materialy nauchno-prakticheskoj konferencii*. Hanty-Mansijsk, 2010. S. 155–178.
6. Spodina V. I. Nomenklatura rodstva kak universal'nyj sociokul'turnyj fenomen obskih ugrov i samodijcev. Hanty-Mansijsk, 2010. 113 s.

Шиянова А. А.

БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
Ханты-Мансийск

**К вопросу о морфологической структуре парных слов
в шурышкарском диалекте хантыйского языка
(на примере наречия, имени числительного, местоимения)**

**To the question of morphological structure of the pair words in Shuryshkarsky
dialect of Khanty language (on the example of adverbs, numerals, pronouns)**

УДК 81'367.6(511.142);81'366

Аннотация. В статье анализируется морфологическая структура парных наречий, имен числительных и местоимений хантыйского языка на материале шурышкарского диалекта. Автор рассматривает парные наречия, числительные и местоимения с точки зрения словообразования и словоизменения.

Summary. The article analyzes the morphological structure of pair adverbs, numerals and pronouns of Khanty language on the material of Shuryshkarsky dialect. The author considers the pair adverbs, numerals and pronouns from the point of view of the word formation and inflection.

Ключевые слова: хантыйский язык, парные слова, наречия, числительные, местоимения, морфология.

Keywords: Khanty language, pair words, adverbs, numerals, pronouns, morphology.

Изучение лексического фонда хантыйского языка и особенностей его формирования остаётся одной из важнейших задач современного хантыйского языка.

В данной статье мы рассмотрим морфологическую структуру парных наречий, числительных и местоимений хантыйского языка на материале шурышкарского диалекта.

Материалом исследования послужила картотека, полученная методом сплошной выборки из источников и данных информантов.

Парные наречия

Наречие – несклоняемая и неспрягаемая самостоятельная часть речи, которая обозначает признак действия или признак другого признака, по образованию соотносится со всеми самостоятельными разрядами слов, а в предложении является обстоятельством, примыкая обычно к глаголу, реже к прилагательному и наречию.

В современном хантыйском языке есть значительная группа наречий, образующихся путем соединения двух основ, или же при помощи удвоения основ.

Вслед за Г. Ш. Аджимамбетовой [1] мы считаем, что наречия, образованные способом повторения, редупликации или удвоения основ, представляют собой парные сочетания имён, наречий и других частей речи, лексически используемых для определения качества действия или состояния.

Составными компонентами парных наречий могут быть различные части речи: существительное, глагол, деепричастие, числительное, прилагательное, наречие, предикативное слово.

По своей морфологической структуре наречия неоднородны.

Парные наречия образуются путем присоединения суффиксов и словосложением.

Многие наречия являются застывшими формами дательно-направительного или местно-творительного падежа [2: 130], приведем примеры таких парных слов из нашей картотеки.

Формы без падежей: *Imeŋən-ikeŋən tuɾan-tuɾan waŋxərtlätən, joʃ wewl̥i pitman, kur wewl̥i pitman* 'Муж с женой еле-еле шевелятся, руки обессилели, ноги обессилели'; *Łuwət xot̥i ušan-suran mojlant̥ilät, ušan-suran šaj inšlät* 'Они друг друга одаривают, друг друга чаем угощают (букв.: друг друга, взаимнообразно)'; *Min ši xuwat šun̥man-xol̥man jaŋxsəməŋ* 'Мы так долго от-

дыхая-останавливаясь ездили'; *Šalta numelta kerətman-laritman, sis-kos wurajən muwəl hūwela ši xaśəs* 'После сверху вокруг (букв.: вокруг, повсюду), в мгновение с трудом земля под ногами осталась'.

В дательно-направительном падеже: *In ewtəm juχləl kut=a-kut=a ši xaśsət* 'Напиленные дрова в некоторых местах (букв.: к промежутку-к промежутку) остались'; *Ma Xiń ikem pilna jam=a-atm=a potərləm, šaxa ješa ronləm* 'Я с Хинем хорошо-плохо поговорю, потом немного подожду'; *Min šaxa ajn=a-ajn=a joχətləmən* 'Мы потом немного погода придем'; *Oj, joχi loŋlatən, ow=a-χon=a joχantiltən kerətliman* 'Ой, домой заходят в двери-косыки стучаются, валяются'; *Nowi tutew lepəŋən at=a-χatl=a lel* 'Электричество на станции круглосуточно горит'; *Joχtatij, umś=a-kamś=a ultij pitləw* 'Приезжайте, хорошо жить будем'; *Lūw isa ewl=a-jol=a werəl* 'Он все точно, упрямо делает'; *Oχ nuša – Kar nuša ikew amuj pela mośatəs: pusŋəl kul=a-waś=a etlijəl* 'Охнуша-Карнуша (букв.: голова бедная, нога бедная) что хоть добыл: дым широко-узко появляется'; *Ojəŋ=a-piśəŋ=a, jisəŋ=a-nuptəŋ=a ulatij!* 'Счастливо-удачливо, долго-вечно живите!'; *Ši lowat un pumaśipa nanen jastələm, muw=a-jin̄k=a ānt leplij* 'Такое большое спасибо тебе говорю, на земле-на воде не уместится'; *Taśəŋ=a-uśəŋ=a ula* 'Богато (букв.: со стадом с нельмой) живи'; *I χotən joχ isa tup i imel jeməŋ=a-pasəŋ=a tajsəl̄ij* 'Один только мужчина к жене своей хорошо (букв.: священо-запретно) относился'; *Aj mońś χu lil=a-mar=a tut'juχ sewrəs* 'Маленький сказочный человек очень быстро (букв.: к дыханию-к промежутку) дрова рубил'; *Jert=a-wot=a ši juwmal* 'Дождливо-ветрено стало, оказывается'; *Lūw in wolkət, tup joχi taltij keša šup=a-šup=a ewətlilləmən* 'Они сейчас без сучков, но чтобы удобно их было привезти домой, на части (букв.: на половинки-половинки) распилим'; *Pormaslam šir=a-wur=a leśatsəllam, wel̄si jiləm* 'Вещи как положено хорошо приготовил, только приеду'; *Šir-šir=a isa leśatsəlli, jowərsəlli, ultax̄ti χira pāχija pōntsəlli, uχla χuštij kim tuslij* 'Все как положено прибрал, в холщевый мешок удобно сложил, к развольням привязал на улицу унес'.

В местно-творительном падеже: *Turmew χuw=ən-wan=ən nawija juwmal* 'Небо давно (букв.: давно-недавно) уже стало светлым'; *Muj jin̄k woj soχ kāt niməl kūt=ən-kūt=ən il χanāmtijəl* 'Что шкура бобра между двумя краями прилипает'; *Xot owən in ot tup ši nāl joś=ən-kur=ən wan̄kman joχi māl̄nəl* 'Возле дома этот только на четвереньках (букв.: на четырех руках-ногах) домой ползет'; *Lojtij ānt weritəl, wuraj=ən-wuraj=ən šuśəl* 'Стоять не может, с трудом (букв.: ели-ел) идет'; *Kew untij aj=ən-aj=ən woštəsləw* 'До гор потихоньку (букв.: мало-помалу, понемногу, постепенно) гнали'; *Šir-šir=ən leśatəm puran χotij jil* 'С хорошо подготовленным (букв.: как следует, как положено, как надо) бураном что может случиться'; *Jaləp tal χatlət el̄tij potər χuləntsət pa nāχ-kaś=ən weril̄isajət* 'О новом годе речь слушали и развлекательную (букв.: со смехом-развлечение) программу сделали'.

Рассмотрим парные наречия, образованные с помощью словообразовательных суффиксов:

Суффикс *=ti* образует наречия от указательных местоимений: *Pa ši=ti-ši=ti jastəl* 'Дак так и так говорит'; *Xo=ti-χo=ti – šaxa nīla* 'Что-как – потом видно будет'; *Xo=ti-ši=ti nāŋ wersen* 'Как-так ты сдедал'.

Суффикс *=ta* образует наречия от местоимений, существительных, прилагательных и наречий: *Pojtekət ta=ta-tu=ta pukātən ši jan̄χlət* 'Куропатки то здесь то там стаями летают'; *Tul=ta-tal=ta lewasa nāwremət ar* 'Оттуда-отсюда всяких детей полно'.

Суффикс *=li* образует наречия от наречных сопроводительных частиц и придает наречиям значение направления движения: *Ši nōl joχ=li-jeśalt taltij ši pitsət* 'Эта стрела в сторону дома навстречу направляться стали'; *Kaś=li-puś=li rupitəl* 'Работает вяло'; *Muŋ širewən sij=li-kaś=li ulləw* 'Мы сами по себе тихо бесшумно живем'; *Lūw šir=li-oś=li rupatajəl werl̄əlli* 'Он беспорядочно работу делает'; *Šikem muśən jasəŋ=li-l'awət=li joχtəm χotema loŋeməlmən* 'Вместо этого без лишних слов и ругани зайдем в дом, в который приехали'.

Суффикс *=ln* образует наречия от существительных: *Xuw al mana, kutə=ln-lutə=ln lojl̄ija* 'Долго не езжай, местами останавливайся'; *Luw ijultij kamə=n-jo=ln jan̄χəl* 'Он везде снаружи и изнутри ходит'.

Суффикс *=elt* образует наречие от наречий, присоединяется к словам с пространственной семантикой: *Kim etas tuw=elt-tox=elt wantijəs* ‘На улицу вышел, туда-сюда посмотрел’.

Парные наречия, образующиеся путем словосложения, могут обозначать:

– качество, например: *Tajlät sir-sir xoram nuwət* ‘Имеют разные красивые ответвления’;

– степень действия, например: *Ma šenjk-šenjk metsəm* ‘Я очень-очень устал’; *Lūw sora-sora janxəl* ‘Он быстро-быстро ходит’; *Ši-si šitj werj* ‘Вот-вот так делай’; *Ma xalewət aləŋ-aləŋ killəm* ‘Я завтра рано-рано встану’; *Joxluw tup-tup xatlət* ‘Люди наши едва-едва двигаются’;

Они могут быть представлены антонимами с пространственной или временной семантикой, например: *Ti-toxi partəlijtj* ‘Командовать (букв.: туда-сюда приказывать)’; *Muj nāŋ kim-joxi taləsijən?* ‘Что ты на наружу-внутри таскаешься?’; *Jel-joxi janxəl* ‘Вперед-назад ходит’; *I kawrəm put kawərmətj sīs jinkəl il-nox eptəmtijəl* ‘Пока один горячий котел закипит, вода вниз-вверх поднимается’; *Lūw atəl-xatəl kina wantəl* ‘Он круглосуточно смотрит кино’; *Xuw-wan potərman, jastəman oməssəŋən* ‘Долго или коротко разговоры разговаривая сидели’; *Xuw=əl-wan=əl tamitj ma pa pitləm šukaštj* ‘Долго ли коротко так я еще буду мучиться’;

– время, например: *Ul-ul joxtəlijəl* ‘Время от времени (букв.: живет-живет) приезжает’; *Xalewət-paxatəl iši pa xirtj pitla, iši pa joxətla* ‘Завтра послезавтра все равно копать будут, все равно приедут’; *Lūw ješa-ješa ənt joxtəs* ‘Он чуть-чуть не достал’; *Sa-sa, malem xotj* ‘Сейчас, дам ведь’.

Итак, мы рассмотрели парные наречия с морфологической точки зрения, выявили, что словообразовательные суффиксы в большинстве случаев присоединяются к обоим компонентам парного слова кроме слов *šir-šir=a* ‘как следует, как положено, как надо’, *šir-šir=ən* ‘как следует, как положено, как надо’, *naŋ-kaš=ən* ‘со смехом-развлечением’, к данным словам суффиксы присоединяются ко второму компоненту парного слова.

Парные имена числительные

Имя числительное – это самостоятельная часть речи, обозначающая количество предметов или порядок их при счете и выражающая эти значения в грамматических категориях падежа, отчасти – числа [2: 84].

В хантыйском языке в основном встречаются парные имена числительные распределительные, неопределенно-количественные и обозначающие примерное количество предметов.

Распределительные числительные обозначают количество предметов при счете их группами. Они образуются путем повторения числительного в местно-творительном падеже [2: 88]. В нашей картотеке встретились парные числительные только первого десятка, например: *Ewet ŋal=ən-ŋal=ən xora lelsət* ‘Девушки по четыре сели в лодку’; *Laŋki soxət xut=ən-xut=ən eχətsəlləmn* ‘Шкурки белок развесили по шесть’; *Tut juχlan kāt=ən-kāt=ən ponjla, trušpain ewəttj pitləllam* ‘Дрова по два сложи, дружбой пилить буду’; *Tām pormaslən jaŋ=ən-jaŋ=ən lakki ortalən* ‘Эти предметы по десять разделите’; *Nāŋ wet=ən-wet=ən kašəŋ paja pona* ‘Ты по пять к каждую кучу положи’.

Неопределенно-количественные числительные – это небольшой разряд слов, выражающих общее понятие неопределенного количества (большого или малого), образуются путем повтора неопределенного числительного для большего усиления степени, например: *Ma xotj šiməl-šiməl riχ akətsəm* ‘Я то мало-мало ягод собрала’; *Aŋkemən xotj ma arən-arən sākən masajəm* ‘Мама мне много-много бисера дала’.

Парные имена числительные, обозначающие примерное количество предметов, образуются из двух разных числительных, например: *Kāt-χuləm wasijən tutlisəm* ‘По две-три утки приносил’; *In ewi kāt-χuləm tal us pa joxi mantj sontəməs* ‘Эта девушка два-три года пожила и домой ехать собралась’; *Lūw ŋal-wet lon tup werəs* ‘Она четыре-пять жил только сделала’; *I-kāt tuntijən xot pelək laŋkla* ‘Одним-двумя слоями бересты пол чума укрывают’; *Šišən, mosəs šitamən joxəttj, jaŋ-χus xojat pilən potremətj* ‘Поэтому, надо было тихо придти, с десятью-двадцатью людьми переговорить’; *Jaŋ aj nāwrem ewəlt xut-wet nāwrem tup satika janxəl* ‘Из

десяти маленьких детей только шесть-пять детей в садик ходит'; *Xut-lapət moxsəŋ pa kamətsa šoxər – ši mošatijj xullan* 'Шесть-семь муксунов и несколько шёкуров – вот и вся добыча'.

Кроме сдвоенного числительного примерное количество также выражается суффиксом =*kem*, например: *Ma porətmən xol'maŋ-ŋaljaŋ=kem xul almijsəm* 'Я плавая тринадцать-четырнадцать рыб добывал'; *Kew wūs xuwat wet-xut=kem kalaŋ manəs* 'По горному ущелью пять-шесть оленей ушло'.

Итак, парные имена числительные образуются путем повторения числительного в местно-творительном падеже, путем повтора неопределенного числительного, они образуются из двух разных числительных, а также с помощью суффикса = *kem*.

Парные местоимения

Местоимения – это слова, которые непосредственно не называют предметы и их признаки, а лишь указывают на них [2: 89].

Парные местоимения образуются с помощью повтора:

– двух личных местоимений, например: *Min-min manləmən* 'Мы-мы поедем'; *Lin-lin jošlən, ljin kurlən jołən usŋən* 'Ваши-ваши руки, ваши ноги дома были';

– двух указательных местоимений, например: *Ši-ši kalaŋ katlałən* 'Того-того оленя поймите'; *Tumi-tumi manəm seŋksəllj* 'Тот-тот меня побил';

– двух определительных местоимений, например: *Tam šiməs-šiməs woš ewəlt ul* 'Этот с такого-то с такого-то города'; *Šiməs-taməs aj wojije ultj manem tarastijəl* 'Такой-сякой маленький зверек жить мне мешает'; *Ljw xotj šikem-tamkem xu āntom* 'Он ведь непростой мужичек';

– двух вопросительных местоимений, например: *Muj-muj mŋŋ ŋijal sem tajləw* 'Что-что у нас восемь глаз имеется'; *Xoj-xoj jil?* 'Кто-кто идет?'.

Итак, парные местоимения образуются из двух личных местоимений, из двух указательных местоимений, из двух определительных местоимений, из двух вопросительных местоимений.

Таким образом, мы рассмотрели морфологическую структуру парных наречий, числительных и местоимений хантыйского языка на материале шурышкарского диалекта.

Литература

1. Аджимамбетова Г. Ш. Образование сложных наречий в крымскотатарском языке [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/knp/155/knp155_125-129.pdf
2. Хантыйский язык : учеб. для уч-ся пед. училищ. Л. : Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1988. 224 с.

References

1. Adzhimambetova G. Sh. Obrazovanie slozhnyh narechij v krymskotatarskom jazyke http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/knp/155/knp155_125-129.pdf [jelektronnyj resurs].
2. Hantyjskij jazyk : uchebn. dlja uch-sja ped. uch-w. L. : Prosvewenie. Leningr. Otd-nie, 1988. 224 s.

ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ

Айварова Н. Г.

ФГБОУ ВПО «Югорский государственный университет», Ханты-Мансийск

**К вопросу языкового развития детей коренных
малочисленных народов Севера**

**To the question of language development in children of indigenous small-
numbered peoples of the North**

УДК 81; 39; 373; 37.015.3

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых особенностей языкового развития детей коренных малочисленных народов Севера, опосредованных особенностями традиционной культуры, билингвизмом и современной социокультурной ситуацией. Раскрываются противоречия между языковым развитием ребенка-дошкольника в самобытной культуре и организацией учебного процесса в современной школе, поднимаются вопросы совершенствования образовательного процесса в школах и учреждениях дошкольного образования с учетом этнокультурной специфики развития детей коренных малочисленных народов Севера.

Summary. The article analyses some peculiarities of language development in children of indigenous small-numbered peoples of the North, mediated by specific features of traditional culture, bilingualism and contemporary socio-cultural situation. Contradictions between a language development of a target group children in ethnic culture and the educational process organization in modern school are shown; questions of improvement of learning process in schools and pre-school educational establishments with due regard for ethnic cultural specificity are discussed.

Ключевые слова: развитие, языковое развитие, билингвы, национально-русский билингвизм, образование, национальное самосознание.

Keywords: development, language development, bilingual, national-Russian bilingualism, education, ethnic self consciousness.

Вопросы сохранения и развития языков малочисленных народов Севера обсуждаются специалистами разных областей, прикладываются немалые усилия по внедрению различных проектов по сохранению языка, по изданию учебной, учебно-методической литературы, но проблема не престаёт быть актуальной. Очевидно причина в том, что невозможно насильственным способом, диктуя «сверху», заставить активно заговорить людей, читать литературу на языке предков, особенно современных детей и молодежь. Для достижения позитивных результатов в данном направлении необходимо учесть особенности языкового развития современных детей-аборигенов, активно использовать достоинства билингвизма и современные педагогические технологии в образовательном процессе.

Дети коренных народов Севера в большинстве своем являются двуязычными (билингвами), они растут и развиваются среди носителей двух языков, многие из них привыкают с самого детства свободно пользоваться двумя языками.

Языковое развитие человека – сложное явление, которое начинается с первого года и продолжается в течение всей жизни. Выделяют четыре аспекта языкового развития: фонологию (усвоение звуков), синтаксис (усвоение глубинной структуры языка), семантику (усвоение значения слов и выражений) и прагматику (овладение навыками общения с помощью языка). Наиболее быстрыми темпами обучение языку происходит в раннем детстве, примерно к 6-7 годам дети овладевают произношением основных звуков, базовой грамматикой и почти всей (свыше 90%) базовой лексикой родного языка.

У детей-билингвов идет параллельное развитие всех аспектов двух языков, часто относящихся к разной языковой группе, овладение навыками общения на двух языках в зависимости от коммуникативной ситуации.

Язык состоит из системы знаков – слов. Любое слово имеет три функциональные стороны: предметную соотнесенность, значение и смысл [1]. Смысл – это то внутреннее значение, которое имеет слово для самого говорящего и которое составляет подтекст высказывания. Для ребенка, выросшего в самобытной культуре, на стойбище или в отдаленной национальной деревне, смысл таких слов как «охотник», «олень», «нарты», «снег», «кедр» и других, связанных с особенным образом жизни, абсолютно иной, чем для ребенка, выросшего в Ханты-Мансийске. Эти же слова являются совершенно абстрактными и чужими для ребенка-москвича. У ребенка-билингва формируется иная смысловая структура речи, чем у ребенка-монолингва.

Проблема двуязычия широко обсуждается в современном информационном мире, так как постепенно рушатся барьеры межкультурного общения, размываются границы между этническими группами. Вопросы, связанные с двуязычием, неоднозначны и имеют широкий спектр разнообразия в связи с различными социокультурными ситуациями. Так, для многих русскоязычных семей в современной Европе и Америке остро стоит проблема сохранения языков предков среди подрастающего поколения. В российских школах на сегодняшний день одна из актуальнейших проблем – слабое знание, а порой полное незнание русского языка многочисленными детьми-мигрантами, прибывшими из бывших национальных республик Советского Союза, у детей национальных территорий России низкая мотивации изучения родного языка. Поэтому существует множество определений и разное понимание билингвизма.

Чаще всего билингвизм рассматривается как свободное владение двумя языками и попеременное использование их в зависимости от условий речевого общения. Билингвы способны думать на обоих языках, они не переводят мысленно текст с одного языка на другой, а свободно переходят из одной языковой структуры в другую. Как правило, «идеальные» билингвы, для которых оба языка полностью сбалансированы и сосуществуют равноправно, в реальной жизни встречаются редко.

Р. Алиев и Н. Каже с целью подчеркивания социальной значимости многоязычия в западной культуре выделяют би-(мульти)культуризм (принадлежность к двум или более культурам), что предполагает почти равноценное владение обеими (несколькими) культурными средами, сочетающееся со способностью не только удовлетворять свои культурные потребности в обеих (или нескольких) средах, но и не испытывать при этом ни малейшего дискомфорта [2, 11]. Авторы выделяют билингвов по образованию, по происхождению, по ситуации, а также очень противоречивое понятие – билингвизм как родной язык. Это несколько провокационное понятие, в котором нехотя признается тот факт, что целые группы современных детей вырастают в обстановке практического билингвизма.

В различных странах отношение к билингвизму определяется, прежде всего, конкретной политической и социальной ситуацией. В Европе, например, владение двумя языками – это показатель определенного культурного уровня, свидетельство того, что человек является «гражданином мира». В Соединенных Штатах билингвизм – это скорее знак того, что человек приехал в эту страну недавно и еще не успел американизироваться. Как пишет Г. Крайг, хотя американское общество и делает шаги в сторону культурного плюрализма, но на миллионы детей в США, растущих в двуязычном окружении, может быть оказано явное или скрытое давление, с целью подогнать их под общий стандарт [3, 389].

Что касается отношения к национально-русскому двуязычию, распространенному в России, как справедливо отмечает А. А. Бурыкин: «...к способности казахов, татар, бурят, эвенков, нанайцев, чукчей говорить по-русски, то оно всегда было поощрительным как среди русских, так и среди всех этнических меньшинств – тут как бы нет и проблемы. Проблема заключается в том, что для значительного процента этнических меньшинств в настоящее время характерно уже не двуязычие, а русскоязычный монолингвизм, в обиходе именуемый невлаждением языком своего этноса. Отношение к данному явлению среди русских и шире – русскоговорящих (включая представителей других крупных этносов, пользующихся русским языком) – является скорее отрицательным, нежели положительным. На этом фоне странным

оказывается то, что внутри этнических меньшинств отношение к данному феномену является нейтрально-безразличным» [4]. В большинстве национальных территорий России постепенно сокращается число представителей этнических меньшинств, говорящих на родном языке, наблюдается низкий уровень мотивации учащихся при изучении национальных языков в школе. Использование русского языка в школах-интернатах российского Севера не только в качестве средства обучения, но и средства общения, на протяжении нескольких десятилетий только привело к формированию нескольких поколений аборигенов, использующих и в быту русскую речь, и как следствие – обесцениванию родного языка. Современные дети народов Севера общаются с родителями и сверстниками преимущественно на русском языке. Исключение составляют лишь отдаленные деревни и стойбища, где проживающие в семьях дедушки и бабушки плохо говорят на русском языке [5, 106]. Среднее поколение владеет хорошо двумя языками, а современные дети в большинстве своем уже являются монолингвами. Часто старшее поколение использует язык предков в функции «тайного языка», то есть используют родной язык в той ситуации, когда хотят что-то скрыть от ребенка, чтобы ребенок не смог понять.

В данной статье обозначим несколько специфических особенностей языкового развития детей коренных народов Севера, которые требуют серьезного внимания при организации образовательного процесса в учреждениях образования для детей народов Севера.

Во-первых, дети коренных малочисленных народов с рождения окружены звучанием двух языков, причем статус языка предков ниже, чем русского, поэтому такой билингвизм не является социально престижным. Именно по этой причине многие родители в общении с маленьким ребенком начинают использовать русский язык или смешивать речь на родном языке с русской речью, формируя таким образом «полуязычие», когда ребенок не владеет в достаточной степени ни одним из языков. Язык – это не только важнейшее средство человеческого общения, но и универсальный инструмент познания действительности, неразрывно связанный с мышлением. От того, насколько развита была в детстве речь ребенка, напрямую зависят склад его психики, характер мышления, интеллектуальный уровень, мироощущение, а значит и его успехи в учебе, интересы, круг друзей, выбор профессии, одним словом – его место в обществе. На наш взгляд существует острая необходимость реализации специальных адаптивных программ речевого развития для детей 6-7 лет, при подготовке к школе, особенно детей, проживающих на стойбище и в отдаленных деревнях. Причем, если ребенок говорит на родном (не русском) языке, то такая программа должна быть построена на языке ребенка с целью повышения уровня его речевого развития. Важно, чтобы ребенок научился пользоваться языком не только как средством общения, но и средством познания и установления социальных отношений с окружающими людьми.

По мнению Т. Н. Ломбиной неполноценные речевые установки, полученные ребенком в раннем детстве, могут обернуться впоследствии его психической и интеллектуальной неполноценностью. Для «полуязычного» подростка картина мира изначально искажена, возможность самовыражения затруднена, отсюда – проблемы с учебой, ущербность контактов, неприятие культуры вообще, агрессивность [6].

«Полуязычие» характерно и для внутреннего билингва – это когда человек, считающий себя билингвом, скорее является представителем «диглоссии», зачастую одинаково слабо владеющий обоими языками [2, 14]. В данном случае термин «диглоссия» используется в кавычках, диглоссия – это феномен параллельного сосуществования двух диалектов на одной и той же территории, когда один из них является литературным, а второй представляет собой преимущественно разговорную версию. В русском языке есть понятие «малограмотный», который хорошо описывает уровень языковой компетентности такого «билингва» [2, 17].

Еще одна проблема в речевом развитии детей-аборигенов связана с немногословностью воспитания в традиционной культуре народов Севера, что противоречит школьному вербальному обучению. Ребенок в самобытной культуре учится многому сам, наблюдая за взрослыми, следуя примеру отца или матери. Окружающие взрослые относятся к ребенку уважительно, как к равному. Как отмечают В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина: «...все рушится,

когда ребенок попадает в школу-интернат. Он сразу лишается возможности проявлять себя как самостоятельная творческая личность, его только учат, причем словесно» [7, 17]. В школе ребенок вынужден выполнять учебные задачи по словесному указанию учителя, к чему ребенок, выросший в условиях стойбища или деревни, не посещающий детское дошкольное учреждение, совершенно не приучен. Дети в чуждых, непривычных условиях взаимодействия со взрослыми «теряются» и замыкаются в себе, по подобию аутичных детей, они не способны полноценно «считывать» информацию из окружающего мира. Педагоги должны учитывать такие особенности детей, подбирать иные, природосообразные, формы обучения и объяснения учебного материала, в частности, носящие характер открытия и самостоятельного познания.

В-третьих, ненасильственный характер этнопедагогики народов Севера также противоречит директивным формам взаимодействия учителя с учащимися, имеющими место быть в современной школе. Причем директивность часто проявляется в жесткой вербальной форме. В традиционной культуре не принято было наказывать детей. Это О. А. Кравченко объясняет рядом причин: во-первых, считалось, дети ниспосланы Великой богиней Калтащ ангки и родители несут ответственность за их жизнь. Кроме того, у каждого ребенка есть свой личный дух-покровитель, который может вступить за обиженного. А также считалось, что в ребенка реинкарнировала душа умершего старшего родственника, что тоже не позволяло детей наказывать [5, 136].

В-четвертых, существуют противоречия в развитии прагматического аспекта языка. Умение человека общаться с помощью языка требует гораздо большего, чем удовлетворительное овладение фонологией, семантикой и синтаксисом. Оно предполагает умение придавать сообщению форму, соответствующую потребностям конкретных слушателей. В условиях стойбища, отдаленных деревень у детей очень ограниченный круг общения, ребенок, как правило, имеет четкую привязанность к конкретному взрослому, что обеспечивает чувство защищенности и комфорта. С поступлением в школу-интернат ребенок попадает в ситуацию разрозненных социальных отношений в условиях незнакомой среды, разные взрослые начинают предъявлять ему разные требования, что требует развитых навыков социального приспособления, которые достаточно хорошо сформированы уже к данному возрасту у их городских сверстников. На первых порах обучения в школе-интернате есть острая необходимость создания условий для четкой привязанности ребенка к конкретному взрослому, стабильного личностного общения со взрослым в условиях школы-интерната. Можно использовать такую форму как шефство старших детей, что позволяет свободно использовать при общении родной язык. Такое взаимодействие будет способствовать формированию эмоционального благополучия детей, чувства безопасности и защищенности.

В-пятых, большое влияние двуязычие оказывает на формирование не только личности в целом, но и этнического самосознания. Ребенок, растущий среди носителей двух языков и становящийся билингвом, одновременно имеет особенности и лингвистического, и социального характера. Он с детства осознает существование неравнозначности двух культур, двух языков. Русский язык во многих национальных регионах России имеет более высокий статус, чем родной. Причин этому множество: государственный язык страны, преобладание русскоязычных средств массовой информации, язык обучения в школе и в вузах, общественное мнение и другое. Безусловно, такое положение родного языка не может не отразиться на формировании национального самосознания, этнической идентичности и самосознания в целом. К сожалению, приобщение молодого поколения к традиционной культуре часто ограничиваются только этнопросвещением, что недостаточно для формирования позитивной этнической идентичности.

Этническая идентичность – это сложное психологическое образование личности, представляет собой субъективное осознание, восприятие, эмоциональное оценивание, переживание своей принадлежности к этнической общности. Особо значимым для формирования этнической идентичности является подростковый возраст, так как задача данного возраста – самоопределение, формирование личностной, социальной идентичности. Важно построить

целостную систему урочной и внеурочной работы, направленную на формирование позитивной этнической идентичности в рамках образовательной системы школы. Это возможно лишь при реализации активных форм этнообразования с использованием технологий коллективных творческих дел, индивидуально-рефлексивной технологии воспитания, тесного взаимодействия с активными представителями и носителями культуры. Важно у подростков и старшеклассников формировать личностный смысл знаний о собственной национальной культуре, владения родным языком. Именно такой подход соответствует требованиям Федеральных государственных образовательных стандартов, так как ориентирован на формирование личностных и регулятивных универсальных учебных действий. Формирование позитивной этнической идентичности является необходимым условием гармоничной личностной, гражданской, региональной идентичности личности.

Явление билингвизма в нашей стране изучено преимущественно лингвистами, а проблемы социального развития детей, развитие когнитивных (познавательных) процессов в условиях билингвизма полнее изучены зарубежными психологами.

Первые исследования, проведенные в США и Великобритании, показали, что изучение двух языков в раннем возрасте замедляет когнитивное развитие. Дети – билингвы демонстрировали в целом худшие результаты в тестах на знание нормативного английского языка, чем дети, говорящие лишь на английском языке. Но в большинстве этих исследований не принимались во внимание социальное положение и образовательный уровень детей и родителей. Другими словами, слабые результаты детей-билингвов могли быть вызваны не только их двуязычием, но и такими причинами, как материальная необеспеченность, недостаток образования и незнакомство с новой культурой [3, 389]. Такая точка зрения существует и по отношению к детям народов Севера. Низкую результативность в учебной деятельности детей-аборигенов некоторые специалисты склонны связывать не с отсутствием грамотных специально адаптированных образовательных программ, недостаточным уровнем профессиональной, педагогической и этнопсихологической компетентности педагогов сельских школ, а с этническими особенностями детей.

Сейчас большинство исследователей полагают, что овладение более чем одним языком件лезно для детей как в лингвистическом и культурном, так, вероятно, и в когнитивном отношении.

Путь билингвизма открывает перед ребенком более широкие возможности и перспективы в жизни. В ребенке будут гармонично уживаться не только два языка, окружающий мир, который ребенок познает через язык, предстанет перед ним в двух измерениях, две культуры станут для него родными и близкими, ему откроются богатейшие возможности самовыражения. Ребенок с раннего возраста научится более глубокому пониманию чувств, переживаний и мыслей других людей, станет психологически гибким. У него будет высокий коэффициент эмоционального интеллекта. Билингвизм положительно сказывается на развитии памяти, математических навыков, логики, на скорости реакций. Поэтому полноценно развивающиеся дети-билингвы хорошо учатся, у них высокий коэффициент умственного развития [6].

Чтобы у учащихся была высокая учебная мотивация при изучении национального языка, культуры, важно, чтобы они стали личностно-значимым для ученика. Для этого на уроках необходимо раскрывать уникальность, достоинства и преимущества национально-русского двуязычия, использовать знание двух языков. Педагоги должны помочь ребенку понять, что язык и культура являются посредником между человеком и окружающей действительностью и играют огромную роль в формировании субъективной картины мира. Чем больше культур человек усвоил, чем больше языков он знает, совершенно независимо от статуса языка, тем шире диапазон его мироощущения. Использование богатства двух и более культур дает широкие возможности для развития широты и гибкости ума, аналитических способностей, творчества личности. Те, кто соприкасается только с одной культурой, многое в мире воспринимают как само собой разумеющееся, не имея возможности сопоставлять и сравнивать разные взгляды, разные точки зрения. Овладение двумя или более культурами дает человеку

возможность посмотреть на многие вещи с разных позиций, с разных ракурсов, понять разные точки зрения.

Жизнь показала, что именно билингвами сделаны многие уникальные открытия в мире [3, 390]. Используя достоинства билингвизма для интеллектуального развития, эмоционального интеллекта, самосознания личности можно формировать современное мобильное с развитой коммуникативной компетентностью подрастающее поколение коренных народов Севера, способное сохранить и преумножить культуру своих предков.

Литература:

1. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6-ти т. Мышление и речь / под ред. В. В. Давыдова. М. : Педагогика, 1982. Т. 2. 504 с.
2. Алиев Р. Билингвальное образование. Теория и практика / Рига : RETORIKA A, 2005. 384 с.
3. Крайг Г. Психология развития. [Текст] / СПб. : Питер, 2000. 992 с.
4. Бурыйкин А. А. Ментальность, языковое поведение и национально-русское двуязычие [Электронный ресурс] – URL: <http://bilingual-online.net> (дата обращения 07.03.2012).
5. Кравченко О. А. Этносоциопедагогика казымских хантов. СПб. : Миралл, 2007. 160 с.
6. Ломбина Т. Н. Психическое развитие дошкольников на основе русского языка как основа формирования билингва [Электронный ресурс] – URL: <http://bilingual-online.net> (дата обращения 07.03.2012).
7. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты [Текст] / Новосибирск : Наука : Сибирская издательская фирма, 1992. 136 с.

References

1. Vygotskij, L. S. Sobrańie sochinenij [Tekst]: v 6-ti t. Myshlenie i rech' / pod red. V. V. Davydova. M. : Pedagogika, 1982. T. 2. 504 s.
2. Aliev R. Bilingval'noe obrazovanie. Teorija i praktika [Tekst] / Riga : RETORIKA A, 2005. 384 s.
3. Krajg G. Psihologija razvitija [Tekst] / SPb. : Izdatel'stvo «Piter», 2000. 992 s.
4. Burykin A. A. Mental'nost', jazykovoe povedenie i nacional'no-russkoe dvujazychie / <http://bilingual-online.net> (data obrawenija 07.03.2012)
5. Kravchenko, O. A. Jetnosociopedagogika kazymskih hantov. [Tekst] SPb. : Mirall, 2007. 160 s.
6. Lombina T. N. Psihicheskoe razvitie doshkol'nikov na osnove russkogo jazyka kak osnova formirovanija bilingva / <http://bilingual-online.net> (data obrawenija 07.03.2012).
7. Kulemzin, V. M., Lukina N. V. Znamom'tes': hanty [Tekst] Novosibirsk : Nauka : Sibirskaja izdatel'skaja firma, 1992. 136 s.

Железнова А. К.

ГБУ Центр социального обслуживания «Зеленоградский», Москва

**Исследование развития функций памяти и внимания
у детей из социально незащищенных семей**

**The research functions of memory and attention development
at children from socially disadvantaged families**

УДК 159.922.7;37.025

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного исследования развития функций памяти и внимания у детей из социально незащищенных и обычных семей. Описаны два этапа развития функций памяти и внимания. Показано значение задержки развития функций памяти и внимания для становления речи и интеллектуальной деятельности.

Summary. The article is producing results comparative analysis of socially disadvantaged and ordinary families as a child development source. The study found the influence of family resource factor upon memory and attention function development in the progress of ontogenesis. There were described two stages in memory and attention function development. Research displays meaning delay of memory and attention function development factor for speech and intellect activities grow.

Ключевые слова: развитие ребенка, память и внимание, социальная ситуация развития, социально незащищенные семьи, задержка развития.

Keywords: child development, memory and attention, the socially disadvantaged families, the social situation of development, the delay of development.

А. Р. Лурия в своей монографии «Нейропсихология памяти» говорит о памяти как о «сложной познавательной деятельности, проходящей через ряд последовательных этапов и состоящей в постепенном включении предложенного материала в сложную систему связей» [5, 12].

Внимание охарактеризовано А. Р. Лурия как избирательность относительно поступающего материала – «выделение существенных для психической деятельности элементов» – и как «процесс, который поддерживает контроль за четким и организованным протеканием психической деятельности» [6, 254]. А. Р. Лурия отмечает, что внесение в психологию работами, прежде всего, Л. С. Выготского и его сотрудников исторического принципа анализа сложных форм психической деятельности и продвижение в раскрытии механизмов селективного протекания нейрофизиологических процессов позволили дать научное объяснение сложнейших форм внимания.

«В отличие от элементарного ориентировочного рефлекса произвольное внимание является по своему происхождению не биологическим, а социальным актом, и его следует расценивать как привнесение в организацию селективной психической деятельности тех факторов, которые являются не продуктом биологического созревания организма, а формируются у ребенка в его общении со взрослым» [6, 259]. По мнению В. А. Ковшикова, память и внимание человека подвергаются еще большему воздействию языкового механизма речи, чем чувственное познание. Возникновение собственно человеческого внимания теснейшим образом связано с процессом общения, опосредованного знаками. В раннем онтогенезе внимание ребенка направляется главным образом словесными указаниями взрослого. В дальнейшем происходит «интериоризация» (перевод во внутренний план) внешнего предметного и внешнего знакового компонентов. Постепенно, по мере формирования внутренней речи, внимание из «внешнего», социально опосредованного становится внутренним [3].

Б. Г. Ананьев отмечает, что формирование «умственного действия», приводя к формированию мысли, «одновременно приводит и к формированию внимания, направленного на мыслимое содержание. В дальнейшем речь как бы «исчезает», но при субъективных трудностях в сосредоточении человек с помощью внутренней речи выделяет интересующий его предмет или содержание и старается подавить мешающие раздражители» [1, 54]. «Факты,

которые получены в результате длительного изучения ребенка, показывают, что формирование произвольного внимания претерпевает длительную и драматическую историю и что полноценное достаточно стойкое социально организованное внимание формируется у ребенка лишь к концу его дошкольного возраста» [6, 260].

К школьному возрасту произвольное внимание складывается в прочный вид избирательного (селективного) поведения, подчиняющийся уже не только слышимой речи взрослого, но и собственной внутренней речи, этот процесс проходит последовательные этапы формирования в онтогенезе [2, 4]. Характерно, что к школьному возрасту высшие формы избирательно организованного при участии речи внимания настолько закрепляются, что оказываются в состоянии существенно изменить не только протекание движений и действий, но и организацию сенсорных процессов» [6, 260].

Путь от непроизвольного запечатления к сложным произвольным формам, возникающим только в условиях соответствующего социального взаимодействия, проходят и функции памяти.

Социальная природа происхождения сложнейших форм памяти и внимания, их неременная обусловленность «качеством» социальной ситуации развития (ССР), делает актуальным сравнительное рассмотрение развития функций памяти и внимания в различных ССР.

Нами проведено исследование развития функций памяти и внимания у детей из социально незащищенных и обычных семей. Социально незащищенные категории семей выделяет социальное ведомство (в условиях Москвы Департамент социальной защиты населения г. Москвы) по критериям недостаточности ресурса семьи для предоставления таким малоресурсным семьям социальной помощи.

В представленной работе исследованы функции произвольного и непроизвольного, кратковременного и долговременного, непосредственного и опосредованного запоминания в зрительной и слуховой модальности. Относительно содержания материала предметом исследования была образная и словесная память. Исследование произвольного внимания посвящено свойствам концентрации, устойчивости и переключаемости. Всего рассмотрено 15 показателей памяти и внимания.

Цель исследования: сравнительное изучение развития функций памяти и внимания у детей из семей с разным социальным статусом.

Задача исследования: исследование уровневых и динамических характеристик развития функций памяти и внимания в двух группах детей – из социально незащищенных и обычных семей.

Методы исследования. Для исследования развития функций памяти и внимания были привлечены три возрастные группы детей: младшие дошкольники (4–5 лет), старшие дошкольники (6–7 лет), младшие школьники 8–11 лет, каждой из которых соответствовала контрольная группа, состоящая из детей из обычных семей. Исследование проводилось с применением нейропсихологических проб, созданных А. Р. Лурией, его сотрудниками и последователями, и некоторых других классических методик (таблица Шульте). Для исследования объема слухоречевой памяти использована процедура прямого счета шестого субтеста методики WISC (Д. Векслер «Повторение цифр», 1949, адаптированный вариант методики А. Ю. Панасюк, 1973).

Таблица 1. Возраст и число детей в исследуемых группах

Возраст, лет	Основная группа, число детей	Контрольная группа, число детей
4–5	52	24
6–7	42	24
8–11	38	48
Всего	132	96

Контингент исследования. Дети основных групп – это дети из семей социально незащищенных категорий, посещавшие развивающие занятия, организованные отделением социальной помощи семье и детям (ОСПСиД) КЦСО «Зеленоградский» Зеленоградского АО

г. Москвы. Дети контрольной группы – это дети из обычных семей, проживающих в этом же районе.

Таблица 2. Средние значения переменных памяти и внимания в возрастных группах

Переменные	4-5 лет		6-7 лет		8-11 лет	
	осн	контр	осн	контр	осн	контр
Заучивание 10 слов					0,16	0,29
Повтор-е 10 слов отсроченное					0,89	0,54
Воспроизвед-е последовательности	0,81	1,25	0,48	0,42	0,26	0,25
Удержание слов отсроченное	0,48	0,42	1,11	0,91		
Удержание изобр. предметов	0,33	0,33	0,33	0,50		
Запоминание 3-5 фигур	0,62	0,50	0,70	0,42		
Отсроч-е воспроизвед. фигур	0,86	1,17	0,30	0,42		
Повторение слов в условиях гомогенной интерференции	1,00	0,67	0,74	0,83	1,00	0,91
Повторение фраз в условиях гомогенной интерференции	0,86	0,58	0,96	0,58	0,63	0,29
Объем слухоречевой памяти	0,81	0,92	0,78	0,75	1,26	0,71
Опосред-е запомин. (пиктограмма)	1,86	1,17	1,19	0,75	0,95	0,54
Таблица символов	1,00	1,00	1,07	0,67		
Дезавтоматизированная речь	2,10	1,75	1,37	1,08	0,84	0,75
Вычитание от 30 по 3, от 100 по 7					1,37	0,71
Таблица Шульте					1,00	1,00

Как следует из анализа данных (табл. 2), в младшем дошкольном возрасте дети обеих групп запоминают слова, изображения, серии фигур на оптимальном или близком к оптимальному уровнях, дети контрольной группы в запоминании слов и фигур чуть лучше, чем дети основной группы, но различия далеки от уровня статистической значимости.

Таблица 3. Статистическая значимость различий средних величин переменных памяти и внимания

Переменные	4-5 лет		6-7 лет		8-11 лет	
	t-зн	p	t-зн	p	t-зн	p
Заучивание 10 слов					-1,30	0,198
Отсроченное воспроизвед-е 10 слов					2,50	0,014
Воспроизвед-е последовательности	-1,86	0,068	0,41	0,682	0,10	0,917
Удержание слов отсроченное	0,29	0,770	0,59	0,560		
Удержание изображений предметов	0,00	1,000	-1,08	0,283		
Запоминание 3-5 фигур	0,45	0,653	1,35	0,181		
Отсроченное воспроизвед-е фигур	-1,05	0,296	-0,74	0,459		
Повторение слов в условиях гомогенной интерференции	1,29	0,202	-0,38	0,703	0,47	0,639
Повторение фраз в условиях гомогенной интерференции	1,11	0,269	1,81	0,075	2,30	0,024
Объем слухоречевой памяти	-0,68	0,499	0,16	0,873	2,81	0,006
Опосредованное запоминание	3,24	0,002	2,22	0,030	2,53	0,013
Таблица символов	0,00	1,000	1,57	0,121		
Дезавтоматизированная речь	1,50	0,140	1,50	0,139	0,51	0,611
Вычитание из 30 по 3, от 100 по 7					3,63	0,000
Таблица Шульте					0,00	1,000

Более выражено (табл. 3) преимущество младших дошкольников контрольной группы в запоминании слов и фраз в условиях гомогенной интерференции, пиктограмме ($p = 0,002$) и дезавтоматизированной речи. Всего в этом возрасте по 6 (из 11-и) показателям уровни выше

в контрольной группе (табл. 2), по двум – «Удержание изображений предметов» и «Таблица символов» – равны, по трем показателям: «Воспроизведение последовательности», «Отсроченное воспроизведение фигур», «Объем слухоречевой памяти» – выше в основной группе, т. е. уже в младшем дошкольном возрасте обозначается некоторое преимущество контрольной группы в темпах развития функций памяти и внимания.

Сложная, разнонаправленная и неоднородная по интенсивности картина динамики функций у старших дошкольников обусловлена задачами возраста, перестройкой целого ряда функциональных систем (ФС) в связи с переходом от непроизвольного к произвольному уровню регуляции функций памяти и внимания.

У старших дошкольников основной группы отмечаем негативную динамику разной степени выраженности по 3 показателям, и в контрольной группе – по 3 показателям. В обеих группах существенно ухудшается уровень показателя «Удержание слов» ($p=0,02$ в основной и $p=0,03$ в контрольной группе), в контрольной несколько снижаются уровни показателей «Удержание изображений» и «Повторение слов в условиях гомогенной интерференции», в основной группе – уровни показателей «Запоминание серии фигур», «Повторение фраз в условиях гомогенной интерференции». Дети обеих групп не справляются с возрастным усложнением заданий во время перестройки функциональных систем.

Анализ данных (табл. 2) показывает, что стабилизация в старшем дошкольном возрасте уровней показателей «Удержание изображений предметов», «Объем слухоречевой памяти», «Таблица символов» в основной группе и уровня показателя «Повторение фраз в условиях гомогенной интерференции» в контрольной группе разной природы. Показатель «Удержание изображений предметов» выходит на оптимальный уровень, исчерпаны возможности сенситивного периода. Для дальнейшего роста объема слухоречевой памяти и сокращения числа ошибок в «Таблице символов» нужна перестройка существующих ФС с подключением систем самоконтроля и регуляции деятельности, обеспечиваемых структурами третьего блока мозга. Показатель «Повторение фраз в условиях гомогенной интерференции» выходит на оптимальный уровень на следующем возрастном этапе за счет опоры на осмысление фразы.

По данным таблицы 4 при переходе к старшему дошкольному возрасту в обеих группах имеют выраженную позитивную динамику показатели «Отсроченное удержания слов» ($p=0,02$ и $p=0,03$), «Отсроченное воспроизведение ряда фигур» ($p=0,003$ и $p=0,009$) и «Дезавтоматизированная речь» ($p=0,00002$ и $p=0,02$). Позитивные изменения показателя «Опосредованное запоминание» достигают уровня статистической значимости ($p=0,00006$) только в основной группе. Более выраженная позитивная динамика показателей «Опосредованного запоминания» и «Дезавтоматизированной речи» в основной группе «догоняет и не может догнать» уровни показателей контрольной группы.

«Воспроизведение последовательности». В показе частей тела в заданной последовательности контрольная группа имеет худший исходный уровень в 4-5 лет, но позитивная динамика показателя при переходе к старшему дошкольному возрасту в этой группе более выражена, возрастной сдвиг (табл. 4) статистически значим ($p=0,0004$), в основной группе также отмечаем существенный, но менее выраженный сдвиг показателя ($p=0,05$). В результате обе группы выходят в старшем дошкольном возрасте на уровни показателя, близкие к оптимальному. При переходе к младшему школьному возрасту отмечается дальнейшая позитивная динамика в обеих группах до достижения оптимального уровня в младшем школьном возрасте.

При переходе к младшему школьному возрасту демонтируются ФС, обеспечивавшие на предыдущем возрастном этапе повторение слов в условиях гомогенной интерференции и объем слухоречевой памяти. В контрольной группе стабилизируется показатель объема слухоречевой памяти и несколько снижается показатель повторения слов в условиях гомогенной интерференции, в основной группе идет заметное снижение уровня этих показателей, особенно объема слухоречевой памяти ($p=0,006$).

Таблица 4. Динамика показателей памяти и внимания при переходе к старшему дошкольному возрасту

Переменные	1-2 основная		1-2 контрольная	
	t-знач.	p	t-знач.	p
Удержание слов отсроченное	-2,4	0,017	-2,2	0,030
Удержание изобр. предметов	0,0	1,000	-0,9	0,378
Воспроизв-е последовательн-и	2,0	0,049	3,8	0,000
Запоминание 3-5 фигур	-0,4	0,693	0,4	0,690
Отсроч-е воспроизв-е фигур	3,0	0,003	2,7	0,009
Повторение слов в условиях гомогенной интерференции	1,2	0,221	-0,6	0,542
Повторение фраз в условиях гомогенной интерференции	-0,6	0,576	-0,0	1,000
Объем слухоречевой памяти	0,2	0,822	0,9	0,365
Опосредованное запоминание	4,2	0,000	1,6	0,109
Таблица символов	-0,3	0,758	1,4	0,155
Дезавтоматизированная речь	4,6	0,000	2,4	0,020

Таблица 5. Динамика показателей памяти и внимания при переходе к младшему школьному возрасту

Переменные	2-3 основная		2-3 контрольная	
	t-знач.	p	t-знач.	p
Показ последовательностей	1,7	0,091	0,8	0,407
Повторение слов в условиях гомогенной интерференции	-1,3	0,204	-0,4	0,685
Повторение фраз в условиях гомогенной интерференции	1,9	0,056	1,6	0,107
Объем слухоречевой памяти	-2,8	0,006	0,2	0,838
Опосредованное запоминание	1,4	0,151	1,1	0,277
Дезавтоматизированная речь	3,1	0,002	1,6	0,108

В младшем школьном возрасте (табл. 5) основная группа улучшает показатель дезавтоматизированной речи ($p=0,002$). Позитивный сдвиг в повторении фраз в этой группе заметный, едва не достигает статистически значимого уровня ($p=0,056$).

Из анализа данных (табл. 2) следует, что уровни показателей памяти и внимания в младшем школьном возрасте равны в «Воспроизведении последовательности» и «Таблице Шульте», несколько выше в контрольной группе в «Заучивании 10 слов», «Повторении слов в условиях гомогенной интерференции» и «Дезавтоматизированной речи», статистически значимо выше в контрольной группе по остальным 5 функциям.

Если у дошкольников статистически значимые уровневые различия мы отмечали только в освоении опосредованного запоминания, то у младших школьников они имеются по 5 позициям из 10: сохраняются в пиктограмме ($p=0,01$) и появляются в показателях: долговременной памяти, «10 слов», ($p=0,01$), «Последовательное вычитание заданного числа из получаемой разности» ($p=0,0005$), «Объем слухоречевой памяти», ($p=0,006$) и «Повторение фраз в условиях гомогенной интерференции» ($p=0,02$). Во всех случаях преимущество имеет контрольная группа.

Хочется остановиться на качественных особенностях перечисленных показателей. «Пиктограмма» является характеристикой комплекса функций, а именно сложная деятельность по опосредованному запоминанию слов (словосочетаний) протекает на сенсорном, моторном, словесно-семантическом, интеллектуальном, мнемическом и динамическом уровнях. По данным автора воспроизведение собственных ассоциаций вместо заданных понятий является проявлением незрелости динамики мыслительной деятельности в младшей возрастной группе. Уже у старших дошкольников это показатель задержки формирования динамической организации мыслительной деятельности [7].

Концентрация внимания («Последовательное вычитание заданного числа из получаемой разности») – характеристика еще одного необходимого компонента мыслительного процесса, то же – объем слухоречевой памяти и долговременная память, дефицитарность которых ведет к недоразвитию речевых функций – базы мыслительных процессов. «Повторение фраз в у.г.и.» – уже в старшем дошкольном возрасте становится показателем осмысленности восприятия вербальных стимулов. Существенное отставание основной группы по этим показателям – обуславливает задержку психоречевого развития. Из рассмотренных показателей в основной группе только «Повторение фраз в у.г.и.» выходит на уровень близкий к оптимальному, остальные показатели находятся на уровнях далеких от оптимального. В контрольной группе приближаются к уровню близкому к оптимальному 2 показателя, находятся на этом уровне 2 показателя и один показатель находится на оптимальном уровне.

В целом оптимальный уровень результата основной группой достигнут по 4 (26,7%) показателям из 15, контрольной по трем (20,0%). Близкий к оптимальному уровень достигнут в основной группе по 1 (6,7%), в контрольной по 6 (40,0%) показателям. На уровне далеком от оптимального в основной группе остаются 10 (66,7%) показателей, в контрольной 6 (40,0%) показателей функций памяти и внимания.

Таким образом, в развитии функций памяти и внимания обозначились два этапа. Первый, связанный в основном с младшим дошкольным возрастом, условно можно обозначить как произвольный. Этот период характеризуется легкостью произвольного запечатления и затруднениями в опосредованном запоминании и дезавтоматизированной речи. Следующий этап, который наступает вслед за перестройкой ФС памяти и внимания в старшем дошкольном возрасте, характеризуется более произвольным характером функций. Контрольная группа раньше выходит на этот этап развития, о чем говорит уровневое преимущество (опережение), достигнутое в младшем школьном возрасте по всем показателям. Исключение составляют показатели уже вполне освоенных детьми к этому возрасту «Заучивания слов» и «Воспроизведения последовательности» и показатель «Переключения внимания по таблице Шульте», где, при отсутствии специальной тренировки, велико влияние индивидуальных темповых особенностей.

Литература

1. Ананьев Б. Г. К теории внутренней речи в психологии // Психология чувственного познания. М., 1968.
2. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956. 519 с.
3. Ковшиков В. А. Глухов В. П. Психолингвистика. Теория речевой деятельности. М. : Астрель, 2007. 318 с.
4. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. 2-е доп. изд., М., 1969. 504 с.
5. Лурия А. Р. Нейропсихология памяти. Т. 1. М., 1974. 151 с.
6. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. М., 1973. 374 с.
7. Железнова А. К. Оценка способности к опосредованному запоминанию понятий у детей дошкольного возраста из социально-незащищенных семей и обычных семей методом пиктограмм // Вестник угроведения : 2010. № 1. С. 33–40.

References

1. Anan'ev B. G. K teorii vnutrennej rechi v psihologii // Psihologija chuvstvennogo poznanija. M., 1968.
2. Vygotskij L. S. Izbrannye psihologicheskie issledovanija. M., 1956. 519 s.
3. Kovshikov, V. A. Gluhov V. P. Psiholingvistika. Teorija rechevoj dejatel'nosti. M. : Astrel', 2007. 318 s.
4. Lurija A. R. Vysshie korkovye funkicii cheloveka i ih narushenija pri lokal'nyh porazhenijah mozga. 2-e dop. izd., M., 1969. 504 s.
5. Lurija A. R. Nejropsihologija pamjati, t. 1. M., 1974. 151 s.
6. Lurija A. R. Osnovy nejropsihologii. M., 1973. 374 s.
7. Zheleznova A. K. Ocenka sposobnosti k oposredovannomu zapominaniju ponjatij u detej doshkol'nogo vozrasta iz social'no-nezawiwennyh semej i obychnyh semej metodom piktogramm // Vestnik ugrovedenija. 2010. № 1. S. 33–40.

Лобова В. А.

*БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
Ханты-Мансийск*

Особенности аффективной сферы у лиц с факторами риска хронических неинфекционных заболеваний в северном регионе

The peculiarities of affective field among people with the risk factor of chronic noninfectious diseases in the northern region

УДК 616;908

Аннотация. Выявлена связь между депрессией и стрессом во всех возрастных группах лиц с факторами риска хронических неинфекционных заболеваний. Женщины имеют высокую тревогу и ригидность, мужчины склонны к формированию астении.

Summary. It is exposed the connection between depression and stress in each age group of people with the risk factor of chronic noninfectious diseases in the article. Women have a high level of anxiety and rigidity, and men are inclined to formation of asthenia.

Ключевые слова: аффективная сфера, депрессия, стресс, хронические неинфекционные заболевания.

Keywords: affective sphere, depression, stress, chronic noninfectious diseases.

Высокая частота факторов риска хронических неинфекционных заболеваний (ФР ХНИЗ), в том числе в северных регионах, подтверждена рядом исследований. Среди причин выделяют, помимо традиционных, психосоциальные стрессоры, экологические социальные факторы. Еще более остро обозначенная проблема выступает в условиях проживания в северных регионах. Она осложняется наличием постоянно действующих отрицательных факторов, обуславливающих развитие различных психопатологических состояний и, прежде всего, депрессий как у приезжего населения (мигрантов), так и у коренных жителей.

В связи с этим было проведено исследование, направленное на выявление особенностей аффективной сферы у лиц с факторами риска хронических неинфекционных заболеваний в северном регионе.

Было обследовано 417 человек, в том числе 181 (43,4%) мужчин и 236 (56,6%) женщин с факторами риска хронических неинфекционных заболеваний (ФР ХНИЗ). Использованы Госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS) (Zigmond, Snaith; 1983), опросник Айзенка (EPI) (Eysenk, 1989; Русалов, 1992), Сокращенный многофакторный опросник для исследования личности СМОЛ (Hathaway, Mckinley, 1943; Зайцев, 1994), шкала самооценки депрессии Цунга (Zung, Durham, 1965; Балашова, 1988), шкала стресса (Reeder, Гоштаутас, 1986), шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина (Spielberger 1970, 1972; Ханин, 1976, 1978).

Среди лиц с ФР ХНИЗ низко тревожных субъектов выявлено только 8 (2,5%) человек. Подавляющее большинство лиц с ФР ХНИЗ по параметру личностной тревожности являются высоко тревожными – 182 (57,4%) человека. Широкий диапазон ситуаций они склонны воспринимать как несущие угрозу их самооценке. Умеренная тревожность выявлена у 127 (40,1%) человек. Гендерный анализ показал, что личностная тревожность чаще характеризует женщин с ФР ХНИЗ, чем мужчин аналогичной группы (рис. 1).

Показатель низко тревожных субъектов, как среди мужчин, так и среди женщин, варьирует в пределах 2-3 процентов от численности каждой выборки. Умеренно тревожных субъектов среди мужчин с ФР ХНИЗ выявлено в два раза больше, по сравнению с женщинами. Подавляющая часть женщин с ФР ХНИЗ имеют высокую личностную тревожность (72,0%). У мужчин высокая личностная тревожность выявляется в каждом втором случае – 66 (42,0%) обследованных лиц.

Анализ данных по реактивной тревожности показал, что каждый третий мигрант, имеющий ФР ХНИЗ (105 человек или 33,2% от общей численности обследованных лиц) проявляет высокую реактивную тревожность с наличием субъективно неприятных переживаний нервозности, напряженности, беспокойства. У женщин обследованной выборки высокая реактивная тревожность определяется в 1,6 раза чаще, чем у мужчин ($p < 0,01$) (рис. 2).

В мужской выборке высокая реактивная тревожность выявлена в каждом четвертом случае (25,0% случаев). Подавляющее большинство мужчин и женщин с ФР ХНИЗ имеют умеренную эмоциональную реакцию на стресс. Лиц с низким уровнем реактивной тревожности среди мужчин с ФР ХНИЗ выявлено в 2 раза больше, по сравнению с женщинами (соответственно 9,6 против 4,3%).

У северян с ФР ХНИЗ уровень депрессии по шкале Цунга превышает норму (табл. 1).

Таблица 1. Показатели психологического статуса у северян с ФР ХНИЗ ($M \pm \sigma$)

Показатели психостатуса	Показатели у северян с ФР ХНИЗ (n=107)	Нормативные показатели (баллы)
Депрессия (шкала Цунга)	$40,83 \pm 6,67$	≤ 34 баллов
Депрессия (HADS)	$4,85 \pm 2,40$	< 7 баллов
Тревога (HADS)	$7,64 \pm 3,57$	< 7 баллов

Суммарная оценка показателей депрессии по шкале Цунга составила $40,83 \pm 0,64$ ед., при этом уровень депрессии у женщин достоверно выше, по сравнению с мужчинами (соответственно $42,0 \pm 0,9$ ус.ед у женщин и $39,3 \pm 0,8$ ус. ед. у мужчин) ($p = 0,0001$). Показатели депрессии, превышающие нормативные значения по шкале Цунга, имеют 68,5% северян с ФР ХНИЗ. Негативный эмоциональный выявлен у 78,5% женщин и у 58,1% мужчин ($p < 0,01$). По данным клинической шкалы HADS средний показатель у северян с ФР ХНИЗ составляет $7,64 \pm 0,42$ ус.ед.

В популяции коренного (аборигенного) и миграционного населения северного региона исследована связь депрессии и социального стресса, одного из важных факторов формирования ХНИЗ. При корреляционном анализе установлена статистически значимая связь между депрессией и социальным стрессом в обеих этнических популяциях. В мигрирующей популяции у мужчин и женщин связь депрессии с социальным стрессом оказалась равнозначной, в популяции коренных северян связь депрессии с социальным стрессом теснее у женщин, нежели у мужчин (табл. 2).

Таблица 2. Корреляционная оценка взаимосвязи депрессии и стресса в разных этнических популяциях

Группа	Мигранты Севера		Аборигены Севера	
	r	p	r	p
Мужчины	0,5	0,001	0,4	0,01
Женщины	0,5	0,001	0,7	0,001
Оба пола	0,4	0,001	0,5	0,001

Возрастной срез показал, что у мигрантов наиболее тесная связь депрессии и социального стресса обнаруживается в возрастных группах 30-39 лет ($r = 0,6$; $p = 0,0001$) и 50-59 лет ($r = 0,5$; $p = 0,001$). Достоверная связь депрессии и стресса выявлена у молодых мигрантов (в возрастной группе 20-29 лет) ($r = 0,42$; $p = 0,015$). Наименее тесной взаимосвязь депрессии и стресса оказалась у 40-летних мигрантов (в возрастной группе 40-49 лет) ($r = 0,30$; $p = 0,027$).

При гендерном анализе у мигрантов выявлены следующие различия. У 20-летних мигрантов корреляционная связь депрессии и стресса у женщин является более тесной ($r = 0,50$; $p = 0,041$), чем у мужчин ($r = 0,39$; $p = 0,145$). У 30-летних и 50-летних мигрантов тенденция противоположная, когда более высокая статистическая значимость связи при больших значениях корреляции выявляется в группах мужчин. Значения сравниваемых корреляций в

группе 30-летних мигрантов составляют соответственно $r = 0,64$ при $p = 0,008$ у мужчин и $r = 0,49$ при $p = 0,033$ – женщин. В группе 50-летних мигрантов значения сравниваемых корреляций, в свою очередь, составляют соответственно $r = 0,62$ при $p = 0,001$ у мужчин и $r = 0,40$; $p = 0,087$ – у женщин. У 40-летних мигрантов статистически значимая связь депрессии и социального стресса обнаружена только у женщин ($r = 0,5$; $p = 0,016$).

Таким образом, в мигрирующей популяции при корреляционном анализе связь депрессии с социальным стрессом выявлена во всех возрастных группах. У мужчин трудоспособного возраста связь депрессии с социальным стрессом более тесная, чем у женщин.

У коренных северян, как и в мигрирующей популяции, обнаруживается достоверная значимая связь между депрессией и социальным стрессом ($r = 51$; $p = 0,0001$). У аборигенов Севера связь депрессии с социальным стрессом является более тесной ($r = 73$; $p = 0,0001$), чем у мужчин ($r = 39$; $p = 0,010$). Достоверная значимая связь между депрессией и стрессом у аборигенов Севера отмечается только в молодых возрастных группах (20-29 и 30-39 лет). Величина корреляции показывает более тесную связь депрессии с социальным стрессом у 20-летних аборигенов Севера ($r = 0,72$; $p = 0,019$), по сравнению с 30-летними северянами ($r = 0,54$; $p = 0,0001$).

При гендерном анализе статистически достоверная (значимая) связь выявлена только у женщин указанных возрастных групп, более тесная в 20-летнем возрасте. Значения сравниваемых корреляций у женщин 20-летней и 30-летней возрастных групп составили соответственно $r = 0,95$ при $p = 0,0001$ и $r = 0,89$ при $p = 0,044$. У мужчин указанных возрастных групп значения сравниваемых корреляций составили соответственно $r = 0,31$ и $r = 0,62$, при этом статистически достоверная связь между депрессией и социальным стрессом у мужчин данных возрастных групп не обнаружена.

Результаты тестирования с использованием личностного опросника Айзенка (EPI) показали, что среди лиц с ФР ХНИЗ, больше интровертов. В то же время отдельный анализ, проведенный в группе мужчин и женщин, показал неоднородные результаты (табл. 3).

Таблица 3. Результаты тестирования с использованием опросника Айзенка

Мужчины	Женщины	Оба пола
Экстра-интроверсия		
	≤ 12 баллов	
94 чел.	142 чел.	236 чел.
	> 12 баллов	
87 чел.	94 чел.	181 чел.
Нейротизм		
	≤ 12 баллов	
99 чел.	69 чел.	168 чел.
	> 12 баллов	
82 чел.	167 чел.	249 чел.

Как видно из таблицы, численность экстравертов и интровертов среди мужчин с ФР ХНИЗ оказалась примерно одинаковой. 87 (51,9%) мужчин оптимистичны, испытывают потребность в риске, бывают импульсивны и вспыльчивы, имеют ослабленный контроль над эмоциями и чувствами. 94 (48,1%) человека являются интровертами. Они спокойны, стремятся к порядку во всем и держат свои чувства под строгим контролем. В свою очередь, среди женщин с ФР ХНИЗ интроверты встречаются в 1,5 раза чаще, чем экстраверты (рис. 3).

Из 236 женщин 142 (60,2%) женщин интроспективны и в общении предпочитают только круг близких людей. Между тем 94 (39,8%) женщины проявляют общительность, активность, потребность в переменах.

Анализ результатов тестирования с использованием Личностного опросника Айзенка показал, что стабильная адаптация в социальной среде больше характеризует мужчин с ФР ХНИЗ, нежели женщин аналогичной группы. Из 181 человека у 99 (54,7%) мужчин показатели нейротизма в пределах нормы, что свидетельствует о хорошем эмоционально-волевом контроле поведения, уравновешенности реакций и устойчивости настроения. 82 (45,3%) ра-

ботника с ФР ХНИЗ среди мужчин, обследованных с использованием теста Айзенка, имеют высокий нейротизм.

Из 236 женщин только 69 (29,2%) лиц имеют показатели нейротизма в пределах нормы. В свою очередь, у 142 (70,8%) женщин с ФР ХНИЗ нейротизм выше нормы, что свидетельствует о неустойчивом настроении, лабильности эмоциональных реакций, слабости процессов волевого регулирования, неустойчивости поведения и социальной адаптации в целом (рис. 4).

При расшифровке личностных профилей по результатам теста СМОЛ у лиц с ФР ХНИЗ были выделены группы: 0 – без выраженных повышений на шкалах психологического теста, группа (П) – с повышением на психотических шкалах; группа (Н) – лица, имеющие повышение на невротических шкалах; группа (Н+П) – лица с повышением на невротических и психотических шкалах теста. У северян с ХНИЗ лица с сочетанным повышением (Н+П) выявлялись в 40% случаев; с повышением на психотических (П) шкалах – 36,6% случаев; среди имеющих повышение на невротических (Н) шкалах – 20% случаев, без выраженных повышений на шкалах теста – 3,4% случаев. С сочетанным повышением распределение лиц было равномерным, с некоторым преимуществом у мужчин, по сравнению с женщинами (соответственно 41,6% и 39,0%). Среди женщин достоверно чаще, чем у мужчин, встречались лица с повышением на психотических шкалах теста (50%; 17% соответственно), тогда как лица, имеющие повышение на невротических шкалах, достоверно чаще встречались среди мужчин (41,6% и 5,5% соответственно) (в обоих случаях при $p < 0,01$).

У половины северян, имеющих ФР ХНИЗ, выявляются серьезные эмоциональные проблемы. У женщин с ФР ХНИЗ в 2 раза чаще, чем у мужчин аналогичной группы, формируется ригидность ($p < 0,05$). У мужчин, не имеющих органической патологии, но с факторами риска ХНИЗ, астения выявляется в 2,5 раза чаще, чем у женщин с ФР ХНИЗ ($p < 0,01$) (рис. 5).

В целом эмоциональные нарушения и неадаптивное поведение в ответ на фрустрацию обусловлены у северян снижением пластичности нервной системы, ежедневно испытывающей сверхмощные нагрузки социальных и природных факторов. У женщин с ФР ХНИЗ, помимо высокого риска для здоровья, на Севере затрудняется социальное функционирование, усиливается дисгармоничность психического склада и происходят качественные сдвиги личности (при $p < 0,001$, по сравнению с мужчинами).

Выводы

Высокий уровень личностной тревожности выявлен у каждого второго мигранта с факторами риска ХНИЗ. При корреляционном анализе установлена достоверная связь депрессии с личностной ($r = 0,6$) и реактивной тревожностью ($r = 0,5$), что диктует раннюю необходимость психологической коррекции эмоциональной сферы у лиц с ФР ХНИЗ.

У женщин с ФР ХНИЗ выявлены высокие показатели нейротизма (70,8% случаев), агрессии (45,2% случаев) и ригидности (58,1%). В связи с высоким индексом эмоционального напряжения у женщин с ФР ХНИЗ рекомендуется с целью профилактики широко применять различные формы психологической коррекции с использованием поведенческих релаксационных методик, различных форм суггестивной тренировки, а также методов разговорной психотерапии, позволяющих вербализовать эмоциональное состояние, для уменьшения выраженности психических изменений, снижения уровня тревоги, депрессии, стабилизации эмоционального состояния и повышения толерантности к стрессовым нагрузкам.

Руководителям органов здравоохранения северного региона следует усилить кадровую политику в отношении увеличения специалистов в области медицинской психологии для решения проблем в области психогигиены (психогигиена физического и умственного труда, психогигиена брачных и семейных отношений) и психопрофилактики (психическое здоровье людей в норме, ситуации предболезни и болезни).

Необходимо организовать широкую сеть службы психологического консультирования в кабинетах социально-психологической помощи, на «телефоне доверия», в консультациях «брак и семья» для оказания общедоступной квалифицированной медико-психологической помощи населению северного региона с целью профилактики ФР ХНИЗ.

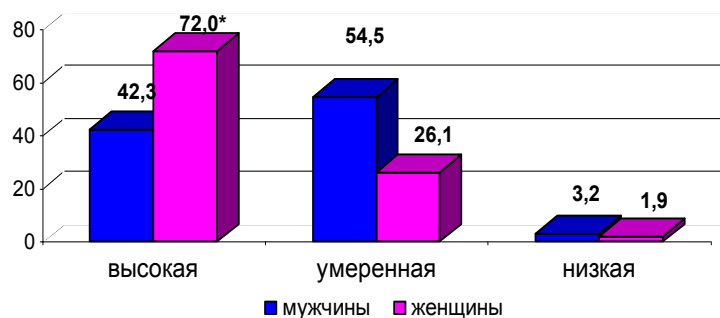

Рис. 1. Личностная тревожность у северян с ФР ХНИЗ (%); *-p < 0,001

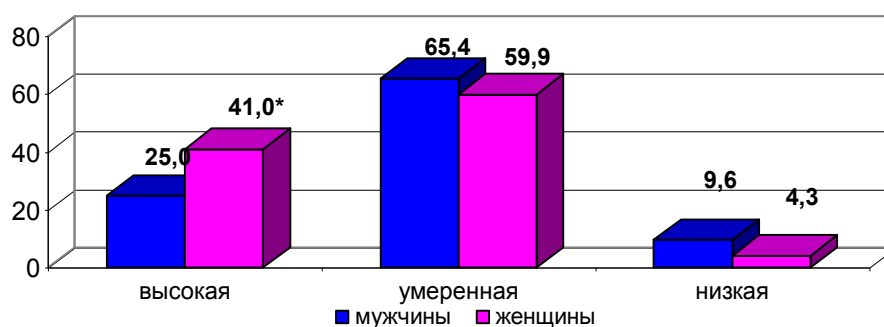

Рис. 2. Реактивная тревожность у северян с ФР ХНИЗ (%); *-p < 0,01

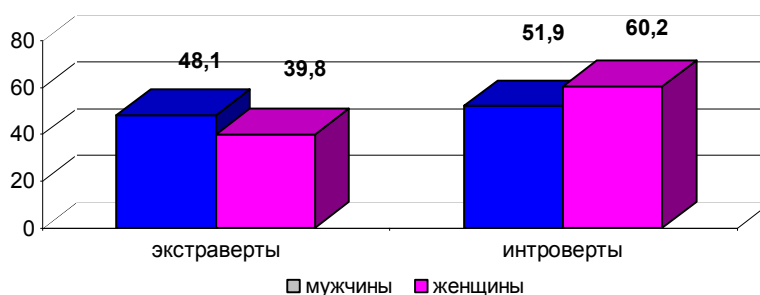

Рис. 3. Показатели экстра-интроверсии среди северян с ФР ХНИЗ (%)

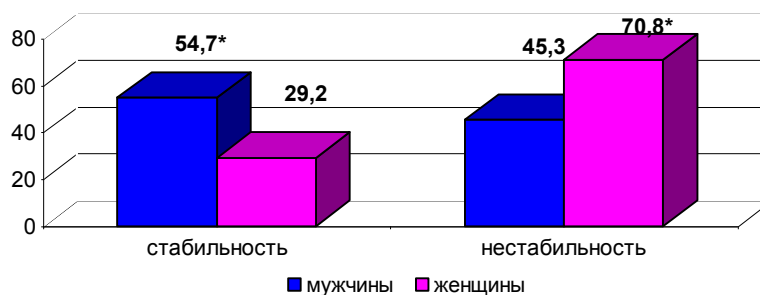

Рис. 4. Показатели нейротизма среди северян с ФР ХНИЗ (%)
Достоверность различий в сравниваемых группах обозначена*

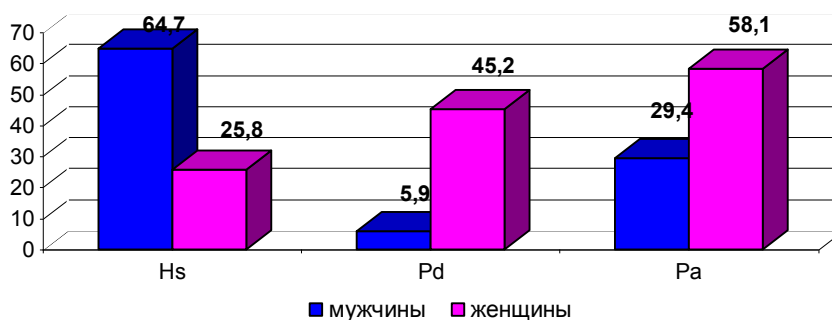

Рис. 5. Показатели психостатуса у северян с ФР ХНИЗ (%)

Примечание. Условные обозначения шкал СМОЛ: Hs–ипохондрия; Pd–психопатия; Pa–паранойальность;
*– $p<0,01$; ** – $p<0,001$.

Литература

1. Агаджанян Н. А., Жвавый Н. Ф., Ананьев В. Н. Адаптация человека к условиям Крайнего Севера: эколого-физиологические механизмы. М. : КРУК, 1998. 240 с.
2. Бржезовский М. М. Факторы риска хронических неинфекционных заболеваний и методы их изучения // Экология и здоровье детей. / Под ред. М. Я. Студеникина, А. А. Ефимовой. М. : Медицина, 1998. С. 140–152.
3. Лобова В. А., Буганов А. А., Королева А. Б. и др. Основные тенденции изменчивости типологических свойств при развитии сердечно-сосудистых заболеваний на Крайнем Севере // Сборник научных трудов ГУ НИИ медицинских проблем Крайнего Севера РАМН за 2003 год. Выпуск 2 под ред. А. А. Буганова. М.: Компания Спутник+, 2004. С. 94–102.
4. Сажина Е. А., Давиденко В. И., Хаснулин П. В. Психосоциальный стресс и дезадаптация сердечно-сосудистой системы у коренного и пришлого населения // Современные проблемы стресса и патологии у жителей Ханты-Мансийского автономного округа / под ред. Хаснулина В. И., Вильгельма В. Д., Немысовой Е. А. Новосибирск, 1996. С. 40–43.
5. Ценципер М. Б. Артериальная гипертония у северян трудоспособного возраста, распространенность, факторы риска, психологический статус и суточный профиль артериального давления : автореф. дис... канд. мед. наук. Архангельск, 2000. С. 2–25.

References

1. Agadzhanjan N. A., Zhvavyj N. F., Anan'ev V. N. Adaptacija cheloveka k uslovijam Krajnego Severa: jekologo-fiziologicheskie mehanizmy. M. : KRUK, 1998. 240 s.
2. Brzhezovskij M. M. Faktory riska hronicheskikh neinfekcionnyh zabolevanij i metody ih izuchenija // Jekologija i zdorov'e detej. / Pod red. M. Ja. Studenikina, A. A. Efimovoj. M. : Medicina, 1998. S. 140–152.
3. Lobova V. A., Bugarov A. A., Koroleva A. B. i dr. Osnovnye tendencii izmenchivosti tipologicheskikh svojstv pri razvitii serdechno-sosudistyh zabolevanij na Krajnem Severe // Sbornik nauchnyh trudov GU NII medicinskih problem Krajnego Severa RAMN za 2003 god. Vypusk 2. Pod red. A. A. Bugarova. M.: Kompanija Sputnik+, 2004. S. 94–102.
4. Sazhina E. A., Davidenko V. I., Hasnulin P. V. Psihojemocional'nyj stress i dezadaptacijaserdechno-sosudistoj sistemy u korenogo i prishlogo naselenija// Sovremennye problemy stressa i patologii u zhitelej Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga / pod red. Hasnulina V. I., Vil'gel'ma V. D., Nemysovoj E. A. Novosibirsk, 1996. S. 40–43.
5. Cenciper M. B. Arterial'naja gipertonija u severjan trudosposobnogo vozrasta, rasprostranennost', faktory riska, psihologicheskij status i sutochnyj profil' arterial'nogo davlenija : avtoref. dis... kand. med. nauk. Arhangel'sk, 2000. S. 2–25.

Чистякова О. А.

ФГБОУ ВПО «Югорский государственный университет», Ханты-Мансийск

**Проблемы организации педагогического образования
национальных кадров на Урале в 20-е годы XX века**

**Problems of the organization of pedagogical education of national cadres
in Ural region in 20-th years of the XX century**

УДК 371

Аннотация. В статье рассматривается исторический аспект подготовки педагогических кадров для национальных школ на Урале в 20-е годы XX века. Показаны организационные сложности этого периода, формы, используемые для подготовки национальных педагогических кадров.

Summary. In article considered the historical aspect of preparation of pedagogical cadres for national schools in Ural Mountains in 20th years of the XX-th century. Organizational complexities of this period, the forms used for preparation of national pedagogical cadres are shown.

Ключевые слова: Всеобщее обучение, коренные и малочисленные народы, школы для малочисленных народов, подготовки национальных кадров.

Keywords: Universal education, the aboriginal and numerically insignificant people, schools for the numerically insignificant people, education of national cadres.

Историческому прошлому Уральского региона посвящено множество научных работ. Вместе с тем, история педагогического образования на Урале изучена довольно слабо и фрагментарно. В еще меньшей степени изучена подготовка национальных педагогических кадров.

Предлагаемая статья основывается на материалах Уральской области – крупнейшей по территории и численности населения, существовавшей с 1923 по 1934 годы, охватившей территорию бывшей Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской губерний.

Временной отрезок, 20-е годы XX века, выбран тоже не случайно, поскольку он характеризуется активными поисками педагогической мысли и является стартовым периодом, отмеченным динамичным формированием инфраструктуры педагогического образования.

Работа опирается на широкий круг первоисточников: в первую очередь это архивные документы, материалы региональной педагогической печати, справочные издания Урала 20-х годов. В ходе исследования были изучены фонды Государственного архива Свердловской области: Уральского областного отдела народного образования (Ф. 233-р), Екатеринбургского губернского отдела народного образования (Ф. 17-р) и др. (Здесь и далее стандартное обозначение архивных фондов).

Национальная проблема была для Советской России одной из самых сложных. Животрепещущим и главным вопросом культурной революции, особенно в тех районах, где проживали коренные и малочисленные народы, являлся вопрос ускоренной подготовки местных квалифицированных кадров для всех отраслей экономики и культуры, но прежде всего в области просвещения. Очень остро эта проблема стояла и на Урале, который являясь районом миграции, был многонационален. На Урале проживало около 30 народностей, резко отличавшихся друг от друга по языку, бытовым условиям, уровню экономического и культурного развития. Так, территория Тобольского севера была заселена кочевыми, полукочевым, оседлыми племенами (остяки, самоеды, вогулы, тунгусы, юраки, зыряне и др.). По данным переписи 1920 г. в области проживало 6 427 217 человек, из них 5 772 636 (около 90%) русских, 282 074 (4,4%) татар и башкир, коми-пермяков – 114 353 (1,8%), хантов – 20 213 (0,3%), марийцев – 15 356 (0,2%), евреев – 14 190 (0,2%), удмуртов – 10239 (0,1%) и др. [1]. Причем только часть из них проживало более или менее компактными группами.

Летом 1918 года на Урале повсеместно были созданы подотделы просвещения национальных меньшинств при губернских, уездных отделах народного образования.

Одними из приоритетных направлений работы подотделов являлось решение проблем просвещения, поднятия грамотности. Уровень грамотности среди коренных и малочисленных народов был неоднородным. Наиболее высокий процент грамотности был у представителей латышской национальности – 77,6%, евреев – 70%, эстонцев – 68%. У русского населения грамотность составляла – 28,9%, значительно ниже она была у чувашей – 19,4%, татар – 17%, коми-пермяков – 15%, удмуртов – 14%, башкир – 12%, марийцев – 9,3%, казахов – 5,1% [1, 30].

Приоритетность внимания государства к решению проблем национальной культурно-образовательной политики обусловило опережающие темпы роста всеобща среди малочисленных народов по сравнению с русским населением. Особое внимание уделялось увеличению охвата школьным обучением детей этих народов. В Екатеринбургской губернии в начале 20-х годов работало 113 национальных школ 1 ступени (на первое января 1918 года из 348 начальных школ только 22 школы предназначались для детей башкир). В Челябинской губернии работало 100 татарских и башкирских школ. Школ второй ступени в этот период было крайне мало: в Челябинской губернии две, а в Екатеринбургской они вообще отсутствовали [2. Оп. 1. Д. 821. Л. 14].

Количество школ для детей евреев, латышей, эстонцев было незначительно и работали они в основном при национальных рабочих клубах. С течением времени увеличивается охват детей школами повышенного типа, в 1923/24 учебном году функционировало 18 школ с 2627 учащимися [3].

С середины 20-х годов наблюдается процесс расширения охвата национальностей, включаемых в систему всеобща: в 1923/24 учебном году обучением в школах было охвачено 8 национальностей, в 1924/25 – 12, в 1925/26 – 18 национальностей. Одновременно увеличивается и число детей обучающихся в школах. Так, в 1923/24 учебном году в 296 школах 1 ступени обучалось 15 811 детей, а в 1926/27 учебном году в 547 школах обучалось 30 378 детей [3]. Если в целом в уральских начальных школах количество учащихся в 1929/30 учебном году увеличилось по сравнению с 1925/26 учебным годом на 44,3%, то у татар на 87%, мари на 300%, мордвы – на 346% [4. Оп. 1. Д. 903. Л. 102–110]. Исключение составляли народы Северного Урала, где были низкие показатели привлечения детей 8–11 лет в школу. Так, в Тобольском округе они составили у манси (вогулов) – 42%, хантов (остяков) – 10,2%, ненцев (самоедов) – 1% [4, Л. 96]. В связи с чем Уральский обком партии и облисполком в августе 1929 г. предложили использовать в данных районах национальные школы-интернаты [4, Д. 187. Л. 67].

В октябре 1918 г. Народный Комиссариат Просвещения РСФСР принял постановление «О школах национальных меньшинств», в котором оговаривалось право организации обучения на родном языке. В действительности же, при организации школ пришлось столкнуться с большими трудностями. Органы образования стремились открывать для детей национальных меньшинств школы как с преподаванием на родном языке на протяжении всего курса обучения, так и с преподаванием родного языка как отдельного предмета со второго или третьего года обучения. Но в связи с отсутствием национальных педагогических кадров, учебников, национальной письменности реальное распространение получили национальные школы с преподаванием на русском языке и с преподаванием на родном языке в течение одного-двух лет обучения с последующим введением русского языка как языка преподавания. Таким образом, чтобы осуществить обучение на родном языке, необходимо было решить такую сложную проблему, как создание алфавитов для народов, проживающих на территории Урала и не имеющих письменности.

На Урале массовое движение за новый алфавит началось с осени 1927 года. В Кунгурском, Златоустовском округах создавались организации по распространению и внедрению нового алфавита «Яналифа». Для выполнения намеченного прежде всего необходимо было подготовить педагогический персонал для татарских, башкирских, нагайбакских и казахских

школ. С этой целью в апреле 1929 г. Уральский Отдел Народного Образования вынес на 11 сессию Совета нацменьшинств доклад «О введении НТА (нового тюркского алфавита) на Урале». В 1929 г. были организованы курсы-конференции для работников тюрко-татарских школ с охватом 700 чел., что составило 80% учителей [4. Оп. 1. Д. 1166. Л. 34–35]. В основном, перевод письменности тюркских народов со старого арабского алфавита на новый латинизированный был завершен в 1931 г. На очереди дня встал вопрос о переводе письменности угрофинских (коми-пермяков, удмуртов, марийцев) и северных (хантов, манси, ненцев) народов на латинизированный алфавит с целью культурного сближения с другими народами СССР.

В 20-е годы началась работа по пересмотру национальных учебников. Первые учебники на коми-пермяцком и чувашском языках появились на Урале в 1920 г., они были подготовлены редакционной коллегией по созданию национальной культуры и алфавита для народов, не имевших ранее письменности. В 1933 г. обеспеченность учебниками детей национальных меньшинств Урала достигла 50–75%. Учебники и учебные пособия для школ повышенного типа на национальных языках совершенно отсутствовали [5]. Все это затрудняло подготовку и работу учителей.

Организация национального народного просвещения, расширение сети школ остро поставили вопрос о национальных педагогических кадрах. На уровне государственной политики этот вопрос обсуждался на Всероссийском съезде по просвещению национальностей в августе 1919 года, на X съезде партии в марте 1921 года, где была намечена обширная комплексная программа просвещения нерусских народов. В 1925 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял специальное решение «О подготовке преподавателей для школ национальностей нерусского языка» [6].

Основными формами подготовки учителей для национальных школ в 20-е годы являлись курсы и техникумы. В 1919-1920 годы вопрос о кадрах стоял очень остро и в основном решался путем организации кратковременных курсов для педагогов из числа башкир, татар, удмуртов, чувашей, марийцев в Екатеринбурге, Челябинске, Сарапуле и других городах.

Одновременно с краткосрочными курсами в этот период начинают работать курсы, рассчитанные на более длительный период обучения. На заседании коллегии Екатеринбургского Отдела народного образования от 10.10.19 г. отмечалась необходимость создания в губернском масштабе 3-х годичных мусульманских педагогических курсов для подготовки учителей для школ 1 ступени [2. Оп. 1. Д. 6. Л. 36]. Их открытие состоялось в середине 1929 г., 75 человек прошли обучение. Для эффективной работы курсов предполагалось пригласить 29 преподавателей, хотя реально работали 15, и только для 6 преподававших татарский язык был родным. 40% (6 чел.) преподавателей имели среднее педагогическое образование и 6,6% (1 чел.) имели высшее педагогическое образование. На курсах преподавались такие предметы, как педагогика, естествоведение, родной язык, русский язык, немецкий и английский языки, география, обществоведение, история, математика, физика, музыка, рисование, рукоделие, гигиена. Таким образом, данные курсы носили скорее общеобразовательную направленность, чем педагогическую [2. Оп. 1. Д. 824. Л. 7–8].

Организация первых национальных педагогических техникумов относится к началу 20-х гг. (Екатеринбургский татаро-башкирский (1921 г.), Урал-Марийский (1921 г.)). Они начинали работу в обстановке чрезвычайной культурной и экономической отсталости. Перед началом первого учебного года преподавателям Урал-Марийского педтехникума, с целью его укомплектации, пришлось провести огромную агитационно-пропагандистскую работу во многих марийских селениях с целью объяснения значимости образования вообще и объяснения важности открытия педагогического техникума для трехтысячного населения мари Приуралья [2. Оп. 1. Д. 843. Л. 69].

Педагогические техникумы испытывали значительные трудности в своей работе. Поскольку общий уровень преподавания в национальных школах оставался ниже, чем в русских, остро стояла проблема низкого качества подготовки абитуриентов. В техникумы поступали, в основном, ребята после школ 1 ступени, что объяснялось малым количеством

школ семилеток для детей национальных меньшинств, их слабой обеспеченностью педагогическим персоналом. Данное обстоятельство обусловило особенность таких техникумов – наличие подготовительных групп, целью которых была подготовка учащихся к обучению в техникуме. Трудности заключались и в отсутствии единых правил приема, неоднородности учащихся по возрасту и образованию, требующих дифференциации учебных планов для каждой группы, включая подготовительную. Учебные планы менялись ежегодно в зависимости от уровня подготовки абитуриентов. Педагогические советы учебных заведений по своему усмотрению изменяли набор предметов и количество отведенных на них часов, в соответствии с наличием преподавателей. В связи с тем, что педагогический техникум должен был обеспечить учащимся общеобразовательную подготовку в объеме школ второй ступени, в его учебном плане значительное место занимали родной и русский языки, математика, обществоведение, природоведение. Эти дисциплины изучались на всех курсах. Психолого-педагогическая подготовка была сосредоточена на последних курсах.

Слабая материально-техническая база педагогических техникумов отрицательно сказывалась на качестве обучения студентов. Так, например, в Урал-Марийском педтехникуме учебный процесс был в 1921/22 учебном году фактически сорван из-за отсутствия «осветительного материала» в первой половине учебного года, а с 25.12.21 г. по 01.03.22 г. учащиеся были распущены по домам «ввиду несвоевременного получения продуктов» [2. Оп. 1. Д. 824. Л. 71]. Поэтому техникум пытался самостоятельно решать вопросы укрепления материальной базы за счет использования сельскохозяйственных угодий. С этой целью из учащихся техникума была организована группа для проведения весенне-летних работ, в обязанности которой входило: заготовка паров под сельскохозяйственные культуры, дров, снятие урожая и другие сельскохозяйственные работы [2. Оп. 1. Д. 824. Л. 103].

Очень слабо педагогические техникумы были обеспечены учебными пособиями. Так, татаро-башкирскому техникуму удалось получить пособия по педагогике, русскому и родному языкам, математике, которые удовлетворили потребности лишь 10% слушателей [2. Оп. 1. Д. 824. Л. 19].

В докладе врача татаро-башкирского педагогического техникума отмечается, что техникум размещен в жилых домах, не приспособленных под школы, и не может удовлетворять многим требованиям санитарного надзора. Среди перечисленных недостатков следующие: в спальнях «по количеству учеников недостает коек»; в некоторых классах отношение световой площади к площади пола ниже установленной нормы 1:12; отсутствует столовая, здание требует ремонта и др. [2. Оп. 1. Д. 846. Л. 21].

Кроме указанных материально-методических проблем, национальные техникумы столкнулись с проблемой ослабленного здоровья своих учащихся. В татаро-башкирском техникуме медицинский осмотр выявил 18% учащихся с ярко выраженным малокровием, 32% с признаками туберкулезной интоксикации, 58% счастливым отсутствием и кариесом зубов и др. [2. Оп. 1. Д. 846. Л. 22]. Но далее констатации фактов дело не пошло. Не было средств на усиленное питание, целенаправленное оздоровление учащихся.

Необходимо отметить и особенность в половом составе учащихся национальных педагогических техникумов. В первой половине 20-х годов студентами в основном являлись мужчины. Так в татаро-башкирском техникуме в 1922/23 учебном году обучалось 37 мужчин и 10 женщин. На 1-е января 1925 года в составе учащихся Урал-Марийского педтехникума было 103 мужчины и 37 женщин. Это говорило о живучести национальных традиций, о социальном неравенстве женщин и мужчин [4. Оп. 1. Д. 175. Л. 165].

В рассматриваемых техникумах, наравне с представителями национальных меньшинств, обучались и русские.

С расширением сети педагогических техникумов увеличивается и количество техникумов для национальных меньшинств. В 1927/28 учебном году их насчитывалось пять: два татаро-башкирских (457 учащихся), один коми-пермяцкий (34 учащихся), марийский (269 учащихся) и один техникум национальных меньшинств дальнего севера (36 учащихся) [7]. В 1926 году при педагогическом факультете Пермского университета было открыто отделе-

ние языка и культуры народа Коми, просуществовав два года, отделение закрылось из-за слабой обеспеченности оборудованием и отсутствием научных кадров. Учитывая трудности в деле подготовки национальных педагогических кадров для осуществления всеобщего обучения СНК РСФСР в 1926 году в постановлении «О просветительской работе среди национальных меньшинств в РСФСР» предложил Наркомпросу РСФСР «считать одной из важнейших педагогических задач открытие необходимого количества педагогических учебных заведений для национальных меньшинств в соответствии с планом введения всеобщего обучения и обратить внимание на обеспечение учащихся стипендиями» [6, 32]. Темпы роста количества учащихся и студентов в национальных педагогических учебных заведениях были выше, чем в русских. Однако, подготовка учителей в стационарных учебных заведениях не успевала за ростом сети школ. Поэтому значительную роль в подготовке педагогических кадров играли педагогические курсы. Достаточно полно были удовлетворены интересы учителей национальных школ в процессе летней переподготовки в 1924 году. Через областные и окружные курсы прошли 190 учителей, т. е. не менее 50% учителей татаро-башкирских школ, процент значительно превышающий процент охвата курсами русских учителей [8].

Летом 1927 года в Свердловске работали областные курсы учителей школ 1 ступени тюркских народов. Основная задача состояла в переподготовке учителей активистов, дававшей им возможность руководить кустовыми методическими объединениями, педагогическими коллективами национальных школ. По итогам курсов был отмечен рост активности учителей, они предлагали приглашать лекторов, владеющих родным языком курсантов, ввести в учебные планы будущих курсов методику преподавания русского языка в национальных школах. Основными методами работы на курсах были: лекционные, групповые, практические работы, конференции [9].

В связи с тем, что росло количество школ повышенного типа для нерусских народов, требовались кадры, обеспечивающие работу техникумов на национальном языке, повышалась потребность в организации педагогического института для национальных меньшинств. Поэтому в 1932 году был открыт Свердловский татаро-башкирский педагогический институт.

Таким образом, 20-е годы отмечены процессом фронтального широкого открытия сети педагогических учреждений для подготовки учителей нерусских школ. Несмотря на тяжелые материально-финансовые ограничения, дефицит кадров, отсутствие учебно-методического обеспечения, недостатки в виде русификаторских тенденций, в исследуемый период было положено начало строительства национальной педагогической школы на Урале.

Литература

1. Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск. 1926. 350 с.
2. ГАСО. Ф. 17-р.
3. Старцев В. Советская средняя школа // Просвещение на Урале. 1927. № 2. С. 38–49.
4. ГАСО. Ф. 233-р.
5. Кривошекова А.Ф. Программно-методическая работа учительства коми-пермяцкого национального округа (1920–1930) // История народного образования в Коми-Пермяцком округе: сб. ст. / Пермский гос. пед. ин-т. Пермь, 1976. С. 79–93.
6. Народное образование в СССР. М. : Педагогика, 1985. 448 с.
7. Наши задачи в области подготовки педагогической силы // Профессиональное образование на Урале. 1928. Кн. 2. С. 32–38.
8. Березова М. Итоги летней переподготовки в Уральской области // Уральский учитель. 1925. № 1. С. 65–71.
9. Хасанкаев С. Некоторые цифры, характеризующие работу курсов по переподготовке учителей тюркских народностей // Просвещение на Урале. 1927. № 1. С. 49–50.

References

1. Ural'skoe hozjajstvo v cifrah. Sverdlovsk. 1926. 350 s.
2. GASO. F. 17-r.
3. Starcev V. Sovetskaja srednjaja shkola // Prosveshenie na Urale. 1927. № 2. S. 38–49.

4. GASO. F. 233-r.
5. Krivovetkova A.F. Programmno-metodicheskaja rabota uchitel'stva komi-permjackogo nacional'nogo okruga (1920-1930)// Istorija narodnogo obrazovanija v Komi-Permjackom okruge : sb. st. / Permskij gos. ped. in-t. Perm', 1976. S. 79–93.
6. Narodnoe obrazovanie v SSSR. M.: Pedagogika, 1985. 448 s.
7. Nashi zadachi v oblasti podgotovki pedagogicheskoi sily // Professional'noe obrazovanie na Urale. 1928. Kn. 2. S. 32–38.
8. Berezova M. Itogi letnej perepodgotovki v Ural'skoj oblasti // Ural'skij uchitel'. 1925. № 1. S. 65–71.
9. Hasankaev S. Nekotorye cifry harakterizujuie rabotu kursov po perepodgotovke uchitelej tjurkskikh narodnostej // Prosvewenie na Urale. 1927. № 1. S. 49–50.

**ФИЛОСОФИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ**

Козырева Т. В.

ФГБОУ ВПО «Югорский государственный университет», Ханты-Мансийск

Особенности русского религиозного мировоззрения

Features of Russian religious outlook

УДК 2

Аннотация. Религиозное мировоззрение отражает формы жизненного опыта нации. Основными составляющими русского религиозного мировоззрения являются культ земли и культ рода. В образе Иисуса Христа на Руси акцент был сделан на земной составляющей, на его страдальческой доле, на его близости к земному человеку и готовности пожертвовать собой ради спасения земного человека. Русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести.

The summary. The religious outlook reflects forms of life experience of the nation. The basic components of Russian religious outlook are the cult of the earth and a sort cult. In image of Jesus Christ in Russia the accent has been made on a terrestrial component, on its suffering share, on its affinity to the terrestrial person and readiness to offer itself for the sake of rescue of the terrestrial person. Russian spiritual culture starts with heart, contemplation, freedom and conscience. Russian the culture starts with heart, contemplation, freedom and conscience.

Ключевые слова: русское религиозное мировоззрение, культ земли, культ рода, язычество, христианство, русский коллективизм.

Keywords: Russian religious outlook, an earth cult, a sort cult, paganism, Christianity, Russian collectivism.

Религиозное мировоззрение задает «предельные» критерии, абсолюты, с точки зрения которых понимаются человек, мир, общество, обеспечивается целеполагание и смыслополагание. М. Мюллер отмечает: «Так же как человек обладает даром речи независимо от всех исторических форм языка, он обладает способностью верить, независимо от всех исторических религий. ...религия ...способность ума или предрасположенность, которая независимо от чувства или разума, а иногда даже вопреки им дает возможность человеку постигать Бесконечное под различными именами и в разнообразных формах...» [1, 43].

Религия включает миропонимание (объяснение мира в целом и отдельных явлений и процессов в нем), мирозерцание (отражение мира в ощущении и восприятии), мирочувствование (эмоциональное принятие или отвержение), мироотношение (оценку).

«Религиозное мировоззрение есть результат религиозного опыта, а религиозный опыт «является одной из форм жизненного опыта, но специфический характер его заключается в том, что он есть размышление, которое сопровождает процесс общения с невидимым» [2, 39].

Цель данной статьи – выявить особенности и факторы, повлиявшие на формирование русского религиозного мировоззрения.

Основой формирования религиозного мировоззрения на Руси послужили две религии язычество и христианство. Встреча-столкновение христианства и язычества, как показало время, сыграла значительную роль в оформлении специфически русского культурного мышления.

На Руси первые идеи, объясняющие происхождение всего сущего, были связаны с мифологией космоса. Культ божеств-светил замечен в русском фольклоре, особенно в годовом праздничном календаре. Однако астральный культ в русском язычестве имел подчиненный характер. Русское язычество было более «земным», менее «небесным», нежели любой другой вид многобожия славянского мира. В исторической традиции наиболее известны имена Перуна-громовержца, Велеса (Волоса) – бога скота и богатства, культ рожениц – хозяйек мира, дающих всему жизнь, культ земли — лона

самой жизни. Славяне имели две категории божеств: одни олицетворяли природу, другие – враждебные человеку силы; первые были доброжелательными (например, Хоре, божество солнца, от имени которого происходит современное наречие «хорошо», т. е. солнечно), вторые – ужасны и зловредны (вампиры, упыри, навьи и т. п.). Растительные, солярные (солнечные), зооморфные символы на одежде, утвари, бытовых предметах, которые мы сейчас воспринимаем как украшения, для древних славян были закликательными знаками, средством защиты против злых сил. Образно говоря, «свое человеческое» язычник носит на себе: одежда, головной убор, «украшения» закрывают и защищают тело. Языческое сознание не знает различий между духовностью и материальностью, между обыденным житейским и высоким, духовным.

Становление Русской земли сопровождалось социальными катаклизмами, внутриплеменными распрями, войнами с хазарами, печенегами, половцами, тюрками, греками. Социально-политическая нестабильность Руси и преобладание земледельческого аспекта в ее жизни были, видимо, причиной того, что славяне рано поняли отделенность космоса, звезд от бурлящей вокруг жизни. Наиболее близкое – то, что рядом, и, взглядевшись в него, можно попробовать как-то понять, объяснить жизнь племени, рода, человека. Самое близкое – это земля и окружающие люди, существующие в системе родо-племенных отношений. Так появляется культ матушки-земли и рода, которые в определенной мере существуют и регулируют самосознующую русскую мысль до конца XIX – начала XX веков. Земля, почва, дающая жизнь, «мать-сыра-земля», ее культ у древних настолько силен, что был официально введен Владимиром в канон русских божеств (980 г.) под именем богини Мокошь и позже, в условиях соперничества язычества с христианством, был сопоставлен с богородицей Марией.

Языческий культ матери-земли, концентрируя в себе религиозные чувства народа, пережил века и в философии XIX века явился символом русской «Вечной Женственности», олицетворяющей материнство, доброту, милосердие. Поклонение земле как божественному Материнству является особенностью русского мировоззрения. Следы этого мы найдем у Достоевского, Вл. Соловьева, С. Булгакова.

Не менее важным в формировании общего мировоззрения был культ рода, вечной родственной общины как никогда не умирающей реальности человеческих отношений. Сохранившееся в языковой форме обращение к незнакомым – «дед, отец, дядя, брат, сынок» и, соответственно, слова женского рода свидетельствуют о том, что весь социум для народного сознания есть в пределе расширившаяся жизнь. Это имеет значение для понимания «народной этики»: русская «община, мир» основаны не на кровном родстве, а на соседстве и общем землепользовании. Тем не менее «мир» несет в себе патриархальность образа жизни, и вся нация может рассматриваться как огромный и неумирающий род. Эту мысль много позже развивают славянофилы в своих философско-политических взглядах на будущее русского народа.

Родовая этика рано приобрела религиозный характер. Для язычников тайна рождения находится в прямой связи с культом земли и рода. Род вечен, а человек существует лишь краткий миг в его нескончаемой жизни. Если греческие мистерии обещали бессмертие души, то в русском язычестве человек исходит из земли предков и в землю возвращается. В этой жизни его существование определяют воля родителей и традиции умерших. Свободе воли остается мало места. Осознание личностных возможностей собственного пути и призвания запаздывало в народном сознании и после принятия христианства. В этом – один из секретов русского коллективизма.

Мать-земля учит своего сына доброте, верности, но не свободе. Красота матери-земли – в ее рождающем, жалеющем своего сына начале. Отсюда – склонность к чувственному пантеизму, гилозоизму, когда предметом любования становится материя, а не дух.

Складывание целостной национальной культуры и органичного национального мировоззрения на Руси было в решающей мере определено принятием христианства. Христианст-

во было принято на Руси достаточно необычным, почти уникальным для истории европейских народов, образом. С одной стороны, новая религия была в определенном смысле насильственно привита народу, поскольку акт его принятия был определен волей правителя, а не сформировался в виде органичного устремления народных масс. Однако, с другой стороны, ситуация здесь ничего общего не имела с теми случаями, когда народу навязывалась вера завоевателей, силой покоривших страну. Князь Владимир, обращая свой народ в христианство, пытался сознательно выбрать религию, отвечающую внутренним потребностям народного духа; об этом свидетельствует полулегендарная история из «Повести временных лет», рассказывающая о том, как долго Владимир колебался, сравнивая между собой религии, в равной степени утверждающие веру в единого Бога, но по-разному трактовавшие смысл отношений между Богом и человеком. Рассматривая свидетельство «Повести временных лет» как исторически реальное, мы должны признать, что Владимир выбрал православие не под влиянием вторичных факторов (например, внешней красоты богослужения), а в силу глубокого духовного родства между национальным мировоззрением и основами православия. «Языческое мировоззрение русской нации, выражающее приверженность ценностям земной жизни, земной красоты и земного счастья, в этом кульминационном пункте исторического развития Руси было соединено с религиозным мировоззрением, в котором с особой полнотой выражено мистическое чувство единства человека с Богом, с высшей реальностью, жажда вечной гармонии и абсолютного совершенства» [3, 13].

С принятием христианства в религиозном мировоззрении произошли некоторые изменения, но христианство не вытеснило полностью язычество. Христианские ценности и образы постепенно входили и в народную культуру, вытесняя язычество или перемешиваясь с ним [4].

Смешение язычества и христианства наложило неизгладимый отпечаток на психологию и мироощущение русичей. Возник сплав мифологического сознания и культа Богочеловека. Христианская идея единого Бога, отца и заступника, соответствовала родоплеменному устройству восточных славян. Христианские нравственные заповеди («Трудись – и тебе воздастся»; «Возлюби ближнего своего» и пр.) оказались созвучны духовно-нравственным идеалам языческой Руси. Идея самопожертвования Христа ради человеческого рода легла на благодатную почву нравственных установлений восточных славян о жертвенности отдельной личности во имя семьи, общины и племени.

Образ Иисуса Христа приобрел на Руси новые черты в сравнении с его византийским прообразом. В византийском православии Христос чаще всего представал как всемогущий и совершенный Бог, выступал объектом поклонения, бесконечно далеким от нашего земного состояния; в русской версии православия акцент был сделан на земной составляющей Христа, на его страдальческой доле, на его близости к земному человеку и готовности пожертвовать собой ради спасения земного человека. В совершенных образах Христа с икон Андрея Рублева и других иконописцев XIV–XVI вв. мы не находим резкого противопоставления Богочеловека и земных людей, Иисус предстает как идеал земного человека, понятный и близкий каждому из нас [4].

«При общении с византийской культурой и образованностью русичи соединили присущее им искони эстетическое отношение к природе с духовностью человеческого существования, которое несло христианство. В результате мыслители Киевской Руси обратились прежде всего не к разуму, а к чувству и сердцу человека» [3, 133].

Православие вложило в основу русского человека жизнь сердца (чувство любви) и исходящего из сердца созерцания (видения, воображения). В этом его глубочайшее отличие от католицизма, ведущего веру от воли к рассудку; от протестантизма, ведущего веру от разума к воле. Это отличие, тысячелетие определявшее русскую душу, останется на веки [5].

В дальнейшем об эту особенность отмечает Ильин: «Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца. Сердца, созерцающего свободно и предметно и передающего свое видение воле для действия и мысли для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры» [6, 436].

Если русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести, то это отнюдь не означает, что она «отрицает» волю, мысль, форму и организацию. Самобытность русского народа ... в том, чтобы выращивать вторичные силы русской культуры (волю, мысль, форму и организацию) из ее первичных сил (из сердца, из созерцания, из свободы и совести). Самобытность русской души и русской культуры выражается именно в этом распределении ее сил на первичные и вторичные: первичные силы определяют и ведут, а вторичные вырастают из них и приемлют от них свой закон [6, 441].

Если сравнить русское православие с его греческим оригиналом, то мы обнаружим, что в исходной версии православного мировоззрения главным является спокойное и уравновешенное исповедание, связанное с ясным прозрением грядущей гармонии мира и человека. Приоритет идеи гармонии является наиболее характерной чертой греческой культуры, имевшей исток в античной классике. С помощью гармоничных, уравновешенных форм, порожденных греческой классикой, Византия сумела перебороть и преобразовать в спокойные и умиротворенные религиозные формы даже тот заряд страстного стремления к единству с Богом, который был характерен для раннего христианства. В русском православии на первый план выходит совсем другое, исходный импульс христианской страстности (существенно подавленный в католицизме рассудочным анализом) был вновь раскрепощен и, соединившись с языческим любованием природой, с убеждением в ценности материального мира, привел к существенно иному мировоззрению, в котором главным оказалось не столько исповедание *грядущей* гармонии, сколько острое ощущение реальной дисгармонии, несовершенства земного мира и в то же время страстное желание немедленного преображения этого мира [1].

Определяя сущность русского мировоззрения, С. Л. Франк отмечал, что русский мыслитель «от простого богомольца до Достоевского, Толстого и Владимира Соловьева всегда ищет «правду»; он хочет не только понять мир и жизнь, а стремится постичь главный религиозно-нравственный принцип мироздания, чтобы преобразить мир, очиститься и спастись» [7, 152]. На основании этого Франк приходит к выводу, что стержнем русского философского мышления и мировоззрения в целом является религиозная этика. Это особенно ярко проявилось в «моральной проповеди» Толстого. Однако этический рационализм Толстого, по мысли Франка, упростил и исказил русский религиозный дух. «Для русской религиозной этики характерно иное: «добро» в ней – это не содержание моральной проповеди или нравственного требования; оно не «должное» или норма, а «истина», как живая онтологическая сущность мира... Другими словами, религиозная этика есть в то же время религиозная онтология» [7, 153].

Православие на Руси стало формой народного мироощущения. Подавляющее большинство верующих, не умея разобраться в нюансах церковной догматики, «выбрали» православие, поскольку оно отвечало их психологическому настрою. Кроме целого ряда социально-политических причин, принятие ценностей христианства, по-видимому, было обусловлено тем, что оно несло с собой новый взгляд на человека: идея равенства и достоинства всех в Боге («перед Господом нет ни раба, ни господина»), создавала основу новых отношений между людьми [4].

Православие несло русскому народу все дары христианского правосознания – волю к миру, братству, справедливости; чувство достоинства и ранга; способность к самообладанию и взаимному уважению — словом, все то, что может приблизить государство к заветам Христа [1].

Язычество всегда содержит в себе явную тенденцию к сакрализации, обожествлению природы и ее многообразных сил, в то время как важнейшим принципом христианского мировоззрения является признание несамодостаточности природы, земного бытия, отрицание его ценности в сравнении с бытием божественного мира. В русском православии эти две противоположные тенденции парадоксальным образом совместились. Страстное стремление к Богу вовсе не означало отрицания земного бытия, наоборот, соединение человека с Богом понималось как важнейший момент более глубокого процесса – преобразования всего земно-

го бытия к новому, совершенному состоянию. Причем это новое состояние должно было возникнуть из старого; преображение должно было не отрицать несовершенный мир, но только любовно «подправить» его, устранить его недостатки.

Наглядным выражением такого смещения акцентов в сторону земного бытия в русском православии стала своеобразная интерпретация образов Иисуса Христа и Богородицы. Культ Богородицы был особенно популярным на первом этапе развития русской духовной культуры, поскольку он легко вобрал в себя традиционные языческие представления, возвеличивающие мать-прародительницу, дарующую жизнь. Позже, уже в конце XIX в. эту тенденцию, неизменно присутствующую в русском православии, точно выразил Ф. Достоевский, который устами полубезумной героини романа «Бесы», Марьи Лебядкиной, отождествил культ Богоматери с представлением о божественном характере земной природы, жаждущей освобождения от несовершенства и преображения в Богоземлю.

Согласно точке зрения Н. О. Лосского, нравственной доминантой характера русского народа явилось «искание абсолютного добра», определившее не только своеобразие морально-этического творчества, но и общий взгляд на социально-исторический смысл жизни. «Русский человек обладает особенно чутким различием добра и зла; он зорко подмечает несовершенство всех наших поступков, нравов и учреждений, никогда не удовлетворяясь ими и не переставая искать совершенного добра» [8, 241]. Глубинная укорененность нравственного начала в русском мировоззрении подтверждается, по мысли Лосского, тем, что даже атеистически настроенная интеллигенция, утратившая христианскую идею Царства Божия, сохранила стремление к совершенному добру, обнаруживающееся, например, в искании социальной справедливости [8, 250].

Таким образом, при формировании русского религиозного мировоззрения христианское мировоззрение постепенно проникало в языческое сознание, не только не разрушая его, но взаимодействуя с ним. В результате в мировоззрении в дальнейшем остался культ земли, благодаря которому произошло смещение акцентов в сторону земного бытия, а культ рода повлиял на развитие русского коллективизма в противоположность западному индивидуализму.

Литература

1. Ильин И. А. О русской идее // Русская идея / сост. и авт. вступ. статьи М. А. Маслин. М. : Республика, 1992. 496 с. С. 436–443.
2. Дильтей В. Сущность философии // Философия в систематическом изложении. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2006. 208 с.
3. Евлампиев И. И. История русской философии : учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 2002. 584 с.
4. Георгиева Т. С. Христианство и русская культура : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2001. 240 с.
5. Копалов В. И. Курс лекций по русской философии истории : учеб. пособие / Рос. филос. общ-во и др. Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2005. 258 с.
6. Ильин И. А. Основы борьбы за национальную Россию // И. А. Ильин. Собр.соч. : в 10 т. Т. 9–10. М., 1999.
7. Франк С. Л. Сущность русского мировоззрения // Русское мировоззрение. СПб. 1996. 738 с.
8. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. М., 1991. 288 с.

References

1. Il'in I. A. O russkoj idee // Russkaja ideja/Sost. i avt. vstup. stat'i M. A. Maslin. M. : Respublika, 1992. 496 s. S. 436–443.
2. Dil'tej V. Suwnost' filosofii // Filosofija v sistematicheskom izlozhenii. M.: Izdatel'skij dom «Territorija buduwegogo», 2006. 208 s.
3. Evlampiev I. I. Istorija russkoj filosofii: Ucheb. posobie dlja vuzov/ M. : Vyssh.shk., 2002. 584 s.

4. Georgieva T. S. Hristianstvo i russkaja kul'tura: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. M.: Gumanit. izd. Centr VLADOS, 2001. 240 s.
5. Kopalov V. I. Kurs lekcij po russkoj filosofii istorii : ucheb. posobie / Ros. filos. o-vo i dr. Ekaterinburg: Izd-vo Ural, un-ta, 2005. 258 s.
6. Il'in I. A. Osnovy bor'by za nacional'nuju Rossiju // Il'in I. A. Sobr.soch.: v 10 t. T 9–10. M., 1999.
7. Frank S. L. Suwnost' russkogo mirovozzrenija // Russkoe mirovozzrenie. SPb. 1996. 738 c.
8. Losskij V. N. Oчерк misticheskogo bogoslovija vostochnoj cerkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie. M., 1991. 288 s.

Ткачук Н. В.

*БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
Ханты-Мансийск*

**Социальные проблемы коренных малочисленных
народов Севера (на примере Советского района ХМАО – Югры)**

**Social problems of the radical small North people
on the example (of Soviet area Yugry)**

УДК 332.14 (571.122);31:33;316.334.3

Аннотация. Данная статья подготовлена на основе данных, полученных в результате проведенных социологических исследований среди коренных малочисленных народов Севера (КМНС), проживающих на территории Советского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. На данной территории мониторинг среди КМНС нами был проведен впервые. Несмотря на законодательные инициативы и принятые программы в области социальной политики Югры, как и в других районах округа, острыми проблемами для населения Советского района являются проблемы социальной сферы (трудоустройство, жилье, образование детей, здоровье населения и др.).

Summary. Given article is prepared on the basis of the data received as a result of the spent sociological researches among the radical small people of North KMHC living in territory of the Soviet area Hunts-Mansijskogo of autonomous region – Jugry. In the given territory monitoring among KMHC has been spent for the first time. Despite all positive moments and the accepted programs in the field of social policy of Jugry, as well as in many areas of district, acute problems for the population of the Soviet area are problems of social sphere (employment, habitation, formation of children, health of the population, etc.).

Ключевые слова: социально-экономические проблемы, род занятий, источники основных доходов населения, статистика, безработица.

Keywords: social and economic problems, an occupation, sources of the basic incomes of the population, the statistican, unemployment.

Анализируя результаты социологических исследований, проведенных учеными социологами Тюменского государственного нефтегазового университета совместно с сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (1993–1995; 1997–1999; 2001–2005; 2006–2008 гг.) в районах округа (Кондинский, Березовский, Октябрьский, Белоярский, Нефтеюганский, Сургутский, Нижневартовский, Ханты-Мансийский) [1; 5; 6; 7], пришли к выводу, что исключение составил Советский район, оказавшись вне поля наших исследований. В 2011 году объектом социологических исследований было коренное малочисленное население Севера, проживающее на территории Советского района. Мониторинг «Состояние родных языков и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера»^{*} включал большой круг вопросов по блокам: сохранение родного языка и культуры, вопросы по образованию территорий традиционного природопользования и социально-экономических проблем.

В статью включены анализ первичных эмпирических данных анкетного опроса по социально-экономическому блоку: род занятий; образование; источники основных доходов КМНС; какие проблемы нужно решать в первую очередь в вашем населенном пункте и районе; на что тратят КМНС основную часть доходов; что в большей степени влияет на здоровье местного населения и оценка респондентами работы администрации, в том числе уполномоченных по вопросам КМНС.

Советский район расположен в западной части Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В районе располагаются известные заповедные места, находящиеся под охраной государства: заповедники «Малая Сосьва», «Озеро Ранге-Тур», заказник «Верхне-Кондинский», парк «Кондинский озера». Кроме добывающей отрасли, экономически составляющую

^{*} Помощь в проведении опроса оказали местные жители манси: В. Н. Анямова и М. Т. Полякова.

основу района представляет лесопромышленный комплекс. Лесопромышленные предприятия являются в районе градообразующими, от них образовались рабочие поселки Зеленоборск, Алябьевский, Коммунистический, Малиновский [2]. С развитием зимних автодорог в отдаленных районах округа, на сегодня города Советский, Югорск являются дополнительными доступными пунктами в зимний период и для жителей соседних сел Березовского района (Хулимсунт, Няксимволь), для которых воздушный транспорт это единственный способ выезда в районный центр и весьма затратный.

Согласно официальной статистике численность всего населения района на 01.01.2011 г. составляет 47 836 чел. Из них КМНС – 276 чел., что составляет 0,5% от общего числа населения района. В муниципальных образованиях проживает следующее количество семей из числа КМНС: в г.п.: Советский – 95 семей, Таежный – 13 семей, Алябьевский – 6 семей, Пионерский – 4, Коммунистический – 8, Малиновский, Агириш – 2 семьи, Зеленоборск – 1 семья. В целом по району насчитывается 131 семья из числа КМНС, в том числе семьи, проживающие на родовых угодьях.

Опрос начат был с жителей г. п. Таежный, далее прилегающих городских поселений Пионерский и Алябьевский. Выбранные населенные пункты для опроса населения не случайны, т. к. в основном в них проживают коренные жители – манси, ханты, ненцы (с преобладающим большинством манси), в разной степени владеющие родным языком и культурой своего народа.

Опрошенных из числа КМНС в трех разных поселках района составило 27 человек. Преобладание в возрастном составе группы от 41 до 50 лет – 34,8% от числа опрошенных. Преобладания в половом составе опрошенных составляют: женщины – 56,5%, мужчины – 43,5%.

Как уже отмечалось, градообразующими предприятиями в Советском районе являются предприятия лесопромышленного комплекса. Из опрошенных на предприятиях градообразующей отрасли из числа КМНС работают всего 3 человека, в том числе женщина – укладчица пиломатериалов. Также отметим, что в п. Таежный, п. Алябьевский женщины коренной национальности в возрасте от 33 до 40 лет со средним образованием в основном заняты на работах низкооплачиваемых, не требующих специальных квалификаций и знаний (социальный работник, почтальон, сторож, уборщица). По результатам опроса, 78,3% от числа опрошенных указали на среднее образование, это в основном респонденты по национальности манси и ханты. Высшее образование у 4,3% респондентов другой национальности (в нашем опросе они представляли группу экспертов, рис. 1).

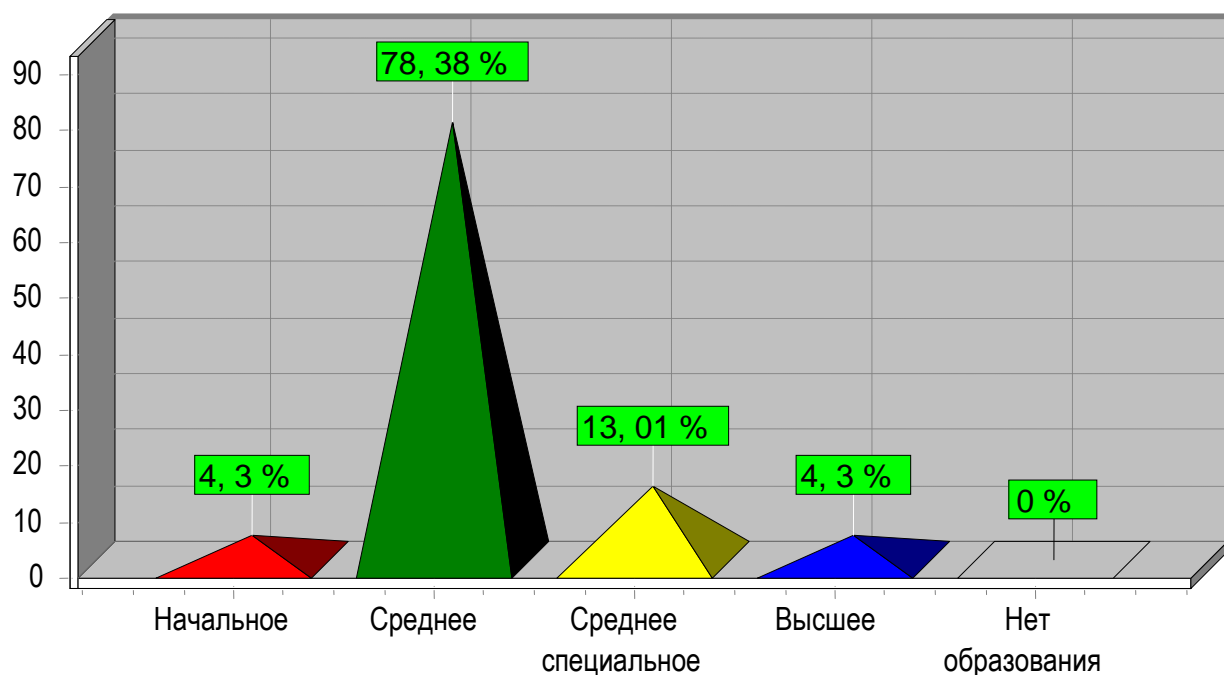

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос «Ваше образование», в % от числа опрошенных

Основная доля безработных граждан среди городских поселений Алябьевский, Пионерский, Таежный приходится на последний (25,9%) (табл. 1). По мнению респондентов, «безработными» многие оказались по причине сокращения численности штата в организациях. Необходимо отметить, что не все респонденты, указавшие в анкете на вариант «Безработный» зарегистрированы в службе занятости населения и таким образом, число неработающих граждан может быть больше, чем говорит официальная статистика. На наш вопрос «Что мешает Вам обратиться для учета в службу занятости населения?» не все респонденты смогли ответить. Зачастую многие респонденты не владеют информацией о том, что кроме выплат пособий по безработице, официальный статус безработного гражданина дает право воспользоваться государственной поддержкой, например на организацию расходов по профессиональной подготовке, переподготовке и повышению квалификации для дальнейшего трудоустройства. Информирование населения должно исключать формальный подход чиновников к работе в рамках принятых программ. И тем более программными мероприятиями предусмотрены финансовые затраты на информирование населения через средства массовой информации, использование раздаточных информационных материалов и др. [4]. Безусловно, законодательные инициативы относительно социокультурного пространства КМНС Югры, принятые социальные программы в области содействия занятости населения призваны снизить степень неудовлетворенности населения своим положением.

Таблица 1. Род занятий респондентов, (n*=27)

Варианты ответов	г. п. Советский %	г. п. Таежный %	г. п. Алябьевский %	г. п. Пионерский %
Работник культуры	0	3,7	0	0
Служащий	3,7	0	0	0
Студент	0	7,4	7,4	0
Школьник	0	0	0	3,7
Пенсионер	0	3,7	0	0
Безработный	0	25,9	3,7	3,7
Рабочий	7,4	18,5	11,1	0

*n - количество респондентов

На вопрос «Род занятий» вариант ответа «рабочий» выбрали 37% респондентов, работающих по специальностям: водитель, лебедчик, штабелевщик, укладчик пиломатериалов, автомалар, автослесарь, оператор валочной машины.

Таблица 2. Ответы респондентов на вопрос «Источники основных доходов?» (n =27)

Варианты ответов	г. п. Советский %	г. п. Таежный %	г. п. Алябьевский %	г. п. Пионерский %	В целом по населенным пунктам %
Заработная плата	8,7	39,1	8,7	4,3	51,9
Выплата из социальных фондов	4,3	21,7	13	0	33,3
Продажа продуктов традиционных промыслов	4,3	4,3	4,3	0	11,1
Другие источники	0	13	0	0	11,1

Как видим из табл. 2., для большинства опрошенных основными источниками доходов являются: заработная плата; выплаты из социальных фондов, а выручка от продажи продуктов традиционных промыслов как источник доходов, всего составила (4,3%). Для сравнения обратимся к данным социологических исследований, проведенных в 1993 г. в районах округа (Белоярский, Кондинский, Октябрьский), которые показывают, что основными источниками доходов коренных жителей по-прежнему остаются зарплата и выплаты из социальных фондов (пособия по уходу за детьми, пособия по безработице) (61-68%). Например, в 1993 г. у респондентов Кондинского района основными источниками дохода являлись зарплата и выплаты из социальных фондов (86%), а доход от продажи продукции традиционных промыслов составлял только лишь 8% [3].

И в целом по городским поселениям: Советский, Таежный, Алябьевский, Пионерский, на данный вопрос, большинство респондентов указали на следующие основные источники доходов: заработная плата – 51,9%; социальные выплаты – 33,3%; продажа продукции традиционных промыслов – 11,1% (табл. 2).

**Таблица 3. Ответы респондентов
«На что тратят КМНС основную часть доходов?» (n =27)**

Варианты ответов	г. п. Советский %	г. п. Таежный %	г. п. Алябьевский %	г. п. Пионерский %
Питание и одежду	8,7	52,2	17,4	4,3
Лекарства, лечение	0	21,7	8,7	4,3
Развлечения	0	0	0	0
Образование детей	0	8,7	13	4,3
Другое	4,3	0	4,3	0

Из данных, приведенных в табл. 3, видно, что основная часть расходов жителей городских поселений Советского района приходится на продукты питания и одежду: г. п. Таежный – 52,2%, г. п. Алябьевский – 17,4%, Советский – 8,7%, Пионерский – 4,3% .

Ответы респондентов на вопрос о существующих проблемах в их населенном пункте, которые нуждаются в первоочередном решении, распределились следующим образом (табл. 4): в порядке убывания – организация рабочих мест (Таежный – 36%; Алябьевский – 16%; Советский – 8%; Пионерский – 4%), решение жилищных проблем (28%; 12%; 8%; 8% соответственно по городским поселениям), снижение цен на товары (28%; 4%; 4%; 4%, соответственно), алкоголизм и пьянство (24%; 24%; 4%; 4% соответственно).

Таблица 4. Ответы респондентов на вопрос «Какие проблемы нужно решать в первую очередь в вашем населенном пункте и районе?» (n =27)

Варианты ответов	г. п. Советский %	г. п. Таежный %	г. п. Алябьевский %	г. п. Пионерский %
Алкоголизм и пьянство	4	24	24	4
Организация рабочих мест	8	36	16	4
Повышение уровня образования	4	12	4	0
Снижение цен на товары	4	28	4	4
Рост производства	4	0	0	0
Своевременная индексация выплат	0	12	8	0
Транспортные	0	0	8	4

Улучшение состояния окружающей среды	0	4	8	4
Улучшение качества продуктов питания	0	4	4	0
Обеспечение стариков и малоимущих	4	16	4	8
Решение жилищной проблемы	8	28	12	8
Другие	4	4	0	0

Респонденты не отрицают действительность, и опрос показал, что не все берегут свое здоровье. Большинство респондентов 74,1% указали, что в большей степени на состояние здоровья местного населения влияют пьянство и алкоголизм (табл. 5).

Таблица 5. Как Вы думаете, что в большей степени влияет на здоровье местного населения? (n =27)

Варианты ответов	число ответивших	% от числа опрошенных
Стрессы на работе и дома	6	22,2
Загрязненная окружающая среда	7	25,9
Нехватка денег на медикаменты	9	33,3
Плохое качество воды	5	18,5
Низкое качество продуктов питания	4	14,8
Пьянство и алкоголизм	20	74,1
Другое	4	14,8

По оценкам опрошенных из числа молодежи, занимающихся поиском работы, трудности в трудоустройстве заключаются в первую очередь из-за отсутствия специальности, опыта и стажа работы. Кроме этого, на пути профессиональной адаптации молодых начинающих специалистов возникают сложности неправомерного характера. Из-за недобросовестности работодателей и собственной безграмотности в юридической защищенности, молодым людям, начинающим трудовую деятельность, порой на деле приходится сталкиваться с нарушениями трудового законодательства и прав молодых работников, в основном работающих в сфере услуг у индивидуальных предпринимателей (автосервис, торговля).

В ходе опроса респондентам был задан вопрос «Как Вы оцениваете работу местных администраций, в том числе уполномоченных по вопросам КМНС»? (рис. 2).

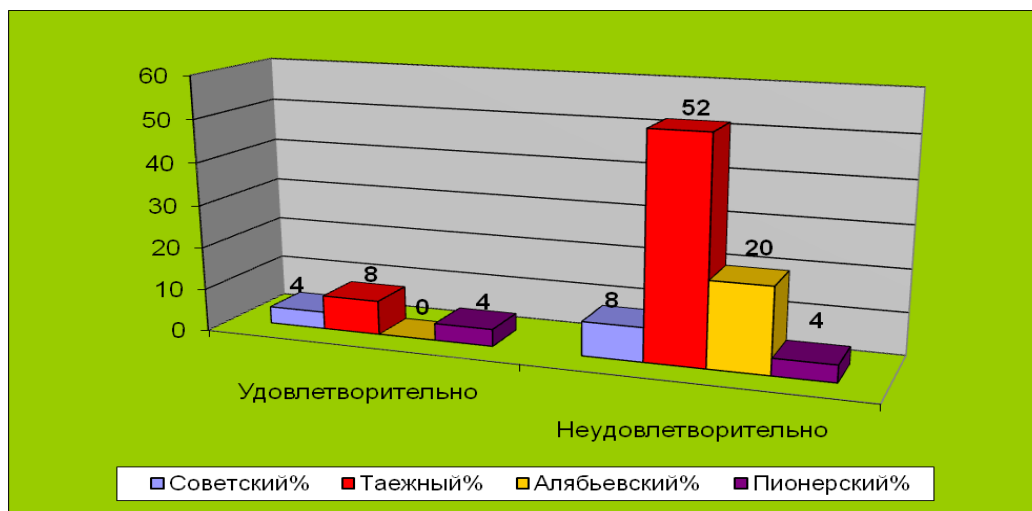

Рис.2. Ответы респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете работу местных администраций, в том числе уполномоченных по вопросам КМНС», в % от числа опрошенных

Респонденты, имея собственное мнение и высказывания по поводу работы местных администраций, в основном их оценки были неудовлетворительными. Например, в г. п. Таежный – 8% респондентов удовлетворены работой чиновников, а 52% – не удовлетворены.

По результатам анализа данных опроса и собственных наблюдений о проблемах КМНС, можно отметить о присутствии негативных тенденций социального характера, а именно: бытовое неустройство семей, особенно молодых, занятость населения и безработица, занятость населения в основном носит временный, сдельный характер. Существуют проблемы такие как: незнание прав и юридическая безграмотность, неудовлетворенность населения работой органов властей. Должны отметить, что меньше неуверенности ощущает население, проживающее в самом районном центре.

Следует отметить, что существует необходимость в продолжении подобных исследований для анализа динамики взглядов населения на актуальные проблемы КМНС, проживающих на данной территории и в перспективе расширить географию социологических опросов среди коренного населения, проживающего на территориях родовых угодий, расположенных в границах района.

Литература

1. Харамзин Т. Г., Хайруллина Н. Г. Мониторинг социального самочувствия обских угров. СПб. Мирал, 2006. 200 с.
2. Мой адрес – Советский район : научно-художественное издание / авт. коллектив : Беспалова Т. Л., Васин А. М., Васина А. Л. и др. г. Екатеринбург : У-Фактория, 2003. 316 с.
3. Харамзин Т. Г., Хайруллина Н. Г. Изучение социально-экономической ситуации в районах компактного проживания народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе и обоснование моделей хозяйствования и управления экономическими процессами в новых условиях. Тюмень; Ханты-Мансийск, 1995. 48 с.
4. Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 9 октября 2010 г. № 246-п «О целевой программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Содействие занятости населения» на 2011–2013 годы».
5. Хакназаров С. Х. Социологический анализ социально-экономических проблем коренных народов Нижневартовского района. // Вестник угроведения. 2011. № 1 (4). С. 131–136.
6. Ткачук Н. В. Социальные проблемы среди молодежи из числа малочисленных народов Севера: на примере Березовского района Югры // Стратегия экономического, политического, социокультурного развития регионов в условиях глобализации : материалы междунар. конф. Березники, 2012. С. 109–110.
7. Хакназаров С. Х. Социально-экономические проблемы коренных народов Севера Белоярского района Югры в контексте социологических исследований // Стратегия экономического, политического, социокультурного развития регионов в условиях глобализации : материалы междунар. конф. Березники, 2012. С. 111–113.

References

1. Haramzin T. G., Hajrullina N. G. Monitoring social'no-go samochuvstvija obskih ugrov. Spb. Miral, 2006. 200 s.
2. Moj adres – Sovetskij rajon: Nauchno-hudozhestvennoe izdanie // avt. kolektiv : Bepalova T. L., Vasin A. M., Vasina A. L. i dr. g. Ekaterinburg : U-Faktoriya, 2003. 316 s.
3. Haramzin T. G., Hajrullina N. G. Izuchenie social'no-jekonomicheskoy situacii v rajonah kompaktnogo prozhivaniya narodov Severa v Hanty-Mansijskom avtonomnom okruge i obos-novanie modelej hozjajstvovanija i upravlenija jekonomicheskimi processami v novyh uslo-vijah. Tjumen' ; Hanty-Mansijsk, 1995. 48 s.
4. Postanovlenie Pravitel'stva Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Jugry ot 9 oktjabrja 2010 g. № 246-p "O celevoj programme Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Jugry "Sodejstvie zanjatosti naselenija" na 2011–2013 gody".
5. Haknazarov S. H. Sociologicheskij analiz social'no-jekonomicheskikh problem korenyh narodov Nizhnevartovskogo rajona. // Vestnik ugrovedenija. 2011. № 1 (4) S. 131–136.

6. Tkachuk N. V. Social'nye problemy sredi molodezhi iz chisla malochislennyh narodov Se-vera: na primere Berezovskogo rajona Jugry // Strategija jekonomicheskogo, politicheskogo, sociokul'turnogo razvitija regionov v uslovijah globalizacii.: Materialy mezhdunar. konf. Berezniki, 2012. S. 109–110.
7. Haknazarov S. H. Social'no-jekonomicheskie problemy korenyh narodov Severa Belojarskogo rajona Jugry v kontekste sociologicheskikh issledovanij // Strategija jekonomicheskogo, politicheskogo, sociokul'turnogo razvitija regionov v uslovijah globalizacii : materialy mezhdunar. konf. Berezniki, 2012. S. 111–113.

Хакназаров С. Х.

*БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
Ханты-Мансийск*

**Компенсационные выплаты в аспекте социологических исследований:
на примере Сургутского района ХМАО – Югры**

**Compensatory payments in aspect of sociological researches:
on an example of the Surgut area Yugry**

УДК 314.17:001.8; 39

Аннотация. Проблемы взаимоотношений между пользователями недр и представителями коренных народов Севера были и остаются одними из острейших и актуальнейших проблем при промышленном освоении природных богатств северных территорий в современных условиях. В данной статье в аспекте социологических исследований анализируется вопрос о компенсационных выплатах, получаемых владельцами территории традиционного природопользования коренных народов Севера за использование этих земель в промышленных целях от пользователей недр.

Summary. Problems of mutual relations between users of bowels and representatives of the radical people of the North were and remain one of the sharpest and most urgent problems at industrial development of natural riches of northern territories in modern conditions. In given article in aspect of sociological researches the question on the compensatory payments received by owners of territory of traditional wildlife management of the radical people of the North for use of these earths in the industrial purposes from users of bowels is analyzed.

Ключевые слова: коренные народы Севера, компенсационные выплаты, пользователи недр, экономические соглашения.

Keywords: the radical people of the North, compensatory payments, users of bowels, economic agreements.

Проблемы взаимоотношений между недропользователями и представителями КМНС были и остаются одними из острейших и актуальнейших проблем при промышленном освоении природных богатств северных территорий в современных условиях.

Как отмечает И. Ю. Гладкий [1], среди всех социально-экономических последствий деятельности промышленных компаний в условиях Севера основным является отторжение территорий традиционного природопользования. Чаще всего их сокращение связано из-за низкой оценочной стоимости северных земель. На Аляске и в Канаде, помимо дифференциации земли по видам использования, проводится дифференциация на период изъятия (постоянно, долговременно, среднесрочно, на один сезон и т. д.), а формы, размеры и правовой статус компенсационных выплат не являются единообразными. За отторг в пользу нефтегазовых компаний земли коренные жители Арктики в США (Аляска) получают 70% от всех поступлений в бюджет (налогов и других платежей); в Канаде за долю участия в соответствующей деятельности имеют треть прав на Канадский арктический газопровод) и т. д.

К сожалению, коренные народы российского Севера находятся в гораздо худшем положении, не смотря на то, что в последние годы ситуация с компенсационными выплатами коренным жителям Севера, начала медленно меняться в лучшую сторону. Однако подобные компенсационные выплаты (преимущественно в натуральной форме – сапоги, брезент для чумов, продукты питания, транспортные средства) не идут ни в какое сравнение с американскими и канадскими вложениями в дело развития коренных жителей Севера.

Как известно, практически все месторождения углеводородного сырья на территории Югры в основном находятся в пределах территорий традиционного природопользования (родовых угодий и общин) КМНС.

Согласно данным В. Г. Логинова [2], более 40% родовых угодий передано (в той или иной степени) в долгосрочную аренду нефтяным компаниям. Столкновение интересов недропользователей и владельцев родовых угодий приводило и приводит к различным видам конфликтов. Выходом из сложившегося положения послужили экономические соглашения между владельцами родовых угодий и хозяйствующими субъектами, эксплуатирующими месторождения. В них, помимо компенсаций владельцам родовых угодий и общинам, предусматриваются требования органов местного самоуправления по социально-экономическому развитию территорий компактного проживания КМНС, обустройству населенных пунктов. Нефтяные компании неохотно идут на заключение соглашений с родовыми национальными общинами, т. к. по организованности общины стоят на ступень выше отдельно взятого владельца родового угодья, с которым недропользователю проще договориться с меньшими для себя затратами.

Представители КМНС, как правило, заинтересованы, чтобы в пределах их родовых угодий велись разработки углеводородного сырья, если будут соблюдаться условия природоохранных мероприятий, согласование по размещению объектов и транспортных коммуникаций, своевременной выплаты компенсаций по экономическим соглашениям. Величина последних значительно выше доходов, получаемых в традиционном секторе хозяйства.

Отметим, что в 2006 и 2008 гг. сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск) с целью изучения современного экологического и социально-экономического состояния КМНС Югры были проведены этносоциологические исследования в ареалах их компактного проживания (в частности на территории Сургутского района).

Краткая характеристика района исследований. В географическом отношении Сургутский район расположен в центральной части Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (территория Средней Оби). Общая площадь района составляет 105,2 тыс. кв. км. Численность населения района составляет 118,1 тыс. чел. (на 01.01.2010 г.). 42% территории района занимают родовые (общинные) угодья (157 шт.), в которых проживают более 500 семей с населением более 2000 чел. представителей коренных малочисленных народов Севера, которые занимающиеся традиционными видами хозяйственной деятельности. По данным В. Г. Логинова [2], средняя площадь одного родового угодья по Сургутскому району составила 53,7 тыс. га при средней по округу – 28,4 тыс. га.

Экономику района, в основном, формирует нефтегазодобывающая промышленность. Второй по значению отраслью является переработка газового конденсата, осуществляемая на заводе стабилизации конденсата. Сургутский газоперерабатывающий завод на сегодняшний день является крупнейшим поставщиком газа для Сургутской ГРЭС и для нужд населения. Всего на территории района разрабатывается более 100 месторождений углеводородного сырья, освоением которых занимаются предприятия крупнейших нефтяных компаний, таких как: ОАО «Сургутнефтегаз», ООО «Лукойл–Западная Сибирь», ЗАО «Лукойл–АИК», ЗАО «Югранефть», ОАО «Юганскнефтегаз», ОАО «РИТЕК» и др.

Результаты исследований. Опросы проводились в анкетной форме. Анкеты содержали вопросы с вариантами ответов. Респондентам нужно было выбрать только те ответы, которые они считали приемлемыми. Помимо анкет было много устных бесед по наболевшим проблемам.

В опросах приняли участие: в 2006 г. 182 респондента из числа КМНС, из них мужчин 52,20%, женщин – 47,80%; экспертов (45): 35,56% мужчин, 64,44% женщин; в 2008 г. 229 респондентов из числа КМНС, из них мужчин – 46,29%, женщины – 53,71%; экспертов (29): 31,03% мужчин, 68,97% женщин.

В частности, нам было интересно узнать точку зрения коренных жителей об экономических соглашениях между недропользователями и владельцами родовых угодий (общин) и компенсационных выплатах за ухудшение их жизненного пространства. Результаты ответа на вопрос «Что Вы думаете об экономических соглашениях, которые заключа-

ются между недропользователями и владельцами родовых угодий и общин?»¹, представлены в табл. 1.

Таблица 1. Мнение респондентов об экономических соглашениях, заключаемых между недропользователями и владельцами родовых угодий и общин (n=485), в % от опрошенных

Варианты ответов	КМНС	Эксперты	В целом по массиву	КМНС	Эксперты	В целом по массиву
	2006 (227)*			2008 (258)		
Да, это хорошо	50,55	37,78	48,02	3,42	6,67	5,04
Я против заключения экономических соглашений	21,43	17,78	20,70	0,85	3,33	2,09
Это все только на бумаге и простая формальность для отвода глаз	18,13	33,33	21,15	6,41	50,00	28,20
Затруднялись ответить	9,89	11,11	10,13	87,61	40,00	63,80

*– в скобках указана численность респондентов по годам

Полученные результаты в 2006 г. (табл. 1) показывают, что большинство респондентов высказали мнение, что заключение экономических соглашений – это хорошо (50,55% и 37,78% соответственно представители КМНС и эксперты). 21,43% представителей КМНС ответили, что они против заключения экономических соглашений, а 18,13% считают, что это все равно только на бумаге и простая формальность для отвода глаз, или показатель недоверие респондентов к такой форме взаимоотношений. По данным повторного опроса (2008 г.), большинство респондентов из числа КМНС (87,61%) затруднились ответить на поставленный вопрос. Это, скорее всего, связано с тем, что данный вопрос прозвучал в другой редакции (сноска 1). Такой результат позволяет нам предполагать, что полученные доходы по экономическим соглашениям не могут компенсировать затраты и обеспечить развитие общин на должном уровне.

Далее нам было интересно узнать: получают ли представители КМНС компенсационные выплаты за причинённый ущерб исконной среде обитания от хозяйственной деятельности различных организаций (недропользователей)? Мнение респондентов по данному вопросу представлено в табл. 2.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Получают ли КМНС компенсационные выплаты за причинённый ущерб исконной среде обитания от результатов хозяйственной деятельности различных организаций (недропользователей)?», n=258, в %

Варианты ответов	КМНС	Эксперты
Да	15,28	37,93
Нет	6,99	24,14
Затруднялись ответить	77,73	37,93

Как показывают данные, приведенные в табл., незначительная доля представителей КМНС получают компенсационные выплаты за ущерб исконной среде от результатов хозяйственной деятельности различных организаций (недропользователей). А вот значительное большинство экспертов (37,93%) считают, что представители КМНС такую компенсацию получают.

¹ Данный вопрос при опросах 2008 г. прозвучал следующим образом: «Как Вы думаете, экономические соглашения, заключаемые между недропользователями и владельцами родовых угодий и общин, могут обеспечить общины и компенсировать их затраты?».

Далее нам было интересно узнать мнение респондентов о том, какую компенсацию коренное население должно получить за ущерб, причиненной в результате промышленной разработки недр в ареалах их проживания. Полученные данные представлены в табл. 3.

Таблица 3. Мнение респондентов Сургутского района о том, какую компенсацию должно получить коренное население за ущерб от результатов промышленной разработки недр (n=485), в % от опрошенных*

Варианты ответов	КМНС	Эксперты	В целом по массиву	КМНС	Эксперты	В целом по массиву
	2006			2008		
Определенный процент дохода только от прибыли компаний	46,70	15,56	40,53	8,21	26,53	17,37
Определенный процент дохода только от общего дохода компаний	22,53	28,89	23,79	31,09	34,69	32,89
Гарантированные рабочие места	66,48	48,89	63,00	57,18	34,69	45,94
Компенсационные выплаты за ухудшение жизненного пространства	78,57	53,33	73,57	0,00	0,00	0,00
Создать региональный фонд развития традиционных промыслов на территориях, где ведется добыча полезных ископаемых	25,82	31,11	26,87	2,05	4,08	3,06
Затруднялись ответить	5,49	8,89	6,17	1,47	0,00	0,74

* Респондентам было предложено выбрать не более трех вариантов ответов.

Как видно из приведенных данных (табл. 3), большинство опрошенных района в 2006 г. считают, что коренное население должно получать компенсационные выплаты за ухудшение их жизненного пространства (78,57% в целом по массиву) и гарантированные рабочие места (63% в целом по массиву). Вариант получения определенного процента от общего дохода компании получил поддержку менее одной четверти (24%) респондентов. Идею создания регионального фонда развития традиционных промыслов на территориях, где ведется добыча полезных ископаемых, поддержало менее 27% респондентов. Если сравнивать порайонно, то относительное большинство респондентов из Ханты-Мансийского района поддержало эту идею (60%).

Данные повторного опроса, проведенного в 2008 г., показывали, что респонденты из числа КМНС и эксперты на первое место поставили вариант ответа, что КМНС от результатов разработки недр должны иметь гарантированные рабочие места (57,18% и 34,69% соответственно). На второе место определили вариант получения определенного процента от общего дохода компаний (31,09% и 34,69% соответственно).

В отличие от опроса 2006 г., респонденты из числа КМНС практически не поддерживали вариант создания регионального фонда развития традиционных промыслов в районах, где ведется добыча полезных ископаемых (2,05%).

Для сравнительного анализа приведем данные опроса, проведенного в Белоярском и Березовском районах и повторно – в Октябрьском и Кондинском районах округа в 2003 году (табл. 4).

Таблица 4. Мнение респондентов о том, какую компенсацию должно получить коренное население за ущерб в результате промышленной разработки недр (n=244), в % от опрошенных* [4]

Варианты ответов	В целом по массиву	Белоярский р-н	Березовский р-н	Кондинский р-н	Октябрьский р-н
Определенный процент дохода только от прибыли компаний	24,15	30,43	27,50	16,44	22,22
Определенный процент дохода только от общего дохода компаний	32,06	26,09	16,25	54,79	31,11
Создать региональный фонд развития традиционных промыслов на территориях, где ведется добыча полезных ископаемых	34,05	43,48	45,00	23,29	24,44
Компенсационные выплаты за ухудшение жизненного пространства коренных народов Севера	47,02	56,52	52,50	47,95	31,11
Гарантированные рабочие места	54,83	54,35	62,50	67,12	35,56

* – данные за 2003 год.

Из данных повторных опросов (включая Березовский и Белоярский районы), приведенных в табл. 4, видно, что большинство респондентов высказались за то, чтобы в качестве компенсации ущерба от результатов промышленной разработки недр коренное население получало гарантированные рабочие места (54,83%), а также получало выплаты за ухудшение их жизненного пространства (47,02%). Кроме того, 32,06% респондентов поддерживали вариант создания регионального фонда развития традиционных промыслов в районах, где ведется добыча полезных ископаемых. С последним вариантом жители Сургутского района (табл. 3) согласились в меньшей степени (27% в целом по массиву).

Было интересно узнать, что думают представители КМНС и эксперты: могут ли они делиться полученными в результате заключенных экономических соглашений доходами со всеми представителями коренных народов Севера по округу? В нашем опросе данный вопрос первоначально не рассматривался. Но он был предложен при опросе, проведенном исследователями Сургутского госуниверситета [3]. На вопрос: «Как, на Ваш взгляд, должны распределяться доходы от экономических соглашений между владельцами родовых угодий и предприятиями нефтегазодобычи?» 50% (60,3%)² опрошенных ответили, что доходы должны принадлежать только владельцам родовых угодий; 10,4% (19,8%) – доходы должны распределяться среди всех представителей коренных малочисленных народов Севера; 20,8% (9,5) – доходы должны распределяться среди всех работников традиционного хозяйства, независимо от национальности.

Отметим, что при опросе в 2006 г. перед респондентами Сургутского района нами был поставлен вопрос схожего характера: «Каким группам коренных народов Севера необходимо направлять полученные компенсационные выплаты по экономическим соглашениям?»³. Полученные результаты представлены в табл. 5.

² В скобках приведены результаты, полученные из анкеты эксперта (в качестве эксперта выступали работники нефтегазодобычи и др. отраслей).

³ В опросах 2008 г. данный вопрос прозвучал следующим образом: «Согласны ли Вы с тем, что компенсационные выплаты надо направлять», с вариантами ответов: 1) Владельцам родовых угодий; 2) коренным жителям близлежащих населенных пунктов; 3) Коренным жителям округа или района; Затрудняюсь ответить.

Таблица 5. Мнение жителей Сургутского района о направлении полученных компенсационных выплат по экономическим соглашениям различным группам КМНС (n=458), в % от опрошенных

Варианты ответов	КМНС	Эксперты	В целом по массиву	КМНС	Эксперты	В целом по массиву
	2006			2008		
Владельцам родовых угодий	78,02	51,11	72,69	93,45	89,66	91,55
Коренным жителям района	14,84	28,89	17,62	3,06	6,90	4,98
Коренным жителям округа	2,75	17,78	5,73	3,49	3,45	3,47
Затруднялись ответить	4,40	2,22	3,96	0,00	0,00	0,00

Как видно из данных, приведенных в табл. 5., абсолютное большинство респондентов из числа КМНС и эксперты отметили, что полученные компенсационные выплаты по экономическим соглашениям нужно направлять владельцам родовых угодий (72,69% и 91,55% в целом по массиву и соответственно по годам). Варианты о направлении, полученных компенсационных выплат коренным жителям района (или близлежащих территорий) и округа не получили явной поддержки.

Для сравнения отметим, что, согласно данным опросов за 2003–2005 гг. большинство опрошенных (61,69% по массиву) Кондинского, Октябрьского, Березовского и Белоярского районов отметили, что полученные компенсационные выплаты нужно направлять коренным жителям района; приблизительно 23% опрошенных считают, что полученные компенсационные выплаты нужно направлять всем коренным жителям округа.

Как отмечает исследователь Ю. В. Попков [5], «через экономические соглашения аборигены удовлетворяют лишь интересы выживания, причем можно сказать, выживания индивидуального (семейного), но не интересы развития, тем более выражающие потребности всего этноса как целого». По его мнению, средства и платежи по экономическим соглашениям должны распределяться не конкретному (индивидуальному) владельцу, а в пользу всего коренного населения.

Отметим, что взгляды респондентов по этим вопросам различны, и нет единого подхода в том, как должны выстраивать свои взаимоотношения недропользователи и представители коренных малочисленных народов Севера. Это объясняется тем, что не все представители коренных народов Севера заинтересованы в разработке углеводородного сырья на территории их традиционного природопользования, хотя данные проведенных опросов этот факт не освещают.

По мнению В. Н. Беляева и др. [6], при совершенствовании экономических соглашений с недропользователями, в части платежей за недра, выделяемых для решения задач социально-экономического развития малочисленных народов и этнических групп, вопрос об индивидуальных долях обсуждению подлежать не должен.

Как мы неоднократно подчеркивали, важным является мнение о необходимости разработки комплексного договора, охватывающего все вопросы взаимоотношений между недропользователями и владельцами родовых угодий (общин и т. п.). Комплексный договор должен затрагивать вопросы правовые, экономические, социальные и экологические. Причем он должен быть трехсторонним: заключаться между недропользователями, владельцем родового угодья и администрацией муниципального образования, при этом администрация выступает как контролирующий орган [6].

Как показывают исследования 2008 года, в отличие от опроса 2006 г., мнение респондентов из числа КМНС по некоторым вопросам сильно изменилось. Это касается и вопросов о необходимости заключения экономических соглашений между недропользователями и

владельцами родовых угодий, и получаемых компенсационных выплатах. Для того чтобы отслеживать изменения динамики мнений респондентов по этим вопросам, необходимо продолжить проведение мониторинга экологического и социально-экономического развития КМНС, проживающих в сельской местности и на территориях их традиционного природопользования.

Литература

1. Гладкий И. Ю. Географические основы этнической экологии. СПб., 2005. 295 с.
2. Логинов В. Г. Социально-экономическая оценка развития природоресурсных районов Севера. Екатеринбург : Инст-т экономики УРО РАН, 2007. 311 с.
3. Мархинин В. В., Удалова И. В. Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс: социологические исследование в Ханты-Мансийском автономном округе. Новосибирск : Наука, 2002. 254 с.
4. Хакназаров С. Х. Природные ресурсы и обские угры / Под ред. Ф. Н. Рянского, Б. П. Ткачева. Екатеринбург : Баско, 2006. 152 с.
5. Попков Ю. В. Народы Севера и нефть: конфликты и компромиссы // Коренные народы. Нефть. Закон : материалы междунар. конф. М., 2001. С. 129–132.
6. Беляев В. Н., Игнатьева М. И. и др. Совершенствование экономических взаимоотношений коренных малочисленных народов и недропользователей // Коренные народы. Нефть. Закон: Тезисы докл. междунар. конф. Ханты-Мансийск, 1998. С. 46–47.

References

1. Gladkij I. Ju. Geograficheskie osnovy jetnicheskoy jekologii. SPb., 2005. 295 s.
2. Loginov V. G. Social'no-jekonomicheskaja ocenka razvitija prirodoresursnyh rajonov Severa. Ekaterinburg : Inst-t jekonomiki UrO RAN, 2007. 311 s.
3. Marhinin V. V., Udalova I. V. Tradicionnoe hozjajstvo narodov Severa i neftegazovyy kompleks: sociologicheskie issledovanie v Hanty-Mansijskom avtonomnom okruge. – Novosibirsk : Nauka, 2002. 254 s.
4. Haknazarov S. H. Prirodnye resursy i obskie ugry / Pod red. F. N. Rjanskogo, B. P. Tkacheva. Ekaterinburg : Basko, 2006. 152 s.
5. Popkov Ju. V. Narody Severa i neft': konflikty i kompromissy // Korennye narody. Neft'. Zakon : materialy mezhdunar. konf. M. 2001. S. 129–132.
6. Beljaev V. N., Ignat'eva M. I. i dr. Sovershenstvovanie jekonomicheskikh vzaimootnoshenij korennnyh malochislennyh narodov i nedropol'zovatelej // Korennye narody. Neft'. Zakon : tezisy dokl. mezhdunar. konf. Hanty-Mansijsk, 1998. S. 46–47.

Харамзин Т. Г., Харамзин В. Т.

*БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
Ханты-Мансийск*

**Теоретические аспекты изучения традиционного природопользования
обских угров: социологический аспект**

**Theoretical aspects of studying of traditional wildlife management obsky ugrov:
sociological aspect**

УДК 502.3 ; 908 ; 39

Аннотация. В условиях интенсивного развития нефтегазового комплекса происходит количественное сокращение и качественное ухудшение территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера (оленьих пастбищ, рыболовных и охотхозяйственных угодий), параллельно утрачиваются традиционные навыки, самобытная культура, языки, уменьшается число жителей, занятых традиционными видами деятельности. Малочисленные народы Севера оказались втянутыми на выживание в условиях рыночных преобразований. В статье приводится оценка путей дальнейшего развития этих народов.

Summary. In the conditions of intensive development of an oil and gas complex there is a quantitative reduction and qualitative deterioration of territories of traditional wildlife management of the radical small people of the North (pastures of deer, fishing and hunting of economic grounds), are in parallel lost traditional skills, original culture, languages, the number of the inhabitants occupied with traditional kinds of activity decreases. The small people of the North have appeared involved on a survival in the conditions of market transformations. Scientists state an estimation of ways of the further development of.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, традиционное природопользование, варианты развития: автономный, интегральный и европейский пути движения.

Keywords: radical small people of the North, traditional wildlife management, development variants: independent, integrated and european ways of movement.

Проблемы выживания коренных малочисленных народов Севера, сохранения и развития традиционного образа жизни и экономики традиционного природопользования и соответствующих форм занятости этих народов в современном мире обсуждается международным сообществом более 50 лет. В нашей стране о таких проблемах ученые, специалисты и интеллигенция открыто заговорили с 1988 года. С этого момента в официальных документах и научных публикациях обсуждаются показатели систематического ухудшения демографического и социально-экономического положения коренных малочисленных народов Севера. За 1990-е годы уменьшились их рождаемость и средняя продолжительность жизни, выросли младенческая смертность, смертность от несчастных случаев, безработица, алкоголизм и др. Причем перечисленные показатели превышают аналогичные средние показатели по России.

Кроме перечисленных существуют и другие проблемы: утрата языка, традиционных навыков, широкое распространение межэтнических браков, уменьшение числа коренных жителей Севера, занятых традиционными видами деятельности, сокращение площадей, пригодных для развития традиционного природопользования и др. Эти данные трудно учитывать и интерпретировать, поэтому разные авторы дают им различные оценки. К примеру, данные о родном языке, полученные в результате переписи 1989 г., отличаются от полученных при индивидуальном опросе. Наши исследования показали, что процент людей, использующих родной язык в семейно-бытовой и производственной сферах, оказывается значительно выше, чем процент «владеющих родным языком» по данным переписи. Или показатель «занятых в традиционном хозяйстве» трудно установить, так как в последние годы при уменьшении официального числа занятых в традиционном хозяйстве растет число коренного и старожильческого населения, неофициально живущего за счет натурального хозяйства, что обусловлено высоким уровнем безработицы. Тер-

ритории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера сокращаются за счет прямого расширения площадей нефтедобычи, что можно определить по данным землеотвода и ухудшению экологической ситуации.

Перечисленные проблемы сводятся к двум главным: 1) неблагоприятные социально-экономические условия жизни коренных малочисленных народов Севера; 2) сокращение территорий, пригодных для развития природопользования и поддержания традиционной системы жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Севера, проживающих в сельской местности.

Современная специфика указанных проблем заключается в том, что для коренных малочисленных народов Севера, ведущих традиционный образ жизни, в ближайшее время альтернативы нет. По мнению О. А. Мурашко, период отбора на «приверженность к традиционализму» прошел в годы, когда представителей коренных малочисленных народов Севера переселяли в «укрупненные» поселки и посылали в города учиться на льготных условиях. Острова «традиционного образа жизни» коренных малочисленных народов Севера столь малы и уязвимы, что в настоящее время находятся под угрозой исчезновения [1, 83–94]. В зарубежных странах неоднократно пытались «интегрировать» коренные народы в индустриальное общество, но пришли к выводу, что без нарушения прав человека массовая интеграция невозможна, а традиционная культура и образ жизни имеют свою ценность. К концу XX века стало очевидно, что современный технический прогресс, ведущий к урбанистической унификации и энергетическому кризису, небезопасен для человечества. Поэтому девиз «права коренных малочисленных народов Севера» играет особую роль в борьбе за сохранение биологического разнообразия в экологическом движении.

Среди ученых существуют противоположные взгляды на развитие коренных малочисленных народов Севера в условиях современного освоения северных территорий: часть точек зрения не попадала на страницы печати, большая часть ограничивалась констатацией сложившегося тяжелого социально-экономического положения коренных малочисленных народов Севера, другие сформировались в последние годы в ходе открытых дискуссий.

По мнению В. С. Дмитриева, выход из сложившейся ситуации возможен на основе «индустриального развития, предполагающего отказ от традиционного хозяйства и образа жизни», или «автономного развития традиционных форм хозяйства и культуры». Первый вариант – «европейская модель образа жизни» – означает для коренных малочисленных народов Севера полную утрату этнокультурной специфики и добровольную ассимиляцию. Второй путь – «автономное развитие традиционных форм хозяйства и культуры» – предполагает консервацию этнической специфики и самобытности этнических общностей.

В начале XIX в. Ф. Белявский указывал на необходимость политики консервации, изоляции аборигенов от русских жителей Севера. М. А. Кастрен отмечал пагубную роль русских в жизни аборигенов: первые закабаляют ханты и ненцев в результате неэквивалентного обмена, разлагающим образом действуют на моральные устои коренных жителей и т. д. [2]. А. И. Якобий в конце XIX в. высказал мнение, что туземные инородческие племена исчезают, «угасают» при сближении с европейской цивилизацией; об этом говорят исторические документы, статистические данные, свидетельства очевидцев, исследователей и путешественников. По его мнению, христианская цивилизация есть высшее благо для людей, и в то же время совершенно ясно, что инородцы стали исчезать именно с той поры, когда к ним пришли европейские люди с этим высшим благом под знаменем Креста, со словами религии, мира, любви и благоволения [3].

В. Г. Богораз высказал опасение, что соприкосновение отсталого населения тайги и тундры с цивилизацией вызовет гибельные для него последствия, как это имело место при капитализме. В связи с этим он предложил создать своеобразные резервации, т. е. выделить в трудовое пользование народов Севера осваиваемые ими территории с запретом доступа туда переселенцев и, таким образом, обособить коренное население от воздействия соседей [4].

Идеи, выдвинутые В. Г. Богоразом, были отвергнуты, официальную поддержку получила точка зрения, в соответствии с которой необходимым условием существования коренных малочисленных народов Севера было взаимодействие с другими этническими общностями, а не изо-

ляция. При этом низкий уровень их исторического развития определял необходимость обеспечения социальной государственной опеки в виде особой помощи и защиты их интересов.

Сложность существующих проблем вызвала к жизни неоднозначные оценки тех или иных процессов, различные предложения относительно перспектив развития народов Севера. В этих условиях очень важным является строго научный подход к разработке тех концептуальных идей, которые будут положены в основу управления этими процессами. Одной из существенных задач является создание предпосылок превращения коренных малочисленных народов Севера в реальных субъектов этнических отношений. Необходимо образование такого механизма, который обеспечил бы непосредственное участие самих народов в выработке, принятии и реализации решений, определяющих их настоящее и будущее развитие [5].

В основе программы новосибирских ученых прослеживается «евроцентристский» подход, в котором традиционное хозяйство рассматривается как нечто несовместимое со сложившимся народнохозяйственным комплексом, и перспективы жизни коренных этносов видятся авторам сквозь призму «повышения роли северного региона в развитии производительных сил страны» [6].

По мнению И. И. Крупника, существует компромиссный вариант концепции новосибирцев [7], заключающийся в стимулировании традиционных отраслей хозяйствования, максимальном насыщении их современной техникой, оборудованием, то есть превращении в полупромышленные формы природопользования. Строительство гигантских изгородей и перевалочных баз со всеми удобствами, сменно-звеньевой выпас оленей и охотничий промысел – вот наиболее яркие символы такого подхода. «Новая жизнь» в тайге и тундре будет сочетаться с благоустроенным бытом в модернизированных поселках, построенных государством.

В последние годы стал очевидным поиск иного пути, способствующего созданию условий жизнедеятельности для коренного населения Севера, отвечающих как современным потребностям, так и реальным, сложившимся веками формам и способам хозяйствования. Это возможно в результате подъема традиционных отраслей и образа жизни на новый современный технико-технологический и организационный уровень с использованием сложившихся и проверенных многовековым опытом условий хозяйственной жизни: изменений в сфере воспитания и образования, культурно-досуговой, семейно-бытовой сферах с целью сохранения и развития национальной культуры, этнического самосознания.

По мнению авторов, «интегральный вариант» развития не требует искусственной консервации и насильственного ускорения их развития, поскольку и то, и другое отрицательно скажутся на этнонациональных отношениях. Такого мнения придерживаются Г. А. Агранат, К. Г. Барбакова, А. В. Головнев, В. М. Кулемзин, В. М. Куриков, Н. В. Лукина, В. М. Розин, В. Н. Саготовский, А. Н. Силин, З. П. Соколова, Н. Г. Хайруллина и др.

Так, по мнению А. А. Арбатова, «все народы имеют право выбора между развитием современного образа жизни и сохранением сложившихся локальных цивилизаций; но они имеют и право и, наверное, должны жить по возможности более комфортно. Но в некоторых случаях создание таких комфортных условий может нарушить сложившиеся обычаи, культуру. Здесь необходимо найти именно ту самую меру, которая позволила бы сохранить коренные народности, их культуру, и вместе с тем, дала бы максимум благ современной цивилизации». У В. Н. Саготовского «интегральный вариант» представляет «синтез на основе глубокого уважения исторически сложившихся форм единства культуры и природы и современного образа жизни».

Авторы считают, что по отношению к традиционному укладу жизни коренных малочисленных народов Севера возможны два подхода. Первый – консервативный – состоит в сохранении традиционного уклада коренных малочисленных народов Севера в естественном виде, т. е. в создании специальных для этого условий на части исконных территорий. Вторым заключается в максимальном осовременивании традиционного уклада коренных малочисленных народов Севера с сохранением в неизменном виде основополагающих принципов.

Первое направление специалистам видится по-разному. Наибольший интерес с точки зрения резервирования традиционных отношений природопользования представляет идея создания этноприродных парков как формы сохранения и развития коренных малочислен-

ных народов Севера и среды их обитания. В 1995 г. мы предлагали организацию в местах проживания коренных малочисленных народов Севера этноэкологических парков. Данные формы могут рассматриваться как консервация в виде одного из укладов среди множества существующих, но не как форма эволюции коренных народов.

Уральские ученые рассматривают этноприродный парк как наиболее прогрессивную форму национально-территориальной автономии. Они считают, что на основе ее развития в исторически обозримом будущем можно выйти на качественно иную модель организации мест проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера – административно-корпоративное образование как основу более высокой, нежели существующая, формы государственности с устойчивым развитием. Они предлагают следующее определение данного образования: «Этноприродные парки являются новой организационно-правовой формой особо охраняемых территорий и образуются с целью сохранения природной среды, развития традиционного сектора хозяйства как экономической и социально-культурной базы развития коренных малочисленных народов».

Основой для развития коренных малочисленных народов Севера может являться второе направление, которое предполагает многослойность этнического образования и представляет собой переплетение ряда укладов в органическом единстве. Главным условием его успешного развития может быть только полное материальное самообеспечение коренных малочисленных народов Севера.

Этноэкологический парк является этнокультурной формой организации жизни и хозяйства семей коренных малочисленных народов Севера путем совмещения индустриальных элементов развития с точки зрения «традиционного» на конкретной территории. На необходимость создания этноэкологических парков мы указывали в середине 90-х годов.

Этноэкологический парк не является резервацией, и образование в этноэкологическом парке не должно быть направлено только на то, чтобы дети оставались там и вели традиционный образ жизни и хозяйственную деятельность. Этноэкологический парк должен быть центром, который является источником распространения инноваций в культурной и хозяйственной сферах деятельности.

Важной частью этноэкологического парка должны стать инновационные площадки в районах проживания коренных малочисленных народов. Для этого нужно создавать школы для изучения культурно-антропологических особенностей коренных малочисленных народов Севера и для переобучения преподавателей на базе существующего природного парка «Нумто». Фактически нужен пединститут, готовящий кадры для образования коренных малочисленных народов Севера. При этом необходимо строительство школ с полным набором того, что нужно для ведения традиционных и новых видов хозяйства.

Коренные малочисленные народы Севера выработали в течение своей истории определенные нормы, способы и формы жизнедеятельности в экстремальных природных условиях. Задача этноэкологических парков состоит в том, чтобы выявить этнокультурные основания форм и способов жизнедеятельности, описать их технологию и производить коррекцию индустриальных элементов развития с точки зрения «традиционного» на данной территории. Между тем существование в одной стране индустриального общества и традиционного – это проблема не только современной России, но и мира в целом.

Важнейшим индикатором, отражающим национальное самоопределение коренных малочисленных народов Севера, является оценка путей их дальнейшего развития. Из анкетного опроса, проведенного в середине 1993 года, выяснилось, что треть опрошенных хотели бы, чтобы их дети жили на своей земле, соблюдая обычаи предков, но при этом пользовались бы всеми благами цивилизации (сторонники «интегрального» варианта). Половина респондентов считают, что коренные малочисленные народы Севера должны жить как население других национальностей, находящихся в округе (сторонники «европейской» модели); и лишь 14% северян полностью отвергают чуждую им цивилизацию и выбирают образ жизни предков без всякого вмешательства и изменений (сторонники «автономного» развития). Аналогичные данные были получены и в середине 1995 года, но отношение респондентов к своей судьбе, начиная с 1997 года,

меняется. Как видим, в 2004 г. (табл. 1) число респондентов, выбирающих автономный вариант развития, выросло в 2,5 раза. Одновременно уменьшилось число респондентов, выражающих желание жить как население других национальностей, проживающих в округе. Число респондентов, выбирающих европейский образ жизни, уменьшилось на 17,3%.

Таким образом, за исследуемый период (1993-2005 гг.) произошли определенные изменения в национальном самосознании коренного населения округа.

Таблица 1. Динамика оценки вариантов развития коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа, в процентах к общему числу ответивших

Варианты развития	Сельское население					Городское население
	Годы					
	1993	1995	1997	1999	2004	1999 год
Автономный	14,0	14,0	8,0	8,4	20,2	3,5
Интегральный	33,0	34,0	21,0	16,0	21,5	28,1
Европейский	53,0	52,0	71,9	75,6	58,3	68,4

За последние годы приверженность традиционному образу жизни выражает значительно большая часть респондентов (в 1993-1995 гг. – 14%, в 1997 г. – 8%, в 1999 г. – 8,4%, в 2004 г. – 20,2%). Уменьшилась доля респондентов, отрицающих приоритетность национального самосознания (в 1993-1995 гг. – 52,0%; в 1997 г. – 71,9%; 1999 г. – 75,6%; 2004 г. – 58,3%), и в национально-культурном отношении она может представлять собой группу этнических маргиналов. Соответственно увеличилась доля респондентов – сторонников «интегрального» варианта развития с 16% в 1999 г. до 21,5% в 2004 г.

Интересно распределение ответов на этот вопрос в зависимости от социально-профессиональной принадлежности респондентов (табл. 2).

Таблица 2. Анализ выбора варианта развития респондентами ХМАО в зависимости от социально-профессиональной принадлежности, в процентах к общему числу ответивших

Социально-профессиональная принадлежность	Вариант развития		
	интегральный	европейский	автономный
Традиционные виды деятельности	70,3	12,3	17,4
Здравоохранение	75,6	22,2	2,2
Образование	100,0	0	0
Культура	83,3	16,7	0
Органы власти	66,7	33,3	0
Социальная сфера	82,1	10,3	7,6
Транспорт	71,4	28,6	0
Строительство	57,1	14,3	28,6
Коммерческие структуры	25,0	50,0	25,0
Безработные	72,8	16,2	11,0

Такие значительные расхождения в оценках путей дальнейшего развития коренного населения еще раз подтверждают вывод авторов о необратимом влиянии промышленной культуры на самосознание обско-угорских народов.

Другой вариант развития коренных малочисленных народов предлагает О. А. Мурашко – концепцию создания этноэкологических рефугиумов (убежищ). Основа этно употребляется авторами в приведенном словообразовании в значении локальные адаптивные варианты культуры жизнеобеспечения человеческих популяций в ходе культурной эволюции; экологический – в значении среда обитания, рефугиум – убежище.

К этноэкологическому наследию рефугиумов относятся: сама территория традиционного расселения и хозяйственной деятельности с флорой и фауной, обеспечивающей развитие традиционных видов природопользования, – «исконная среда обитания»; свидетельства хозяйственной освоенности территории с естественно сложившимися границами, системой пространственного и сезонного расселения населения, промысловых угодий, маршрутов кочевков, domesticiрованных популяций животных, сочетания разнообразных способов хозяй-

ственного освоения различных участков ландшафта и природно-климатических зон; соционормативные институты и народные знания, обеспечивающие долговременность использования возобновляемых природных ресурсов и передачу экологически и этнически значимой информации, – язык, мировоззрение, фольклор, организационная структура социальных и хозяйственных коллективов, система воспитания, системы запретов, временных изъятий из хозяйственного оборота участков территории в виде сакральных зон, локальные промысловые календари, знание съедобных, лекарственных и промысловых растений и минералов, способы лова, добычи, сбора растений и обработки продукции, домашние ремесла [8].

Отмеченный комплекс объектов природного и культурного наследия не охраняется в нашей стране ни одним из действующих законов. Между тем он является общенародным и общечеловеческим культурным и природным достоянием, которое обеспечивает культурно-адаптивную и экологическую безопасность.

По мнению О. А. Мурашко, этноэкологические рефугиумы, границы которых не изменяются путем соглашения частных лиц, должны иметь статус охраняемых природных территорий с особым режимом охраны природы, где реализуется традиционное природопользование на основе нормативов, разработанных организациями, осуществляющими демоэкологический мониторинг совместно с населением территории. Любая другая деятельность, не относящаяся к традиционным формам природопользования, на территории этноэкологического рефугиума запрещается или сводится к минимуму.

Эти положения означают, что эксплуатация возобновляемых ресурсов на данной территории может быть предоставлена лишь ограниченному кругу лиц. При его определении целесообразно учитывать этническую принадлежность и время проживания в данной местности, практический опыт в традиционных видах деятельности, а также традиционные навыки и умения, которыми владеют авторы. При разработке закона, создающего условия для развития традиционной культуры жизнеобеспечения и сохранения среды обитания коренного и старожильского населения, возникнут сложности следующего характера.

Во-первых, представление о традиционном образе жизни коренных малочисленных народов Севера как об архаической застывшей форме натурального хозяйства. Реальные территории традиционного природопользования для коренных малочисленных народов Севера, проживающих в сельской местности, во многих местах доведены до минимума – посёлок и его ближайшие окрестности. На территориях, где промышленные разработки не ведутся, промысловые угодья зачастую используют новые арендаторы, которые часто не проживают в национальных поселках. Они занимаются речным ловом рыбы, охотой, оленеводством и экологическим туризмом, не выплачивая при этом никаких компенсаций коренному населению, поскольку это законодательством не предусмотрено. Правом сдачи угодий в аренду и получением за них компенсаций обладают местные органы власти.

При отсутствии государственного финансирования программ поддержки коренных малочисленных народов Севера традиционные ресурсы являются источником не только пропитания, но и всей системы жизнеобеспечения. Для этого территории традиционного природопользования должны отводиться в размерах, обеспечивающих устойчивое развитие и сохранение биоразнообразия [9].

Во-вторых, какие мы имеем представления о формах самоорганизации и самоуправления на территориях традиционного природопользования? В последнее время ученые, в частности, А. И. Пика, акцентируют внимание на особенностях современного состояния образа жизни и природопользования. Эти разработки легли в основу концепции «неотрадиционализма», а именно «права в обмен на территории»: коренные малочисленные народы Севера России должны получить от государства финансовую поддержку и часть территорий традиционного расселения в свое управление в обмен на отказ от претензий на остальную часть своей исторической территории [10].

А. Н. Ямсков сделал попытку определения традиционного природопользования как «традиционного сектора экономики (народов Севера)», предложив определять «традиционность» через такие критерии, как «сохранение преемственности в использовании территорий

и акваторий..., преемственности в видах трудовой деятельности...», неизменность «типа получаемой для потребления или продажи продукции».

В законодательстве необходимо учитывать исторический опыт взаимодействия коренных малочисленных народов Севера с природной средой, новые институты их этнического самоуправления (ассоциации, общины), новые экономические и технологические идеи и современные экологические требования. Необходимо создать условия для таких способов взаимодействия с окружающей средой, которые обеспечивают сохранение основных принципов традиционного природопользования: всеобщую занятость членов конкретной общности в использовании возобновляемых природных ресурсов без подрыва их способности к устойчивому воспроизводству.

Идеи создания этноэкологических парков, этноэкологических территорий, или резервантов высказываются российскими учеными, но понятийный аппарат для характеристики таких объектов, пригодный для использования в российском законодательстве, не разработан.

С учетом сказанного перечислим понятия и термины, предложенные О. А. Мурашко и Л. С. Богословской, наиболее полно характеризующие и раскрывающие, на взгляд авторов, сущность исследуемых задач.

Исконная среда обитания определяется через понятия территории традиционного расселения и хозяйственной деятельности – исторически сложившиеся и законодательно закрепленные предшествующим Российским законодательством за коренными народами Севера и Сибири территории, в состав которых входят земли, внутренние воды и морские пространства, на которых указанные народы ведут или вели традиционный образ жизни, основанный на историческом, культурном и экологическом опыте и традициях их предков.

Территории традиционного природопользования – части территорий традиционного расселения и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов и этнических общностей, определяемые по соглашению федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и Ассоциаций коренных малочисленных народов Севера в размерах, достаточных для обеспечения традиционного образа жизни указанных общностей, а также сохранения культурного наследия и качества окружающей природной среды на уровне, определяемом соответствующими законами.

Территории традиционного природопользования включают в свой состав промысловые угодья, оленьи пастбища, резервные и рекреационные территории, необходимые для поддержания генофонда объектов растительного и животного мира (нерестилища, запуски, пастбища и др.) и традиционного образа жизни.

Границы территорий традиционного природопользования как целостных природно-культурных комплексов, являющихся «основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории», обеспечивающих устойчивое развитие и сохранение биоразнообразия, представляющих собой разновидность охраняемых территорий, не могут быть изменены путем соглашения частных лиц.

Традиционный образ жизни – культурная адаптация к специфическим природным, географическим и историческим условиям коренных и местных общин, основанная на историческом опыте предшествующих поколений, нововведениях и практике в области природопользования, социальной организации, системы расселения, обычаях и традиционном мировоззрении. Кроме того, рассмотренное понятие включает следующие определения:

традиционное природопользование (хозяйствование) коренных малочисленных народов и этнических общностей Севера Сибири – исторически сложившиеся способы использования природных ресурсов и формы хозяйственной деятельности коренных народов и этнических общностей Севера, связанные с оленеводством, рыболовством, морским зверобойным промыслом, мясной и пушной охотой, собирательством дикорастущих растений, огородничеством, добычей некоторых видов минеральных ресурсов, связанных с развитием домашних ремесел, обеспечивающие пользование возобновляемыми природными ресурсами без подрыва их способности к устойчивому воспроизводству;

традиционная система жизнеобеспечения включает сами территории с биологическими и другими традиционными ресурсами, соционормативные институты, обеспечивающие

долговременность использования возобновляемых природных ресурсов и передачу экологически и этнически значимой информации (язык, фольклор, мировоззрение, организационная структура социальных и хозяйственных коллективов, система сезонного и пространственного расположения стационарных и промысловых поселений, стойбищ, маршрутов кочевков, промысловых угодий, пастбищ, сакральных (священных) территорий, изъятых из хозяйственного оборота, популяции одомашненных животных и способы их содержания, транспортные средства, промысловые запреты, способы лова, добычи, сбора растений и обработки продукции, знание съедобных, лекарственных и промысловых растений и минералов, навыки в изготовлении орудий труда и предметов домашнего обихода, воспитание детей) [11].

В 1989 году Международной организацией труда (МОТ) при участии Комитета по экономическому и социальному развитию ООН была принята Международная конвенция «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». На международных форумах и конференциях представители коренных народов, в том числе коренные малочисленные народы Севера России, заявляют, что самое важное для них – законодательное закрепление права на сохранение доступа к традиционным ресурсам.

Причиной торможения законодательного процесса и ратификации вышеназванной Конвенции является попытка внедрения в правовую систему особых норм и прав, бенефициарии которых избираются по этническому признаку. Положение усугубляется некоторой расплывчатостью формулировок конвенции при определении субъекта права «коренных и ведущих племенной образ жизни народов» (ст. 1) и основного субъекта пользования (ст. 14): за соответствующими народами признаются права собственности и владения на земли, которые они традиционно занимают.

Определить субъекты права в национальном законодательстве в соответствии с конвенцией каждой стране-участнице предоставляется самой. В России пошли по пути создания особого правового статуса коренных малочисленных народов и территорий их традиционного природопользования, что привело в свою очередь к новым проблемам: определению списка коренных малочисленных народов и границ территорий традиционного природопользования. Составить список коренных народов, подпадающих под действие указанной конвенции, оказалось сложно, поскольку у коренных малочисленных народов Севера процесс этнической идентификации носит ситуативный характер (территориальная подразделенность, различная степень интегрированности в современное общество, политическая ситуация и др.).

О. А. Мурашко отмечает, что особо сложно это сделать в нашей стране, где в 1920-е годы произошел научный и административный пересмотр дореволюционных этнических названий народов; где этническая идентификация фиксируется в документах, удостоверяющих личность; где при широком обсуждении возможности получения этнических прав многие потомки коренных малочисленных народов смешанного происхождения, некогда зафиксировавшие свою принадлежность к доминирующему этносу, в настоящее время стремятся документально восстановить свою принадлежность к малочисленным народам, используя то старые, то новые названия [12].

Так, С. В. Соколовский рассматривает типологию понятия «коренной народ» в российском законодательстве. Современные трактовки понятия «аборигенные народы Севера» в законодательстве, социальных науках и политической практике влияют на представления, истоки которых – в истории государства и общества, например «туземцы», «иногородцы», «иноверцы», «ясачные» и др., а также широкий спектр современных понятий – коренные малочисленные народы, малочисленные этнические общности, этнические меньшинства, народы Севера, коренные этносы, автохтонные народы, этнические сообщества, сообщества малочисленных народов, северные этносы и т. д. [13, 74–89].

Вторая проблема, возникшая у законодателей, – определение границ территорий, которые коренные малочисленные народы традиционно занимают. Но определить бесконфликтно границы территорий традиционного расселения коренных малочисленных народов невозможно. В связи с этим О. А. Мурашко выделил три причины, не позволяющие определить границы территорий. Во-первых, некоторые народы ведут кочевой или полукочевой образ

жизни и в настоящее время расселены далеко даже от тех территорий, где они были зафиксированы 200 лет назад. Во-вторых, многие народы проживают чересполосно, занимая на одних и тех же территориях различные природохозяйственные зоны; так, оседлые рыболовы живут в бассейнах рек, а по водоразделам этих же рек кочуют оленеводы. В-третьих, современное расселение коренных народов является в немалой степени и результатом насильственных перемещений этих народов, а их традиционные территории заняты другими.

Рассматривая различные дефиниции понятия «коренные малочисленные народы Севера», можно заметить, что основополагающим признаком выделения является сохранение традиционной системы их жизнеобеспечения, благодаря ведению оленеводства и промыслового хозяйства (охота, рыболовство, морской зверобойный промысел, сбор дикорастущих растений).

Основополагающим признаком, по мнению большинства экспертов, является особый характер традиционных занятий – 87,1%. Далее приводим наиболее часто отмеченные признаки в порядке убывания их значимости: специфика хозяйственной деятельности, образа жизни и культуры – 64,3%; общий язык – 57,1%; общность религии – 44,3%; особое самоназвание – 34,3%; сознание своего единства и отличие от других подобных образований (самосознание) – 24,3%.

Такие признаки, как малая численность, общность истории, традиций, ценностей, социально-психологический склад и общность территории, были отмечены незначительной (менее 10%) частью экспертов.

Задачей концепции развития коренных малочисленных народов Севера является обоснование необходимости переноса акцентов в работе над законодательством о правах данных народов с проблем национально-политических на проблемы сохранения культурного и природного наследия территорий расселения их потомков, сохранивших традиционный образ жизни и традиционные формы хозяйствования.

Представители коренных малочисленных народов Севера, уже вписавшиеся в современное индустриальное общество, для охраны своих этнических и гражданских прав нуждаются в других законах: в правах на свободу этнической идентификации, использования родного языка, развития национальной культуры, создания объединений по национальному признаку, развития национальных институтов самоуправления.

Современные проблемы коренных малочисленных народов Севера можно разделить на две: 1) статус коренных малочисленных народов Севера, гарантирующий им равные права на сохранение и развитие национальной культуры; 2) сохранение природной среды, территории традиционного природопользования, закрепления их в собственность за малочисленными народами Севера.

Вывод

Территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера сокращаются за счёт прямого расширения площадей нефтедобычи, что обусловило: 1) неблагоприятные социально-экономические условия жизни коренных малочисленных народов Севера; 2) сокращение территорий, пригодных для развития традиционного природопользования и поддержания традиционной системы жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Севера, проживающих в сельской местности. Несмотря на наличие большого числа федеральных и региональных законов, права малочисленных народов Севера на свое развитие, на территории традиционного природопользования защищены слабо. При оценке ценностей в России: нефть и газ, и коренные малочисленные народы, приоритет отдается энергетическим ресурсам, поэтому у малочисленных народов Севера нет собственности на территории традиционного природопользования.

Литература

1. Мурашко О. А. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 83–94.
2. Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири // Магазин землевладения и путешествий. М., 1860. 495 с.
3. Якобий А. И. Угасание инородческих племен Тобольского Севера. СПб., 1900. 38 с.

4. Богораз В. Г. О первобытных племенах. (Наброски к проекту организации управления туземными племенами) // Жизнь национальностей. 1922. № 1.
5. Хайруллина Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2000. 466 с.
6. Концепция развития народностей Севера СССР на период 1991-2010 гг. (проект). Новосибирск, 1988. С. 69.
7. Крупник И. И. Основные направления этноэкологии американской Арктики. Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики. М. : Наука, 1988. С. 118.
8. Мурашко О. А. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 88.
9. Мурашко О. А. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 89.
10. Пика А. И. Малые народы Севера: из первобытного коммунизма в «реальный социализм» // В человеческом измерении. М. : Прогресс, 1989. 320 с.
11. Мурашко О. А. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнографическое обозрение. 1998. № 5.
12. Мурашко О. А. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 84.
13. Соколовский С. В. Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 74–89.

References

1. Murashko O. A. Jetnoekologicheskij refugium: koncepcija sohraneniya tradicionnoj kul'tury i sredy obitanija korennyh narodov Severa // Jetnograficheskoe obozrenie. 1998. № 5. S. 83–94.
2. Kastren M. A. Puteshestvie po Laplandii, Severnoj Rossii i Sibiri // Magazin zemlevladieniya i puteshestvij. M., 1860. 495 s.
3. Jakobij A. I. Ugasanie inorodcheskih plemen Tobol'skogo Severa. SPb., 1900. 38 s.
4. Bogoraz V. G. O pervobytnyh plemenah. (Nabroski k proektu organizacii upravlenija tuzemnymi plemenami) // Zhizn' nacional'nostej. 1922. № 1.
5. Hajrullina N. G. Sociodiagnostika jetnokul'turnoj situacii v severnom regione. Tjumen' : Izd-vo TjumGNGU, 2000. 466 s.
6. Koncepcija razvitija narodnostej Severa SSSR na period 1991-2010 gg. (proekt). Novosibirsk, 1988. S. 69.
7. Krupnik I. I. Osnovnye napravlenija jetnoekologii amerikanskoj Arktiki. Jekologija amerikanskih indejcev i jeskimosov. Problemy indeanistiki. M. : Nauka, 1988. S. 118.
8. Murashko O. A. Jetnoekologicheskij refugium: koncepcija sohraneniya tradicionnoj kul'tury i sredy obitanija korennyh narodov Severa // Jetnograficheskoe obozrenie. 1998. № 5. S.88.
9. Murashko O. A. Jetnoekologicheskij refugium: koncepcija sohraneniya tradicionnoj kul'tury i sredy obitanija korennyh narodov Severa // Jetnograficheskoe obozrenie. 1998. № 5. S. 89.
10. Pika A. I. Malye narody Severa: iz pervobytnogo kommunizma v «real'nyj socializm» // V chelovecheskom izmerenii. M.: Progress, 1989. 320 s.
11. Murashko O. A. Jetnoekologicheskij refugium: koncepcija sohraneniya tradicionnoj kul'tury i sredy obitanija korennyh narodov Severa // Jetnograficheskoe obozrenie. 1998. № 5.
12. Murashko O. A. Jetnoekologicheskij refugium: koncepcija sohraneniya tradicionnoj kul'tury i sredy obitanija korennyh narodov Severa // Jetnograficheskoe obozrenie. 1998. № 5. S. 84.
13. Sokolovskij S. V. Ponjatie «korennoj narod» v rossijskoj nauke, politike i zakonodatel'stve // Jetnograficheskoe obozrenie. 1998. № 3. S. 74–89.

**ИСТОРИЯ,
АРХЕОЛОГИЯ,
ЭТНОГРАФИЯ**

Ершов М. Ф.

ФГБОУ ВПО «Югорский государственный университет», Ханты-Мансийск

Образы фронта при колонизации Северной Америки и Сибири

Images of frontir at colonization of North America and Siberia

УДК 94(7); 94(57); 325

Аннотация. В статье анализируются культурные аспекты формирования образов фронта. Для Северной Америки была характерна привычная хронологическая смена образов. В Новом свете городская цивилизация постепенно вытесняла маргиналов. В образах Сибири, напротив, долгое время доминировали негативные и инфантильные черты. Места святости здесь располагались вне городов. Данные обстоятельства усилили исторические различия двух регионов.

Summary. The article offers an analysis of some cultural aspects of frontier images forming. The images of North America referred to a customary chronological change of the images. In the New World the urban civilization steadily replaced the marginal groups. On the contrary, Siberian images were dominated by negative and infantile features for a long period of time. Sacred places were located at some distance from towns and cities. These circumstances contributed a great deal to the historical distinction of each of the two regions.

Ключевые слова: фронтир, образ, миграция, колонизация, маргинал, переселенец, город.

Keywords: frontier, image, migration, colonization, marginal, migrant, town.

Греки распространяли эллинизм среди варваров, римляне были одержимы расширением Империи, европейцы несли бремя белого человека и идею создания Дома Господня в Новом Свете, часть русских со временем стала жаждать спасения в необъятных просторах Сибири. Тривиально, но любая колонизация нуждается в общественном осознании. По нашему мнению, это осознание было опосредованно связано с побудительными мотивами, господствующими стереотипами и пространственными структурами. Разрешение вопросов, как осмысливали и как осмысливают люди пространство своего проживания, чрезвычайно сложно и требует изощренных исследовательских практик.

Поэтому цель настоящей публикации заключается в выяснении специфических черт данной взаимосвязи. Применительно к отечественной истории по-прежнему особо значимым остается изучение культурных аспектов присоединения и освоения Сибири. Ее колонизация являлась процессом глобального масштаба. По своему размаху она была вполне сопоставима с переселенческим движением жителей Западной Европы в Новый Свет. Именно этим обстоятельством порожден соблазн провести сравнительный анализ мышления колонистов в Северной Америке и Сибири. Основная проблема – понять, как эти переселенцы, прибывшие на новое место жительства со своим ранее обретенным культурным багажом, могли воспринимать и оценивать уже новые, непривычные для них реалии.

Анализ данного противоречия отчасти облегчается использованием широких культурных сравнений. Заметим, что обязательным условием для сопоставления разнородных явлений является выделение их сущностных свойств. И лишь затем, после получения предварительных ответов, возможно выведение последующих обобщений. Частично данная проблематика уже освещалась в наших публикациях [3; 4]. Относительно конкретных колонизационных процессов допустимо поставить следующие вопросы: «каково же было соотношение между различными элементами культуры переселенцев?», «какие же элементы культуры занимали у колонистов господствующее положение?»

Наличие аналогий между Сибирью и Северной Америкой далеко не случайно. Хронологическая близость их колонизационного старта дополнительно подкрепляется некоторой схожестью природно-географических условий. И действительно, движение «встреч солнцу»

по просторам Сибири было в чем-то сродни освоению Дикого Запада в Америке. Там и там происходили встречи прибывшей и местной культур. Они сопровождалась насилием и, соответственно, относительным разграничением враждующих социумов.

Эта граница, лишенная стабильности, получила название «фронтир». В данном термине одновременно присутствуют военно-политическое и социокультурное смысловое наполнение. В Северной Америке фронтир был предельно конкретным. Это линия фортов для защиты колонистов. Она наглядно воспринималась как предел продвижения пришельцев вглубь континента на данный момент. Понятие фронта принадлежат Ф. Тернеру, определившему его «точкой встречи дикости и цивилизации». Первоначально концепция фронта применялась только к американской истории. В последующем частью исследователей она была распространена и на Сибирь.

Однако детальный анализ колонизаций двух обширных регионов выявил и немало существенных различий. Не случайно, что новосибирский исследователь Д. Я. Резун достаточно критично отнесся к выделению поверхностных черт. По его мнению, «общие сравнения американской цивилизации с российской просто некорректны; можно сравнивать разве только Америку с Сибирью, при этом сравнения должны носить совершенно конкретный характер» [11, 136–137].

Возникшие аналогии вновь выводят нас на исследование менталитета пришельцев. Нет сомнения, что на осваиваемые территории переселенцами первоначально переносились только базовые составляющие культуры, без её элитных компонентов. Поэтому значимыми усилиями для переселенцев оказались реставрация духовности и создание образцов для подражания. Данные потребности тесно переплетались с необходимостью самосознания населения, закрепившегося на осваиваемых землях. Ведь чтобы человек порвал с прежней жизнью на прежнем устоявшемся месте недостаточно наличия только экономических или политических причин. Человеческое сообщество отнюдь не является «голой» калькой с социально-экономических процессов. В нем всегда присутствуют субъективные моменты.

Важно понять действие механизмов, «запускающих» перемещения больших масс людей либо начало колонизационного движения. Они оказываются чрезвычайно сложными социокультурными объектами, трудно поддающимися углубленному изучению. Ясно лишь, что накануне колонизации в головах людей присутствовали определенные психические предпосылки. Но они, эти предпосылки, должны были быть принципиально иного качества, чем ранее господствующие стереотипы. Только радикальная трансформация прежнего общественного сознания, а также наличие неких культурно-исторических «довесков», были способны привести к миграциям больших масс людей.

В истории можно найти достаточно примеров доминирования на определенном этапе колонизации именно социокультурных предпосылок. Переселение евреев в Землю Обетованную или строительство колонистами «Града на холме» в Массачусетсе не обуславливались для конкретных личностей исключительно внешним давлением или однозначными экономическими интересами. На новое место жительства переселенцы перемещались не только «от» (нужды, религиозных или этнических притеснений), но и «за» (материальным благополучием, свободой, реализацией на практике новых моральных установлений). Следовательно, на колонизируемых территориях для мышления переселенцев были значимыми возникшие еще в метрополии внутренние побудительные мотивы, причем неважно какие – положительные или отрицательные.

Кроме того, причины колонизационного движения порождались, в числе прочих, некой психической неудовлетворенностью, наличием маргинальных культурных тенденций в пределах метрополии. Субъектами такой «инаковости» могли быть само государство, локальные социумы, конфессиональные общины, пограничные корпорации. Так, центральному европейскому массиву с запада и востока идеологически противостояли православная Святая Русь и островная Англия с ее особым вариантом протестантизма. Европейская маргинальность этих стран была дополнительно усилена их внутренними процессами. Огораживание в

Англии и закрепощение в России в обоих случаях подталкивали население к перемещению за пределы метрополии.

Претензии на особый статус «своего» пространства вели к обострению проблемы греха. Его сакральные оценки нередко изменяли прежние значения на новые, прямо противоположные. Если ранее территория или социум были приемлемы для проживания, то теперь, в головах маргиналов они перевоплощались в сосредоточие пороков. В очередной раз происходила регенерация негативных образов Содома и Гоморры или Вавилонской блудницы. Подобно библейскому Лоту было необходимо, ради спасения, покинуть конкретную грешную землю. Апокалипсические ожидания, характерные для старообрядцев и демонстративная обособленность ряда протестантских конфессий равным образом провоцировали миграционные настроения.

В результате, на осваиваемые территории из метрополии привносились негативные компоненты, ведущие к культурной дезинтеграции. Существовали и дополнительные обстоятельства, ведущие к культурному упадку. Мы полагаем, что его внутренние причины заключаются не только в отрыве колонистов от метрополии или их низком образовательном уровне. Человеческое мышление во все времена сопротивлялось слишком быстрым социальным трансформациям. В условиях же потенциальной внешней угрозы происходила своеобразная коллективная фрустрация, ведущая к регенерации традиционных начал, вплоть до архаики.

Движение в пространстве перевоплощалось, таким образом, во временное угнетение общественной мысли, «не успевающей» за перемещениями мигрантов. Когда человек только еще начинал обустраиваться на новом месте, его поступки во многом были вынужденными и жестко заданными. Естественно, что переселенцы привносили на новые территории прежнее, хотя и отчасти трансформированное, культурное наследие. Однако оно не было немедленно востребовано в полном объеме. Поэтому в их менталитете с неизбежностью возникало противоречие между новациями и ранее приобретенным опытом. Каким образом происходило его снятие относительно образа осваиваемого пространства?

Конечно же, этот процесс не мог осуществляться единовременно, разово. Ведь само очеловеченное пространство достаточно пластично и подвержено исторической эволюции. Но осуществляется она исключительно через человеческую же деятельность. Конкретный регион лишь по мере его освоения раскрывал перед наблюдателями свои свойства. Как и населяющее его сообщество, он всегда многомерен и по-разному предстает перед современниками. Эти изменения, в свою очередь, воздействуют на эволюцию образа региона в общественном сознании. Объективные характеристики пространства, которые исследуются географическими науками, дополнительно осложняются субъективным восприятием.

По мнению А. Пелипенко, «сознание, как и природа, не терпит пустоты. Пространство не может долго пребывать неосвоенным, «хаотизированным» – его необходимо немедленно освоить, обозначить, природнить, отметить его» [10, 66]. Осознание людьми объективности существования того или иного района было напрямую связано с сопредельными территориями. В частности, в России существуют (существовали) несколько областей, начинающихся с приставки «За». Среди них – Заволочье, Заонежье, Залесская земля, Замосковский край, Заволжье, Закамье, Зауралье, Забайкалье. Так, например, название «Заволочье» появилось в летописи под 1078 г. [7, 124]. Что их объединяет?

В первую очередь – причастность к колонизационным процессам. Тобольский исследователь А. В. Бурнашева обоснованно замечает, что «первый этап целенаправленного освоения сибирских земель с конца XVI до середины XVIII в. был связан с формированием комплекса маршрутов. Они брали свое начало в Заволочье – районе слияния рек Северной Двины, Сухоны и Вычегды [1, 22]. Заметим, что образы данных областей эволюционно изменчивы. Они олицетворяют этапы русского продвижения на Восток. Эти же образы фиксируют в общественном сознании начальную инкорпорацию конкретной территории в состав России. В целом она протекала по схеме: миграция – завоевание – присоединение – освоение. Не случайно, что за вышеназванными территориями утвердилось наименование исторических областей.

Во-вторых, в топонимике этих областей до сих пор присутствует некая неполноценность. Ее наличие связано с незавершенностью укоренения пришельцев на данных локальных территориях. У мигрантов и их потомков до конца не сложилось осознания внутренней специфики обживаемых районов. Новые названия пока еще тяготели либо к внешним параметрам, либо к реалиям прошлого. В них отображались уже произошедшие события. Дополнительно фактически объяснялось, с каких, ранее освоенных плацдармов, были присоединены новые области. Так, девушка, недавно вышедшая замуж, не сразу привыкает к новому статусу и к смене фамилии.

В-третьих, окончание «-лье» свидетельствует о слитности множества элементов, что и запечатлено в топониме. Данное слитное множество соответственно предполагает и существование внутренней иерархической структуры. Окончание «лье» также дополнительно говорит о наличии глубины проникновения. Иными словами, в названии такого района фиксируется фактически состоявшееся преодоление одномерности и его двухмерная развернутость в географическом пространстве. Следовательно, конкретный район уже обрел собственные пространства и площади; перестал быть только границей, фронтиром, воображаемой или реальной «засечной чертой».

И, наконец, в четвертых. Данные географические названия запечатлели уже произошедшее смещение линии фронта. Поэтому в содержании топонима недавно обретенного района отмечена уже пройденная граница, за которой он и располагается. Она вполне объективна и отчасти вызвана гетерогенностью географического ландшафта. Ею могут быть реки, их водоразделы или горы. Впоследствии, освоение территории, сопровождаемое раскрытием ее внутренних индивидуальных свойств, обычно вело к замене прежнего «внешнего» названия. Со временем утверждаются такие новые топонимы как Двинская и Нижегородская земли, Пермский край, Урал.

«До XVIII столетия Урала как пространственно-содержательного понятия не существовало – утверждает В. В. Пестерев. – Бытовало наименование Камень, обозначающее границу (абстрактный разграничитель) между метрополией и колонией, что лишний раз показывает отсутствие у него сколько-нибудь протяженного (пространственного) содержания. И лишь в XVIII столетии данная территория уже под именем Урал заявляет о себе как о протяженном и информационно наполненном образовании. Иными словами, именно рубеж XVII–XVIII вв. явился временем действительного открытия Урала, когда пространство, казавшееся до того времени качественно однородным, стало вдруг резко дифференцированным» [9, 25].

Смысловое выделение Урала из состава Сибири поставило вопросы о разграничении этих крупнейших территориальных массивов. До каких пределов простирается собственно Урал и что находится за ним, за Уралом? Оказалось, что весьма сложно ответить, где начинается и где заканчивается эта «заграничная» земля. Ведь до сих пор, в ряде случаев, как синоним Сибири используется топоним «Зауралье». Видимо, его расширительное понимание также вызвано незавершенностью освоения восточных территорий. Данное положение относится как к Сибири в целом, так и к ее отдельным районам. Поэтому и Зауралье (применительно ко всей Сибири), и Забайкалье (применительно только к Восточной Сибири) объективно несут в себе отрицательные смысловые значения.

Для преодоления старой негативной нагрузки и закрепления нового были необходимы некие устойчивые чередующиеся действия, соотнесенные с хорошо воспринимаемыми культурными смыслами, закрепленными в социальной памяти. В частности, к ним допустимо причислить миграции, последовательно пересекающие географические, а затем и административные границы осваиваемых пространств. Так, русские переселенцы в Сибирь на своем пути форсировали реку Волгу и Уральские горы. Для европейских колонистов в Северной Америке такими преградами стали Атлантика и Аллеганские горы. Наличие множества преодоленных географических рубежей содействовало лучшему закреплению и осознанию обретенных новых пространств и его специфики.

Близкие смыслы наличествовали и у населенных пунктов. Поселенческие структуры на колонизируемых землях также отображали изменение потребностей пришлого населения.

Например, остроги и форты служили не только военными укрытиями, но и психологическими границами защищенной и защищаемой территории. Проживание здесь было по силам далеко не всем. Оно возвышало человека в собственных глазах. Это нашло отражение и в сфере общественного сознания. Здесь быстро формировались образы смелых мужественных первопроходцев, пришельцев, героев или, если обратиться к мифическим временам – богатырей.

Искатели приключений, торговцы, охотники, сборщики ясака, как и их предшественники – фольклорные персонажи, – являлись носителями маргинальных начал. Это были, в первую очередь, люди поступка. Они плохо вписывались в формирующиеся общественные структуры на осваиваемых землях. Их мир характеризовался повышенной тревожностью, агрессивным поведением и избыточной энергетикой. Эти качества помогали преодолевать психологический дискомфорт при расставании с метрополией и символически приближали переселенцев к их искомой свободе. Одновременно, благодаря активности этих маргиналов, происходило неуклонное продвижение на Запад и Восток линии фронта.

Как и в прежние былинные времена, первопроходцы не отличались особой коммуникабельностью, толерантностью или склонностью к рефлексии и к компромиссам. Далеко не случайно, что и на новых, практически незаселенных местах, мигранты ориентировались на территориальное обособление, причем не только от аборигенов. Постоянные жалобы на «тесноту» были характерны и для Сибири, и для Нового Света. Защищая свой индивидуализм, свое жизненное пространство мигранты осваивали новые земли. Парадокс, но их стремление к изоляции перевоплощалось в постоянное приращение цивилизации. Уходя от цивилизации, они же содействовали ее расширению.

Однако и внеэкономическое, и экономическое принуждения к переселению все же неизбежно порождали неизжитое до конца чувство правильности сделанного выбора. Сомнения проявлялись и на осваиваемых землях, но не сразу, а по мере роста благоустройства, комфорта и угасания колонизационных процессов. Заметим, что если колонизационное движение замедлялось, то его энергетика обращалась вовнутрь, становилась негативной. Историкам известны войны между европейскими колониями в Новом Свете и конфликты, вплоть до угрозы применения силы, между сибирскими воеводами в XVII и сибирскими же губернаторами в XVIII вв.

Переселенцы и их потомки были нацелены на предпринимательство и обогащение, аборигены же, напротив, предпочитали те способы жизнедеятельности, которые не подрывали природных ресурсов. В конечном итоге чрезмерная социальная активность новоприбывших угрожала и окружающей среде, и аборигенам, и нормам морали в среде самих первопроходцев. Все это не могло не вызвать у колонистов встречных веяний, усиления духовности, стремления к гуманным социальным отношениям. В первую очередь они были присущи лицам образованным, много испытавшим и пережившим. Дополнительно данная ориентация усиливалась ростом населения и хозяйственными успехами.

В прошлое уходили территориальное обособление и постоянные миграции. Стабильное существование вело к трансформации мест проживания. В идеале временное военное или полувоенное пристанище сменялось городом, тяготеющим к вечности. Городу принадлежала, да и до сих пор принадлежит, важнейшая роль и в благоустройстве, и в исторической эволюции конкретных территорий. Именно город формировал экономический каркас системы расселения и образ осваиваемого пространства. Этот образ мог быть положительным или отрицательным, но, как правило, он стремился к абсолюту.

Причина подобного стремления кроется в гетерогенности городской природы и наличия у города сакральных свойств. Города воспринимались как посредники между непохожими мирами, их уменьшенные копии, точнее – иконы. В качестве объемных икон, они отображали в религиозном сознании идеальное мироустройство, которого следовало достичь на осваиваемых землях. Города могли быть и антииконами, концентрирующими в себе негативные образы греховного пространства. Таким образом, генезис городов на осваиваемых землях вновь запускал и процессы трансформации их образов. По нашему мнению, важней-

шими из них, помимо упоминаемого богатырского образа, были образы жреца, палача, актера и грешника [2, 46-52].

Итак, попытка расстаться с прежними представлениями оказалась не вполне удачной. Мигранты, стремясь минимизировать психологические потери, привносили на новое место жительства привычные для них стереотипы. Возникла своеобразная ментальная «приватизация» уже фактически утерянного багажа. Она касалась не только городов. Применительно к Северной Америке это были собственнические колонии. Их владельцы явно воспроизводили социальные отношения, более характерные для феодальной эпохи.

Возможно, и для Сибири существовала альтернатива на длительное время стать архаичным вольным казачьим краем под управлением дружины Ермака. Иногда признание консервативных, уже устаревших, отношений сохранялась официальной властью и за правами аборигенов. На востоке Московского государства некоторое время сохраняли особый вотчинный статус Башкирия, Кодское, Обдорское и Бардаково княжества, некоторые другие территории.

Архаичная система управления, совмещенная с плохой организацией миграционных процессов, провоцировала скептическое отношение к колониям. Сплошь и рядом переселение воспринималось в метрополии, особенно в среде «верхов» только негативно, как вызов власти и порча подданных. Для регулярного полицейского государства малоосвоенные земли были досадным исключением из правил, неким недоразумением, которое требовалось привести в норму, цивилизовать и окультурить. Если такие попытки оказывались малоуспешными, то и ценность приобретенных территорий считалась весьма сомнительной. Нередко колонии служили и не по своему прямому назначению – они выступали противовесом для других держав или средством для поднятия престижа собственного государства.

Данное положение отчасти объясняет, почему Швеция и Голландия не использовали предоставленные историей возможности для колонизации Северной Америки или сравнительно легкое расставание Англии с североамериканскими колониями, Франции с гигантской Луизианой и России с Аляской. И напротив, оно же раскрывает политическую игру Екатерины Великой, которая, приглашая иностранцев в Россию, откровенно руководствовалась и культуртрегерскими целями. Во всех вышеназванных случаях присутствовали элементы ситуационного выбора, той неопределенности, которая и обуславливает свободу человеческих поступков, как тех, кто предпочитал эмигрировать, так и тех, кто оставался в метрополии.

Переселение в Северную Америку в значительной мере одухотворялось религиозными мотивами. Данные мотивы обосновывались теми или иными теологическими доктринами. Заметим, что эти доктрины были уже далеки от принципов раннего христианства. Они формировались в бурную эпоху Возрождения и Реформации. Именно тогда в рамках европейской цивилизации начали доминировать толерантность и развитие индивидуализма. В конечном итоге этническая, конфессиональная и государственная принадлежность перестали играть определяющую роль у европейских пилигримов. Теперь был важен не социальный статус, а личностное начало. Соответственно, и сама Америка колонистами воспринималась как начало их подлинного бытия.

Достижение этого вновь обретенного бытия, «Дома Господня», порождалось, по мнению переселенцев, лишь их свободными усилиями. Реализация воли переселенцев осуществлялась через труд, легитимацию насилия и обретение собственности (поневоле вспоминаются исторические условия, при которых складывалось римское право). Происходило превращение прежних грешников и неудачников в избранный народ, который многого добился и многое себе позволял. В частности оформилось (фактически и юридически) право на репрессивные санкции в отношении тех, кто не принадлежал к лону европейской цивилизации. Как известно, в последующем данные умонастроения оформились в американскую доктрину «предопределения судьбы».

Следовательно, освоение Северной Америки протекало достаточно быстро и с привычной для исторической эволюции последовательной сменой образов пространства. Героиче-

ская «богатырская» аура фронта была быстро вытеснена на периферию, на Запад, более комфортными городскими культовыми, приходскими образами. Далее, закономерно, у городов появились и иные приземленные образы, вплоть до регенерации греховного пространства. Но произошло это позднее, после завершения фронта, уже в индустриальную эпоху.

Иное положение было в Сибири. Здесь присутствовал эффект торможения исторических процессов и, соответственно, формирования местных образов. «Россия, выйдя на уральские рубежи и перешагнув за Камень, – замечает Д. Н. Замятин, – воспроизводила такие образы с известной ментальной отсрочкой, с некоторым историко- и геософским «запозданием». Сначала ориентируясь на классические образы колонизации с сакрально-мифологическим и библейско-христианским подтекстом, а затем уже на профанизированные «светские» образы сниженной европейской колонизации, обустривающей «островки уюта и комфорта» среди «моря» диких или слабо освоенных пространств» [5, 14].

В регионе ощущался не столько непреодолимый разрыв с метрополией, сколько местное отставание от общероссийских изменений. Сибирь оценивалась или положительно, или отрицательно, но одно обстоятельство оставалось неизменным. Она представлялась некой окраинной землей, той стороной, которая достаточно далека от настоящей (плохой или хорошей) цивилизации. Поэтому в образе Сибири оказались запечатлены инфантильные черты: считалось, что она нуждается в опеке и должна быть ограждена от конкуренции извне.

И действительно, очень долго Сибирь отставала от Европейской России абсолютно: и в развитии феодализма, и в развитии капитализма. Но ее хозяйственное, культурное, а в предельном основании и цивилизационное освоение не сводилось к поступательному линейному продвижению по оси «запад-восток». Крупные культурные центры формировались в Сибири вне зависимости от их близости к европейской территории. Так значимость городов Омска, Иркутска, Томска, Тобольска в основном определялась не их меридиональным географическим положением, а наличием административных функций.

Впрочем, вынужденная задержка в историческом развитии региона объясняет далеко не все. Еще одна причина заключается в том, что в Сибири генезис и чередование образов происходили в иной последовательности, чем в Америке. Полагаем, что отечественный «фронт» имел своеобразную конфигурацию. Его линии были мало связаны с вектором «Запад – Восток». Они достаточно быстро перестали разделять прибывших и аборигенов, сместившись в иную плоскость.

В Сибири происходила не столько встреча дикости и цивилизации, сколько неоднородное взаимодействие традиционных культур и привносимой в регион культуры Нового времени. Если представители традиционных культур (как аборигены, так и русские) пытались сохранить (и отчасти сохраняли) свой прежний уклад, то государство и индустриальное общество «идущие» и из-за Урала, и из местных сибирских административных центров, напротив, навязывали им новые цивилизационные устои. Отсюда проистекают и специфические черты исторической эволюции сибирских образов.

Чтобы обосновать данное утверждение, необходим предварительный учет ряда компонентов духовной культуры переселенцев в Сибирь. Ее важными составляющими были государственная, конфессиональная и этническая принадлежность. Принадлежность к государству определялась выполнением военных и тяглых обязанностей. Разумеется, Российское государство доминировало в колонизационных процессах (знаменитая дискуссия о вольнонародной колонизации во многом надумана). Но само государство в этот период уже начало терять сакральный образ Святой Руси. Постепенно, в ходе исторического развития он перевоплощался в свою противоположность.

Не менее сложная картина была с двумя другими составляющими. Российская колонизация не одухотворялась религиозными мотивами. В народной памяти не укоренялись образы первопроходцев как христианских подвижников или организаторов борьбы с язычеством. Православная церковь при продвижении русских на Восток была достаточно пассивной и не получила ощутимых выгод от освоения её паствой обширных пространств.

С чем это было связано? Выделим некоторые причины: гипертрофированная роль государства, подчинившего церковь; относительно мирный характер заселения, содействовавший веротерпимости; кризис православия – объективно борьба со старообрядцами связывала руки духовной и светской администрации и препятствовала широким репрессивным акциям против нехристиан.

Религиозное чувство у переселенцев оказалось подвержено мощному воздействию со стороны новых реалий. При взаимоотношениях с местным нехристианским населением русские колонисты были лишены возможности в полной мере реализовать чувства народа-победителя. В переселении участвовали, помимо русских, народы Поволжья и Западного Приуралья, пленные – немцы, «литва», а позднее и шведы. И новоприбывшие, и местные жители в социальной иерархии занимали места вне зависимости от их этнической или конфессиональной принадлежности. Простор для межэтнических контактов размывал основы национального самосознания.

Соответственно и сопротивление культурной экспансии также оказалось неявным, завуалированным. Иностранцы, успешно используя социально-этническую мимику, демонстрировали якобы присущие им ограниченность, «детскость» поведения, его необязательность, условность, что импонировало добродушному эгоизму «большого брата». Превосходство, проявлявшееся через иронию, смех, привело к тому, что переселенцы перестали осознавать себя субъектами, полностью относящимися к сакральному миру Святой Руси. Она, эта Русь, если и существовала, осталась на Западе, за Уралом.

Новые места жительства, не обладая всеобъемлющей святостью, оказались лишены религиозного ореола. Они были полны греха, «обасурманены», более того, их сакральность имела отрицательное значение. По средневековым воззрениям за Уральскими горами были заключены библейские «нечистые» народы Гог и Магог. Не случайно, что Урал, как маргинальная зона, находящаяся на грани цивилизованного мира, представлялся людьми того времени как край чудес. Это был вход в преисподнюю – ни больше, ни меньше [6, 89-92]. Итогом такого восприятия осваиваемых пространств было сужение сферы действия христианских норм, необязательность их строгого исполнения.

Нечто подобное происходило и в церковной жизни. Следствием слабости официальной церкви была более низкая, чем в метрополии степень соблюдения религиозных норм. Расходы на строительство храмов, предназначенные улучшить положение, несли в основном прихожане. Кругозор большинства из них был достаточно узок, он ограничивался местными запросами. Ориентация на удовлетворение первоочередных потребностей вела к уменьшению авторитета клира. Тройная зависимость от вышестоящих церковных и светских властей и от собственных прихожан оборачивалась для священников утратой сакрального ореола, формальным исполнением заказанных обрядов, двусмысленностью положения.

«Процесс первоначального этапа колонизации Сибири, – замечает петербургский исследователь М. Р. Маняхина, – сопровождался духовно-нравственным падением первопроходцев. Институт государственной власти на первоначальном этапе не обеспечивал регуляцию важнейших систем функционирования сибирского общества, что предоставило первым поселенцам полную свободу во всех сферах их жизнедеятельности – от интимной до общественной. Это объяснялось также рядом обстоятельств субъективного характера. Многие первопроходцы были носителями сомнительных морально-нравственных ценностей. Они по своему трактовали такие понятия как долг, стыд, честь, совесть» [8, 33].

Положение мало изменилось и в последующие времена. П. А. Словцов, описывая факты XVII в. и намекая на современные ему негативные реалии, замечал «что Сибирь как страна заключала в себе золотое дно, но как часть государства представляла ничтожную и безгласную область» [12, 155]. Развивая данную мысль, Н. М. Ядринцев задавался вопросом, насколько долго продлится период безмолвия. Он считал, что к концу XIX в. Сибирь вполне доросла до институтов гражданского общества.

«Рассматривая периоды пережитой сибирской истории, – отмечал исследователь, – мы видим период завоеваний, покорений, усмирений, бунтов, далее период колонизации, засе-

ления, самоустройства и обзаведения, затем период искания богатств, увлечения ими, период эксплуатации даров и запасов природы, еще позднее наступает период культурного земледельческого развития и слагающейся гражданственности, но мы не видим еще пока периода духовной жизни народа.

Между тем вложить дух в это огромное тело и есть одна из величайших исторических задач, остающихся на очереди. В настоящую минуту, на грани трехсотлетия, наступает и для Сибири уже этот период сознательной жизни и понимания своей роли в будущем. В сложившемся обществе с четырьмя миллионами русского населения на Востоке выступают стремления к развитию своих экономических, материальных и умственных сил; гражданские и образовательные потребности в этих стремлениях начинают занимать известную роль. Этим сознанием своего общечеловеческого существования и сознательным отношением к своей жизни начинается новый период сибирской истории» [13, 447–448].

Н. М. Ядринцев, европейски образованный областник и несомненный патриот Сибири, в данном высказывании зафиксировал не только ее современное положение, но и отголоски прежнего негативного отношения к этой обширной территории. Сеем предположить, что длительное восприятие Сибири в качестве территориальной и нравственной утраты истинного бытия (Святой Руси, «Дома Богородицы») не могло исчезнуть в одночасье. Первоначально регион оценивался как пространство, враждебное христианину, затем, по мере приобщения России к западноевропейской цивилизации, – как оплот «азиатчины» и нездорового консерватизма.

Суровые сибирские условия постоянно провоцировали переселенцев к «огрублению нравов». Фактически данное огрубление было способом негативного выявления скрытых возможностей человека. Однако при этом человек обретал не свободу (от деспотического государства или свободу предпринимательства), но только лишь частичную реализацию воли, своего нрава как стихийных дохристианских и догосударственных начал. Пребывание человека за Уралом воспринималось либо как неполноценное греховное существование, либо как вынужденная, не всегда оправданная мера. Да, в Сибирь бежали (или переселялись), но и из Сибири бежали: на запад и даже на восток. Легенды о Беловодье и Опономском царстве, равно как и феномен бродяжничества, свидетельствуют о несостоятельности «сибирской мечты».

Населением Сибирь оценивалась и как золотое дно, и одновременно, как греховное пространство. Она так и не смогла избавиться от отрицательных значений в своем облике. В первую очередь негативными чертами обладали опорные центры русской колонизации – города. Будучи военно-административными центрами, они концентрировали в себе недовольство окружающего населения. Именно с ними связывалось фальшь недобросовестного чиновничества и нарастающее угнетение регулярного государства.

Напротив, места святости располагались преимущественно вне городов, в «пустынях». Данная локализация была особенно характерна для мира старообрядцев и представителей сектантских течений. Только много позднее, в светском и в советском вариантах индустриальные города стали восприниматься как центры духовности, противостоящие сельской обыденности. Схожие изменения происходили и с образами первопроходцев. За исключением Ермака они не получили широкой известности. Возможно, это было связано с неразвитостью индивидуальных начал у русских переселенцев.

Характерно, что в сибирском фольклоре оказались широко представлены вторичные по отношению к колонизационному движению образы разбойников, беглых, бродяг, силачей, ямщиков, рабочих горных заводов. Эти люди отнюдь не распространяли привычную европейскую цивилизацию на аборигенные территории. Поневоле они жили внутри нее, противостояли ей и страдали от ее недостатков. Не зафиксированы в народных преданиях и положительные образы сибирских предпринимателей.

Лишь много позднее утвердились иные «богатырские» образы. Это сотрудники научных экспедиций, строители Кузнецка, Комсомольска-на-Амуре, участники боевых действий на Хасане, Халхин-Голе и Даманском, геологи, разработчики нефтяных и газовых месторож-

дений. И только вслед за ними на сферу общественного сознания начали проецироваться уже далекие фигуры русских первопроходцев Сибири. Увы, до сих пор они выглядят блекло и невыразительно.

Итак, сибирским архаичным образам по времени предшествовали их собратья более позднего «европейского» происхождения. Применительно к региону допустимо зафиксировать эффект инверсионной генерации образов и даже их цикличности. Отечественные особенности колонизации периферийных территорий и жесткая политика государства вели к неразвитости местной общественной жизни, что отразилось на заимствовании и эволюции «пришлых» образов. Однако, надежды на сохранение в новых условиях старых, выгодных для определенных страт социальных норм (а с ними соответствующих образов и мифов) оправдались не полностью.

Попытки укоренения старого, равно как и попытки насаждения нового, причудливо искажали складывающуюся действительность. Когда реальное пространство было малоизучено и почти не очеловечено, существовали различные варианты его осознания и, соответственно, освоения. Поэтому образы такого пространства подвергались деформациям под воздействием стабильных или быстро устаревающих стереотипов.

Сибирь была и воспринималась почти исключительно как продолжение качественных характеристик Европейской России, ее плюсов и минусов. Развитие же Северной Америки пошло по иному сценарию. Англичане, ирландцы, шотландцы, немцы, голландцы, шведы и иные представители европейских этносов, относящихся к десяткам конфессий, радикально изменили собственный образ, признав себя американцами. Разрыв оказался лучшим выходом, чем сохранение ориентации на столь разнообразное заокеанское прошлое, оставленное в портах, после погрузки на палубу кораблей.

Хотя в каждом из регионов колонисты поступили именно так, а не иначе, осознание миграционных движений и порожденных ими образов пока еще далеко от завершения. Чтобы понять, чем руководствовались в своих поступках переселенцы, необходим учет множества факторов и использование междисциплинарных подходов. Это и применение исторических альтернатив, и компаративистского анализа, и, конечно же, теории фронта. Однако вышеизложенные подходы с необходимостью требуют определенной адаптации. И естественно, что при исследовании Сибири должна быть востребована оценка соприкосновения культур, отличная от американской.

Литература

1. Бурнашева А. В. Ценность смыслового контекста культурного ландшафта // Методологические проблемы исторического познания: межвуз. сб. научн. тр. Омск, 2010. С. 21–26.
2. Ершов М. Ф. Жертвы города в очеловеченном пространстве // Вестник Нижневартского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1. С. 46–52.
3. Ершов М. Ф. Политика государства, культура населения и формирование региональной структуры Зауралья // Зауралье в панораме веков. Межвуз. сб. научн. тр. – Курган, 2005. С. 48–79.
4. Ершов М. Ф. Социокультурное единство городов Зауралья на пути в Сибирь // Русский путь в Сибирь: мат. межрегион. науч. конф. Ирбит, 2006. С. 27–32.
5. Замятин Д. Метагеографические образы Сибири // Независимая газета. Приложение «НГ–наука». 2010. от 22. 09. С. 14.
6. Липатов В. Конец света: Уральский край в фольклоре и литературе // Родина. 2003. № 9. С. 89–92.
7. Макаров Н. Славянский север: новый культурный ландшафт // Родина. 2006. № 4. С. 124–127.
8. Маняхина М. Р. Девиантные проявления в нормативной сфере культуры Сибири в начале XVII в. как предпосылки учреждения Тобольской епархии // Деятели социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни Урала и Зауралья XVII–XX вв.: сб. мат. межрегион. науч. конф. Курган, 2004. С. 33–39.
9. Пестерев В. В. Этногеографические стереотипы как фактор колонизационных процессов (на примере промышленного освоения Урала // Емельяновские чтения. Миграционные процессы и

межэтнические взаимодействия в Урало-Сибирском регионе: Мат. Всеросс. научно-практ. конф. Курган, 2008. С. 24–25.

10. Пелипенко А. А. Культурная динамика в зеркале художественного сознания // Человек. – 1994. № 4. С. 58–76.
11. Резун Д. Я. О некоторых моментах осмысления истории фронта в Сибири и Северной Америке XVII–XVIII вв. // Американские исследования в Сибири : мат. Всеросс. науч. конф. «Американский и Сибирский фронт». Томск, 2001. Вып. 5. С. 135–145.
12. Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М., 2006. 512 с.
13. Ядринцев Н. М. Соч.: Т. 1. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Тюмень, 2005. 480 с.

References

1. Burnasheva A. V. Cennost' smyslovogo konteksta kul'turnogo landshafta // Metodologicheskie problemy istoricheskogo poznaniya: mezhvuz. sb. nauchn. tr. Omsk, 2010. S. 21–26.
2. Ershov M. F. Zhertvy goroda v ochelovechenom prostranstve // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2011. № 1. S. 46–52.
3. Ershov M. F. Politika gosudarstva, kul'tura naselenija i formirovanie regional'noj struktury Zaural'ja // Zaural'e v panorame vekov. Mezhvuz. sb. nauchn. tr. Kurgan, 2005. S. 48–79.
4. Ershov M. F. Sociokul'turnoe edinstvo gorodov Zaural'ja na puti v Sibir' // Russkij put' v Sibir'. Mat. mezhregion. nauchn. konf. Irbit, 2006. S. 27–32.
5. Zamjatin D. Metageograficheskie obrazy Sibiri // Nezavisimaja gazeta. Prilozhenie «NG– nauka». 2010. ot 22. 09. S. 14.
6. Lipatov V. Konec sveta: Ural'skij kraj v fol'klоре i literature // Rodina. 2003. № 9. S. 89–92.
7. Makarov N. Slavjanskij sever: novyj kul'turnyj landshaft // Rodina. 2006. №4. S. 124–127.
8. Manjahina M. R. Deviantnye projavlenija v normativnoj sfere kul'tury Sibiri v nachale XVII v. kak predposylki uchrezhdenija Tobol'skoj eparhii // Dejateli social'no-jekonomicheskoi, obvestvenno-politicheskoi i duhovnoj zhizni Urala i Zaural'ja XVII–XX vv.: Sb. mat. mezhregion. nauchn. konf. Kurgan, 2004. S. 33–39.
9. Pesterev V. V. Jetnogeograficheskie stereotipy kak faktor kolonizacionnyh processov (na primere promyshlennogo osvoenija Urala // Emel'janovskie chtenija. Migracionnye processy i mezhjetnicheskie vzaimodejstvija v Uralo-Sibirskom regione : mat. Vseross. nauchno-prakt. konf. Kurgan, 2008. S. 24–25.
10. Pelipenko A. A. Kul'turnaja dinamika v zerkale hudozhestvennogo soznaniya // Chelovek. – 1994. №4. S. 58–76.
11. Rezun D. Ja. O nekotoryh momentah osmyslenija istorii frontira v Sibiri i Severnoj Amerike XVII–XVIII vv. // Amerikanskije issledovanija v Sibiri : mat. Vseross. nauchn. konf. «Amerikanskij i Sibirskij frontir». Tomsk , 2001. Vyp, 5. S. 135–145.
12. Slovcov P. A. Istorija Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny II. – M., 2006. 512 s.
13. Jadrincev N. M. Soch.: T. 1. Sibir' kak kolonija: Sovremennoe polozhenie Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i buduwee. Tjumen', 2005. 480 s.

Кашлатова Л. В.

Березовский филиал БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», Березово

Этнические особенности локальной группы среднеобских ханты

The ethnic history of the average ob khanty

УДК 398.4

Аннотация. На основании литературных данных, письменных источников, полевых материалов автора в статье дается языковая, географическая характеристика, анализируются особенности материальной и духовной культуры среднеобской группы северных хантов.

Summary. On the basis of literary data, written sources, field materials of the author in the article is given language, geographical characteristics, material and spiritual culture of average Ob groups of the northern khants.

Ключевые слова: финно-угорская языковая общность, обские угры, среднеобские ханты, шеркальский диалект, Кодское княжество, религиозные воззрения, *Каттась анки*, *Ем вош ойка*, *Мир ванты ху*, материальная культура, традиционное хозяйство.

Keywords: the finno-ugric language community, ob ugrians, average of Ob khanty, sherkalski dialect, Kodscoe principality, religious beliefs, Kattas'anki, Em vosh oika, the World vant hu, material culture, traditional economy.

Ханты относятся к коренным малочисленным народам Севера. Близкородственные народы манси и ханты носят общее название – обские угры. Они населяют обширную территорию Западной Сибири вдоль берегов реки Оби и её притоков Казым, Назым, Аган, Юган, Сосьва, Ляпин, Вогулка, Сыня. В этнологической литературе хантов классифицируют как ряд крупных этнографических групп: северные, южные и восточные. Крупные группы дифференцируются на более мелкие, называемые обычно по месту проживания: реке или административному делению. Например: казымские – по реке Казым, сынские – по реке Сыня, березовские – по районному центру Березово. К северной группе относятся ханты от города Ханты-Мансийска и вниз по течению Оби до Салехарда–Аксарки. В неё входят среднеобские, казымские, березовские, сынские, шурышкарские и обдорские ханты. Ханты Южной группы, которые некогда проживали по рр. Иртыш, Демьянка, Васьюган, Нижняя Конда до города Ханты-Мансийска, в 60-е годы XX в. утратили родной язык [1, 29]. Восточную группу составляют сургутские, ваховские, аганские, юганские, пимские ханты. Вышеперечисленные этнографические группы хантов характеризуются значительными языковыми отличиями, особенно восточные ханты. По мнению З. П. Соколовой, «до недавних пор ханты не считали себя единым народом» [2, 27].

Исследуемая среднеобская подгруппа входит в северную группу хантов. Она населяет бассейн реки Обь от села Шеркалы до границы с Берёзовским районом, в самой северной части Ханты-Мансийского округа. По административному делению – это территория Шеркальского, Перегребнинского и Нижне-Нарыкарского административных поселений. В данное время на этой территории осталось несколько населенных пунктов, где живет данная группа хантов: Шеркалы, Язовка, Перегребное, Чемаши, Мулигорт, Нижние Нарыкары (деревня считается мансийской, но часть населения представлена хантами). В этнографическом делении территорию проживания среднеобских хантов принято считать – по Нижней Оби с юга – от города Ханты-Мансийска (бывший Самарово) до границы Березовского и Белоярского районов Ханты-Мансийского автономного округа – на севере. Согласно современному административно-территориальному делению ареал расселения среднеобских хантов представлен Октябрьским районом, частью Ханты-Мансийского района.

По языку ханты также неоднородны. В языковой классификации ученые лингвисты хантыйский язык относят к финно-угорской языковой группе, в которой вместе с мансий-

ским и венгерским языками он составляет угорскую ветвь. Среднеобский (шеркальский) диалект входит в состав хантыйского языка и состоит из низямского (его ещё называют кеушинский), атлымского и шеркальского говоров. Низямский (или кеушинский) и атлымский относят к южной группе среднеобского диалекта, шеркальский к северной группе [3, 1937].

Впервые научное описание среднеобского диалекта дает немецкий ученый В. Штейниц (30-е годы XX столетия). Данный диалект он называет шеркальским. Результаты экспедиции в район средней Оби В. Штейниц описывает в статье «Хантыйский язык» [3]. Среднеобский диалект хантыйского языка описан Н. И. Терешкиным в 3-м томе трёхтомника «Языки народов СССР» (1961 г.). В настоящее время более всего сохранился шеркальский говор среднеобского диалекта. Он делится ещё на два подговора: мулигорсткий и малососьвинский. Изучением этих подговоров занималась ученая из Венгрии, к.и.н. Е. А. Шмидт. Она впервые выделила особенности данных подговоров. В научных источниках данные подговоры не зафиксированы, кроме рукописей Е. А. Шмидт, которые хранятся в Белоярском архиве северных хантов [4, 5]. К малососьвинской подгруппе хантов она относил население, проживающее по Малой Сосьве, юго-западной части Берёзовского района. Среди сородичей эту группу нередко называли *тэв ех* – ‘сосьвинский народ’ (манси). При этом, представителям этой группы приходилось доказывать, что они ханты, мотивируя тем, что они говорят на хантыйском языке и носят хантыйскую одежду. Как они идентифицируют себя к манси или к хантам, отмечал ещё В. Н. Чернецов: «говоря по-мансийски, называет себя манси, говоря же по-хантыйски, – ханты» [5, 213]. Действительно, в малососьвинском говоре встречается много мансийских слов, которые возникли под влиянием постоянного контакта с манси.

В настоящее время по реке Малая Сосьва селений не сохранилось, люди переехали в более крупные поселки Игрим и Светлый Березовского района.

Носители языка и культуры группы среднеобских хантов называют себя *Ас хантэт* – ‘обские ханты’. Другие диалектные группы ханты их называют *Ас куттын хантэт* – ‘средней Оби ханты’. Часто можно слышать в их адрес *нятум шуп хантэт* – букв. ‘с половинкой языка ханты’. Это связано с различием в произношении фонемы -л. В казымском, шурышкарском, обдорском диалектах она звучит как -л, среднеобские ханты вместо неё употребляют -т, например: *лов* – *тов* – ‘лошадь’. Локальная группа среднеобских хантов распадается на ряд ещё более мелких, которые отождествляются с названиями рек, озер, населенных пунктов. Например: *постынг ёх* ‘проточные люди’, *ай тэв ёх* ‘Малой Сосьвы люди’, *нум хантэт* ‘южные ханты’, (которые проживают южнее от п. Шеркалы), *Каттась куртынг ёх* ‘Калтысьянские люди’, *нум Нярьёх ёх* ‘Верхне-Нарыкарские люди’, *Муликуртынг ёх* ‘Мулигортские люди’.

В прошлом группа среднеобских хантов была достаточно известной и носила название *хурэнг хантэт*, что значит воинствующие, боевые. Проживающие по Горной Оби тугиянские ханты до сих пор употребляют этот термин в разговорной речи [6]. Подтверждение былой славы и известности мы находим в работах Е. П. Мартыновой [1], А. В. Головнева [7, 112]. Термин *хурэнг хантэт* возник во времена княжеских междоусобиц. Кодские воины принимали участие в походах на Кондинское, Обдорское, Бардаковское княжества ... ходили даже в «тунгусы» на Енисей [1, 64], [7, 112], [8, 112]. О могуществе древней Коды свидетельствует тот факт, что в русских летописях она именуется «Кодским государством» [9]. Географическое положение Коды было очень выгодным: оно находилось на главной водной магистрали Западной Сибири – Оби – в центре угорских земель. Правящей династией Кодского княжества был знаменитый род Алачевых [1, 51]. Ещё в 50-е года прошлого столетия насчитывалось более трех десятков населенных пунктов на территории бывшего Кодского этнографического ареала, сегодня нет и десятка.

Ввиду специфики хозяйственной деятельности хантыйское население имело несколько сезонных поселений: зимнее, весеннее, осеннее, летнее. На зиму семья заселялась в зимнее поселение, которое находилось в лесу и было защищено от ветра. Летом же, наоборот, селились на продуваемых местах по берегам рек, что защищало людей и скот от комаров, гнуса,

овода. Поселения могли состоять из одного дома, где жила одна семья, но могли достигать и до ста домов. Большие поселения упоминаются и в фольклорных источниках, например, «пустил герой стрелу, а она к вечеру достигла цели» или «кинул мяч, полгорода убил людей». Возрастание поселения происходило чаще всего за счет увеличения рода. Так, например, по воспоминаниям моих родственников, в д. Калтысьяны в начале XX века было два дома: в одном жила семья Лысковых, в другом – семья Проскуряковых. Затем женатые сыновья, построив для своих семей собственное жилье, отделились от родителей. По переписи населения 1926 года в д. Калтысьяны проживало уже 50 человек: 28 мужчин и 22 женщины. Все они относились к роду Лысковых и Проскуряковых. В д. Мулигорт проживало 111 человек: 58 мужчин и 53 женщины [10, 84–86].

В хантыйском языке деревня называется – *курт*, а город – *вош*. В исторической действительности и по фольклорным данным городом называли укрепленное поселение. Обычно городки располагались на мысу высокого берега реки. С такого мыса был хороший обзор, а со стороны леса строили защитный высокий вал с частоколом. Такие укрепленные городки в Октябрьском районе найдены археологами у с. Шеркалы и с. Перегребное. Многие известные городки конца XVI века, как у с. Демьянского, оказали серьезное сопротивление русским казакам [11, 43].

По мнению археологов, «населенники лесного края дважды, а то и трижды приходили на одно и то же место». С эпохи бронзы плотно заселяются правобережья устьев рек Калтысьянки, Низямки, Атлымки, Шеркальской [8, 22]. Места для поселений среднеобские ханты, как и все другие жители таёжного края, обычно выбирали или в лесу, или возле реки, недалеко от мест промысла. «Поселки строились в разных местах, но в их расположении наблюдается определенная закономерность: они, как правило, стояли на низких, около воды, или средних по высоте площадках речных террас и береговых мысов» [8, 22–23]. Названия поселений давались обычно или по их географическому месту расположения: *Вут курт* 'Дальняя деревня', *Сэй курт* 'Песчаная деревня', *Ай Ас курт* 'деревня Малой Оби', или по сезонному предназначению – *тов курт* 'весенняя деревня', *тат курт* 'зимняя деревня'.

Усадьба состояла из жилища и ряда хозяйственных построек. Отдельно располагались культовые сооружения. Жилищем служили срубные деревянные наземные постройки без металлических гвоздей. Вход был или с улицы, или через сени. Традиционно выход располагался либо на север, либо в сторону реки. Одним из важных элементов дома был очаг (чувал). Основание у чувала изготовлялось из бревен или досок, каркас делался из жердей, переплетенных ветками тальника. Все это обмазывалось глиной. Позднее чувалы были заменены печками русского типа, сначала железными, потом кирпичными.

Возле дома располагались хозяйственные постройки. Для хранения продуктов и вещей строили амбары (лабазы). Они были двускатные, свайные или наземные. Кроме лабазов, строили разнообразные навесы, помосты, вешала для хранения, сушки продуктов, сетей, помещения для скота. В качестве дров использовали сухостой. Для удобства его не складывали, а ставили конусом, в виде чума. Сложенные таким образом дрова всегда оставались сухими, так как во время дождя вода скатывалась по палкам вниз, а сквозь щели они быстро обдувались ветром. Почти в каждом дворе имелась хлебная печь. Её делали на фундаменте из бревен, сооружали каркас. Изнутри и снаружи обмазывали глиной. Спереди оставляли отверстие (устье), с задней стороны оставляли отверстие для обеспечения тяги [4, 22].

Н. А. Абрамов в своём исследовательском материале отметил, что территория Кодского этнографического ареала «изобилует кедровым строевым лесом. Луговых мест для сенокосения довольно. В лесах водятся соболи, лисицы, горностаи, белки, россомахи, медведи в некоторых местах попадаются бобры низкой доброты» [12, 44]. В советское время на территории Малой Сосьвы был организован заповедник «Малая Сосьва» по сохранению и разведению сибирского бобра. Почти все трудоспособное население на Малой Сосьве было привлечено к работе в заповеднике.

Ханты жили в тесном контакте с природой, для них лес был родным домом: он кормил человека, обеспечивал жильем, теплом (дровами). Человек должен помнить, что сбережения

сырьевых и растительных ресурсов полностью зависят от него. За многие столетия проживания в условиях Крайнего Севера у коренных народов выработалось особое отношение к природе – это принцип биосферного равенства, человек – такая же часть природы, как деревья, животные, реки и т. д. Перед промыслом ханты совершали обряды, которые содержали, прежде всего, извинительные акты перед природой. Ханты никогда не рубили на дрова живое дерево, пользовались сухостоем, не собирали недозревшие ягоды, а ягоды с двумя-тремя глазками оставляли для птиц и зверей [13, 23, 27].

Основу хозяйства среднеобских хантов составляло содержание домашних животных. Бассейн Оби был не пригоден для оленьих пастбищ, здесь отсутствовал ягель, основной корм оленей. Также многочисленные протоки, разливающиеся весенним паводком, вызывали большое затруднение в занятии оленеводством. Содержание в небольшом количестве оленей в Кодском этнографическом ареале связано с расселением здесь казымских ханты [14, 206-252]. Ясачные комиссии отмечают, что в прошлом наибольшее развитие животноводства получило в селениях, расположенных непосредственно на берегу Оби. В основном содержали лошадей и коров «в каждом хозяйстве имелось по 3-4 лошади, 2-3 коровы, 5-10 овец» [1, 68-69]. В зимний период ездили на лошадях и собаках, а в летний период передвигались в основном на лодках. Лодки были различных размеров: от маленьких лодок-калданок, на которых ездили по малым протокам и сорам, до больших *хурынг хоп* – крытых, предназначенных для рыболовства на Оби.

Ведущую роль в жизнеобеспечении среднеобских хантов играло рыболовство. Рыбу ловили сетями, запорами, крючками, мордами. Со спадом воды перегораживали устье сора запором. Данный вид рыболовства являлся самым универсальным и надежным, попавшая в запор рыба находится в воде и не гибнет. Практически каждая семья была обеспечена рыбной продукцией круглый год. Летом перебирались всей семьей на Обь, на пески. Здесь рыбу ловили большими неводами плавным способом.

С наступлением небольших заморозков, по первому снегу, примерно с конца октября и по декабрь, мужчины уходили на лыжах в лес. С этого времени начинался сезон промысла на пушных зверей. Необходимые продукты и боеприпасы охотники тащили за собой на нартах. Охотник в лесу не расставался с собакой, для него она «не просто помощник, а скорее равноправный партнер» [11, 45]. Преданная своему хозяину, собака никогда не бросала охотника в тайге, разделяла с ним все тяготы охотничьей жизни в лесу. Охотник также проявлял заботу о своем четвероногом друге, в первую очередь кормил его, а потом уже ел сам. На промысле добывалось зверя и рыбы столько, сколько требовалось семье для выживания.

На формирование культуры и языка среднеобских хантов значительное влияние оказывалось другими народами. Ханты, живущие на Малой Сосьве, были в постоянном контакте с сосвинскими манси. Ханты же с Оби жили по соседству с обскими манси в селениях, следующие за Мулигортом. Верхние Нарыкары и Нижние Нарыкары уже мансийские деревни. Кроме того, у среднеобских хантов отмечается большой процент смешанных браков, мужчины-ханты брали в жены женщин-манси. В таких семьях, вплоть до 60-х годов прошлого столетия, говорили на обоих языках – хантыйском и мансийском. По данным исследователей среднеобских хантов следует, что кодские ханты считают манси более близкими себе по культуре [1, 63].

Контакты с русскими возникли вследствие интереса к «мягкому золоту» – сибирской пушнине. Сначала шел торговый обмен, затем уже в XV веке началось массовое переселение русских в Сибирь. В основном русское население сосредоточилось преимущественно на Оби в Кодском этнографическом ареале. Межэтнические связи привели к развитию хозяйственно-культурных взаимовлияний. Русские переняли от хантов способы ловли рыбы, а местное население переняло от русских более продуктивное орудие охоты – ружье. Тесное соседство русского населения с группой среднеобских хантов привело к постепенному изменению их традиционного уклада жизни. Постепенно ханты перешли на русскую одежду, раньше, чем остальные группы хантов, овладели русским языком. В хантыйских избах стали заменять традиционную печь *чувал* на железные печки, а затем появились русские печи. Изменение

условий и образа жизни хантов коснулось прежде всего того населения, которое жило на главной магистрали – Оби. Жители, населяющие многочисленные малые протоки, сохранили традиционный уклад жизни вплоть до середины XX столетия. Как считает большинство информантов, «утрата самобытных черт в быту началось с укрупнением населенных пунктов в конце 1950-х – начале 1960-х годов» [1, 54].

Заметное влияние на среднеобских хантов оказали коми-зыряне и коми-пермяки, проникавшие с западной стороны Уральских гор. В языке среднеобских хантов выявлено множество коми-зырянских заимствований, особо заметный след они оставили в топонимии – это названия населенных пунктов с формантом *кар* ‘городок’. Наибольшее скопление зырянских названий исследователями отмечено на территории Кодского ареала: Вежакары, Нарыкары, Карымкары, Шеркалы (Шоркар) [1, 60]. Трудно точно определить, когда были первые проникновения коми в Западную Сибирь, но например, исследователь вопроса о коми-зырянском следе на Оби С. Г. Пархимович предполагает, что «миграция древних коми за Урал происходила практически беспрерывно в течение нескольких веков» [8, 69]. В 1398 году коми-язычники, не желающие принять крещение, бежали от Стефана Пермского и тащили своих идолов на Обь (14, 224).

Начиная с XVIII века, религиозные верования среднеобских хантов, по сравнению с другими локальными группами сородичей, наиболее были подвержены христианству. Обращение хантов в православную веру начал проводить Филофей Лещинский в 1712 году, повсеместное крещение главным образом коснулось людей живущих по берегам Оби – это Кодское княжество (ареал проживания среднеобских хантов). Последствия крещения для этой локальной группы хантов были разрушительными, например: «в 1773 году у жителей Кылдысинских, Нерымкарских, Вежакарских и Сурейских юрт было конфисковано 1200 деревянных и пять железных идолов» [15, 109, 116, 139]. После прихода русских в Сибирь, с насаждением ясачной политики и христианизации появляются ясачные имена, фамилии и отчества у хантов.

Несмотря на длительное насаждение христианства в среде среднеобских хантов, языческие верования сохраняются до сих пор: «никакая власть, управляющая Россией со времен покорения Западной Сибири и до 1991 года, не смогла уничтожить священные ритуалы хантов» [16, 33]. В ареале проживания среднеобских хантов находятся боги и духи не только регионального значения, но и всеобщие для обских угров, например, богиня *Каттась ангки*, святое место которой находится в бывшей деревне Калтысьяны, и не менее значимый *Ем вош ойка*, находящийся в «Священном городке» – Вежакары. Традиция проведения обрядов поклонения в их честь сохраняется по настоящее время. Например, в декабре 2007 года жителями Октябрьского района был возобновлен и проведен обряд *мирынг йир Торым аси пета* ‘всенародное жертвоприношение небесному отцу Торым’у’ в д. Мулигорт. Это один из значимых и обязательных обрядов на этой территории. Он проводится один раз в семь лет, во время которого производится жертвоприношение семи животных [17, 44]. За всё время обряд не проводился только единожды, в 2000 году, из-за смерти хозяина-хранителя священного места.

В мифоритуальной системе обских угров *Нуми Торым*, спуская на Землю свою старшую дочь *Каттась ангки*, определил ей функции, связанные с рождением и смертью, которые для человека являются отрывными точками. Жизнь и смерть по религиозным представлениям хантов и манси сконцентрированы в одном божестве. *Каттась ангки* каждому отмечает, будет он жить на земле бедно или богато, будет ли он счастлив или несчастлив в своих делах [18, 135]. Её везде любят и почитают, и в тоже время испытывают перед ней страх. В молитвах к ней обращаются *Сорни най*, что в переводе – ‘Золотая богиня’. Жертвоприношения *Каттась ангки* человек осуществляет на протяжении всей своей жизни, а её изображение хранится в каждом доме [19], [20]. Например, И. Н. Гемуев пишет о том, что «её объемные изображения встречаются на святилищах разных рангов; в каждом доме имелись предназначенные ей жертвы-подарки: платки, отрезки ткани, бусы» [21, 10]. По словам моих инфор-

мантов, человек в своей жизни должен совершить обряды поклонения *Каттась*-ими три раза. Обряды, проводимые среднеобскими хантами, посвященные богине *Каттась*, мною описаны ранее [17]. Елена Перевалова, исследователь культуры обских угров, в 2009 году проводила мониторинг сохранности памятников истории и культуры на территории Октябрьского района, в том числе комплекса вежакарского Священного городка. Исследователь отмечает, что «хотя регулярной культовой практики на святилище нет, комплекс Старика Священного города остается ядром мифологической картины обских угров, связанным с этноисторией и социокультурным устройством обско-угорской общности» [22, 150]. Вместе с ней при обследовании культовых комплексов на святилищах присутствовали хозяева-хранители этих мест, ими проводились обряды поклонения своим богам и духам-покровителям, что ещё раз доказывает о сохранности обрядовой практики.

О близости двух крупных религиозных центров и постоянных контактах между хантами и манси во время проведения обрядов пишет исследователь культуры манси Р. К. Бардина: «данная территория известна такими крупными религиозными центрами, как Вежакары, Калтысьяны, Березово. Это были духовные центры, где люди постоянно контактировали между собой... Важным объединительным моментом служила традиция проведения в Вежакарах периодических «медвежьих» праздников, цикл которых не должен был прерываться» [23, 5].

Итак, среднеобская группа ханты имеет различные наименования связанные с географическим расположением, языковыми особенностями, общественным социальным устройством, а также с названиями, данными соседними народами и учеными-исследователями. На становление (или развитие) группы среднеобских хантов, прежде всего, повлияли межэтнические контакты с близкородственным народом манси, географическое местоположение и связанная с ним хозяйственная деятельность. Близость проживания отмечается смешанными браками между представителями ханты и манси, а общие культовые центры сближали людей духовно. Также на формирование этнической общности большое влияние сыграли переселения коми-зырян: «освоение Сибири предками коми происходило мирным путем и завершилось ассимиляцией пришельцев местным населением» [8, 70]. Следы заимствования от коми языка сохранились в языке хантов, например, *нянь* 'хлеб', *саран хоп* 'зырянская лодка'. Много слов, имеющих происхождение из коми языка в топонимике: названия поселений, горных вершин, рек. В быту и хозяйственной деятельности влияние коми-переселенцев прослеживаются в большой мере в животноводстве. Среднеобские ханты ранее других групп хантов стали держать коров, овец и «косить сено» [14, 141]. В строительной традиции среднеобские ханты переняли срубные дома с полами из широких плах: «такие жилища были распространены у коми и не характерны для обских угров» [1, 61].

Основное расселение русских происходило преимущественно на Оби, на территории проживания среднеобских хантов. Контакты между русским населением и среднеобскими хантами были тесными и охватывали все сферы жизни, что привело к утрате многих черт традиционной культуры: одежды, «хантыйской избушки». Е. П. Мартынова отмечает, что с утратой национальной женской одежды старшее поколение связывает исчезновение хантыйской культуры вообще и переход «на русский образ жизни» [1, 54]. В среднеобском ареале раньше других групп хантов прослеживаются смешанные браки с русскими. В последние годы заметно увеличились межэтнические браки не только с русскими, а также с другими народами – татарами, украинцами, белорусами, что отрицательно сказывается на знании родного языка. В смешанных браках дети не знают и не говорят на родном хантыйском языке, что неминуемо ведет к утрате языка. Сегодня на родном среднеобском диалекте хантыйского языка говорит только поколение 50–60-х годов XX столетия. Ученые считают, что среднеобский диалект хантыйского языка относится к исчезающим.

Литература

1. Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов : научное издание. М. 1998. 236 с.
2. Соколова З. П. Эндогамный ареал и этническая группа (на материалах хантов и манси). М. 1990. 207 с.

3. Штейниц В. Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1937. Ч. 1. С. 193–227
4. Кашлатова, Л. В. Русско-хантыйский словарь с картинками (среднеобский диалект). Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ, 2010. 108 с.
5. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
6. ПМА, д. Тугияны. 2008.
7. Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 606 с.
8. Очерки истории Коды. Екатеринбург : Волот, 1995. 192 с.
9. Сибирские Летописи. СПб., 1907.
10. Перепись населения Тобольского Севера. 1926. 230 с.
11. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск : Наука. 1992. 136 с.
12. Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Записки Русского географического общества. Т. 12. СПб, 1857. С. 327–448.
13. Лапина М. А. Этика и этикет хантов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. 115 с.
14. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Тобольск, 1911. Т. 3. 140 с.
15. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Научные труды. Т. 3, Ч. 2. М. : Наука, 1955. С. 86–152.
16. Пол Стоунхил. Тайны Золотой женщины Югры // Вестник угроведения. № 2, 2006. С. 30–49.
17. Кашлатова Л. В. Родословная богини Катташ ими (по представлениям ханты д. Калтысьяны) // Фольклор в истории народа и его место в современной культуре. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 42–47.
18. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Т. 2. / пер. с нем. и публикация д-ра ист. наук Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та. 1995. 284 с.
19. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси: Культовые места (XIX–начало XX в.). Новосибирск : Наука. 1986. 192 с.
20. Бауло А. В. Культовая атрибутика Березовских хантов. Новосибирск : Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. 92 с.
21. Гемуев И. Н., Бауло А. В. Небесный всадник: Жертвенные покрывала манси и хантов Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2001. 160 с.
22. Перевалова Е. В. Вежакарский культовый комплекс (трансформация традиций и перспективы сохранения) // Этнокультурное наследие народов Севера России. М. : Август Борг, 2010. С. 141–151.
23. Бардина Р. К. Обские и нижнесосьвинские манси: этносоциальная история в конце XVIII–начале XXI века. Новосибирск : Издательство СО РАН, 2009. 150 с.

References

1. Martynova E. P. Ocherki istorii i kul'tury hantov // Nauchnoe izdanie. M. 1998. 236 s.
2. Sokolova Z. P. Jendogamnyj areal i jetnicheskaja gruppа (na materialah hantov i mansi). M. 1990. 207 s.
3. Shtejnic V. Hantyjskij (ostjackij) jazyk // Jazyki i pismennost' narodov Severa. M. : L., 1937. Ch. 1. S. 193–227
4. Kashlatova, L. V. Russko-hantyjskij slovar' s kartinkami (sredneobsckij dialekt). Hanty-Mansijsk : ИИЦЮГУ, 2010. 108 s.
5. Istochniki po jetnografii Zapadnoj Sibiri. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1987. 284 s.
6. PMA, d. Tugijany. 2008.
7. Golovnjov A. V. Govorjanie kul'tury: tradicii samodijcev i ugrov. Ekaterinburg : UrO RAN, 1995. 606 s.
8. Ocherki istorii Kody. Ekaterenburg : Volot, 1995. 192 s.
9. Sibirskie Letopisi. SPb., 1907.
10. Perepis' naselenija Tobol'skogo Severa. 1926. 230 s.
11. Kulemzin V.M., Lukina N. V. Znamom'tes': hanty. Novosibirsk : Nauka. 1992. 136 s.
12. Abramov N. A. Opisanie Berezovskogo kraja // Zapiski Russkogo geograficheskogo obwestva. T. 12. SPb, 1857. S. 327–448.
13. Lapina M. A. Jetika i jetiket hantov. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1998. 115 s.
14. Dunin-Gorkavich A. A. Tobol'skij Sever. Tobol'sk, 1911. T. 3. 140 s.

15. Bahrushin S. V. Ostjackie i vogul'skie knjazhestva v XVI-XVII vv. // Nauchnye trudy. T. 3, Ch. 2. M. Nauka, 1955. S. 86–152.
16. Pol Stounhil. Tajny Zolotoj zhenwiny Jugry // Vestnik ugrovedenija. № 2, 2006. S. 30–49.
17. Kashlatova L. V. Rodoslovnaja bogini Kattaw imi (po predstavlenijam hanty d. Kaltysjany) // Fol'klor v istorii naroda i ego mesto v sovremennoj kul'ture. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2005. S. 42–47.
18. Kar'jalajnen K. F. Religija jugorskih narodov. T. 2. Perevod s nemeckogo i publikacija d-ra ist. nauk N. V. Lukinoj. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta. 1995. 284 s.
19. Gemuev I. N., Sagalaev A. M. Religija naroda mansi: Kul'tovye mesta (XIX–nachalo XX v.). Novosibirsk: Nauka. 1986. 192 s.
20. Baulo A. V. Kul'tovaja atributika Berezovskih hantov. Novosibirsk: Izd-vo in-ta arheologii i jetnografii SO RAN, 2002. 92 s.
21. Gemuev I. N, Baulo A. V. Nebesnyj vsadnik: Zhertvennye pokryvala mansi i hantov Novosibirsk: Izd-vo IAJe SO RAN, 2001. 160 s.
22. Perevalova E. V. Vezhakarskij kul'tovyj kompleks (transformacija tradicij i perspektivy sohraneniya) // Jetnokul'turnoe nasledie narodov Severa Rossii. M. : Avgust Borg, 2010. S. 141–151.
23. Bardina R. K. Obskie i nizhnesos'vinskie mansi: jetnosocial'naja istorija v konce XVIII–nachale XXI veka. Novosibirsk : Izdatel'stvo SO RAN, 2009. 150 s.

Попова С. А.

БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
Ханты-Мансийск

**К семантике лексемы ус 'город' в мансийском языке:
этнографический аспект**

Concept mancy of the word the moustache 'city': ethnolinguistic aspect

УДК 398.4

Аннотация. В данной статье даётся исследование лексемы ус, которая в современном мансийском языке употребляется в значении русского слова 'город'. Но смысловая нагрузка этого слова гораздо глубже. Слово восходит к древнему лексическому пласту языка и непосредственно связано с идеей гибели (исчезновения) мира и его возрождения, что в свою очередь, символизирует идею переселения этноса, обретения новой территории и богов.

Summary. In the given report research мансийской lexemes a moustache which now is applied in value of Russian word 'city' that raises the doubts is given since the given lexeme is known from the most ancient sources – myths ABT the Great Flood when cities still were not.

Ключевые слова: символ, мифология, поднимавшаяся река, поднимавшийся город, первопредки, духи-покровители, святилище, сакральная территория, холм-возвышенность.

Keywords: a symbol, the mythology, the risen river, a risen city, первопредки, spirits-patrons, a sanctuary, sacral territory, a hill-height.

Для поселений манси, которые традиционно были небольшими и малонаселёнными, ус не может иметь адекватным значение, которое заложено в слове «город». Даже такое явление, как укрепленные, имеющие ограждение легендарные княжеские городки манси, трудно представить городом, не только в современном его понятии, но даже в отдалённом прошлом. Выяснение ранее существовавшего его истинного, основного значения возможно в сопоставлении фольклора и этнографии (ритуально-мифологических представлений).

В мифологических сюжетах и образах закодированы и реальные события далёкого прошлого, и отголоски стародавних общественных отношений и норм поведения, и представления о мироздании и его законах, и память о катастрофах в истории Земли и великих переселениях народов.

Фольклор манси буквально насыщен идеей городов и городков: «на семикрылом железном коне город стоит», «город идущей лошади, город бегущей лошади», «городской богатырь-святой покровитель», «городской столб», «созвали народ с город, с деревню» и т. д. При исследовании материала обнаруживается, что фольклорные ус'ы 'городки' выражают не обыденность, а оказываются соотносимы с идеей некой сакральности, которая подчеркивается их священностью – *ялпынг* 'святой, священный'. В традиционной культуре манси *ялпынг* ус 'священные городки' являют собой сакральные места для проведения обрядов: культовые места, святилища, жертвенные места, *Торум кан*. Но за ними обнаруживаются ещё более древние и абсолютно неприкосновенные и не пригодные, ни для проживания, ни для какой-либо деятельности священные территории, их появление необычно.

Существовали определённые каноны, регламентировавшие создание культовых мест. Известно, что изначальным местом проживания манси был Урал, на равнинной лесистой части Западно-Сибирской низменности они считаются пришлым населением. Осознание народом своего исторического прошлого – это его отношение к памятникам древности на территории нынешнего расселения. Освоение новой территории, в том числе шло и через познание её духовно, поэтому в фольклоре манси так много легенд и преданий о людях, якобы здесь проживавших в стародавние времена и большое количество религиозных представлений, связанных с почитанием мест (ус'ов 'городков') в которых они, якобы некогда прожива-

ли. В данном случае почитание выражается в поклонении «священным местам» так называемым *Ялпынг ус* 'священный город [предков]', где изначально сакральная нагрузка лексики ус семантически восходит к *усыл* 'смерть (погибель)'. До нашего времени сохранились лишь рудименты этих воззрений, переживших длительный процесс переосмыслений и трансформаций.

Каждое новое время в истории человечества начинается со вселенского катаклизма, чаще всего с потопа, который несёт погибель (*усыл*) всему живому в том числе и человечеству, и послепотопного раздела земель. Наиболее архаичными следует считать те мифы, в которых в качестве исходной космической стихии фигурирует вода. Именно вода в подавляющем большинстве мифов первой выделяется из первоначального хаоса. Во многих мифах хаос представляет собою безграничное водное пространство, со дна которого самостоятельно (или какой-либо птицей-ныряльщиком) поднимается частичка земли-суши, которая, разрастаясь, превращается впоследствии в территорию проживания этноса.

В мансийской священной сказке о возникновении Земли («*Ма тэлум ялпынг мойт*») птица (железный *лулы*) достаёт из воды частичку земли и прикрепляет её к углу дома, который располагается на торфяном клочке посреди безбрежной воды и в котором чудесным образом уже проживают первопредки – человеческая пара (муж и жена) [1, 137]. В контексте представления о цикличности времени торфяной клочок (холмик) является символом или точкой отсчёта времени. По другим представлениям, Земля должна быть "живая", должна дышать (быть пористой) и разрастаться, должна быть податливой, чтобы в ней было возможно строить жилища-землянки. Живой, т. е. пригодной для проживания земле противопоставляется дихотомическая оппозиция – торфяной клочок, символ неживого, гиблого, заболоченного, непригодного для жизни места. Для возобновления новой жизни птицам (*гаграм* и *лулы*) приходится доставать «живую» землю.

Согласно мансийской мифологии, первоначально Землю населяли бессмертные великаны «богатыри песенной поры», жили они в *макол* 'землянках'. Находимые черепки глиняной посуды принадлежали им. Они всё время воевали (из-за женщин) друг с другом [2, 150]. Наконец, верховному небесному богу *Нуми-Торум*у надоела эта бесконечная распря, и он наслал на Землю – сначала огненный смерч достигавший небес, «...что же грохочет? – Это шумит огненная священная вода; всемирного огня одна половина на небе полыхает, другая половина в разных концах полыхает, и земля и небо – всё горит» [1, 149]. Тогда великаны вырыли землянки, чтобы спастись от него, но *Нуми-Торум* вслед за огненным смерчем наслал всепоглощающие воды Великого Потопа – *Ялпынг Сякв*, что при буквальном переводе означает 'Священное Молоко', в нём погибли уцелевшие в землянках великаны. До сих пор, недалеко от мансийских поселений, имеются ямы от землянок, но люди не знают, кто и когда в них проживал. Некоторые из них впечатляют достаточно внушительными размерами, что вероятно и давало повод представлять, что в них жили великаны. В таких местах нельзя строить новые жилища, их почитают как *ялпынг ма* 'священные территории' оставленные (погибшими) предками, археологи и этнографы их называют – древние городища.

В различных мифах варианты могут быть разными, но вода, земля, огонь (свет) и воздух всегда лежат у истоков мироздания. Вода и огонь являются, как правило, и конечными состояниями мира, когда наступает конец света, и мир снова погружается в хаос, чтобы дать начало новому миру, лишённому недостатков (грехов) прежнего. Почти у всех народов имеются повествования о Всемирном потопе или Мировом пожаре, или о том и другом вместе. А огонь до сих пор остаётся у них символом чистоты – очищения от скверны и искупления грехов.

В мансийском предании «О большой огненной воде» [1, 43–45] говорится, что однажды поднялась *Исум вит канай* 'Горячая гигантская вода'. Вода была не просто горячей, а огненной, поскольку она не только затопила землю, но и сожгла всё на своём пути, почва окрасилась в красный цвет (цвет охры). Люди, якобы, за семь дней были предупреждены о грядущей катастрофе, и часть из них успела построить себе плоты (*пор*) из стволов лиственницы.

Брёвна укладывали в семь слоёв, а готовые плоты привязывали намертво к мощному дереву при помощи сплетённых корней *тип йив* 'дуба-тальника' [1, 11; 9, 58–60].

Огненная вода оставалась недолго: *акв пун пайтнэ сысн хулиглалыс*, т. е. всего на время, в течение которого успеет свариться один котёл (мясного бульона). За это время на плотках сгорело шесть слоёв, а седьмой остался невредимым, кроме того, он не потонул в пучине т. к. лиственница в воде не тонет. На этих плотках люди сидели под укрытием пологов из рыбьей кожи, поэтому их не смыло волной, не опалило огнём, и до них не смогли добраться ни змеи, ни комары, ни какие-либо другие твари.

Крепко прикреплённые плоты поднимались вместе с водой, а когда вода сошла, места, где находились плоты, впоследствии облачили в статус *ялпынг* 'священных'. Определить эти территории, где когда-то пребывали наши предки *акьянув-акванув* '[наши] деды-бабушки', можно по названиям рек, поскольку после Великого Потопа они получили статус (*нох*) *Лапум-я* 'поднимавшаяся река', от глагола *нох-лапунгкве* (*нох-лаплахтунгкве*) 'подняться' с суффиксом прошедшего времени -ум и лексемы я 'река'. Таких рек, на территории проживания манси несколько, например, известно, что реки *Лопынг-я*, *Лэпл-я*, *Сакв-я*, *Нэус-я*, *Усынг-я* из категории поднимавшихся [3, 18–21].

Во время Потопа не все плоты удалось прочно прикрепить к могучему дереву, с верховий (рек) их унесло течение и прибило уже на другие земли (реки), т. е. на территории нынешнего расселения манси. Оставшиеся и унесённые водой люди считают себя родственниками не только по крови (кровнородственные люди), но и по *най отыр'ам*, букв. 'героиням, богатырям'. В представлении манси – это души предков [1, 50].

Особо почитаемыми являются первоначальные предки (первопредки), положившие основу жизни на территории проживания манси. По ним каждая группа манси определяет своё родство и осознаёт единство происхождения. Например, для северной группы манси к ним можно отнести детей *Нуми Торум'а* – пять сыновей и одну дочь. Отец в наказание спустил их с небес на остров, находившийся посередине тёплого моря (озера). Один из братьев вызвал Северный ветер, море покрылось тонким слоем льда, и они выбрались на сушу, затем они разошлись по разным уголкам земли и там положили начало жизни. В этих землях их почитают как родоначальников и хранителей земли. [1, 51–60].

В мифе история подчас как бы сжимается в единый миг, обращаясь в своеобразный символ. Так, если в преданиях рассказывается об унесённых на плотках народах в другие, чуждые земли или о послепотопном разделении земель между сыновьями и дочерью верховного бога *Торум'а*, то в действительности за этим чисто символическим и мифологизированным событием скрывается длительное освоение земных территорий первоначально единым пранародом, распавшимся в лице унесённых людей или разошедшихся детей *Торум'а*, на расщеплённые пратносы.

Свою изначальную Родину манси никогда не забывали, память о ней заложена в фольклоре и религиозных представлениях. Катаклизм, или потоп, о котором говорится в мифах и преданиях, был первопричиной переселения на освободившиеся от льдов территории, процесс длился тысячелетиями. Но сначала были горы и их тоже затронули события связанные со временем Великого Потопа – *Ялпынг Сякв* букв. 'Священное Молоко'. В легендах и преданиях, связанных с происхождением многих оронимов, говорится, что во время Большой Воды отдельные горные вершины не были залиты водой, и на них спаслась какая-то часть манси [4, 189, 237–238, 247–248, 296–297)]. Затем, уже на новой территории проживания, символика гор была перенесена на места, особо почитаемые манси. Их возникновение происходило также особым образом. Например, в одном из вариантов мифа говорится: когда поднималась Большая вода (*Ялпынг Сякв*), то с ней поднимался участок земли (холм), получивший название – (*нох*) *Лапым ус* 'поднимавшийся (с водой или из воды) город' [5, 55]. Их на территории проживания манси достаточно много, они также имеют статус *Ялпынг ус* 'священный город (городки) (предков)'. Многие поднявшиеся, якобы, из воды и застывшие массивы: *Ус ур* 'город-увал', *Ус сял* 'город-холм' или *Тумп ус* 'остров-город', т. е. возвышенно-

сти или большие острова были или рукотворными (насыпными), или были избраны по необычным их очертаниям и расположению.

Возвышенности и выступавшие из воды большие острова также почитались священными территориями и сохранялись тысячелетиями. Так в память о якобы некогда проживавших на них предках с возвышенностей снимался верхний слой земли, затем их покрывали берестой, а поверх бересты укладывался дёрн, поэтому они никогда не зарастали лесом. В прошлом за этим тщательно следили. Настоящие названия этих *ус'ов* неизвестны, население исчезло (погибло). Свои поселения манси возводили рядом, чаще всего на другом берегу реки, такое расположение усиливало сакральный статус надземных сооружений. Показательна в этом плане возвышенность *Ялпынг ус (Ялпус)*, находящаяся рядом с поселением Вежакары (на слиянии Оби и впадающей в неё речки *Усынг-я*), сохранившаяся до наших дней, благодаря берестяному покрытию [6, 154; 7, 597].

Подобное явление встречается и в обрядовой практике манси, например, *Лэным ус* 'святое место' – так называется место в квадратной или прямоугольной яме, в которой хоронят кости, клыки, голову убитого медведя – всё это прикрыто берестой и дёрном (над землёй). В погребальной обрядности таким же образом покрывается надмогильный холм [6, 71–72]. В их обустройстве наблюдается та же символика: безлесное (голое), непригодное для живого человека, возвышающееся над землёй сакральное сооружение. И уже в недалёком, по историческим меркам, прошлом эта же символика была перенесена на святилища с культовыми постройками *ура* для «обитания» духов.

Святые места, священные территории, никогда не были предназначены для проживания или ведения какой-либо хозяйственной деятельности, даже переночевать на них запрещено. Конечно, есть и чисто практическое объяснение – это территории воспроизводства животного мира или их миграционные пути. Но почему они опасны для человека? Это объясняется их необычным местоположением. Как правило, святилище и прилегающая к нему священна территория – это место поклонения богам и духам-покровителям. Его выбирает сам *Нуми-Торум* или отправленный им с Верхнего мира *пупыг* 'дух'. Пригодные для жизни человека места *пупыг* оставляет, если даже и приземляется там на какое-то время, затем такие поселения люди называют: *Пупыг павыл* '(его) *пупыг* деревня', или *Пупыг исум павыл* 'деревня, где приземлялся *пупыг*', или *Пупыг ясунт павыл* [5, 60]. Самое важное, ему (*пупыг*) необходимо увидеть «где земля кружится, где вода кружится», на такое место и падает его выбор. Выбрав *яныг пурлахтын ма* 'главная (священная) земля для угощения (богов)' и в первую очередь *Торум кан* для самого *Нуми Торум'а*, он (*пупыг*) улетает обратно вверх (на небо). *Торум кан* – святилище особого ранга: «*Пурлахтын кан, Торум кан* называют иногда просто *кан*, где обряд проводится только при участии мужчин. Там молятся выдающимся духам-предкам мужского или женского пола. Приглашают духов угощаться на устроенный для них пир (*пури*)» [1, 11]. На территории проживания манси их было довольно много, но самым известным остаётся *Торум кан* расположенный вблизи селения Ломбовож, из записей В. Н. Чернецова: «*Лопым-ус, Лопум-вож* по объяснению М. Хантыпина *лопынг* 'торфяное место', *лопынг* 'тундра'» [2, 197]. Спуститься с небес – это обязательный момент выбора места «обитания» на земле богами и духами-покровителями высшего ранга. Например, жена *Нуми Торум'а* – *Калтась*, была им сброшена с неба; своих шестерых детей он сам спустил, а его седьмой сын *Мир суснэ хум*, получивший право смотреть (наблюдать) за всеми людьми, был рождён между небом и землёй, во время падения (спуска) богини *Калтась*. В этом и кроется тайна местоположения *ус'ов* священных, культовых мест и территорий – выбор определяется пересечением небесных и земных путей там, где «земля кружится, вода кружится», т. е. где обнаруживаются вихревые потоки, такое место по своей энергетике не пригодно для жизни. С другой стороны, именно в таких топоментальных центрах [8, 358–359] возможно «взаимообщение» человека с посланниками бога или духами-покровителями. Возможно по этой же причине в период христианизации Сибири церкви старались возводить на разорённых капищах.

Итак, в фольклоре в разных его формах закреплялись представления, верования продолжавшие оставаться актуальными. И фольклор и этнография дают примеры практически полного совпадения значения лексемы *ус*, как синонима местности, символизирующей особую сакральную территорию, которая являет собой исчезнувшую (погибшую, отсюда слово *усыл* 'погибель') – древнейшую географическую картину мира. Изначально *ус* имеет связь с комплексом представлений о конечном состоянии мира. Возвышение усиливает сакральное и восходит к комплексу представлений об оставленной горной территории. Постепенно, адаптируясь к новым условиям, значение слова меняется и трансформируется в понятие жилого пространства.

Литература

1. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут : АИИК «Северный дом» и Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1993. 207 с.
2. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
3. Попова С. А. Медвежий праздник на Северном Урале. Ханты-Мансийск : ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2011. 76 с.
4. Слинкина Т. Д. Мансийские оронимы Урала: научное издание. Ханты-Мансийск : ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2011. 480 с.
5. Попова С. А. Мансийские календарные праздники и обряды. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 138 с.
6. Попова С. А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 180 с.
7. Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в.; Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН. М : Наука, 2009, 756 с.
8. Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии : учебное пособие. М. : Гардарика, 1998.
9. Вереш П. Эмпирические и методологические проблемы интердисциплинарного исследования в области финно-угристики // Этнокультурное наследие народов Севера России: К юбилею доктора исторических наук, профессора З. П. Соколовой / отв. ред. Е. А. Пивнева. М. : ООО «Август Борг», 2010. С. 56–69.

References

1. Rombandeeva E. I. Istorija naroda mansi (vogulov) i ego duhovnaja kul'tura (po dannym fol'klora i obrjadov). Surgut : AIK «Severnyj dom» i Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izdatel'stvo, 1993. 207 s.
2. Istochniki po jetnografii Zapadnoj Sibiri. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1987. 284 s.
3. Popova S. A. Medvezhij prazdnik na Severnom Urale. Hanty-Mansijsk: ОАО «Izdatel'skij dom «Novosti Jugry», 2011. 76 s.
4. Slinkina T. D. Mansijskie oronimy Urala: nauchnoe izdanie / T. D. Slinkina. Hanty-Mansijsk : ОАО «Izdatel'skij dom «Novosti Jugry», 2011. 480 s.
5. Popova S. A. Mansijskie kalendarnye prazdniki i obrjady. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2008. 138 s.
6. Popova S. A. Obrjady perehoda v tradicionnoj kul'ture mansi. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2003. 180 s.
7. Sokolova Z. P. Hanty i mansi: vzgljad iz XXI v. / Z.P. Sokolova; In-t jetnologii i antropologii im. Mikluho-Maklaja RAN. M : Nauka, 2009, 756 s.
8. Chesnov Ja. V. Lekcii po istoricheskoi jetnologii: Uchebnoe posobie. M : Gardarika, 1998.
9. Veresh P. Jempiricheskie i metodologicheskie problemy interdisciplinarnogo issledovanija v oblasti finno-ugristiki // Jetnokul'turnoe nasledie narodov Severa Rossii: K jubileju doktora istoricheskikh nauk, professora Z. P. Sokolovoj / otv. red. E. A. Pivneva. M. : ООО «Avgust Borg», 2010. S. 56–69.

Сподина В. И.

*БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
Ханты-Мансийск*

**Проницаемость миров как отражение процесса космогенеза
обско-угорских и самодийских народов**

**The permeability of the worlds as a reflection of the process
of ob-ugrian and samoyed people's cosmogenesis**

УДК 39: 908; 111. 8; 524. 8

Аннотация. В традиционном мировоззрении коренных народов Севера существовала мифологическая концепция, согласно которой помимо реального мира существовал и иной, пространственно-временной континуум – разомкнутые в бесконечность миры, заселённые сонмом всевозможных духов. В концепции многоэтажной Вселенной Средний, Верхний и Нижний миры существовали как бы параллельно, но в то же время были взаимопроницаемы. Каналами связи служили отверстия (дыры), Мировой дерево, проводниками-курьерами – птицы, шаман, огонь, направленная космическая энергия (луч солнца/света), звук. В качестве основного орудия, обеспечившего появление бинарной оппозиции верх/низ, а значит и канала связи, выступает посох. Каналы связи между мирами открываются, как правило, в особых местах – святилищах или местах силы.

Summary. In the traditional worldview of the indigenous peoples of the North there was a mythological concept according to which in addition to the real world, different, the space-time continuum existed also – open to infinity worlds, populated by a host of various spirits. Middle, Upper and Lower worlds existed as a parallel in the concept of multistory Universe, but at the same time they had mutual permeability. Apertures (holes), World Tree served as communication links; birds, shaman, fire, directed cosmic energy (sun ray / beam), sound – as conductors-couriers. Stave acts as the main instrument, which provided the appearance of a binary opposition up/down and hence the communication link. Communication links between the worlds open usually in special places – sanctuaries or places of power.

Ключевые слова: проницаемость миров, птицы-курьеры, посох, отверстие, шаман, камлание, святилища.

Keywords: permeability of the worlds, birds-couriers, stave, aperture, shaman, shamanistic ritual, sanctuary.

Смысл всякой космологии состоит в том, чтобы свести многообразные знания о мире в единую, достаточно стройную картину, объёмлющую наиболее важные факты и представления. Среди всего многообразия космологических представлений совершенно особое место занимает модель, которую условно можно назвать концепцией «многоэтажной» Вселенной. Суть её заключается в том, что мироздание подразделяется на несколько располагающихся один над другим миров. В известной мере они самостоятельны, но при этом скреплены в единое целое. Главных миров, как правило, три. Это небеса, населённые богами (Верхний мир); земля – обитель людей и всего живого (Средний мир) и преисподняя – где живут всевозможные злые духи (Нижний мир). Часто Верхний и Нижний миры в свою очередь подразделяются на отдельные ярусы.

В работах этнографов, археологов и лингвистов, прежде всего Н. В. Лукиной, В. М. Кулемзина, И. Н. Гемуева, А. М. Сагалаева, А. В. Бауло, М. Ф. Косарева, Е. А. Хелимского, В. Я. Петрухина, В. В. Напольских, были воссозданы развитые космологические представления обских угров, а также доказана их глубокая древность (период уральской и даже прауральской общности). Однако следует отдавать себе отчёт в том, что мы не в состоянии «воскресить» всё то многообразие мифологических сюжетов древности, которые отразили мифы.

Наиболее известные в мировоззрении народов мира представления о структуре пространства подразделяются на трёхуровневые, семиуровневые, девятиуровневые и др. построения как по вертикали, так и по горизонтали. У обских угров и самодийцев превалирует

трёхуровневая модель мира (Верхний, Средний и Нижний), все ярусы которого похожи, взаимосвязаны и взаимопроницаемы.

Идея проницаемости миров, многоэтажной Вселенной как единого гармоничного организма, была заложена уже в самом начале мироздания. В процессе творения мир переставал быть «безвидным» и «беззвучным». Отсутствие света и звука возвращает к состоянию до-творения, то есть к хаосу. Именно свет и звук являются первыми сигналами, проникшими из Верхнего мира, мира божества Нуми Торума и его крылатых помощников в Средний мир, находящийся в процессе создания. В обско-угорской мифологии подчёркивается, что одним из имён демиурга Нум-Торума является Нум-Санкэ (Санкэ Торум). В призывных песнях южных хантов Санкэ чаще всего используют как эпитет к имени Торум в значении «золотой», «светлый», «белый», «сияющий», «верховный», «Бог-Свет» [1, 81]. В этой связи А. В. Головнёв замечает, что «трудно не увидеть в восточно-хантыйском Сўнк, южно-хантыйском Санге и мансийском Сян один прообраз, черты которого условно могут быть сведены к понятию рождающего духа ...» [2, 531]. Известный этнограф в одной из своих работ высказывал предположение, что в угорской мифологии на месте Торума некогда существовал образ «внеземной рождающей стихии» Неба-Матери Санги, сохранившейся донине в представлении о Санг-Вах (Небе-Железе) и понятии «духа вообще» – *сунг, лунх, тонх* [3, 216].

Хотелось бы подчеркнуть одну особенность в связи с образом Нума. По отношению к другим богам он обладает наибольшей сакральностью, «чистотой». Не случайно у ненцев звери и птицы мужского рода называются *нум няны* ‘в сторону неба’, в отличие от животных женского рода *тян няны* ‘в сторону земли’ [4, 26]. Также с созидующим небесным светом связывается образ жизнеподательницы восточных хантов Анки-пугос (Торум-анки). Ваховские ханты верили, что она посылает на землю детей с помощью солнечного луча. С сияющей небесной сферой связаны и мансийские верховные божества. Символами мансийской *Калтац* являлись маршрутные нити – золотые, серебряные. В данном случае нить ассоциировалась с солнечным лучом – подателем жизненного начала. Солярная символика, универсальная для небесных божеств, раскрывается и через такую деталь как волосы (лучи) богини. Когда золотая *Калтац* распускает свои косы от них расходится дневной свет, в них возникает «лунный свет».

Другая оппозиция звук/беззвучие, в пространственном коде соответствует оппозиции движение/неподвижность, жизнь/смерть. Для сравнения укажем на хантыйское слово *холді*, означающее ‘безлюдный’ (*холді мув* ‘безлюдная земля’) и ‘тихий’ одновременно, *хёслі-сійлі* ‘тихо-беззвучно’ [5, 297]. Ситуация мёртвой, абсолютной тишины в мансийском языке передаётся идиоматическим выражением *акваг палиң суй āтим, нёлмың суй āтим* (букв.: нет никакого звука для уха, нет никакого звука языка) [6, 380]. Зрение (глаза) и слух (уши) в традиционной культуре наделялись известной автономией. Про человека, который ничего не видел и не слышал, аганские ханты говорят: *Кавой-хаэмай мал* ‘Уши-глаза закрыты’. Такое выражение ещё могло означать потерю сознания.

Первые звуки («какой-то шум», «слышно кто-то летит») [7, 258, 272] появляются сверху. В ненецкой шаманской песне *самб’дабц* содержится призыв к *Есь’тото Паяры* ‘Железопкрылой гагаре’:

«Железопкрылая Гагара, куда ты делась»?

Небесные облака разрывая, с визгом летит она,

На перекрестье шестов верхушки чума она с визгом села [2, 382].

В мансийской священной сказке *Мātэлум ялпың мйт* ‘О возникновении Земли’ повествуется как *Тох олыматэн акв-мат-эрт* нуми *тōрумныл матыр курыгтанэ суйты*. *Ойка иснасныл кональ сунсы, нумыл тōрумныл Кёр-Тāхт ты йив, мāкинсуке витын юв та сялтыс* «... однажды с Верхнего мира какой-то гул слышится. Муж из окна смотрит наружу: сверху с неба летит Железная Гагара» [6, 32, 33]. В комментариях к текстам содержится важная, с точки зрения данного сюжета, подробность. Е. И. Ромбандеева этимологию выражения *тōрумныл ‘с неба’* (от *Тōрум, тōрм*, букв.: дрожавший) связывает с «явлениями грозы, когда земля и небо дрогаются; это многозначное слово, ныне употребляющееся в значении: «небо, погода, природа, эра, эпоха, Вселенная, весь Мир, жизнь, Бог, икона» [6, 365].

Для подавляющего большинства звуков периода первотворения характерна громкость, если не пронзительность. Ещё пифагорейцы обратили внимание на музыкальные соотношения сфер. Они утверждали, что двигаясь сквозь эфир, планеты издают звуки в зависимости от своих размеров и скоростей. Самый низкий звук принадлежит Сатурну, а самый высокий

и пронзительный – Луне [8, 126]. Звуки творения не просто привлекают к себе внимание: их нельзя не услышать. Изображённый в мифах мир шумит, гремит, визжит. Семантика шумовых действий, несомненно, сопоставима со звуковой кодировкой ритуально-обрядовой деятельности, которая разворачивается, как правило, в маргинальном пространстве (т. е. в пространстве контактов с «иным» миром).

В качестве источника звука выступали птицы, обладающие мобильностью и голосом. Эти способности определили их роль не только как курьера-информатора (ворон), но и в качестве медиатора (гагара, кулик и др.). Мифы о ныряющей птице типичны для космогонических сюжетов почти всех уральских народов. В качестве орнитоморфных демиургов выступали: *карт тохтын* ‘железная гагара’ (ханты), *лули* – краснозобая поганка (манси), *кулик-люли* (ханты). В материалах венгерского священника XIX в. Лайоша Кальмани присутствует вариант мифа о ныряющей птице. Суть его такова: у человека был *лудверц* (легендарная чудотворная птица венгерского фольклора), которая исполняла все поручения человека. Однажды пришёл человек домой и сказал: «Нырни на дно моря, принеси горсть песка! Лудверц пошёл и уже не вернулся» [9, 30]. Л. С. Грибовой был записан аналогичный миф о появлении земли у северных коми-пермяков, где вместо гагары фигурирует утка, а Омоль назван Кулем [10, 30]. Другой персонаж – кукушка *kukkuk*, по представлениям хантов, являет собой образ какого-то сверхъестественного существа, который в данном облике доносит до Торума просьбы людей. Благодаря такой роли птиц-медиаторов осуществляются контакты между обоими мирами, происходит их нейтрализация.

Мотив птиц как курьеров на материале хантыйской мифологии подробно описан Т. А. Молдановой [11]. Выбор птицы в качестве курьера понятен и обоснован: она мобильна и, главное, движется по горизонтали (летает над землёй), и по вертикали (сверху вниз, с неба на землю, и снизу вверх, из-под земли на землю и на небо). В фольклорно-мифологической сфере подземно-небесные полёты отождествляются с полётом души, оставляющей тело. Интересно отметить, что этнографы, писавшие о татуировках у хантов и манси, отмечали в качестве наносимых изображений рисунки птиц и зверей. С. А. Иванов приводит сведения, полученные Н. Ф. Прытковой у казымских хантов о татуировке фигурки птицы вурсикна плече. Считалось, что она помогает человеку после его смерти переправляться через океан в «страну мёртвых» и имела отношение к представлениям хантов о душе [12, 46]. Эту же мысль развивает В. Н. Чернецов на мансийском материале. По древним верованиям манси одна из призрачных душ человека, носившая название урт, во время сна в облике птицы якобы совершала путешествия и даже могла проникать в загробный мир [13, 117–143].

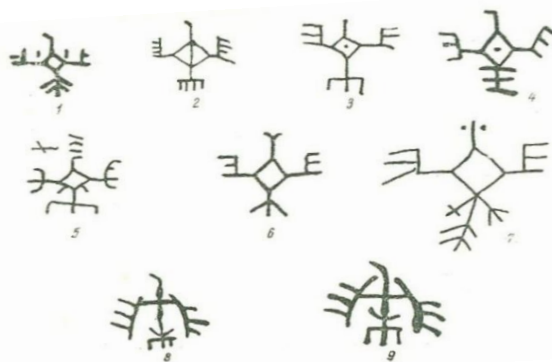

Рис. 1. Татуировка. Изображение птиц. Обские угры.

1,2,6 – по С. И. Руденко (1929); 3,5 – по И. Глушкову; 4,8,9 – по В. Н. Чернецову (1947);
7 – по К. Ф. Карьялайнену (по материалам С. А. Иванова) [12, 47]

Заметим, что душа человека может проникать в иные миры и в виде насекомого (паука, жука). Однако наличие голоса=речи и движения=полёта являются определяющими признаками в «назначении» птиц в качестве связных между верхним и нижним мирами.

В мифологии обских угров птичий облик имеют многие божества, с которыми связывается происхождение территориальных групп обских угров. Рассказывается, что недалеко от селения Халь-пауль есть семь берёз, растущих из одного корня. Когда-то на этих берёзах сидели духи: Йипых-ойка, пять его братьев и Тохлын-ойка [14, 191]. Эти персонажи имеют облик птиц. Мансийская Калтащ опускается с неба в облике гусыни.

На спину животного, спину имеющего (лошадь), она опускается,
 В хорошем облике золотистой гусыни опускается ...
 Идущих облаков высоты достигает,
 Бегущих облаков высоты достигает.

Братья Мир-сусне-хума также иногда рисуются птицами. «Есть основания полагать, что небесная семья в целом имела в обличье птиц (по крайней мере, это была одна из её ипостасей)» [15, 79]. Крылатые Корс-Торум (манси) или Нуми-Курыс (ханты) считались родоначальниками богов, которые в незапамятные времена передали свою власть Нуми-Торуму, а затем удалились на покой на «верхнее небо» [16, 282].

Известно, что на святилищах хантов и манси в XVIII в. стояли металлические идолы гуся (лебедя). Если предположить, что небесная семья в целом имела птичье обличье, то не лишним будет привести некоторые детали культовой практики, имеющей место на Средней Лозьве. Сознание обско-угорских народов считало человека существом двуединой природы. В обрядовых текстах манси предки именуются «семь крылатых, семь ноги имеющих» [17, 93] и что они «призываемы песнями, что звучат как те, которыми зовут уток» [цит. по: 15, 86]. Тем самым подчёркивается приобщённость человека к миру пернатых. Согласно представлениям ваховских хантов, человек произошёл от «крылатого зверя-духа», и поэтому первые люди были крылатыми [18, 123].

Издавание звуков, похожих на писк, было отмечено в угорской шаманской традиции XVIII в. Духи-птицы, согласно фольклору манси, прибывая к селению «по ходу солнца семь раз его обходят, с громкими звуками свиста они (кругами) обходят ...» [17, 91–92]. Язык птиц-предков оказывался языком, пригодным для диалога. Среди призывных звуков наиболее часто встречался свист. К. Ф. Карьялайнен упоминал, что остяки свистят, оказывая почести своим богам [19, 183]. «К сожалению, – замечает А. М. Сагалаев, – этот тип ритуального поведения зафиксирован отрывочно, как некая непонятная или забавная черта аборигенных культур Севера» [15, 86]. Там, где архаичное мироощущение полагало необходимым соприкосновение с сакральным миром либо в переломных моментах, везде принимала участие птица. Богиня-птица в облике повитухи помогала появиться на свет (наделяла душой) будущего ребёнка, как сваха она появлялась на свадьбе, душа-птица отлетает в момент смерти человека.

По материалам В. Н. Чернецова, у обских угров в прошлом существовал обряд, связанный с посвящением юношей в полноправные члены рода. В роду «крылатого» старика (орла) на Оби юношу вели на святилище и там заставляли взобраться на дерево, где обитает крылатый предок. Пока посвящаемый находился на дереве, стоящие внизу старики читали благопожелания (имитации смерти-рождения в гнезде-матери). Вниз он спускался полноценным членом мужского сообщества [13, 142]. По воззрениям хантов, шаман вырастает на дереве, там, где гнездится или живёт в дупле Торум-птица [15, 89]. Сила и способности шамана, как считалось, зависят от того, в какое дупло – нижнее, среднее или верхнее поместят его душу, на каком суку будет находиться его гнездо. Чем выше дупло, тем больше число небесных слоёв сможет преодолеть в будущем шаман.

Гнездо на священном дереве содержит в себе минимум жизненного начала будущего шамана. Два образа – «птенец в гнезде» и «ребёнок в колыбели» постоянно перекодируют друг друга. Если у сосвинских манси ребёнок умирал до рождения, то говорили, что он «разбился» (= яйцо выпало из гнезда) [20, 22].

Птичьи фигуры венчают жертвенные шесты и жилища, развитие представлений о птице-предке обнаруживается в культовых изображениях обских угров и самодийцев. «Тем не менее, роль птицы в мировоззрении уральских народов сколько-нибудь полно не раскрыта, хотя очевидно, что птица (наряду с медведем) – важнейший персонаж уральской картины мира и в целом менталитета уральских этносов» [15, 75].

Наличие миров определяет их проницаемость. Если существование Верхнего мира было задано изначально, Средний мир – мир человека и всего живого – был воссоздан с помощью птиц-демиургов, то качественные характеристики мироздания должен был замыкать Нижний мир (зеркальная копия земного, но с характеристикой «обратный»). Его происхождение является результатом целенаправленного действия по проделыванию отверстия в земле с помощью первого орудия – посоха. Посох неперенный атрибут Нуми Торума, который в своём небесном доме «за столом сидит, правой щекой о посох опирается» [7, 298]. Функция опоры в мифологии не является определяющей. Акцентируется роль посоха как первого

орудия, используемого в процессе доустройства мира и способного создавать канал проникновения (возможно ранее существовавший) в Нижний мир. С его помощью задаётся бинарная оппозиция верх-низ и проход между мирами.

Проникновение (творение) в Нижний мир происходит с помощью посоха Торума, воткнутого в землю. Через образовавшееся отверстие брат верховного божества – Кынь-лунг, завладевает Нижним миром и становится его хозяином. А. М. Сагалаев в этой связи отмечает, что «так в мифе обозначается появление важнейшего элемента совокупного мироздания и, очень важно, – отверстия, ведущего вниз. Стоит, видимо, упомянуть, что сам акт протыкания/пронзания земли имеет в архаичном мировосприятии символику созидания-оплодотворения» [15, 37].

Подчёркивая роль посоха в творении и насыщении мира, следует отметить, что действие этого орудия проявляется в направленном движении (ударил, воткнул, пронзил) на разрушение первичной целостности, раскалыванием-проникновением внутрь/наружу, и, в конечном счёте, с процессом преобразования. Удар – важный ритуальный архетип в мифологической картине мира и в обрядовой практике. Типология ударов на обско-угорском материале пока не стала предметом отдельного исследования. Тем не менее, В. Ф. Кернер выделяет три варианта его упоминания в мифологии финно-угорских народов: 1) в мифах о ныряющих птицах (реже – зверях), демиурги, путём пробивания телом толщи воды, достают «начала» будущей Земли; 2) в мифах о появлении мира из упавшего и расколовшегося яйца; 3) в мифах о появлении первоземли (кочки, горы, острова) в результате падения с большой высоты (с неба) сверхъестественного женского существа [21, 31].

В ненецком варианте легенды о создании земли удар используется в качестве вербального символа власти разгневанного Нума. Когда верховный бог отказал отдать землю во владение Нга, тот в отместку, прошёл по земле и покрыл ее болотами. В гневе Нум ударил Нга посохом. Обидевшись на брата, Нга выдохнул свое холодное дыхание на созданную Нумом землю, и вся она покрылась снежными сугробами, деревья сразу замерзли, растения погибли. Вокруг стало темно. То есть мир вернулся к своей начальной точке, перечеркнув все усилия творца. Чтобы обеспечить процесс развития братья помирились и решили сделать солнце, луну и звезды. Нум взялся за создание солнца, доверив Нга делать звезды и луну. С появлением солнца на землю пришли свет и тепло, деревья ожили и расцвели [22, 7]. Так были созданы Верхний, Средний и Нижний миры, тепло и холод, добро и зло, то есть окружающий человека мир во всей его полноте. Возникла и сама возможность проникновения в эти миры.

В фольклоре лесных ненцев сохранилось представление, согласно которому входом в «иною» мир *Кавшаң вэ'ку* служило подочажное пятно, которое было «таким же входом в Нижний мир, как и дымовое отверстие – в Верхний и через которое в чум приходит смерть» [2, 205]. По некоторым поверьям ненцы считали, что детей вытаскивают из ямки под очажным листом. Попасть к *Кавшаң вэ'ку* можно было при помощи определенного ритуального действия:

<i>Шэ'эв, цэ'эв вешачэ'нэм</i>	<i>Семь, семь железных жердей</i>
<i>Шолехалетам, шолехалетам</i>	<i>Поверну, поверну</i>
<i>Шэ'эв, цэ'эв веңкахана.</i>	<i>Семью, семью шагами</i>

(Айваседа Н. К., пос. Варьёган. 1997)

В приведенном отрывке *чэ'н* – «жердь, охраняющая очаг в чуме». Если *чэ'н* шаманящий поворачивает по солнцу – это пожелание добра, а если в противоположную сторону – жди чего-либо недоброго. По этой причине во время заклинаний имя *Кавшаң* ставят в числе имен других богов и духов-хозяев, чтобы он не нарушал покой людей, животных, не причинял беды. Ему приносили в жертву черную (темную) ткань, которую клали на землю в том месте стойбища, которое мало посещалось людьми. Ненцы считали, что при своевременном жертвоприношении *Кавшаңне* только не беспокоит людей, но даже старается оградить их от злых духов-помощников.

Наиболее распространённым проходом в Нижний мир являлась дыра. Сосьвинские манси верили, что душа умершего после его смерти попадает в нижний мир через дыру, которая находится в устье Оби у моря [15, 41]. Возможно, с данным представлением связано название гроба у казымских хантов – *йинк манты хот* 'по воде идущий дом'. Сынские ханты во время проведения предпохоронного обряда *хот ус тухарты* «закрывали» все отверстия в жилище, чтобы духи Нижнего мира не проникли в мир живых. Шкуру, снятую с туши животного (тахты) вместе с копыта-

ми, расстилали после выноса покойного из жилища на то место, где раньше спал умерший человек. После его смерти на этом месте как бы образовывалось отверстие в подземный мир, куда могла устремиться душа усопшего. Шкура оленя находилась на этом месте до тех пор, пока не похоронят покойного. Только предав человека земле, убирали шкуру и дарили её кому-либо из посторонних людей или дальним родственникам [23, 169–170].

Вселенная традиционным мировоззрением мыслилась сбалансированной и симметричной. Отверстие на земле, где был воткнут посох, уравнивалось отверстием на небе, через которые задаются два конца оси мира – начало и конец любого процесса, пограничные зоны, где совершаются контакты между мирами. Параллелизм отверстий верха и низа в обско-угорской мифологии, если и не выражен напрямую, но осознаётся вполне отчётливо. Среди немногих сюжетов приведём упоминание манси о том, что Нуми-Торум, узнав об измене жены с антиподом небесного бога, сбрасывает Калташ вниз сквозь отверстие в небе, при этом он трижды швыряет её оземь, а затем сбрасывает её вниз через отверстие в небе. Такое отверстие в небе, обеспечивающее проницаемость миров, могло образоваться при условии, что, по крайней мере, нижний ярус неба представляется твёрдым. Манси также считали, что во время смерти человека одна из душ – *лили* – сверлит дыру в потолке, чтобы уйти наверх, в «выходную дверь души». Таким образом «отверстия» играли важную роль в качестве каналов коммуникации, связывая воедино верхний, средний и нижний миры.

Мотив отверстия/окна/дыры – средство визуальной связи с внешним миром. В ненецкой песне – *хынабце Хансосяда-Вэра* ‘Сумасшедший-Вэра’ описывается путешествие героя по *Нуво пудвана* ‘Хребту небес’. «Поднявшись на сопку, он превратился в семикрылого овода и поднялся в небесные сферы, где влетел в отверстие самой крупной звезды и прилетел на стойбище Вэхэли-Ири (Деда-Вэхэля). При посадке задел седьмым крылом макушку чума Вэхэли-Ири» [24, 140]. Другой мифический герой тундровых ненцев *Выдукэй хора* ‘Могущественный бык’ также входит в отверстие звезды и оказывается в другом Космосе. Здесь он видит *намдолава макода*, что в переводе Е. Пушкарёвой представляется чем-то «вертикально стоящим», на что можно сесть – «посадочные вышки». Исследователь считает, что «достоверно сказать, что это такое, невозможно; по всей вероятности это шести (колонны), на верхушку которых совершают посадку персонажи» [25, 19]. Уподобляя звёзды «отверстиям», архаическое мировоззрение пыталось объяснить попадание на землю не только солнечных лучей, но и посланных небесным богом на землю животных, насекомых.

Важным персонажем, медиатором, обеспечивающим связь между мирами, выступал шаман. Главным ритуальным предметом шамана являлся специальный ударный инструмент – бубен (*пэницар*, хант.; *пенышал*, нен.). Особая роль в его использовании отводилась колотушке, с помощью которой производился удар. Интересно отметить, что во время камлания частота ударов бубна варьирует от 180 до 200 ударов в минуту, что соответствует частоте внутриутробного биения плода в теле матери. «Поэтому когда мы слушаем бубен, – отмечает В. В. Майков, – мы как бы совершаем обратное путешествие в первую перинатальную матрицу, и из этого состояния мы затем можем совершать любые путешествия» [26, 211]. На колотушку распространялась общая идея образа бубна, как ездового животного шамана.

Одной из ярких шаманских особенностей было состояние транса во время камлания, благодаря которому шаман якобы путешествовал по другим мирам, встречался с духами и задавал им вопросы, обращался с просьбами. Шаманская техника заключалась в возможности перемещения по космическим сферам, в том числе и с помощью птиц-помощников. Приведём фрагмент призыва духов (*хэхэ таврамбада*) и рассказа о дороге ненецкого шамана по небесным сферам:

Жители небес, где вы? Жители семи небес, где вы?

Мы будем спрашивать вас!

Сын хозяина воды, помоги нам! Сын хозяина земли, помоги нам!

В этих делах, в этих думах нам помоги!

Небесная птица, приводящая духов, где ты?

Сегодня по небесным дорогам опять полетишь.

Небесная птица, мой огненный олень, олень пусть придёт!

Дай ему знать, чтобы он пришёл. Он бежит среди облаков.

Небесная птица, уточка моя, приведи оленя! [27, 213].

Птицей, переносящей шамана в Верхний мир, выступала у манси мифическая птица *Тов-лынг* – *Карс* ‘Крылатый Карс’. Представления о гигантской хищной птице, похожей на орла или грифа, встречаются также у селькупов и иртышских хантов [28, 73].

Рис. 2. Бронзовое вложение в фигуры духов-покровителей [28, цв. вкл.]

Изображение птицы с распростёртыми крыльями и личиной человека на груди – излюбленный сюжет культового литья Западной Сибири. Птица считалась предком шамана во многих культурах. Для общения с Торумом хантыйский шаман *ёлта-ку* ‘ворожит-человек’ также совершал «полёт» на птице *тогло-ваях* (орле). Особенностью хантыйских шаманов была возможность «улетать» на небо на оленьих нартах. В. М. Кулемзин сообщает, что «на Вахе имеется легенда о женщине-шаманке, у которой одна нога была оленья. Она улетела на небо со своими семью сыновьями» [29, 108]. «Птичья» родословная шамана делает правдоподобной одну из возможных этимологий тюркского *кам* ‘шаман’. Реконструируемая глагольная форма *ка:мла*, используемая для обозначения ритуального действия (ср. русск. «камлать») этимологически может быть сблизена с её возможным омонимом *камла* ‘двигаться, парить в воздухе’ [15, 119]. Не все шаманы обладали такой способностью, а только наиболее сильные. У тундровых ненцев к таковым относились шаманы категории *выду’тана*, которые могли общаться с духами верхнего мира. Другое их название – *нувнянги* – относящийся к небу или *хэхэ ма тэврамбада тадебя*, т. е. шаманы, призывающие священных духов *хэхэ*. Шаманы второй категории – *я’нянги тадебя* – к земле относящийся шаман – могли общаться с духами земли *нгылека* (от *нгыл* ‘нижний’), а шаманы третьей категории – *самбана* – общались с духами Нижнего мира [27, 164]. Шаман лесных ненцев во время своего путешествия-возвращения из подземного мира приносил кусочек шерсти, срезанный от туши добытого там дикого оленя и спрятанного в рот, что сулило, согласно сведениям Т. Лехтисало, «лесным юракам» «оленье счастье» [30, 215]. В любом случае такие путешествия проходили при достижении изменённого сознания шаманящим.

В религиозной практике угорских народов сохранились представления о связи шаманского культа с мухомором или напитком из него. На эту особенность обратили внимание путешественники и этнографы XIX в. Не случайно в хантыйских преданиях шаман назывался «мухомороедящим человеком». Место мухомора (*Amanita Muscaria* L. *Bolondgomba* – «гриб безумия») и снадобий из него в традиционной культуре коренных народов Севера, остаётся недостаточно исследованной. Отдельные сведения содержатся в работах К. Ф. Карьялайнена [31], Н. Л. Гондатти [32], А. А. Дунина-Горкавича [33] и др., но самостоятельной работы на данную тему пока нет. Применение *панх* ‘мухомора’ как одурманивающего средства – широко распространённый обычай угров. В песнях северных манси «одноногий, ребристый, семикратный *панх*» описывается как лакомство духов [34, 207]. В качестве опьяняющего средства мухомор использовали на Тромъегане, Васюгане, регулярным возбуждающим средством он являлся на Иртыше. В венгерских народных верованиях имеются свидетельства, связанные с применением мухомора для впадения шамана в транс. Достигался необходимый эффект за счёт содержащихся в грибах ингредиентов, вызывающих галлюцинации [35, 256–257]. Перед камланием ворожеи ели мухоморы или пили настой из них, приводя себя тем самым в состояние сильнейшего возбуждения. Считалось, что шаманы опьянялись мухоморами, чтобы общаться с богами, понимать язык духов, узнавать от них о сокровенном.

Психоделиками, способными вызывать галлюциногенный искусственный рай, являются псилоцин и псилоцибин, встречающиеся в грибах. При вполне традиционных дозах они вызывают ощущения «фаскрывтия ума и увеличения скорости мышления, способность понимать и

разрешать сложные вопросы поведения и структурирования жизни, а также выявлять скрытые связи между теми или иными звеньями в процессе принятия решения» [36, 64]. Главный синергетический эффект псилоцибина проявлялся в области речи: он возбуждает вокализацию и освобождает лингвистическую спонтанность, вызывая желание петь, веселиться. Про человека, который громко смеётся, жестикулирует, сургутские ханты скажут: «Почему смеёшься! Наверное, гриб съела?» (ПМА, стойбище «Кедровая речка», Сургутский район. 2006). Рассказывают, что перед вкусившим гриб «танцуют» по направлению к солнцу невидимые для других *панхи*, которые поют пророческую песню, дословно повторяемую шаманом. Возможно, отсюда ещё одно название мухомора – «запевала» [1, 197]. По поверьям сургутских хантов, грибы способны одурманить оставшихся домашних духов, которые, захмелев, начинают петь в углу заброшенного дома [37, 108]. Интересно отметить, что мухомор «проник» и в песенный фольклор в виде так называемых «мухоморных песен». Они исполнялись в особом состоянии от вкушения этого гриба. Внешним проявлением такого состояния было исступление, вызывающее желание петь «с утра до захода солнца». Перед человеком, опьянённым таким грибом, «танцуют» невидимые для других мухоморы. Они поют песню, которую «слово в слово повторяет одурманенный остяк», и «сообщают ворожею, что он хочет узнать» [34, 209].

Галлюциногенные свойства мухомора издавна известны многим финно-угорским и индоевропейским народам. В угорских языках хантыйское и мансийское слово *пангх*, *панх*, связанные по происхождению с индо-иранским бандж, бханга (бангха), означает «мухомор», настой из мухоморов. В мордовском и марийском языках *панга* означает просто «гриб». Известен мухомор и самодийским народам. Так, в языке лесных ненцев он получил самостоятельное название *ви́пий'* (все грибы называются *тупех'ко*, гриб-трутовик – *туты'ку*). Употребление мухомора было столь широко распространено, что его запасали в сушеном виде на зиму. Высушенные грибы хранили в берестяной коробочке, на крышке которой делали семь дырочек (ПМА, пос. Варьёган. 1998).

Кроме мухоморов непременным атрибутом, способствующим пространственным путешествиям шамана, выступал огонь. Ворожей тундровых ненцев при камлании окуривал собравшихся у костра людей дымом, образуемым от «специальных трав и сухих грибов, брошенных в огонь заранее» [38, 273–274], изображая прохождение через семь слоёв-препятствий подземного мира Нга. «Останавливаясь на каждом из них, – пишет И. Ю. Антонов, – шаман обращался к их хозяевам с просьбой пропустить его дальше. Иногда шаман приносил им жертву в виде крови, воды или водки» [23, 114]. Путешествие шамана в Верхний мир облачалось аналогично, с той лишь разницей, что его предваряло жертвоприношение верховному богу Нуму. Дорога в его царство также пролегла через семь слоёв-сфер – обителей сыновей Нума. В каждой из них шаман останавливался, гостил, просил пропустить дальше. Совершать путешествие в Верхний мир мог только шаман высшей категории – посвящённый.

Общей концепции проницаемости миров соответствовало представление обско-угорских народов о Мировом Дереве (*arbormundi*, «космическое» дерево). На множестве финских (лапландских) бубнов изображался проход между тремя космическими мирами [39, 41], который в архетипической структуре, связывающей триаду мирового пространства, выступал в качестве Мирового Дерева (реже – горы, радуги, лестницы). В фольклоре многих народов мира, в том числе сибирских, сохранились представления о вершине дерева жизни как месте пребывания (отдыха) солнца во время дневного путешествия по небу [40, 123]. На мансийских святилищах в качестве «дерева богов» использовалась маленькая срубленная елочка, на вершине которой оставались ветви, а на коре вырезалась фигурка духов. По мнению манси Торум прилетал к этому дереву, чтобы опуститься на вершину [19, 123–124]. Жерди или шесты, увенчанные изображением птицы – непременный атрибут угорских святилищ [41, 79–80]. К. Ф. Карьялайнен писал о том, что на Конде ритуальные деревянные столбы имеют подобие двускатной крыши, увенчанной грубо вырезанным изображением птицы. Обычай установки таких столбов исследователь сравнивает с алтайской традицией: там жерди, увенчанные фигуркой птицы – традиционная деталь оформления жертвенных мест и шаманских камланий.

Идею проницаемости, связи неба и земли, в известном смысле реализует метафорическое описание распускания лучей-волос богиней-жизнеподательницей *Калтац*. Напомним, что согласно мансийской священной песне по одной из кос золотой богини, спускающихся с небес до земли «поднимается живой соболев, по другой спускается бобр» [19, 176], тем самым распущенные волосы *Калтац* уподобляются Мировому дереву. Лучи-волосы здесь реализуют метафору связи неба

и земли, и в этом смысле они сродни космической вертикали. Косы богини, спускающиеся с небес до земли, могут быть сопоставлены с «железной цепью», на которой Нуми-Торум спускает на землю и поднимает наверх различных персонажей вогульского фольклора.

Важными энергетическими местами, своеобразными порталами связи с богами, служили так называемые «места силы» – святилища, культовые места. Большая советская энциклопедия 1976 г. понятие «святилище» определяет как «место совершения обрядов», «местопребывание божества» [42, 273]. Рабочему определению термина «священное место коренных народов» в большей степени подходит определение как место, где «человек общается со сверхъестественным миром посредством молитв и приношений», «это место обитания духов и божеств коренных народов («хозяев» и «хозяек», мест верховного божества, Создателя и др.) или духов предков, духов-покровителей шаманов, в силу чего на этих местах совершаются обряды «кормления» и жертвоприношения, в ходе которых люди общаются с этими духами, обращаются к ним с различными просьбами» [43, 26]. Здесь совершались духовные обряды, способствующие укреплению стабильности между человеком и природой, единению мира и сферы сознания. Святым местам присуща строгая организация сакрального пространства, определённые нормы и правила поведения, устойчивая традиция образования и появления данного священного места. К примеру, ямальские ненцы считали острова настолько священными территориями, «что женщинам нельзя было наступать на их землю без железной пластины в обуви» [44, 141]. Указанные выше характеристики позволяют определить священное место как субститут храма, принципиальным отличием которого от храма, характерного для других религий, является его эзотеричность, то есть избранность, предназначенность только для посвящённых.

Среди сакральных порталов Обь-Иртышья следует назвать святилище Сузгун II (58,2 гр. с. ш.), Чудскую Гору (57,1 гр. с. ш.), датируемые второй пол. II – началом I тыс. до н. э. [45, 211–213], священное оз. Нумто (63,3 гр. с.ш.). Географически все они находятся (с небольшими отклонениями) практически на одной широте. «Это, – отмечал О. С. Ткаченко, – узлы меридионально-широтной системы разломов, в которых происходит реальный энергоинформационный обмен земли и Космоса... Вкупе они определили на большом историческом промежутке социальную и духовную жизнь обитающих на нём племён» [46, 163–164].

Подводя итоги, следует заключить, что:

1. Изначально обитаемые миры Вселенной понимались как открытые для проникновения и контактов системы.
2. Свет, звук участвовали в процессе воссоздания Среднего мира, как точки отсчёта вертикальной оси Верх-Низ, создавая акустический пейзаж окружающего мира.
3. В акте так называемого первотворения главную роль в космогонических сюжетах отведена ныряющей птице. Птицы выступали главными курьерами между мирами. Птичью ипостась имели многие верховные божества обско-угорских и самодийских народов, что даёт основание предполагать наличие птичьей семьи, участвующей в сотворении Вселенной.
4. Традиционное сознание, выстраивая ось мироздания, не могла обойтись без создания бинарной оппозиции верх-низ. Целенаправленным действием по установлению симметрии являлось сотворение Нижнего мира как зеркального отражения мира Среднего, но с отрицательными характеристиками.
5. Орудием доустройства мира явился посох Нуми Торума, с помощью которого посредством удара верховный бог-творец проделал отверстие (дыра) в земле – канал возникновения Нижнего мира.
6. Созданные миры должны быть проницаемы, населены определёнными персонажами с закреплёнными за ними ролями, иначе весь акт творения не имел бы смысла. Медиатором, осуществляющим информационную связь между мирами и человеком, выступал шаман. Его атрибутами-помощниками выступали бубен, колотушка, мухомор, птица Карс и др.
7. Роль стабилизирующего канала связи между космическими мирами была возложена на Мировое Дерево (гора, радуга, шест, косы богини Калташ, космическая лестница и др.). Важным каналом связи выступали т. н. места силы – святилища, где совершались духовные обряды, способствующие единению мира и сферы сознания.

Отражаясь в ритуально-обрядовой практике, идея проницаемости миров связывала традиционный образ жизни с древнейшими космологическими пластами мифологии. Возможность проницаемости миров, наличие каналов связи и персонажей, способных прони-

кать в эти миры, отражает собственный способ видения мира, возвращает более целостное мироощущение человека, как части ноосферы.

Литература

1. Мифология хантов. Т. III. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2000. 310 с.
2. Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 606 с.
3. Головнёв А. В. «Свое» и «чужое» в представлении хантов // Обские угры (ханты и манси). Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 7. М.: ИЭА, 1991. С. 187–224.
4. Сподина В. И. представления о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев. Нижневартовск; Новосибирск : Изд. Центр «Агро»: Изд. Группа «Солярис». «ЦЭРИС», 2001. 124 с.
5. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь. СПб. : ООО «Миралл», 2006. 336 с.
6. Мифы, сказки, предания манси (вогулов). Новосибирск : Наука, 2005. 475 с.
7. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 568 с.
8. Евсюков В. В. Мифы о Вселенной. Новосибирск : Наука, 1988. 175 с.
9. Дёни Габор. Ещё раз об одном фольклорном сюжете // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут : Магеллан, 2007. С. 25–30.
10. Грибова Л. С. Пермский звериный стиль (Проблемы семантики). М. : Наука, 1975. 145 с.
11. Молданова Т. А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 261 с.
12. Иванов С. А. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX–XX вв. Тр. Института этнографии. Т. XXII. М.; Л. : Изд-во академии наук СССР, 1954. 834 с.
13. Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ, Н.С. Т. 51. М., 1959. С. 114–156.
14. Чернецов В. Н. Источники по этнографии Западной Сибири / ред. Г. Е. Марков; ред. М. Ф. Косарев, Н. В. Лукина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
15. Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1991. 155 с.
16. Муравьёва Т. А. Кто есть кто в мировой религии. М. : Вече, 2011. 576 с.
17. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала : автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М., 1970.
18. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX в. Томск : ТГУ. 226 с.
19. Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra – Völker. – Porvoo, 1922. – Bd. 2.
20. Kannisto A., Liimola M. Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. Helsinki, 1958. 443 s.
21. Кернер В. Ф. Удар и его значение в мировоззрении народов Севера // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности ... С. 31–42.
22. Топоров В. Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира. Т. 2. М. : Сов. Энциклопедия, 1988. С. 6–9.
23. Антонов И. Ю. Социальные нормы народов Крайнего Севера. М. : Закон и право, 2008. 351 с.
24. Пушкарёва Е. Т. Путешествие шамана в ненецком эпосе // Материалы международного интердисциплинарного научно-практического конгресса. Сакральное глазами «профанов» и «посвящённых». М., 2004. С. 139–141.
25. Пушкарёва Е. Т. Картина мира в фольклоре ненцев: системно-феноменологический анализ. Екатеринбург : Баско. 248 с.
26. Майков В. В. Шаманская терапия с трансперсональной точки зрения // Материалы международного интердисциплинарного научно-практического конгресса. Сакральное глазами «профанов» и «посвящённых». М., 2004. С. 208–218.
27. Хомич Л. В. Шаманы у ненцев // Сборник ранних научных статей. Салехард, 2008. С. 155–189.
28. Мифология манси. Т. II. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. 196 с.
29. Кулемзин В. М. Характеристика лиц различных категорий, выполнявших религиозные функции в обществе васюганско-ваховских хантов // Из истории шаманства. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1976. С. 3–154.

30. Зенько-Немчинова М. А. Сибирские лесные ненцы: Историко-этнографические очерки. Екатеринбург : Баско, 2006. 272 с.
31. Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М. 1888.
32. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. 1. Тобольск. 1995 (репринтное издание СПб., 1904).
33. Карьялайнен К. Ф. Религия Югорских народов. Т. 2. Перевод с немецкого и публикация д. ист. н. Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. Ун-та, 1995. 282 с.
34. Карьялайнен К. Ф. Религия Югорских народов. Т. 3. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1996. 263 с.
35. Хоппал М. Следы шаманизма в венгерских народных верованиях // Шаманизм и ранние религиозные представления. М., 1995. С. 255–265.
36. Маккена Т. Пища богов. Поиск первоначального Древа познания. М., 1995. 162 с.
37. Csepregi Márta. Szurguti hanti folklore szövegek. Budapest, 2011. 143 P.
38. Лар Л. А., Вануйто В. Ю. Возрождение шаманизма и иных сакральных практик к ненцев // Сакральное глазами «профанов» и «посвящённых». М., 2004. С. 271–274.
39. Пентикайнен Ю. Жизненный цикл и годичный ритм природы в финском фольклоре // Традиционная духовная культуры народов европейского Севера: ритуал и символ. Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 1990. С. 39–54.
40. Чернецов В. Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Новая серия. Том 1. М., 1947. С. 113–134.
41. Гемуев Н. И. Святилище Халев-ойки // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 78–91.
42. Большая советская энциклопедия. Т. 23. М., 1976. 635 с.
43. Тодышев М., Хамидулина Л. Рабочее определение священного места в контексте проекта // Значение охраны священных мест Арктики: исследование коренных народов Севера России. М. : АКМНСС и ДВ РФ, 2007. С. 25–26.
44. Харючи Г. П. Культовые места – священные ландшафты в традиционном мировоззрении ненцев // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М. : Издательский дом «Стратегия», 2003. С. 140–149.
45. Потёмкина Т. М. Древние святилища как источник исследования мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья) // Миф, предмет и ритуал ... С. 197–223.
46. Ткаченко О. С. Алтай как один из сакральных центров // Сакральное глазами «профанов» и «посвящённых»... С. 161–171.

References

1. Mifologija hantov. Т. III. Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta, 2000. 310 s.
2. Golovnjov A. V. Govorjanie kul'tury: tradicii samodijcev i ugrov. Ekaterinburg : UrO RAN, 1995. 606 s.
3. Golovnjov A. V. "Svojo" i "chuzhoe" v predstavlenii hantov // Obskie ugry (hanty i mansi). Materialy k serii "Narody i kul'tury". Vyp. 7. M. : IJeA, 1991. S. 187–224.
4. Spodina V. I. predstavlenija o prostranstve v tradicionnom mirovozzrenii lesnyh nencev. Nizhnevar-tovsk: Novosibirsk: Izd. Centr "Agro". Izd. Gruppy "Soljaris". "CJeRIS", 2001. 124 s.
5. Solovar V. N. Hantyjsko-russkij slovar'. SPb. : OOO "Mirall", 2006. 336 s.
6. Mify, skazki, predanija mansi (vogulov). Novosibirsk : Nauka, 2005. 475 s.
7. Mify, predanija, skazki hantov i mansi. M.: Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1990. 568 s.
8. Evsjukov V. V. Mify o Vselennoj. Novosibirsk: Nauka, 1988. 175 s.
9. D'joni Gabor. Ewjo raz ob odnom fol'klornom szuzhete // Mif, obrjad i ritual'nyj predmet v drevnosti. Ekaterinburg – Surgut: izd-vo "Magellan", 2007. S. 25–30.
10. Gribova L. S. Permskij zverinyj stil' (Problemy semantiki). M. : Nauka, 1975. 145 s.
11. Moldanova T. A. Ornament hantov Kazym'skogo Priob'ja: semantika, mifologija, genezis. Tomsk: Izd-vo tom. un-ta, 1999. 261 s.
12. Ivanov S. A. Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX–XX vv. Tr. Instituta jetnografii. T. XXII. M.; L.: Izd-vo akademii nauk SSSR, 1954. 834 s.
13. Chernecov V. N. Predstavlenija o dushe u obskih ugrov // TIJe, N.S.T. 51. M., 1959. S. 114–156.
14. Chernecov V. N. Istochniki po jetnografii Zapadnoj Sibiri/red. G. E. Markov; rec. M. F. Kosarev, N. V. Lukina. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1987. 284 s.

15. Sagalaev A. M. Uralo-altajskaja mifologija. Simvol i arhetip. Novosibirsk : Nauka. Sib. otd-nie, 1991. 155 s.
16. Murav'jova T. A. Kto est' kto v mirovoj religii. M. : Veche, 2011. 576 s.
17. Chernecov V. N. Naskal'nye izobrazhenija Urala : avtoref. dis. ... d-ra istor. nauk. M., 1970.
18. Kulemzin V. M., Lukina N. V. Vasjugansko-vahovskie hanty v konce XIX – nachale XX v Tomsk : TGU. 226 s.
19. Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra – Völker. – Porvoo, 1922. – Bd. 2.
20. Kannisto A., Liimola M. Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. Helsinki, 1958. 443 s.
21. Kerner V. F. Udar i ego znachenie v mirovozzrenii narodov Severa // Mif, obrjad i ritual'nyj predmet v drevnosti ... S. 31–42.
22. Toporov V. N. Kosmogonicheskie mify // Mify narodov mira. T. 2. M. : Sov. Jenciklopedija, 1988. S. 6–9.
23. Antonov I. Ju. Social'nye normy narodov Krajnego Severa. M. : Zakon i pravo, 2008. 351 s.
24. Pushkarjova E. T. Puteshestvie shamana v neneckom jeposa // Materialy mezhdunarodnogo interdisciplinarnogo nauchno-prakticheskogo kongressa. Sakral'noe glazami “profanov” i “posvjawjonnyh”. M., 2004. S. 139–141.
25. Pushkarjova E. T. Kartina mira v fol'klore nencev: sistemno-fenomenologicheskij analiz. Ekaterinburg : Basko. 248 s.
26. Majkov V. V. Shamanskaja terapija s transpersonal'noj točki zrenija // Materialy mezhdunarodnogo interdisciplinarnogo nauchno-prakticheskogo kongressa. Sakral'noe glazami “profanov” i “posvjawjonnyh”. M., 2004. S. 208–218.
27. Homich L. V. Shamany u nencev // Sbornik rannih nauchnyh statej. Salehard, 2008. S. 155–189.
28. Mifologija mansi. T. II. Novosibirsk: Izd-vo Instituta arheologii i jetnografii SO RAN, 2001. 196 s.
29. Kulemzin V. M. Harakteristika lic razlichnyh kategorij, vypolnjavshih religioznye funkcii v obwestve vasjugansko-vahovskih hantov // Iz istorii shamanstva. Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta, 1976. S. 3–154.
30. Zen'ko-Nemchinova M. A. Sibirskie lesnye nency: Istoriko-jetnograficheskie ocherki. Ekaterinburg : Basko, 2006. 272 s.
31. Gondatti N. L. Sledy jazychestva u inorodcev Severo-Zapadnoj Sibiri. M. 1888.
32. Dunin-Gorkavich A. A. Tobol'skij Sever. T. 1. Tobol'sk. 1995 (reprintnoe izdanie SPb., 1904).
33. Kar'jalajnen K. F. Religija Jugorskih narodov. T. 2. Perevod s nemeckogo i publikacija d. ist. n. N. V. Lukinoj. Tomsk : Izd-vo Tom. Un-ta, 1995. 282 s.
34. Kar'jalajnen K. F. Religija Jugorskih narodov. T. 3. Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta, 1996. 263 s.
35. Hoppal M. Sledy shamanizma v vengerskih narodnyh verovanijah // Shamanizm i rannie religioznye predstavlenija. M., 1995. – S. 255–265.
36. Makkena T. Piwa bogov. Poisk pervonachal'nogo Dreva poznaniya. M., 1995. 162 s.
37. Csepregi Márta. Szurguti hanti folklora szövegek. Budapest, 2011. 143 P.
38. Lar L. A., Vanujto V. Ju. Vozrozhdenie shamanizma i inyh sakral'nyh praktik k nencev // Sakral'noe glazami “profanov” i “posvjawjonnyh”. M., 2004. S. 271–274.
39. Pentikajnen Ju. Zhiznennyj cikl i godichnyj ritm prirody v finskom fol'klore // Tradicionnaja duhovnaja kul'tury narodov evropejskogo Severa: ritual i simvol. Syktyvkar : Syktyvgarskij gos. un-t, 1990. C. 39–54.
40. Chernecov V. N. K voprosu o proniknovenii vostochnogo serebra v Priob'e // TIJe. Novaja serija. Tom. 1. M., 1947. S. 113–134.
41. Gemuev N. I. Svjatilewe Halev-ojki // Mirovozzrenie finno-ugorskih narodov. Novosibirsk : Nauka. Sib. otd-nie, 1990. S. 78–91.
42. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. T. 23. M., 1976. 635 s.
43. Todyshev M., Hamidulina L. Rabochee opredelenie svjawennogo mesta v kontekste proekta // Znachenie ohrany svjawennyh mest Arktiki: issledovanie korennyh narodov Severa Rossii. M.: AKMNSS i DV RF, 2007. C. 25–26.
44. Harjuchi G. P. Kul'tovyje mesta – svjawennye landshafty v tradicionnom mirovozzrenii nencev // Olen' vseгда prav. Issledovanija po juridicheskoi antropologii. M. : Izdatel'skij dom “Strategija”, 2003. C. 140–149.
45. Potjomkina T. M. Drevnie svjatilewa kak istochnik issledovanija mirovozzrencheskikh tradicij (po materialam Ob'-Irtysh'ja) // Mif, predmet i ritual ... S. 197–223.
46. Tkachenko O. S. Altaj kak odin iz sakral'nyh centrov // Sakral'noe glazami “profanov” i “posvjawjonnyh”... S. 161–171.

ИСТОРИЯ НАУКИ

**Корчина Т. Я., Кушникова Г. И., Корчина И. В., Сорокун И. В.,
Козлова Л. А., Кузьменко А. П., Ямбарцев В. А.**

Ханты-Мансийская государственная медицинская академия, Ханты-Мансийск

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут

Роль антиоксидантов в функциональном питании

The role of antioxidants in functional nutrition

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы влияния питания на здоровье человека.

Summary. In the article the questions influence nutrition on human health has been presented.

Ключевые слова: здоровье, питание, продукты функционального питания, антиоксиданты.

Keywords: health, nutrition, product of functional nutrition, antioxidants.

Здоровье – это такое состояние человека, которое позволяет ему в конкретных условиях чувствовать себя с физической, психической, социальной и нравственной точек зрения наиболее комфортно. Человек, у которого нет никаких болезненных ощущений, когда его органы и ткани работают, выполняя свои функции независимо от его сознания, может считать себя вполне здоровым [1, 3].

Эксперты Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) считают, что состояние здоровья определяют:

индивидуальный образ жизни – на 50% (в том числе питание на 80%);

наследственность – на 20%;

условия внешней среды – на 20%;

работа медиков – всего на 10% [2, 14].

Анализ состояния здоровья населения, проводимый в последние несколько десятилетий ведущими специалистами в области здравоохранения, убедительно свидетельствует о неуклонном росте числа лиц, страдающих или склонных к различным заболеваниям, прежде всего к таким, которые получили название «болезни цивилизации». К ним следует отнести так называемые оппортунистические инфекции, поражающие новорожденных больных, находящихся в стационаре, болезни сердца и сосудов, рак, мочекаменная и желчнокаменная болезни, бронхиальная астма и другие аллергические заболевания, гепатиты различного происхождения, ожирение, подагра, остеохондроз и другие поражения суставов, остеопороз, диабет и др. По данным ВОЗ многие из этих болезней, ведущих к смерти, временной потере трудоспособности или инвалидности в самом трудоспособном возрасте, к сожалению, имеют неуклонную тенденцию к росту.

Научные подходы к пониманию причин возникновения заболеваний в последние 50–75 лет объединяет то, что первичную или даже исключительную роль в этиопатогенезе так называемых «соматических» заболеваний стали придавать изменениям в функциях и биохимических реакциях организма человека. Это явилось определяющим моментом для разработки подавляющего большинства современных лекарственных препаратов. Благодаря производству подобных фармацевтических средств, высокому уровню медицинского обслуживания и ранней диагностики высокоразвитым странам удается сдерживать дальнейший рост заболеваемости и смертности населения. К сожалению, данный подход к вопросу сохранения и поддержания здоровья нации экономически неприемлем для большинства стран мира. Кроме того, дальнейшее развитие фармацевтической промышленности на основе доминирующей в настоящее время концепции здоровья и причин заболеваемости само по себе способствует загрязнению окружающей среды, возникновению новых и росту числа известных болезней. Наконец, традиционные подходы последних десятилетий к этиопатогенезу многих распространенных заболеваний человека больше не дают новых конструктивных идей и предложений к разработке высокоэффективных средств и приемов профилактики и лечения атеро-

склероза, гипертонии, новообразований, аллергий и других патологических состояний и синдромов, число случаев которых медленно, но неуклонно возрастает [3, 9–10].

Здоровье и долголетие – один из самых важных вопросов для людей напрямую связан с вопросом: едим ли мы действительно полезные продукты? [4, 2].

Питание является одним из важнейших факторов, опосредствующих связь человека с внешней средой и определяющих состояние здоровья населения [5, 219]. Во все времена проблема пищи была одной из самых важных, стоящих перед человеческим обществом. Питанию, как необходимой жизненно важной потребности придавали большое значение жрецы и философы древних цивилизаций. Об этом свидетельствуют данные из мифологии и различные манускрипты. Действительно, анализируя культурные традиции, религиозные предписания и законы, связанные с гигиеной питания наших древних предшественников, живших в Месопотамии, Египте, Китае и других странах Древнего и Среднего Востока, Древней Греции и Римской Империи, можно обнаружить свидетельства того, что еще несколько тысяч лет назад понимали, что здоровье человека в наибольшей степени определяется характером и полноценностью питания, степенью выраженности и адекватностью физической активности, гармонией духа и социальной удовлетворенностью.

Выдающийся русский физиолог И. П. Павлов при вручении ему в 1904 году Нобелевской премии писал: «Над всеми явлениями человеческой жизни господствует забота о хлебе насущном. Она представляет собой ту древнейшую связь, соединяет все живые существа, в том числе и человека, со всей остальной окружающей их природой. Кусок хлеба насущного является, был и будет одной из самых важных проблем жизни, источником страданий, иногда – удовлетворения, в руках врача – могучим средством лечения, в руках людей несведущих – причиной заболеваний». Это выражение И. П. Павлова как нельзя лучше свидетельствует, что пища имеет приоритет над всеми остальными факторами, определяющими здоровье и полноценность жизни человека [3, 12]. О роли питания в жизни современного человека известный португальский диетолог Э. Переш (1991) пишет так: «Именно питание делает нас маленькими или большими, глупыми или умными, слабыми или сильными, апатичными или энергичными, необщительными или способными к здоровому общению...». Основа здоровья и долголетия человека – разнообразное, умеренное и сбалансированное питание, обеспечивающее организм необходимыми веществами [6, 5].

Имеются доказательные научные подтверждения связи неправильного питания с ожирением, атеросклерозом, гипертонической болезнью, сахарным диабетом, снижением иммунитета, злокачественными новообразованиями. Лауреат Международной премии в области онкологии А. Жуайо в книге «Питание и рак» пишет о том, что неправильное питание ведет к ожирению и раку: «... 50% всех раковых заболеваний, имеющих сегодня, и тех, что появятся после 2000 года, – следствие неправильного питания».

Подсчитано, что на протяжении своей жизни человек съедает около 60 тонн различных продуктов питания. При этом полагают, что в настоящее время на мировом продовольственном рынке циркулирует более 100 000 различных продуктов питания. Вне всякого сомнения, пища в состоянии здоровья человека вносит вклад во много раз превышающий таковой всех используемых им лекарственных препаратов.

Психологически ученые в области питания, медицинские работники и население в развитых странах все больше приходят к пониманию необходимости замены концепции рационального питания на концепцию оптимального здорового питания.

Согласно современным представлениям рациональное питание должно обеспечивать человеку равновесие между поступающей и расходуемой энергией (баланс энергии), удовлетворение потребности организма в необходимом количестве органических и неорганических соединений (баланс пластического материала), соблюдение режима питания [7, 4, 8, 3; 6, 4]. Таким образом, пищевые продукты представляют собой энергетический и биосинтетический материал животного и растительного происхождения, используемый в натуральном или переработанном виде в качестве источника энергии, пластических и вкусоароматических компонентов, необходимый для роста, развития и функционирования органов и тканей человека.

Многочисленные исследования и наблюдения убедительно показали, что продукты питания обладают не только питательной ценностью, но и регулируют многочисленные функции и биохимические реакции организма. В связи с этим в публикациях последнего времени стали обсуждаться вопросы не только рационального, но и так называемого оптимального (здорового) питания.

Под здоровым питанием предлагается понимать употребление в пищу таких пищевых субстанций, которые в максимальной степени удовлетворяют потребности человека в энергетических, пластических и регуляторных соединениях, что позволяет поддерживать здоровье и предотвращает возможность возникновения каких-либо острых и хронических заболеваний.

Идет движение от идеи удовлетворения голода и пищевой безопасности к рассмотрению пищи, как важнейшему фактору сохранения и улучшения здоровья и снижению риска возникновения заболеваний. В последние годы во многих странах мира рядовые покупатели пищевых продуктов все больше обеспокоены не столько тем, содержит ли пища достаточно калорий и пластических субстратов и удовлетворяет ли она вкусоароматические запросы, сколько оказывает ли выбранная ими пища здоровый эффект на организм. Если учесть, что 45-55% госпитализированных больных даже в развитых странах страдают от недостаточного питания, что 80% госпитализированных больных имеют нехватку антиоксидантов, то становится понятным, насколько оправданным было утверждение основоположника научной медицины Гиппократ, что пища является лучшим лекарством для человека [3, 20].

С появлением на Земле кислорода и возникновением живых организмов, использующих в своей жизнедеятельности этот активный химический элемент, возникла и совершенствовалась еще одна базовая регуляторная система, которая получила название «оксидантно/антиоксидантная система гомеостаза». Кислород является самым распространенным на Земле химическим элементом. Без кислорода невозможны окислительно-восстановительные процессы жизнедеятельности никаких живых аэробных организмов. Поступающий в организм кислород, прежде всего, используется для окисления углеводов, жиров и белков, в результате чего происходит образование энергии и различных углерод – и азотсодержащих соединений, выполняющих энергетические, пластические и регуляторные функции, а также выделяется углекислый газ и вода.

С другой стороны, хорошо известно, что многие факторы (радиация, ультрафиолетовое облучение, некоторые химические соединения антропогенного происхождения, низкая температура, другие факторы воздействия, приводящие к эндогенному образованию активных метаболитов кислорода и интенсификации процессов перекисного окисления липидов) могут приводить к так называемому окислительному стрессу. В настоящий момент в связи с ухудшением качества жизни окислительный стресс усиливают такие факторы как сигаретный дым, медицинские лекарства, загрязненный воздух, вода, низкокачественная пища. Окисление является цепным процессом, протекающим с большой скоростью и по радикальному механизму [9, 56; 10, 238].

Главными активными формами кислорода, способными оказывать повреждающее действие на мембраны, нуклеиновые кислоты и другие жизненно важные структуры, являются супероксидные радикалы (O_2^-), перекись водорода (H_2O_2), гидроксильные (свободные) радикалы ($^{\bullet}OH$, HO_2^{\bullet}), синглетные формы кислорода (1O_2), ионы HO_2^- . Окислению легко подвергаются как пищевые системы, так и организм человека. Во втором случае результатом окисления является нарушение клеточной структуры человеческого организма и появление таких заболеваний как рак, атеросклероз, кардионедостаточность и др. Эффективными ингибиторами окислительного стресса являются антиоксиданты [11, 195].

Дисбаланс в механизмах антиоксидантной защиты (количестве и активности ферментных антиоксидантов – супероксиддисмутазы, каталазы, пероксидазы, глутатиона, неферментных оксидантов – витаминов-антиоксидантов (А, Е, С), β -каротина, индоловых соединений, ликопена, кверцетина, коэнзима Q10, карнитина и т. д.) в настоящее время рассматривается как важнейшая причина возникновения многих «болезней цивилизации».

До начала 90-х годов XX века самыми известными антиоксидантами были синтетические. Начиная с 90-х годов в нашей стране и за рубежом проводятся широкие исследования по определению антиоксидантных свойств овощей, фруктов, соков, ягод, чая, экстрактов растительных трав, красных вин, кофе, какао, меда и т.д. [12, 187; 13, 513; 14, 300; 15, 734; 16, 96; 16, 671].

У пищевой индустрии появилась уникальная возможность улучшить здоровье населения за счет организации производства и вывода на рынок новой категории пищевых продуктов – продуктов функционального питания, обладающих не только питательной в традиционном смысле этого слова активностью, но и способностью улучшать физическое и психическое здоровье и/или снижать риск возникновения заболеваний. Важно подчеркнуть, что продукты питания лишь в том случае могут быть отнесены к функциональным, если имеется возможность продемонстрировать их позитивный эффект на ту или иную ключевую функцию (функции) макроорганизма (помимо традиционных питательных эффектов) и получить веские объективные доказательства, подтверждающие эти взаимоотношения. Результирующим следствием воздействия на организм человека продуктов питания, классифицируемых как функциональное питание, должно быть улучшение здоровья и снижение риска возникновения заболеваний. Улучшение физического и психического здоровья так же, как и предотвращение или уменьшение частоты возникновения заболеваний, наряду с демонстрацией их полной безопасности при длительном применении в традиционных количествах, являются главными критериями, позволяющими относить существующие или создаваемые вновь продукты к категории продуктов функционального питания. При этом представители этой новой группы продуктов должны оказывать свое благоприятное воздействие на организм при их употреблении в количествах, сопоставимых с таковыми традиционных продуктов питания [3, 79].

В последнее время актуальны разработки разнообразных (мясных, молочных, хлебобулочных и т. п.) продуктов питания функционального назначения, спрос на которые постоянно. Кроме того, в рамках реализации «Концепции государственной политики в области здорового питания» приоритетным направлением в технологии пищевой промышленности в настоящее время является создание профилактических продуктов питания нового поколения, которые наряду с пробиотиками (БАД) предназначены как для здорового, так и для больного человека [18, 51].

Постепенное, но все более уверенное движение современного человека к увеличению использования для поддержания своего здоровья пробиотиков и продуктов функционального питания, к изменению концепции отношения к пище обусловлено рядом объективных причин. Прежде всего, тенденция широкого использования продуктов здорового питания вместо лекарственных препаратов обусловлено увеличением стоимости лечения заболеваний традиционными фармацевтическими средствами, а также большими экономическими потерями, связанными с утратой трудоспособности, больничным листами и т. д. С каждым годом увеличивается число лиц пожилого возраста, что требует огромных финансовых затрат для поддержания их здоровья как со стороны государства, страховых компаний, так и личных средств. Желание людей улучшить качество своей жизни, продлить максимально свою жизнь вынуждает их заботиться о своем здоровье и внедрять в свой пищевой рацион здоровое питание. Причины, изложенные выше, экономически вынуждают современного человека изменить свои взгляды на пищу [1, 15].

Жить по избранной каждым человеком диете – это направление профилактической медицины и пищевой биотехнологии, которое в XXI веке создает реальные предпосылки увеличения средней продолжительности жизни, длительного сохранения физического и духовного здоровья, активной жизни у пожилых и рождения здорового поколения. Пробиотики и продукты функционального питания все активнее занимают предназначенное им достойное место в арсенале средств сохранения здоровья, профилактической и восстановительной медицины.

Литература

1. Сергеев В. Н. Оптимизация питания – фундаментальный фактор сохранения здоровья и долголетия // Клиническая диетология. 2004. Т. 1, № 2. С. 3–16.
2. Оганов Р. Г. Здоровый образ жизни и здоровье населения России // Вестник РАМН. 2001. № 8. С. 14–17.
3. Доронин А. Ф., Шендеров Б. А. Функциональное питание. М. : ГРАНТЪ, 2002. 294 с.
4. Боев В. М., Лесцова Н. А. Осторожно, вода! Оренбург : Газпромпечатъ, 2010. – 28 с.
5. Марченкова И. А. Рациональное сбалансированное питание – путь к здоровью учащейся молодежи // Приоритеты и научное обеспечение реализации государственной политики здорового питания в России : мат. II Межд. науч.-практ. конф. Орел, 2010. С. 218–224.
6. Тутельян В. А. О нормах физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации // Вопросы питания. 2009. Т. 78, № 1. С. 4–15.
7. Методические рекомендации МР 2.3.1.1915-04. Рекомендуемые уровни потребления пищевых и биологически активных веществ. М. : Госсанэпиднорм. РФ, 2004. 36 с.
8. Тутельян В. А., Батулин А. К., Васильев А. В. и др. Рекомендуемые уровни потребления пищевых и биологически активных веществ. Оренбург : РИК ГОУ ОГУ, 2004. 35 с.
9. Шабров А. В., Дадали В. А., Макаров В. Г. Биохимические основы действия микрокомпонентов пищи. М. : Аввалон, 2003. 184 с.
10. Roginsky V., Lissi E. A. Review of methods to determine chain-breaking antioxidant activity in food // Food Chemistry. 2005. Vol. 92, № 2. P. 235–254.
11. Balasundram N., Sundram K., Samman S. Phenolic compounds in plants and agri-industrial by products: antioxidant activity, occurrence, and potential uses // Food Chemistry. 2006. Vol. 99, № 1. P. 191–203.
12. Бординова В. П., Макарова Н. В. Антиоксидантные свойства продуктов питания // Приоритеты и научное обеспечение реализации государственной политики здорового питания в России : мат. II Межд. науч.-практ. конф. Орел, 2010. С. 187–192.
13. Aljadi A. M., Singh R. P., Jayaprakasha G. K., Jena B. S. Evaluation of the phenolic contents and antioxidant capacities of two Malaysian floral honeys // Food Chem. 2004. Vol. 85, № 4. С. 513–518.
14. Loo A. Y., Jain K., Darah I. Antioxidant and radical scavenging activities of the pyroligneous acid from a mangrove plant, *Rhizophora apiculata* // Food Chemistry. 2007. Vol. 104, № 1. P. 300–307.
15. Michalska A., Ceglinska A., Amarowicz R. et al. Antioxidant contents and antioxidative properties of traditional rye breads // J. Arg. and Food Chem. 2007. Vol. 55, № 3. P. 734–740.
16. Ramalakshmi K., Kubra I. R., Rao J. M. Antioxidant potential of low-grade coffee beans // Food Research International. 2008. Vol. 41, № 1. P. 96–103.
17. Zielinski H., Michalska A., Ceglinska A. et. Al. Antioxidant properties and sensory quality of traditional rye bread as affected by the incorporation of flour with different extraction rates in the formulation // Eur. Food Res. and Technol. 2008. Vol. 226, № 4. P. 671–680.
18. Спиричев В. Б. Биологически активные добавки как дополнительный источник витаминов в питании здорового и больного человека // Вопросы питания. 2006. Т. 75, № 3. С. 50–58.

References

1. Sergeev V. N. Optimizacija pitaniya – fundamental'nyj faktor sohraneniya zdorov'ja i dolgoletija // Klinicheskaja dietologija. 2004. T. 1, № 2. S. 3–16.
2. Oganov R. G. Zdorovyj obraz zhizni i zdorov'e naselenija Rossii // Vestnik RAMN. 2001. № 8. S. 14–17.
3. Doronin A. F., Shenderov B. A. Funkcional'noe pitanie. M. : GRANT, 2002. 294 s.
4. Boev V. M., Lescova N. A. Ostorozhno, voda! – Orenburg : Gazprompechat', 2010. – 28 s.
5. Marchenkova I. A. Racional'noe sbalansirovannoe pitanie – put' k zdorov'ju uchawejsja molodezhi // Prioritety i nauchnoe obespechenie realizacii gosudarstvennoj politiki zdorovogo pitaniya v Rossii : mat. II Mezhd. nauch.-prakt. konf. Orel, 2010. S. 218–224.
6. Tutel'jan V. A. O normah fiziologicheskikh potrebnostej v jenergii i piwevyh vewestvah dlja razlichnyh grupp naselenija Rossijskoj Federacii // Voprosy pitaniya. 2009. T. 78, № 1. S. 4–15.
7. Metodicheskie rekomendacii MR 2.3.1.1915-04. Rekomenduemye urovni potrebleniya piwevyh i biologicheski aktivnyh vewestv. M. : Gossanjepidnorm. RF, 2004. 36 s.

8. Tutel'jan V. A., Baturin A. K., Vasil'ev A. V. i dr. Rekomenduemye urovni potreblenija piwevyh i biologicheski aktivnyh vewestv. Orenburg : RIK GOU OGU, 2004. 35 s.
9. Shabrov A. V., Dadali V. A., Makarov V. G. Biohimicheskie osnovy dejstvija mikrokomponentov piwi. M.: Avvalon, 2003. 184 s.
10. Roginsky V., Lissi E. A. Review of methods to determine chain-breaking antioxidant activity in food // Food Chemistry. 2005. Vol. 92, № 2. P. 235–254.
11. Balasundram N., Sundram K., Samman S. Phenolic compounds in plants and agri-industrial by products: antioxidant activity, occurrence, and potential uses // Food Chemistry. 2006. Vol. 99, № 1. P. 191–203.
12. Bordinova V. P., Makarova N. V. Antioksidantnye svojstva produktov pitaniya // Prioritety i nauchnoe obespechenie realizacii gosudarstvennoj politiki zdorovogo pitaniya v Rossii : mat. II Mezhd. nauch.-prakt. konf. Orel, 2010. S. 187–192.
13. Aljadi A. M., Singh R. P., Jayaprakasha G. K., Jena B. S. Evaluation of the phenolic contents and antioxidant capacities of two Malaysian floral honeys // Food Chem. 2004. Vol. 85, № 4. C. 513–518.
14. Loo A. Y., Jain K., Darah I. Antioxidant and radical scavenging activities of the pyroligneous acid from a mangrove plant, *Rhizophora apiculata* // Food Chemistry. 2007. Vol. 104, № 1. P. 300–307.
15. Michalska A., Ceglinska A., Amarowicz R. et al. Antioxidant contents and antioxidative properties of traditional rye breads // J. Arg. and Food Chem. 2007. Vol. 55, № 3. P. 734–740.
16. Ramalakshmi K., Kubra I. R., Rao J. M. Antioxidant potential of low-grade coffee beans // Food Research International. 2008. Vol. 41, № 1. P. 96–103.
17. Zielinski H., Michalska A., Ceglinska A. et. Al. Antioxidant properties and sensory quality of traditional rye bread as affected by the incorporation of flour with different extraction rates in the formulation // Eur. Food Res. and Technol. 2008. Vol. 226, № 4. P. 671–680.
18. Spirichev V. B. Biologicheski aktivnye dobavki kak dopolnitel'nyj istochnik vitaminov v pitanii zdorovogo i bol'nogo cheloveka // Voprosy pitaniya. 2006. T. 75, № 3. S. 50–58.

Попова М. А., Вологжанина Н. А.

*Сургутский государственный университет, Сургут
Клиническая городская поликлиника № 1, Сургут*

**Суточный профиль артериального давления
у юношей призывного возраста в ХМАО – Югре**

24-hour rhythm of blood pressure in men of call-up age in Ugra

УДК 616.12-008.331;355.211.1

Аннотация. Изучены типы суточного профиля артериального давления у юношей призывного возраста, проживающих в Югре, в регионе высоких широт. Десинхронизация суточных ритмов наиболее выражена в группах юношей, проживающих в условиях высоких широт более 10 лет. В этих группах более выражена тенденция к парадоксальному повышению ночного артериального давления. Из общего числа обследованных юношей преобладают лица с нормальным уровнем артериального давления (удельный вес – 45%). У каждого десятого юноши зарегистрировано высокое нормальное артериальное давление, а у каждого девятого была диагностирована артериальная гипертензия, причем статистически достоверно чаще – в контрольной группе.

Summary. 24-hour rhythm types of blood pressure of call-up age men, residents of Ugra, a region of high latitudes, were examined in the paper. Desynchronization of 24-hour rhythm were mostly observed in groups of young men being residents of UGRA for more than 10 years. The tendency of paradoxical night blood pressure increase is observed in these groups. The level of average daily blood pressure was assessed. The number of persons with normal level of blood pressure prevails (45%). In each tenth case high normal blood pressure was recorded, in each ninth case arterial hypertension was diagnosed being statistically more reliable in the control group.

Ключевые слова: юноши призывного возраста, проживающие в Югре; суточное мониторирование артериального давления; суточный профиль артериального давления; десинхронизация суточных ритмов;

Keywords: men of call-up age, residents of Ugra; region of high latitudes; 24-hour rhythm of blood pressure; desynchronization of 24-hour rhythm;

Югра – это регион высоких широт, он относится к экстремальным и дискомфортным территориям, где проживание людей связано с чрезмерным напряжением адаптационных систем организма человека и выраженным риском для его здоровья [1]. Различные медико-биологические исследования, проведенные в условиях Приполярья и Севера, показали, что многие заболевания (сердечно-сосудистой, нервной, эндокринной систем и др.) возникают в более раннем возрасте и протекают тяжелее, чем в средних широтах [2].

Климатогеографические особенности региона высоких широт, а именно: преобладание низкой температуры воздуха, повышенная влажность, значительные перепады атмосферного давления, резкая сезонная фотопериодичность, неустойчивость электромагнитных полей, особенности химического состава почвы, воды, воздуха, обуславливают повышенную нагрузку на организм человека в целом [3]. И прежде всего, эти особенности вызывают интенсивную работу сердечнососудистой системы, что, несомненно, влияет на суточный профиль артериального давления [4]. Дальнейшее воздействие неблагоприятных климатических условий ведет к раннему развитию артериальной гипертензии, ишемической болезни сердца, цереброваскулярных заболеваний.

Цель работы – изучить типы суточного профиля артериального давления у юношей призывного возраста, проживающих в условиях высоких широт.

Материалы и методы

Обследовано 180 юношей в возрасте 17-23 лет, проживающих в условиях высоких широт. В зависимости от длительности проживания в условиях высоких широт все юноши были распределены на 4 группы. Контрольная группа представлена юношами, проживающими в условиях высоких широт не более 10 лет ($n=27$); 1-ю группу ($n=30$) составили юноши, проживающие «в условиях высоких широт 11-15 лет; 2-я группа включала юношей, проживающих в условиях высоких широт 16-20 лет ($n=87$); к 3-й группе были отнесены юноши, проживающие в условиях высоких широт более 20 лет ($n=36$).

Суточное мониторирование артериального давления (СМАД) проводили с помощью аппаратов «ShillerBR» (Switzerland) для анализа суточного профиля артериального давления (АД). Запись проводилась в автоматическом режиме с интервалом в 15 минут в дневное время суток (6 часов – 22 часа) и с интервалом 30 минут в ночное время (с 22 часов до 6 часов утра) в течение 24 часов. Исследование начиналось в 9 часов утра и заканчивалось через сутки. Пациенты вели индивидуальные дневники, где фиксировали свою активность в дневное время, а также время отхода ко сну и подъем.

Оценивали выраженность двухфазного ритма АД день-ночь по суточному индексу (СИ). По величине СИ выделили четыре группы пациентов:

- «dippers» – оптимальное ночное снижение АД;
- «non-dippers» – недостаточное ночное снижение АД;
- «over-dippers» – избыточное ночное снижение АД;
- «night-peakers» – устойчивое повышение ночного АД;

Систематизация материала выполнялась с применением программного пакета электронных таблиц Microsoft EXCEL, статистические расчеты с применением пакета программ «Statistic 6.0». Достоверность различий оценивалась с помощью парного t-критерия Стьюдента, U-критерия Манна-Уитни, χ^2 – Пирсона.

Результаты и их обсуждение

В молодом возрасте профиль АД характеризуется десинхронизацией суточных ритмов. Высока частота повышения пульсового артериального давления (ПАД), увеличения ЧСС [5]. Кроме того, в этом возрасте высока частота развития изолированной систолической артериальной гипертензии (ИСАГ), что, возможно, объясняется гиперкинетическим типом кровообращения, более выраженной тревожной реакцией САД, чем ДАД, и, как следствие – систолической гипертензией белого халата [6].

В диагностике кардиоваскулярных нарушений важную роль имеет определение двухфазного циркадного ритма АД (суточного профиля АД), что особенно важно для диагностики пограничных значений артериального давления [7], при которых традиционное 3-4-кратное измерение АД в амбулаторных условиях составляет менее чем микроскопическую часть от тысяч значений этого показателя, характеризующих 24-часовой профиль артериального давления [8].

Изучив степень ночного снижения систолического АД, мы выявили, что максимальное число юношей с нормальным снижением САД зарегистрировано в 1 группе (70%), минимальное – в 3 группе (42%)(таблица 1).

Таблица 1. Фенотипы суточного профиля систолического артериального давления

Типы СП по САД	Контрольная группа ($n=27$), абс. число (%)	Первая группа ($n=30$), абс. число (%)	Вторая группа ($n=87$), абс. число (%)	Третья группа ($n=36$), абс. число (%)
dippers	12 (44%)	21 (70%)	51 (59%)	15 (42%)
over-dippers	3 (12%)	3 (10%)	9 (10%)	3 (8%)

Типы СП по САД	Контрольная группа (n=27), абс. число (%)	Первая группа (n=30), абс. число (%)	Вторая группа (n=87), абс. число (%)	Третья группа (n=36), абс. число (%)
non-dippers	12 (44%)	3 (10%)	27 (31%)	18 [^] (50%)
- p (<0,05)				0,021
night-peakers	0	3 [^] (10%)	0	0
- p (<0,05)			0,028	

Примечание: [^] достоверность (p<0,05) различий по отношению к первой группе.

В первой группе было достоверно больше юношей с устойчивым повышением ночного АД («night-peakers»), суточный индекс у них имел отрицательное значение. Нарушение циркадного ритма систолического АД по типу «non-dippers» достоверно чаще встречалось у юношей 3 группы, проживающих в регионе высоких широт более 20 лет: у каждого второго юноши отсутствует ночное снижение САД, суточный индекс в этом случае менее 10%, а внешняя форма профиля без ночного углубления. Это, согласно данным литературы, создает предпосылки для раннего развития сердечнососудистых заболеваний [4].

При анализе степени ночного снижения диастолического АД в 3 группе достоверно в 3 раза чаще (в сравнении с 1 группой) встречались «dippers» пациенты, а в сравнении со 2 группой – достоверно больше юношей с повышением ночного АД (табл.2).

Таблица 2. Фенотипы суточного профиля диастолического артериального давления

Типы СП по ДАД	Контрольная группа (n=27), абс. число (%)	Первая группа (n=30), абс. число (%)	Вторая группа (n=87), абс. число (%)	Третья группа (n=36), абс. число (%)
dippers	15 (56%)	6 [°] (20%)	39 (45%)	27 (76%)
- p (<0,05)		0,015		
over-dippers	6 (22%)	15 [°] (50%)	27 (31%)	3 (8%)
- p (<0,05)		0,010		
non-dippers	6 (22%)	9 (30%)	21 (24%)	3 (8%)
night-peakers	0	0	0 [°]	3 (8%)
- p (<0,05)			0,047	

Примечание: [°] достоверность (p<0,05) различий по отношению к третьей группе.

Максимальное количество «over-dippers» юношей (50%) было зарегистрировано в 1 группе, что оказалось статистически достоверно больше, чем их число в 3 группе.

В 2009 году, согласно рекомендациям Всероссийского научного общества кардиологов, была принята классификация уровней АД. Так вот, согласно этой классификации, у каждого десятого юноши зарегистрировано высокое нормальное АД, а у каждого девятого была диагностирована артериальная гипертензия.

Юношей с изолированной систолической артериальной гипертензией выявлено не было.

Таблица 3. Характеристика уровней АД на основании результатов СМАД

Уровни АД	Контрольная группа (n=27), абс. число (%)	Первая группа (n=30), абс. число (%)	Вторая группа (n=87), абс. число (%)	Третья группа (n=36), абс. число (%)
Оптимальное АД	6 (22%)	18 (60%)	21 (24%)	15 (42%)
Нормальное АД	12 (44%)	9 (30%)	42 (48%)	18 (50%)
Высокое нормальное АД	3 (12%)	3 (10%)	9 (10%)	3 (8%)
АГ	6 (22%)	0*	15 (18%)	0*
- p (<0,05)		0,043		0,024

Примечание: * достоверно ($p < 0,05$) по отношению к контрольной группе.

Количество лиц с оптимальным, нормальным и высоким нормальным давлением сопоставимо во всех четырех группах. Из общего числа обследованных юношей преобладают лица с нормальным уровнем АД (удельный вес – 45%). Юноши с уровнем САД более 130 мм. рт. ст. и/или ДАД более 80 мм. рт. ст. встретились нам в контрольной и во 2 группе, но статистически достоверно чаще – в контрольной группе.

Заключение

Результаты исследования показали, что десинхронизация суточных ритмов артериального давления наиболее выражена в первой и третьей группах, то есть у юношей, длительно проживающих в условиях высоких широт (более 10 лет).

В этих группах выражена тенденция к парадоксальному повышению ночного артериального давления ночной гипертонии, причем в 1 группе – к повышению систолического АД, в 3 группе – к повышению диастолического АД.

Таким образом, выявленные кардиоваскулярные изменения, вероятно, возникли в ответ на адаптационную перестройку организма, проявления которой по мере возрастания длительности проживания в северном регионе усугубляются. Соответственно, уже в молодом возрасте у юношей призывного возраста можно спрогнозировать возможные сердечнососудистые нарушения и своевременно провести профилактику этих нарушений, которые ведут к раннему развитию артериальной гипертензии и цереброваскулярных заболеваний.

Литература

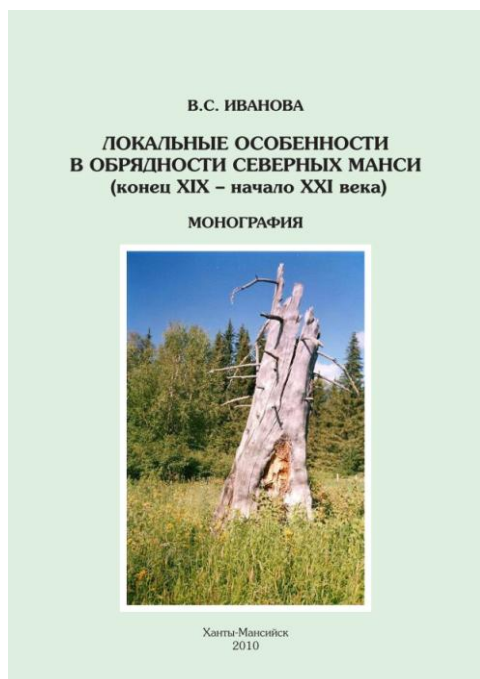
1. Авцын А. П., Жаворонков А. А., Марачев А. Г. и др. Патология человека на Севере // М. : Медицина. 1985.
2. Поликарпов В. С. Физиологические и клинические аспекты адаптации системы кровообращения на Крайнем Севере. Новосибирск, 1981. 198 с.
3. Фомин А. Н. Особенности формирования приспособительных реакций у пришлого населения на Севере : автореф. дис. ...канд. мед. наук. / Новосибирск, 2004. 24 с.
4. Запесочная И. Л., Автандилов А. Г. Особенности течения артериальной гипертензии в северных регионах страны // Клиническая медицина. 2008. № 5. С. 42–44.
5. Лебедькова С. Е., Чулис Т. М., Суменко В. В. и др. Суточный ритм артериального давления у подростков с артериальной гипертензией // Рос. педиатр. журнал. 2003. № 2. С. 25–30.
6. Ольбинская Л. И., Морозова Т. Е., Ладонкина Е. В. Особенности суточных ритмов артериального давления и его вариабельности у подростков с артериальной гипертензией // Кардиология. 2003. № 1. С. 40–43.

7. The Fourth Report on the Diagnosis, Evaluation, and Treatment of High Blood Pressure in Children and Adolescents / National High Blood Pressure Education Program Working Group on High Blood Pressure in Children and Adolescents // *Pediatrics*. 2004. V. 115. N 2. P. 552–576.
8. Carmona J., Vasconselos N., Amado P. et al. Blood pressure morning rise profile in hypertensive patients and controls evaluated by ambulatory blood pressure monitoring. *Abstr. Of the VIIth European meeting on hypertension*. 1992. P. 33.
9. Кобалава Ж. Д., Котовская Ю. В., Кобзев Р. Ю. Фенотипы артериального давления у молодых мужчин // *Кардиология*. 2009. С. 23–28.

References

1. Авсун А. П., Zhavoronkov A. A., Marachev A. G. i dr. *Patologija cheloveka na Sever* // М. : Medicina. 1985.
2. Polikarpov V. S. *Fiziologicheskie i klinicheskie aspekty adaptacii sistemy krovoobrawenija na Krajnem Severe*. Novosibirsk, 1981. 198 s.
3. Fomin, A. N. *Osobennosti formirovanija prisposobitel'nyh reakcij u prishlogo naselenija na Severe* : avtoref. dis. ...kand. med. nauk. Novosibirsk, 2004. 24 s.
4. Zapesochaja I. L., Avtandilov A. G. *Osobennosti techenija arterial'noj gipertonii v severnyh regionah strany* // *Klinicheskaja medicina*. 2008. № 5. S. 42–44.
5. Lebed'kova S. E., Chulis T. M., Sumenko V. V. i dr. *Sutochnyj ritm arterial'nogo davlenija u podrostkov s arterial'noj gipertenziej* // *Ros. pediatr. zhurnal*. 2003. № 2. S. 25–30.
6. Ol'binskaja L. I., Morozova T. E., Ladonkina E. V. *Osobennosti sutochnyh ritmov arterial'nogo davlenija i ego variabel'nosti u podrostkov s arterial'noj gipertenziej* // *Kardiologija*. 2003. № 1. S. 40–43.
7. The Fourth Report on the Diagnosis, Evaluation, and Treatment of High Blood Pressure in Children and Adolescents / National High Blood Pressure Education Program Working Group on High Blood Pressure in Children and Adolescents // *Pediatrics*. 2004. V. 115. N. 2. P. 552–576.
8. Carmona J., Vasconselos N., Amado P. et al. Blood pressure morning rise profile in hypertensive patients and controls evaluated by ambulatory blood pressure monitoring. *Abstr. Of the VIIth European meeting on hypertension*. 1992. P. 33.
9. Zh. D., Kotovskaja Ju. V., Kobzev R. Ju. *Fenotipy arterial'nogo davlenija u molodyh muzhchin*. // *Kardiologija*. 2009. S. 23–28.

РЕЦЕНЗИИ

Иванова В. С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XXI века). Ханты-Мансийск : Доминус, 2010. 282 с.

Монография посвящена выявлению и анализу специфических локальных черт в обрядовой культуре северных манси (северная Сосьва, Ляпин. верховья Лозьвы и Пельмы), подразделяющихся на более мелкие территориальные группы (см. с. 5–6).

Введение к книге (с. 4–27) содержит исторический очерк изучения этнографии манси и теоретическую основу исследования, в частности, понимание обряда и ритуала. Глава 1 «Мифологическая основа мировоззрения северных манси» (с. 28–88) представляет космогонию манси и устройство Вселенной, глава 2 «Периодические и окказиональные обряды» (с. 89–125) дает характеристики практики жертвоприношения манси и ка-

лендарной обрядности, а также тех обрядов, которые автор относит к окказиональным (обряды по случаю болезни, приезда гостя издалека, природных катаклизмов. падеже оленей, неудаче на промысле, несчастье в семье; обряды вблизи культовых мест). Глава 3 «Обряды жизненного цикла» (с. 126–211) посвящена родильной, свадебной и погребально-поминальной обрядовой практики. Заключение (с. 212–220) подводит итоги исследования, в Приложении (с. 248–276) приведены мансийские фольклорные тексты в записи автора с русским переводом, и список информантов (с. 279–281).

Несомненным достоинством главы 1 книги является изложение большого количества вариантов космогонических мифов манси (с. 29–39), снабженное ссылками на источники текстов, что существенно расширяет основы для сравнения мифологии обско-угорских народов, повышает надежность сведений и, что не менее важно, позволяет проследить и оценить диапазон варьирования мифов в границах этнической традиции. Столь же содержательны другие параграфы этой главы, представляющие состав мифологических персонажей-обитателей вселенной, структуру Вселенной в вариантах (с. 40–45), генеалогию божеств обско-угорского пантеона (с. 50–58), представлений о душах (с. 45–50), характер и состав которых, как кажется, существенно пополнен по сравнению с работами предшественников. В этой же главе (с. 62 и сл.) дается характеристика основных духов, почитаемых манси, описываются их святилища и существующая и известная по источникам обрядовая практика. В отдельных параграфах описаны представления манси о Верхнем мире опять же с перечислением пантеона манси (с. 76–80) и Нижнем мире (с. 80–88) также с характеристикой его обитателей.

Глава 2 монографии, посвященная собственно обрядовой практике, привлекает внимание описанием кровавых жертв (с. 90–102) которые, согласно другим авторам, занимали довольно скромное место в ряду жертвоприношений обско-угорских народов. В ней же находит свое место и описание святилищ, и непосредственно обрядов, в том числе и вариативности исполнения тех или иных обрядов.

Глава 3 «Обряды жизненного цикла» также содержит множество сведений о сверхъестественных существах – разнообразных духах, которые окружают манси и оказывают, по их воззрениям, влияние на их жизнь и благополучие. Так, абсолютно уместным выглядит изложение того, какую роль играют духи в деторождении и жизни женщины и новорожденного (с. 126–136), обряды, совершаемые над новорожденным. Подробно, в том числе с учетом социальных и имущественных отношений и действий, описана свадебная обрядность, почему-

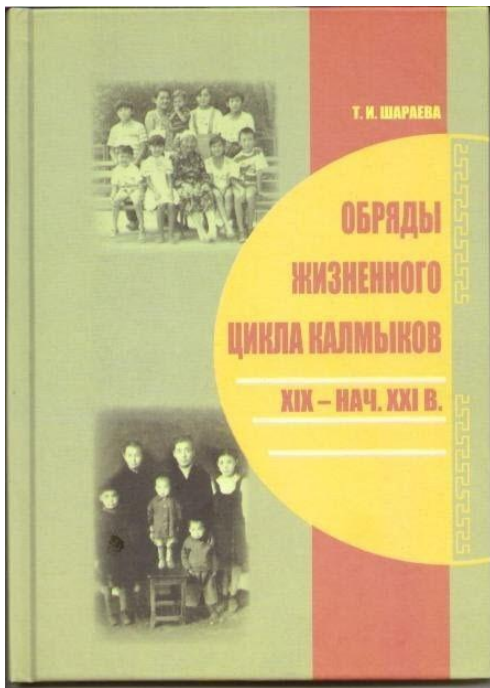
то ранее зафиксированная весьма недостаточно (с. 146), однако мы должны отметить, что в рецензируемой книге, как и в большинстве подобных исследований, ничего не говорится о том, как заключались и чем обставлялись повторные браки, браки, в которых хотя бы один их супругов имел семью ранее, браки между лицами более старшего возраста, нежели обычный возраст для вступления в брак у манси. Параграф, посвященный похоронной обрядности (с. 165–211), столь же содержателен: в нем изложены и представления о смерти, и разнообразные представления и действия, связанные с умершим, и похоронные обряды, и обряды, связанные с умершим и его присутствием среди людей до похорон. Сведения обо всех обрядах, которыми располагает автор, приводятся с максимальной полнотой и детализированностью, что не только гарантирует относительную полноту этнографической картины, но и позволяет судить о вариативности форм исполнения тех или иных обрядов, об обязательности и факультативности отдельных деталей или действий.

Заключение (с. 212–220) повторяет основные положения работы. Библиография, включающая 252 названия, охватывает практически все исследования по предмету и основные персоналии (И. Н. Гемуев, З. П. Соколова, Е. Г. Федорова, В. Н. Чернецов и др.), Полезно и приложение, включающее тексты на мансийском языке с переводом, представляющие записи автора и раскрывающие еще одно его профессиональное качество – качество знатока языка и фольклориста.

По исполнению и манере изложения книга В. С. Ивановой весьма удачна, по насыщенности – очень содержательна, по характеру подачи материала – достаточно объективна. Было бы весьма заманчиво сравнить изложенные в ней сведения о пантеоне манси, рассказы о духах, практике жертвоприношений с нашими обзорными характеристиками в книге «Вера в духов: сколько душ у человека» (СПб., «Азбука», 2007), но, к сожалению, эта книга в библиографии к труду В. С. Ивановой не указана.

Книга В. С. Ивановой – это не только заметный вклад в изучение обрядовой практики и традиционной духовной культуры манси. Это образец совершенно нового качества исследований по этнографии народов Сибири, выполненных представителями самих этих народов. Напомним, что и сами фигуры ученых из этой среды не без причин вызывали усмешки их соотечественников (см. повести Ю. Рытхэу «Полярный круг» и «След росوماхи»). Хотелось бы надеяться, что появление книги В. С. Ивановой – не единичный факт, что региональная наука о культуре и языках народов Сибири у нас на глазах обретает новое положительное качество.

Доктор филологических наук А. А. Бурыкин

Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX в. – нач. XX в.). Элиста : ЗАОР «НПП «Джангар», 2011. 223 с.

Рассматриваемая книга продолжает серию монографий по разным аспектам этнографии калмыков, выпускаемую Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН – мы имеем в виду недавно опубликованные книги Э. П. Бакаевой, С. Г. Батыревой, М. М. Батмаева, Е. Э. Хабуновой и других авторов.

Тема монографии Т. И. Шараевой относится по тематике к ставшей в наши дни модной после появления известной книги А. ван Геннена «Обряды перехода» (М., 2002) проблеме обрядов маркирующих разные периоды жизненного цикла человека в социуме средствами культуры этого социума в соответствии с этнической традицией.

Книга состоит из Введения, представляющего работу читателям и трех глав, посвященных соответственно родильной, свадебной и похоронно-поминальной обрядности калмыков.

Введение к книге (с. 3–17) весьма информативно, т. к. содержит основательную и насыщенную ссылками на литературу историю. Проблемы в контексте общего исследования этнографии калмыков и источников по этнографии калмыков, относящихся к XVIII–XIX вв.

Глава первая, посвященная родильной обрядности (с. 18–80), шире своего названия, в ней автор описывает представления, связанные с рождением ребенка в контексте религиозных воззрений калмыков, относящихся к наиболее архаичному пласту народных верований. Очень интересен параграф, посвященный современной родильной обрядности калмыков (с. 74 и сл.), по понятным причинам дистанцированной от традиционной акушерской практики (которая, как показывает исследовательница, оказывается довольно хорошо изученной у калмыков, в отличие от многих других народов). В этой главе автор специально обращает внимание на некоторые частности, которые нередко ускользают от внимания исследователей, слишком узко понимающих свою тематику – так, очень важны представления и действия, связанные с рождением близнецов (с. 57). Любопытно, что у калмыков имелся обычай брать и носить части одежды многодетной матери с целью обрести детей, в преобразованной форме сохраняющийся, до недавнего времени (с. 28, 75) – точно такой же обычай бытовал у чукчей (полевые материалы автора рецензии).

Глава 2 «Свадебная обрядность калмыков» (с. 81–142) насыщена фактическим материалом. Она, несмотря на то, что свадебная обрядность калмыков многократно освещалась в исследованиях по этнографии и фольклору, прежде всего в работах по обрядовой поэзии и «Джангару», достаточно оригинальна и информативна. Много места в ней уделено современной обрядовой практике калмыков (с. 134–142), связанной со свадьбой: хочется похвалить исследовательницу за систематическое и объемное представление этого этнографического материала, который по умолчанию редко когда рассматривается как нечто достойное внимания ученого-этнографа. В то же время механизмы преобразования традиционных представлений и обрядов, новые формы, содержательные элементы, возможности выбора действий из системы новых вариантов заслуживают пристального внимания как объект этнографии и культурологии.

Глава 3 «Похоронно-поминальная обрядность» (с. 143–193) открывается изложением представлений о жизненном цикле калмыков в контексте добуддийских и буддийских религиозных представлений. Здесь много интересного материала для сопоставления — например, инверсия свойств предметов в мире, куда уходят умершие, характерная для тунгусо-маньчжурских народов (с. 154), представления о пауке (с. 155), постепенное становление практики захоронения умерших в земле, прослеженное по источникам, (с. 168 и сл.), вынос тела умершего через отверстие около порога (с. 174, 175) – практика, широко распространенная у народов Азии и Америки. Подробно описана автором поминальная обрядность, опять-таки со вниманием к современному состоянию обрядовой практики.

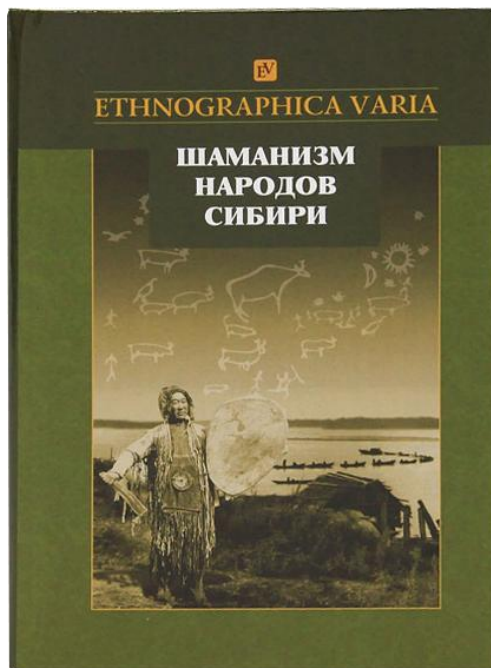
Заключение (с. 194–199) подводит итоги работы, автор обращает внимание на сходство обрядности калмыков с аналогичными практиками монгольских и тюркских народов. Следует отметить,

что в отличие от авторов многих трудов на аналогичные темы, Т. И. Шараева опирается на собственные материалы и на источники по этнографии калмыков, уделяя в основном тексте книги довольно скромное внимание соответствиям и аналогиям в культуре других народов, даже если они лежат на поверхности — это значимое достоинство рассматриваемой книги, получающей явное преимущество перед трудами, насыщенными материалами по культуре родственных или соседних народов, по умолчанию подаваемыми под девизом «и у нас такое тоже есть».

Замечания, которые можно было бы высказать по прочитанной книге Т. И. Шараевой, весьма немногочисленны, и как ни странно, они касаются второй главы работы, посвященной свадебной обрядности. Автор книги, кажется, несколько излишне увлеклась свадебной обрядностью как формой обрядов перехода, в то время как это единственный вид практик обрядов перехода, допускающий диалог объекта обрядов с другими членами сообщества и, что гораздо более важно, практика, для которой возможно повторение — в виде обрядности повторных браков. Нам известно, что при повторных браках обрядовая практика у калмыков приобретала упрощенный, свернутый характер (см. некоторые эпизоды в романе С. Балыкова «Девичья честь» (Элиста, 1993), ставшем полезным этнографическим источником). Некоторые детали свадебных обрядов в расширенном и не вполне традиционном формате были освещены в книге Н. В. Зорина «Русский свадебный ритуал» (М., 2001), и в особенности в рецензии А. М. Решетова на эту книгу [*рец.* Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. М., 2001. — 248 с.] // ЯЛИК, № 54, 2003, май. С. 14–15), где рассматриваются некоторые различия свадебной обрядовой практики у православных и у мусульман.

В целом книга Т. И. Шараевой оказывается ценным, информативным и полезным исследованием в области обрядовой практики калмыков, связанной с событиями жизненного цикла. Она занимает очень достойное место в ряду монографий по традиционной и современной культуре калмыков, выпущенных в республике Калмыкия за последние два десятилетия, и без сомнения будет полезна для этнографов-монголоведов и специалистов по социальной организации народов мира.

Доктор филологических наук А. А. Бурыкин

Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв. / сост. Т. Ю. Сем. Т. I–II. – изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Филологический факультет СПбГУ : «Нестор-история», 2011. 496 с.

Антология исследований, посвященных шаманству народов Сибири, подготовленная Т. Ю. Сем, выходит в свет вторым изданием. Она содержит перепечатки или объемные выдержки из классических трудов в области этнографии народов Сибири.

Среди тех, чьи сочинения представлены в издании – более 40 имен классиков отечественной этнографии и известных исследователей культуры народов Севера, Западной, Южной и Восточной Сибири, среди которых – И. А. Лопатин, Н. Н. Харузин, В. И. Анучин, Л. Я. Штернберг, В. Серошевский, И. А. Худяков, К. М. Рычков, В. Г. Богораз, Г. Н. Прокофьев, Б. Э. Петри, С. М. Широкогоров, Г. В. Ксенофонтов, Н. Л. Гондатти, П. П. Шимкевич, М. Н. Хангалов,

Том I издания включает Предисловие с заголовком «Мир шамана и ритуальные практики народов Сибири» (с. 3–22) и состоит из разделов «Феномен шаманства», «Психология шаманства», «Шаманский ритуал», отчасти напоминающих композицию нашей книги «Шаманы: те, кому служат духи» (СПб., «Азбука», 2007). Композиция второго тома не столь стройна: в нем выделены разделы «Уровни шаманских камланий – с подзаголовками «Лечебный ритуал», «Производственный ритуал», «Поминки». «Календарный ритуал» «Собственно шаманский ритуал», а также разделы «Шаманские тексты» (хотя в нем заключены не столько и не только сами тексты камланий шаманов), особую часть составляет небольшой раздел «Сибирские шаманы XVIII века» (работы И. Г. Георги, Г. Ф. Миллера, М. С. Палласа, Я. И. Линденау, С. П. Крашенинникова), заключительная часть с заголовком «Тунгусский шаманизм: истоки, символы, ритуалы (с. 269–456), завершаемая разделом «Научный путеводитель по шаманизму, а на деле – небольшим словарем терминов – написана или скомпонована из работ составительницы Т. Ю. Сем.

Рецензировать подобные издания – труд не слишком благодарный: работы Н. Н. Харузина, И. А. Лопатина, П. П. Шимкевича, В. Г. Богораза, В. И. Анучина не нуждаются в оценках, а труды С. М. Широкогорова, Л. Я. Штернберга и тех, кто, помимо обобщения итогов полевых наблюдений занимался теорией, имеют хорошее освещение в контексте истории этнографической науки. И все же такие издания всегда имеют свои объективные достоинства и столь же объективные недостатки. Любой квалифицированный пользователь – понятно, не тот, кто намагнетизирован одним только словом «шаманизм» на обложке – будет внимательно изучать двухтомник, смотря, чьи именно и какие именно работы в нем присутствуют. что в нем из известных классических трудов не представлено, какова информация об ученых, чьи труды помещены в антологию.

К достоинствам антологии, бесспорно, относится полнота имен специалистов по шаманству (мы избегаем термина «шаманизм», противопоставлять который термину «шаманство» – чистая схоластика, так как последнее слово давно уже не используется в значении «шаманское действо», какое оно имело в XIX веке), а также опыт классификации источников по темам внутри общей проблематики шаманства, реализованный в I томе. Сюда можно смело добавить хорошее полиграфическое оформление книги. Собственно, и все на этом...

Замечания, которые можно высказать по антологии, на удивление многочисленны. Из замечательной несколько не устаревшей и недавно переизданной в Тюмени книги В. М. Михайловского «Шаманство» в антологии воспроизведены всего три страницы – между тем этот уникальный труд, опубликованный в 1893 г. и недавно переизданный в Тюмени, наметил перспективы исследования феномена шаманства, включая проявления шаманства за пределами Сибири и Северной Америки на два грядущих столетия. Фрагменты работ С. М. Широкогорова не дают общего представления об исследовании шаманства, предпринятом этим ученым, и совсем странно – ничего не сказано о том, что труды ученого были не так давно переизданы в России (Широкогоров С. М. Этнографические исследования. Владивосток, 2001). Извлечение из книги А. Е. Дьякова «Анадырский край» тоже оформ-

лено невятно: статей у автора названного труда не было. Нет информации о монументальном труде В. В. Радлова «Из Сибири» (1989). Ничего нет из исследований виднейшего ученого А. А. Попова, составителя ценнейшей библиографии по шаманству (1932), ученого, чей труд «Камлания шаманов бывшего Вилуйского округа» (СПб., Новосибирск, 2006, 2-е изд. – 2008), как и его работы по этнографии долган и нганасан, не должен был бы остаться без внимания.

Заголовки второго тома антологии неудачны во всем объеме и во всех отношениях. Под «Уровнями шаманских камланий» составитель подразумевает предназначенность шаманских действий, их прагматику, при этом разные аспекты шаманского лечения, к примеру – изгнание духа болезни и поиск души больного в иных мирах – никак не раскрываются. Сложнейший ритуал проводов души умершего *каса*, который у нанайцев совершали самые сильные шаманы, подведен под рубрику «поминки». То, что представлено в рубрике «Шаманские тексты», есть не что иное, как разнородные пересказы и описания ритуалов: мы ожидали бы найти в этой части антологии что-то вроде текстов из книги «Алгыши тувинских шаманов» (Кызыл, 1995) – однако ничего похожего... Раздел, посвященный источникам по шаманству, относящимся к XVIII веку, также неудачен: книга Я. Линденау «Описание народов Сибири» (Магадан, 1983) названа статьей (т. II, с. 257), и в антологии даны выдержки из нескольких глав этой книги, не учтены такие источники, как «Описание Тобольского наместничества» (1982) и «Описание иркутского наместничества» (1988), труд Г. Новицкого «Краткое описание о народе остяцком» (1716 и ряд изданий), интереснейшие сочинения В. Ф. Зуева, возможно, воспроизводящие источники XVII века, нет описаний шаманских атрибутов и ритуалов, представленных в сочинениях моряков конца XVIII – первой половины XIX века: И. Биллингса, Г. А. Сарычева, Ф. П. Литке, Ф. П. Врангеля.

Почему-то части последнего, авторского раздела «Тунгусский шаманизм» все до единого подписаны именем «автора-составителя» Т. Ю. Сем – это сборник статей или главы монографии?

Их разбор – отдельная тема. При упоминании материалов Г. Миллера не учтены его интереснейшие наблюдения над практикой якутской шаманки, которые он и И. Г. Гмелин сделали в Якутске (См. Бурыкин А. А. Шаманы... СПб., 2007). Фраза «Тунгусское слово «шаман» (от глагола са- знать [распространенная грубейшая ошибка: в сравниваемых словах разные гласные – А. Б.] и тюркское название шамана «кам» и ритуал камлания связывают с санскритским (инд. [так у автора – А. Б.])) названием особого священника – *срамана* (с. 296) содержит такое число ошибок в фактах и сравнениях, что их нельзя сосчитать. Другой шедевр: «...название огня Гал/Кул (sic! – А. Б.) было известно амурским эвенкам и кур-урмийским нанайцам и имеет монгольское происхождение» (т. 2. с. 334). По-монгольски огонь – *гал*, но вторая форма черед косую черту к этому слову не может иметь никакого отношения. Еще пример: «Ж. К. Лебедева переводит имя старика Кагэна как «царь, повелитель, глава, начальник», а имя его сына Нюнгуй возводит к числительному «шесть» (с. 361). То, что *Кагэна* здесь, как и *каганкан* в бесчисленных эвенских сказках – титул, должность, а не имя, следовало бы знать – можно не знать того, что Нюнгэе тут тоже не имя, а должность – «воинский начальник, предводитель ополчения»; это сложно – но некогда именно эта пара определяла жизнь эвенских поселений. Кому нужны бессмысленные цитаты и пересказы типа «Ряд исследователей, например, Ю. Пенттикайнен (вообще-то Пенттикайнен – А. Б.) считают, что именно шаманизм является самым главным проявлением (sic! – А. Б.) культурной идентичности народа ...», в то время как Т. Булгакова полагает, что шаманизм занимает свое определенное место в системе традиционного мировоззрения и ритуальной практике народов как их часть» (т. 2. с. 317–318) – непонятно. Что такое «ССТМЯ 1971» в ссылке (т. 2, с. 335)? «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» вышел в 1975 и 1977 годах, но при ссылках на него надо указывать страницу и столбец – иначе там даже цитируемое слово найти нельзя. Заключение с заголовком «Современный взгляд на проблемы шаманства: к психологии пути «знания» (т. 2. с. 439–450) представляет проблематику, освещенную в собственных этюдах и книге, в перепутанном виде – читатель должен помнить или знать, что специализация шаманов и их занятия у разных (даже тунгусских) народов варьировались, а уровни посвящения шаманов почти всегда являются конструктом впадающих в экстаз шаманологов: в этом разделе собраны пассажи и фразы, относящиеся к чему угодно, только не к шаманству тунгусских народов.

Наконец, в антологии вовсе нет материалов, относящихся к шаманству ненцев, народов Таймыра (нганасаны, энцы, долганы), хакасов, тувинцев.

Краткая информация об авторах, продублированная в единообразном виде в обоих томах (т. I, с. 483–487; т. II, с. 469–473) по существу бесполезна и свидетельствует только о минимальном допуске профессиональной эрудиции автора. В этом разделе следовало бы дать сведения об основных трудах исследователей и указания на издания, из которых сделаны извлечения для антологии – эти сведения даны в подстраничных примечаниях в начале каждой статьи антологии и в конце тома II

(с. 458–460), при этом не указываются наличествующие переиздания (как для книги В. М. Михайловского), не указаны переиздания трудов С. М. Широкогорова, при публикации отрывков не всегда дается название статьи, откуда они взяты – так, у Л. Я. Штернберга нет специальной статьи «Сексуальное избранничество» в известном сборнике статей 1933 г., и кем за авторов придуманы кокетливые названия статьям антологии – можно только гадать на специальном корякском камне, подвешенном на жильной нитке... Насмешкой над наукой выглядит цитирование труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» по популярному дайджесту 1948 года (Том 2, с. 265) при наличии авторитетнейшего издания 1949 года и репринтного двухтомного издания 1994 года. При описании книги В. Серошевского «Якуты» (с. 2, с. 63 и 459) дважды указано – (СПб., 1996) – на деле же эта книга вышла первым изданием в Петербурге в 1896 году, а вторым – в Москве в 1993 году. Непонятно, С. М. Суслов (т. 2, с. 287) и И. М. Суслов, чей текст есть в антологии – это одно лицо или два разных человека. Почему известная книга Г. Р. Галдановой «Доламиаистские верования бурят» (1987) названа «Дошаманские верования бурят» (Т. 2, с. 462) – неясно. В Оглавлении тома I (с. 493–494) мы видим одного автора, поименованного то как В. Г. Богораз, то как В. Г. Богораз-Тан. В библиографию по шаманству не попала книга К. Леви-Строса «Печальные тропики» с ее просто роскошным описанием шаманов у племени бороро в Бразилии, программная работа Е. С. Новик «Фольклор – обряд – верования: Опыт структурно-семиотического изучения текстов устной культуры». (Автореф докт. дисс. М., 1996), книга А. В. Корнеева «Шаманизм» М., 2008: серия «Религии мира»), интереснейшая книга В. Федорова «Тайны вуду и шаманизма» (М., 2005) с ее оригинальными и весьма интересными материалами по шаманству в Якутии и его восприятию. Оставлены без внимания работы Е. Т. Пушкаревой, в частности книга «Картина мира в фольклоре ненцев» (Екатеринбург, 2007), в сносках и в библиографии дважды и по разному искажена фамилия религиоведа Д. М. Угриновича.

Выходные данные антологии на обороте титула не совпадают с данными на титульных листах томов. На последних, кстати, инициатор издания Т. Ю. Сем поименована «автор-составитель», в то время как в первых мы видим скромное и куда более подходящее «Сост.».

Вызывают некоторое недоумение и имена рецензентов издания (А. А. Петров и И. Л. Набок, оба – Институт народов Севера РГПУ им. Герцена). Понятно, такие специалисты, как Д. А. Функ, В. И. Харитонова, Е. В. Ревуненкова или А. Б. Островский наверняка поспособствовали бы улучшению издания, однако не льстили бы составительскому самолюбию...

Антология «Шаманизм народов Сибири» – издание, безусловно, полезное, но полезно оно в первую очередь его автору-составителю. Остальным пользователям приходится прикладывать довольно много труда для того, чтобы получить полные сведения об издании и изданиях того или иного исследования, подумать над полнотой антологии и потренировать память – вспомнить тех исследователей, чьи труды не включены в антологию, и те публикации по теме, найти которые она, увы, не может.

Доктор филологических наук А. А. Бурыкин

НАШИ АВТОРЫ

Айварова Нина Геннадьевна

Кандидат психологических наук
Доцент кафедры педагогики и психологии
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Россия
ninaajvarova@yandex.ru

Nina G. Aivarova

Associate Professor of Pedagogy and
Psychology Department
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
ninaajvarova@yandex.ru

Богутская Ирина Николаевна

Кандидат филологических наук
Преподаватель
Колледж русской культуры
им. Знаменского
Сургут, Россия
ork-hmao@mail.ru

Irina N. Bogutsky

College of Russian culture of Znamensky
Surgut, Russia
ork-hmao@mail.ru

Бурыкин Алексей Алексеевич

Доктор филологических наук
Ведущий научный сотрудник Словарного
отдела
Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия
albury@rambler.ru

Alexey A. Burykin

Doctor of Philology,
Senior scientist of the Vocabulary department
Institute of linguistic researches of the Russian
Academy of Science
St.-Petersburg, Russia
albury@rambler.ru

Водясова Любовь Петровна

Доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой мордовских языков ФГБОУ
ВПО «Мордовский государственный педа-
гогический институт им. М. Е. Евсевьева»,
Саранск, Россия
LVodjasova@yandex.ru

Lyubov P. Vodyasova

Doctor of Philology, Professor, Head of De-
partment of Mordovian Languages
Mordovian State Pedagogical Institute named
after M. E. Evseyev
Saransk, Russia
LVodjasova@yandex.ru

Вологжанина Нина Анатольевна

Заведующая отделением функциональной и
ультразвуковой диагностики
Муниципальное бюджетное учреждение
здравоохранения «Клиническая городская
поликлиника № 1
Сургут, Россия
v.nina.a@mail.ru

Nina A. Vologzhanina

Head of the hospital section of functional and
ultrasonic diagnostics
Clinical municipal polyclinic № 1,
Surgut, Russia
v.nina.a@mail.ru

Ершов Михаил Федорович

Кандидат исторических наук
Доцент кафедры истории
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Россия
asb-bsa @ mail.ru

Mihail F. Ershov

Candidate of historical sciences
Associate professor of History sciences chair
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
asb-bsa@mail.ru

Железнова Анна Кадышевна

Психолог Отделения социальной помощи
семье и детям (ОСПСиД)
Комплексный центр социального обслужи-
вания (КЦСО) «Зеленоградский»
Москва, Зеленоград, Россия

Anna K. Zheleznova

Psychologist of Department of Social Assis-
tance to Families and children
Zelenogradsky Complex Center of Social
Service
Moscow, Russia

annazelgrad@rambler.ru

Кашлатова Любовь Васильевна

Руководитель Березовского филиала Обско-угорского института прикладных исследований и разработок
пгт. Березово, ХМАО – Югра, Россия
ouipir@mail.ru

Козлова Любовь Анатольевна

Аспирант кафедры медицинской и биологической химии
Ханты-Мансийская государственная медицинская академия
Ханты-Мансийск, Россия
lyubov.kozlova2011@yandex.ru

Козырева Татьяна Викторовна

Кандидат социологических наук
Доцент кафедры философии и социально-политических наук
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Россия
kozireva_t@mail.ru

Косинцева Елена Викторовна

Кандидат филологических наук
Доцент кафедры филологии
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Россия
Kosintseva_elena@mail.ru

Кудряшова Александра Артуровна

Кандидат филологических наук
Доцент кафедры специальной педагогики и психологии
Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова
Москва, Россия
AleksHvan@yandex.ru

Корчина Инна Владимировна

Кандидат медицинских наук
Старший научный сотрудник
Ханты-Мансийская государственная медицинская академия
Ханты-Мансийск, Россия
dr.korchina_inna@mail.ru

Корчина Татьяна Яковлевна

Доктор медицинских наук
Ханты-Мансийская государственная медицинская академия

annazelgrad@rambler.ru

Lubov V. Kashlatova

Head of Berezovsk branch of Obsko-Ugorsky Institute of the Applied Research and Studies
Berezovo, Russia
ouipir@mail.ru

Lubov A. Kozlova

Graduate student of chair of medical and biological chemistry
Khanty-Mansiysk State Medical Academy
Khanty-Mansiysk, Russia
lyubov.kozlova2011@yandex.ru

Tatiana V. Kozyreva

Candidate of sociology
Associate professor of philosophy and social and political sciences chair
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
kozireva_t@mail.ru

Elena V. Kosintseva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of chair of philology
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
Kosintseva_elena@mail.ru

Alexandra A. Kudrjashova

Candidate of Philology sciences
The associated professor of the Special psychology and pedagogics chair
Moscow university named after M. Sholokhov
Moscow, Russia
AleksHvan@yandex.ru

Inna V. Korchina

Candidate of Medical sciences
Khanty-Mansiysk State Medical Academy
Khanty-Mansiysk, Russia
dr.korchina_inna@mail.ru

Tatiana Ya. Korchina

Doctor of Medical sciences
Khanty-Mansiysk State Medical Academy
Khanty-Mansiysk, Russia

Ханты-Мансийск, Россия
t.korchina@mail.ru

Кузьменко Анастасия Петровна
Аспирант кафедры медицинской
и биологической
Ханты-Мансийская государственная
медицинская академия
Ханты-Мансийск, Россия
anastasiykuzmenko@yandex.ru

Кушникова Галина Ивановна
Кандидат педагогических наук
Доцент кафедры медико-биологических
дисциплин и безопасности жизнедеятельно-
сти
Сургутский государственный педагогиче-
ский университет
Сургут, Россия
kushga@mail.ru

Лельхова Федосья Макаровна
Кандидат филологических наук
Старший научный сотрудник
Обско-угорский институт прикладных ис-
следований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
lelhovafm@ yandex.ru

Попова Марина Алексеевна
Доктор медицинских наук, профессор
Заведующая кафедрой госпитальной
терапии
Сургутский государственный университет
Сургут, Россия
m_a_popova@mail.ru

Попова Светлана Алексеевна
Кандидат исторических наук
ведущий научный сотрудник отдела Исто-
рия, археология и этнография
Обско-угорский институт прикладных ис-
следований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
rusina-popova@yandex.ru

Семенов Александр Николаевич
Доктор педагогических наук, профессор
Заведующий кафедрой журналистики
и литературы
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Россия
alin52@fron.ru

t.korchina@mail.ru

Anastasia P. Kuzmenko
Postgraduate of the medicobiological
department of State medical academy
of Khanty-Mansiya
Khanty-Mansiysk, Russia
anastasiykuzmenko@yandex.ru

Galina I. Kushnikova
Candidate of pedagogical sciences
Associate professor of the department of medi-
co-biologic disciplines and life safety
State pedagogical university of Surgut
Surgut, Russia
kushga@mail.ru

Fedosia M. Lelkhova
Candidate of Philology sciences
Obsko-Ugorsky Institute of the Applied
Research and Studies
Khanty-Mansiysk, Russia
lelhovafm@ yandex.ru

Marina A. Popova
Grand PhD, professor of Medicine
Head of the chair of Hospital therapy
Surgut State University
Surgut, Russia
m_a_popova@mail.ru

Svetlana A. Popova
The candidate of historical sciences leading
the scientific employee of a department Histo-
ry, archeology and ethnography
Obsko-Ugorsky Institute of the Applied Re-
searches and Studies
Khanty-Mansiysk, Russia
rusina-popova@yandex.ru

Alexander N. Semenov
Doctor of Pedagogical sciences, professor
Ugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
alin52@fron.ru

Семенова Валентина Владимировна
Доцент кафедры журналистики
и литературы
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Россия
alin52@fron.ru

Valentina V. Semenova
Docent of Journalism and Literature chair
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
alin52@fron.ru

Соловар Валентина Николаевна
Кандидат филологических наук
Доцент
Заведующая лабораторией по созданию
учебно-методических комплексов
Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
solovarv@rambler.ru

Valentina N. Solovar
Candidate of philological sciences
Docent
Head of Laboratory for creation of
educationnal and methodical complexes
Obsko-Ugorsky Institute of the Applied Re-
searches and Studies
Khanty-Mansiysk, Russia
solovarv@rambler.ru

Сорокун Ирина Владимировна
Кандидат биологических наук
Старший преподаватель кафедры медико-
биологических дисциплин и безопасности
жизнедеятельности
Сургутский государственный педагогиче-
ский университет
Сургут, Россия
Sorokuniv70@mail.ru

Irina V. Sorokun
Candidate of pedagogical sciences
Senior lecturer of the department of medico-
biologic disciplines and life safety
State pedagogical university of Surgut
Surgut, Russia
Sorokuniv70@mail.ru

Сподина Виктория Ивановна
Кандидат исторических наук
Директор
Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
ouipiir@mail.ru

Victoriya I. Spodina
Candidate of historical sciences
Director
Obsko-Ugorsky Institute of the Applied
Researches and Studies
Khanty-Mansiysk, Russia
ouipiir@mail.ru

Сязи Виктория Львовна
Младший научный сотрудник
Учреждение Ханты-Мансийского автоном-
ного округа – Югры «Музей природы и че-
ловека»
Ханты-Мансийск, Россия
190387@rambler.ru

Victoriya L. Syazi
Junior researcher, curator of historic collec-
tions of household
Establishment of the Khanty-Mansiysk Au-
tonomous Okrug – Ugra «Museum of Nature
and Man»
Khanty-Mansiysk, Russia
190387@rambler.ru

Ткачук Наталья Витальевна
Научный сотрудник отдела социально-
экономического развития и мониторинга
Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
ouipiir@mail.ru

Natalia V. Tkachuk
The research assistant of Department of Social
and Economic Development and Monitoring
Obsko-Ugorsky Institute of the Applied
Researches and Studies
Khanty-Mansiysk, Russia
ouipiir@mail.ru

Хакназаров Саидмурод Хамдамович

Кандидат геолого-минералогических наук
Руководитель отдела социально-экономического развития и мониторинга
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
S_haknaz@rambler.ru

Харамзин Терентий Герасимович

Доктор социологических наук
Главный научный сотрудник отдела социально-экономического развития и мониторинга
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
kharamzin@mail.ru

Харамзин Владимир Терентьевич

Научный сотрудник
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
v_kharamzin@mail.ru

Чистякова Ольга Анатольевна

Кандидат педагогических наук
Доцент кафедры педагогики и психологии
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Россия
ChOA2612@yandex.ru

Шиянова Анастасия Антоновна

Научный сотрудник, лаборатория по разработке учебно-методических комплексов для изучения языка и литературы коренных малочисленных народов Севера
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия
SyaziA@mail.ru

Ямбарцев Валерий Александрович

Аспирант кафедры медико-биологических дисциплин и безопасности жизнедеятельности
Сургутский государственный педагогический университет
Сургут, Россия
yambartzev@yandex.ru

Saidmurod Kh. Khaknazarov

Candidate of geological and mineralogical sciences
Head of Socioeconomic Development and Monitoring Department
Obsko-Ugorsky Institute of the Applied Researches and Studies
Khanty-Mansiysk, Russia
S_haknaz@rambler.ru

Terenty G. Kharamzin

Doctor of sociological sciences
Obsko-Ugorsky Institute of the Applied Researches and Studies
Khanty-Mansiysk, Russia
kharamzin@mail.ru

Vladimir T. Kharamzin

The research assistant
Obsko-Ugorsky Institute of the Applied Researches and Studies
Khanty-Mansiysk, Russia
v_kharamzin@mail.ru

Olga A. Chistyakova

Candidate of pedagogical sciences,
Senior lecturer
Ugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
ChOA2612@yandex.ru

Anastasiya A. Shiyanova

The scientific employee, laboratory for development of educational-methodical complexes studying language and the literature of indigenous people of the North
Obsko-Ugorsky Institute of the Applied Researches and Studies
Khanty-Mansiysk, Russia
SyaziA@mail.ru

Valery A. Yambartcev

Graduate student of chair of medical and biologic disciplines and health and safety
Surgut State Pedagogical University
Surgut, Russia
yambartzev@yandex.ru

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ МАТЕРИАЛОВ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас принять участие в научном журнале «Вестник угроведения»

Журнал принимает материалы по следующим направлениям:

1. филология (финно-угроведение, языкознание, литературоведение);
2. педагогика и психология;
3. философия, социология, политология;
4. история, этнография, археология;
5. история науки.

Подготовленные с учетом всех требований материалы научной статьи (рукопись статьи и сопроводительные документы к ней) должны быть запечатаны в конверт формата А4, на котором указывается адрес редакции: Россия, 628011, Тюменская область, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14 А, каб. 305.

Электронная версия рукописи и сопроводительные документа к ней представляются по электронной почте издателя: Vestnikugr@yandex.ru.

К статье должны обязательно прилагаться:

1. сведения об авторе (отдельный файл)
2. рецензия на статью (отдельный файл)
3. отзыв научного руководителя (для аспирантов, соискателей)

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

Оформление текста статьи:

- Объем рукописи не менее 0,5 п.л (20 тысяч печатных знаков), не более 1 п.л. (40 тысяч печатных знаков).
- Поля: слева и справа – по 2 см., снизу и сверху – по 2 см.
- Основной текст статьи набирается в редакторе Word.
- Шрифт основного текста – Times New Roman.
- Текст набирается 14 кеглем, междустрочный интервал – 1,5 (полуторный).
- Для однородности стиля не используются шрифтовые выделения (курсив, подчеркивание и проч.).
- Отступ первой строки абзаца – 1 см.
- Сложные формулы выполняются при помощи встроенного редактора WinWord редактора формул MS Equation 3.0.
- Формулы располагаются по центру колонки без отступа, их порядковый номер указывается в круглых скобках и размещается в колонке (странице) с выключкой вправо. Единственная в статье формула не нумеруется. Сверху и снизу формулы не отделяются от текста дополнительным интервалом.
- Для ссылок на формулы в тексте используются круглые скобки – (1), на литературные источники – квадратные скобки [1].
- Библиографический список приводится 12 кеглем в конце статьи строго по порядку упоминания в тексте после слова «Литература».
- Ссылка на библиографический источник состоит из двух цифр, заключенный в квадратные скобки, первая из которых – это порядковый номер в библиографическом списке статьи, вторая – это номер страницы в источнике. Цифры разделяются между собой запятой. Например, [1, 48].
- Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw 11.0.
- Графики, рисунки и фотографии вставляются в текст после первого упоминания о них в удобном для автора виде.
- Подрисуночные подписи (12 кегль, обычный) даются под иллюстрациями по центру после слова «Рис.», с порядковым номером; Заголовок таблицы дается сверху таблицы 12 кеглем жирно по центру с порядковым номером. Единственный рисунок, таблица в тексте не нумеруется.
- Для набора текстов на финно-угорских языках используется шрифт PT Serif.

- Статья должна содержать:
 - код УДК,
 - название статьи на русском и английском языках;
 - ФИО автора (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, название организации, где выполнена работа, на русском и английском языках и электронный адрес;
 - аннотацию статьи (не менее 500 печатных знаков, но не более 800 печатных знаков) на русском и английском языках;
 - ключевые слова (не более 12 слов) на русском и английском языках.
- В конце статья подписывается автором после слов «Публикуется впервые».

Пример оформления статьи

Заглавие (на русском языке)
Заглавие (на английском языке)

УДК

Автор: Фамилия, имя, отчество полностью, ученая степень, ученое звание, должность, название организации, где выполнена работа – в именительном падеже, город, страна (на русском языке); электронный адрес;

Фамилия, имя, отчество полностью, ученая степень, ученое звание, должность, название организации, где выполнена работа – в именительном падеже, город, страна (на английском языке); электронный адрес;

Аннотация. (на русском языке)

Summary. (аннотация на английском языке)

Ключевые слова: (на русском языке)

Key words: (ключевые слова на английском языке)

Текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи, текст статьи...

Литература

1. (12 кегль)

2. (12 кегль) ...

References (транслитерация)

1. (12 кегль)

2. (12 кегль) ...

Публикуется впервые _____ (подпись автора)

Дата

Пример оформления библиографических ссылок

1. Описание книги одного автора.

Для книг необходимо указать следующие данные: автор (авторы), название, город и название издательства, год издания, количество страниц. Описание книги начинается с фамилии автора, если книга имеет не более 3-х авторов. Перед заглавием пишется только первый автор. *Например*, Зверев В.П. Федор Глинка – русский духовный писатель. М.: Пашков дом, 2002. 544 с.

2. Описание книги 4 и более авторов.

Описание книги начинается с заглавия, если она написана четырьмя и более авторами. Все авторы пишутся только в сведениях об ответственности. При необходимости их количество сокращается. Так же дается описание коллективных монографий, сборников статей. *Например*, Обские Угры: научные исследования и практические разработки: матер. Всерос. НПК. Ханты-Мансийск, 29.11-2.12.2006 г. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. 512 с.

3. Описание статьи из журнала

Для статьи из журнала нужно указать авторов статьи, название статьи, название журнала, год, номер выпуска и страницы начала и окончания статьи. *Например*, Лагунова О.К. Ис-

тинная цена воли (О романе Е.Д. Айпина «Божья Мать в кровавых снегах» / О.К. Лагунова // Врата Сибири. – 2006. – № 1(18). – С. 202-215.

4. Описание статьи из многотомного издания

Например, Асмус В. Метафизика Аристотеля // Аристотель: соч. в 4-х т. М., 1975. – Т. 1. – С. 5-50.

5. Описание диссертаций

Например, Лагутов В.Б. Жанр исторической баллады в русской поэзии 1790-1830 гг.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1971. 179 с.

6. Описание авторефератов диссертаций

Например, Абашева Д.В. Братья Языковы в истории русской литературы и фольклористики: автореф. дисс... докт. филол. наук. Чебоксары, 2000. 52 с.

7. Описание электронных научных изданий

Для электронных источников нужно указать практически те же данные, что и для журналов: автор, название статьи, название сайта (или раздела сайта) и адрес URL. В записи обязательно должен присутствовать текст [*Электронный ресурс*]. *Например*, Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. научн. пед. интернет-журн. 21.10.03.

URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.07).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

На русском языке

ФИО автора 1 (полностью)	
Ученая степень, звание	
Должность	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и тел.	
Код научной специальности	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	

На английском языке:

Author 1 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
E-mail:	
Title of article	
Abstract	
Keywords	

Научно-теоретический и методический журнал

ВЕСТНИК УГРОВЕДЕНИЯ

*Выпуск 4 (7),
2011 год*

Журнал "Вестник угроведения" зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-45532 от 16 июня 2011 г.

Оригинал-макет подготовлен ООО «Доминус»

Подписано в печать 29.12.2011
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 25. Тираж 1000 экз.
Заказ № 31.

Отпечатано в ИП Шепелев
628012, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Ханты-Мансийск, ул. Крупской, 26